

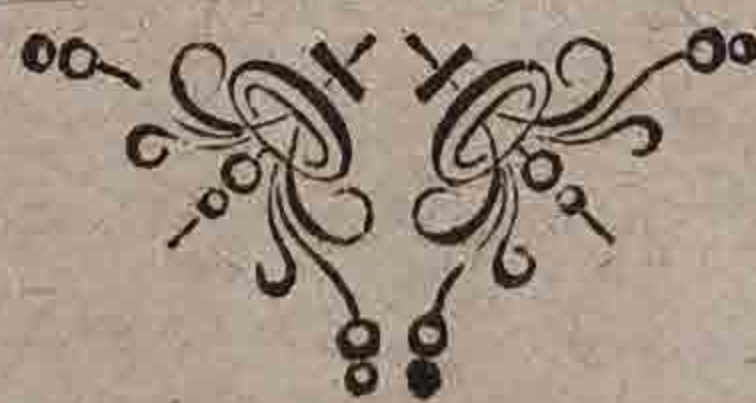
зала 38
шкафъ
полка
№

42
729

П. Красовскій.

Юрьевъ и Юрьевскій университетъ.

Очерки, замѣтки и воспоминанія
юрьевскаго студента.

РИГА.

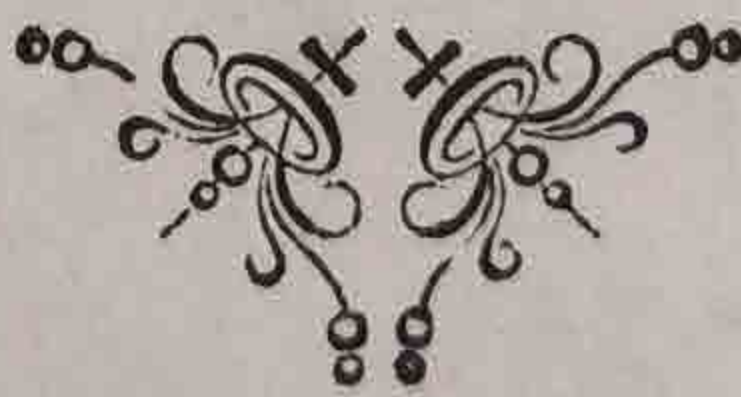
Типо-литографія В. П. Матвѣева.

1904.

П. Красовскій.

Юрьевъ и Юрьевскій университетъ.

Очерки, замѣтки и воспоминанія
юрьевского студента.

РИГА.

Типо-литографія В. П. Матвѣева.

1904.

Л. Юркович

Юркович Л. Юркович
Юркович Л. Юркович

Дозволено Цензурою. — Рига, 5 декабря 1903 года.

Юркович Л. Юркович
Юркович Л. Юркович

Рига
Юркович Л. Юркович

Городъ студентовъ.

Литература.

- *К. Случевскій*. Балтійская сторона. т. III. 1888.
- *Будиловичъ А. С.* Историч. замѣтка о рус. Юрьевѣ стараго времени въ связи съ житіемъ св. Исидора и 72 Юрьев. мучениковъ. Ю. 901 г. Ц. 1 р., тоже въ „Сб. Уч.—Лит. Общ. Юр. у—та“. IV т.
- *Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова*. Прибалтійскій вопросъ. Т. VI. М. 87 г.
- *50-лѣтній юбилей Юрьевского ветеринарнаго института* 14 января 1898 г. Изд. института подъ ред. проф. К. Гаппиха и доц. Я. Неготина. Юрьевъ. 98 г. 115 стр.
- *О зданіи мировыхъ судебныхъ установленій въ Юрьевѣ*. Ю. Г. 93 г. № 97.
- *Открытіе* учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университет. „Сѣв. Вѣстн.“ 98, іюнь—іюль.
- *Столяровъ М. Н.* Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина. „Сб. Уч.-Л. общ.“ II т. Ю. 99 г. *Его-же*. Н. М. Языковъ въ Дерптѣ. Тамъ-же.
- *Авдѣевъ*. Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ. Дерптъ и его окрестности. 1842.
- *Арнольдъ Ю. К.* Воспоминанія I—III вып. М. 92—93 г. (О студ. жизни I в. стр. 112—169).

— *Будиловичъ А. С.* Историч. замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Юрьев. ун—та „Ж. М. Н. Пр.“ 95 г. сент. и отдѣльно. Спб. 95 г.

— *Онъ-же.* Юрьев. ун—тъ. (Справка къ „Отвѣту“ Г. ф. Эттингена). Рига. 98.

— *Онъ-же.* Нѣсколько данныхъ и сообщеній объ успѣхахъ рус. языка въ Юрьев. ун—тѣ въ истекающемъ столѣтіи. „Сб. Уч.-Л. общ.“ III т. Ю. 900 г.

— *Эттингенъ ф. Г.* Отвѣтъ ректора Дерпт. ун—та ректору Юрьев. ун—та. „Спб. Вѣд.“ 97 г. № 71.

— *Онъ-же.* Еще о Дерпт. и Юрьев. ун—тѣ. „Спб. Вѣд.“ 97. г. № 142.

— *Юрьевъ.* Очеркъ И. М. Эйзена. „Нива“ 97 г. № 11.

— *Бумаринъ Ѡ.* Прогулка по Ливоніи. Сочиненія, III ч. Спб. 36 г.

— *Казусный диспутъ* въ Юрьевскомъ ун—тѣ „Нов. Время“ №№ 8839 и 8928.

— *Васильевъ С. М.* Отчетъ о дѣятельности медиц. клиники при И. Ю. ун—тѣ. „Уч. Зап.“ 93 г. №№ 2 и 4, 94 г. № 2.

— *Очеркъ* исторіи Дерптскаго университета, со времени основанія его въ 1802 г. М. Х. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1853 г. Ч. 77, стр. 35—48 и ч. 79, стр. 13—28.

— *Празднованіе* 50-лѣтняго юбилея Дерптскаго ун—та. „Журн. Мин. Нар. Прав.“ 1853 г. Ч. 77. № 2, стр. 49—52.

— *Письма* къ брату изъ Дерпта въ Москву. „Сѣв. Пчела“. 1833. № 141.

— *Число* учащихся въ Дерптскомъ унив. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1834. Ч. 4 № 11.

— *Замѣчаніе* и отвѣтъ. „Сѣв. Пч.“ 1846. № 214.

— *Выписка* изъ генеральнаго отчета о состояніи Имп. Дерптскаго унив. и его учебнаго округа, за 1822 г. „Журн. Деп. Нар. Просв.“ 1824. Ч. 10, стр. 186—215.

— *Состояніе* Дерптскаго университета въ 1833 г. „Сѣв. Пчела“. 1834 г. № 59 и 60.

— *Въ Эстонской Швейцаріи* (Наброски случайнаго туриста). М. Н. С. „Истор. Вѣстн.“ 1900 г., 8.

— *П. Д. Боборыкинъ*. „Въ путь дорогу“, ром.

— *Корпорации* и корпоранты. Н. П. „Риж. Вѣстн.“ 1897 г. №№ 233 и 234.

— *Воспоминанія* гр. В. А. Соллогуба. Спб. 87 г.

— *Зеленинъ Д. К.* Студенчество стараго Дерпта. „Вѣстн. Всем. Ист.“ 1901 г. № 3.

— *Врангель Ф.* Нашъ балтійскій вопросъ. Спб. 82 г.

— *А. Чумиковъ*. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ. „Рус. Ст.“ 1890 г. № 2.

— *Гуляевъ А. М.* Памяти О. Ф. Мейкова. „Уч. Зап. Юр. ун—та. 94 г. № 1.

— *Студенческія безчинства* въ Дерптѣ. *Е. Чешихина*. „Рус. Арх.“ 1887 г. № 10.

— *Дерптъ* и его ун—ть. Жив. рус. библ. 1 т. № 39.

— *Лавреукиій М.* Городъ студентовъ. Д. 92 г.

— *Дерптскій ун—ть*. „Рус. Педагог. Вѣстн.“ 60 г. 1 т.

— *О студенческой жизни* въ Дерптѣ. Спб. 91 г.

— *Камаровскій гр. Л. А.* Бульмерингъ А., некрологъ. „Ю. В.“ 90 г. № 11.

— *Имп. Дерпт. ун—ть*. Прилож. къ всепод. отчету М—ра Н. Пр. за 68 г. „Ж. М. Н. Пр.“ 70 г. февр.

— *Краткій отчетъ* И. Д. (Ю.) ун—та за 92—900 г. „Уч. Зап.“ 93 г. № 1, 94 г. № 1, 95 г. № 1, 96 г. № 1, 97 г. № 2, 98 г. № 1, 900 г. № 1 и 5, 901 г. № 1.

— Харузинъ Алексѣй. По поводу брошюры „О студенч. жизни въ Дерптѣ“. М. 92 г.

— Левинскій Г. В. Астрономы Юрьевск. ун—та съ 2 по 94 г. „Уч. Зап.“ 900 г. № 2.

— Невзоровъ А. С. Преподаваніе и литература (на русскомъ языкѣ) мѣстнаго права Прибалтійскихъ губ. Изъ лекціи, прочитанной 12 Сентября 1901 г. въ И. Ю. ун—тѣ. „Уч. Зап.“ 901 г.

— Осиповъ А. Въ странѣ бароновъ. „Воскр. св.“ 1899 г. № 43—44.

— Манасеинъ В. Нѣсколько словъ о дерпт. студентахъ. „Рус. Рѣчь“ 61 г. № 12.

— Онъ-же. Быть рус. студентовъ въ Дерпт. ун—тѣ. „Рус. Рѣчь“ 61 г. № 57.

— „Дерптѣ“ — словарь Плюшара.

— Мардарьевъ М. Е. Письма и записки Г. Ф. Паррота къ Имп. Александру I и Николаю I. „Рус. Стар.“ 95 г. апр., 98 г. июль, ноябрь.

— Н. Ч. Дерпт. ун—тѣ и его корпораціи. „Спб. Вѣд.“ 69 г. №№ 349 и 353.

— *Die Deutsche Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und der Gegenwart.* Leipzig F. A. Brockhaus. 1882.

— *Allgemeine Encyclopedie der Wissenschafte und Künste.* I. S. Ersch und I. Gruber. Leipzig, 1836.

— *Hausmann.* Aus der Geschichte der Stadt Dorpat. Dorpat, 1872.

— Н-въ. Ун—тѣ Дерпт. и Юрьев. „Рус. Вѣстн.“ 95 г. ноябрь.

— *Студенческія* корпораціи при Юрьев. ун—тѣ. Рига 1901 г.

— *О безпорядкахъ*, произведенныхъ нѣкоторыми студентами Дерпт. ун—та предъ квартирою пр.-доц. Валькера „Ж. М. Н. Пр.“ 69 г. № 10.

— *Семеновъ П. П.* Балтійскія провинціи и Финляндія. Спб. 83 г.

— *Обзоръ дѣятельности И. Д. ун—та за 2—65 г.*

— *Плѣтуховъ Е. В.* Кафедра русскаго языка и словесности въ Юр. ун—тѣ „Уч. Зап.“ 900 г. № 4.

— *Онъ-же.* Латино-Шведскій ун—тѣ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII в. „Ж. М. Н. Пр.“ 1901 г. май; см. также „Прав. Вѣстн.“ 1901 г. №№ 140 и 141.

— *Пироговъ Н. И.* Посмертныя записки „Рус. Ст.“ 85 г. XLV т. Соч. Спб. 87 г.

— *Пятковскій А.* Воспомин. дерпт. студента. „Библ. для чтенія“ 59 г. № 9; 60 г. № 4.

— *Пфафъ Г.* Статист. матеріалы для опредѣленія общественнаго положенія лицъ, получившихъ образованіе въ И. Д. ун—тѣ съ 2 по 62 г. Спб. 62 г.

— *Кречетовъ П. И.* Юрьевскія корпораціи. „Орлов. Вѣстн.“ 1896 г. № 15.

— *Онъ-же.* Черты общественной жизни въ Прибалтійскомъ краѣ. „Рус. Богат.“ 96 г. № 9.

— *Онъ-же.* Письма изъ Юрьева. „Орл. Вѣстн.“ 96 г. №№ 241, 242, 296, 308, 333 и 338.

— *Онъ-же.* Юрьевскій ун—тѣ „Орл. Вѣстн.“ 96 г. № 15 и 318.

— *Онъ-же.* Изъ жизни юрьевскихъ корпорантовъ. „Риж. Вѣстн.“ 97 г. №№ 151 и 176.

— *Онъ-же.* Празднованіе юбилея студенческой корпораціи. „Смол. Вѣстн.“ 97 г. № 183.

— *Онъ-же.* Корреспонденціи въ „Петерб. Вѣдом.“, „Сѣв. Кур.“, „Бирж. Вѣдом.“ и мн. др.

— *Дѣло о статуѣ р. Рейнъ.* „Вѣстн. Права“ 99 г. ноябрь.

— *Невзоровъ А. С.* По поводу дѣла о статуѣ р. Рейнъ.
„В. Пр.“ 99 г. дек.

— *Изъ Юрьева.* „Рус. Об.“ 96 г. №№ 3 и 6.

— *Юрьевъ.* „Моск. Вѣд.“ 96 г. № 106 (говорится о
корпораціяхъ).

— *Арфа* подлѣ кружки. Сборникъ любимѣйшихъ
студенч. пѣсенъ. Рига 1890 г.

Городъ студектовъ.

(Очерки и замѣтки изъ жизни г. Юрьева).

Юрьевъ (б. Дерптъ) — уѣздный городъ Лифл. губ., въ 323 в. отъ Спб., 876 отъ Москвы и 245 отъ губ. гор. Риги; расположенъ на р. Эмбахѣ при дорогѣ изъ Петербурга въ Ригу, подъ $58^{\circ} 21' 47''$ сѣв. шир. и $44^{\circ} 23' 51''$ вост. долготы отъ Ферро.

Прошлая судьба г. Юрьева оч. интересна.

Великій князь Ярославъ, названный во святомъ крещеніи Юріемъ, покорилъ Чудь и въ 1030 г. въ покоренной землѣ на р. Эмбахѣ, называвшейся тогда Амовжей или Омовжей, основалъ городъ, назвавъ его своимъ именемъ. Чудь, знавшая по слухамъ о татарскихъ набѣгахъ на Русь, смѣшивала татаръ съ русскими, и прозвала Юрьевъ „Тартулиномъ“ (татарскимъ городомъ). Въ древнихъ латинскихъ и нѣмецкихъ источникахъ мы встрѣчаемъ еще слѣд. названія Юрьева: Tarbatum, Darbeta, Darpte, Derpt; наши же старинные акты и лѣтописи знаютъ исключительно Юрьевъ, Юрьевского бискупа, Юрьевскій берегъ, Юрьевскую волость, Юрьевскихъ жителей или просто Юрьевичей. ¹⁾

Покоривъ Чудь, Ярославъ не сталъ насильно навязывать этому народу христіанство, а предоставилъ ему вѣро-

¹⁾ А. Будиловичъ. „Истор. зам. о русс. Юрьевѣ“. „Сб. Уч.-Лит. Общ. при Имп. Юр. ун-тѣ.“ Т. IV.

вать, какъ онъ вѣровалъ и раньше, и позволилъ ему имѣть собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, которые, какъ говоритъ преданіе, были въ одно время судьями и палачами, т. е. осудивъ кого-либо, сами и казнили.

По сказаніямъ древнѣйшаго ливонскаго лѣтописца Генриха Латыша, германскіе пришельцы въ XII в. нашли на берегахъ Зап. Двины, въ странѣ Ливовъ и Латышей, двухъ русскихъ удѣльныхъ князей изъ дома Полоцкаго, власть коего была такъ общепризнана, что первый проповѣдникъ римскаго вѣроученія въ Ливоніи и первый епископъ ея, Мейнгардъ, въ 1186 г. счелъ за нужное съѣздить въ Полоцкъ, для испрошенія у тамошняго князя Владиміра разрѣшенія на дѣло проповѣди. До такой степени берега Зап. Двины считались достояніемъ Руси. Владиміръ позволилъ Мейнгарду проповѣдывать среди язычниковъ христіанство, не предвидя ничего дурного со стороны папъ. Но дерзкіе пришельцы скоро сбросили съ себя личину смиренія. Такъ какъ язычники плохо поддавались новому ученію, то папа Александръ III объявилъ крестовый походъ противъ язычниковъ, жившихъ на берегахъ р. Двины, обѣщавъ всѣмъ идущимъ противъ нихъ вѣчное спасеніе; начальники надъ этими паломниками начали называться епископами, и одинъ изъ нихъ Альбрехтъ (Альбертъ) Аппельдернъ положилъ начало государственной организаціи нѣмецкой колоніи на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Явившись въ 1207 году ко двору императора Филиппа, онъ получилъ Ливонію въ качествѣ лена Имперіи. Впослѣдствіи такими же имперскими князьями сдѣлались епископы Дерптскій, Эзельскій и Курляндскій. При Альбрехтѣ Рижская епископія пріобрѣла церковную самостоятельность. Тогда же возникла и была осуществлена мысль объ основаніи въ Ливоніи особаго Ордена въ интересахъ распространенія христіанства среди фин-

скихъ и литовскихъ племенъ. Члены этого новаго Ордена, какъ видно изъ буллы папы Иннокентія III, назывались братьями христіанскаго рыцарства (*fratres Christi militiae*). Они получили статутъ Ордена Тамплиеровъ, а въ качествѣ отличительнаго отъ послѣднихъ знака нашивали на бѣломъ плащѣ, кромѣ краснаго креста, такого же цвѣта мечъ¹⁾, вслѣдствіе чего получили прозваніе меченосцевъ. Члены Ордена дѣлились на три класса: рыцарей, священниковъ и оруженосцевъ. Кромѣ обычныхъ трехъ монашескихъ обѣтовъ (послушанія, безбрачія и бѣдности), рыцари и оруженосцы давали обѣтъ постоянной борьбы съ язычниками. Во главѣ Ордена стоялъ магистръ, избираемый членами изъ числа рыцарей. Только при особенно важныхъ случаяхъ магистръ обязанъ былъ созывать собраніе членовъ или Орденскій капитулъ²⁾.

Меченосцы двинулись на Юрьевъ, принадлежавшій къ удѣлу, которымъ правилъ мужественный Вячко. Русскіе вмѣстѣ съ Чудью обороняли городъ отъ непріятеля, но не могли противостоятъ его силѣ и всѣ почти пали подъ мечами рыцарей. Жившая въ окрестностяхъ Юрьева и Ревеля Чудь вступила въ ожесточенную борьбу съ пришельцами, обратилась за помощью къ русскимъ князьямъ въ Псковъ и Новгородъ, и общими усиліями отбила назадъ Юрьевъ, но не надолго. Въ 1224 г. епископъ рижскій Альбертъ усмирилъ возставшую Чудь и снова покорилъ Юрьевъ, основалъ въ городѣ епископство, присоединивъ къ нему земли, находившіяся на двѣ мили вокругъ города. Самое названіе города

1) Bunge, Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, B. I. p. 23: Regulam quoque fratrum militiae Templi servantes, aliud in habitu signum praeferent, ut ostendant, se illis nequaquam esse subiectos.

2) А. Н. Ясинскій. „Причины паденія древней Ливоніи“. „Уч. Зап. Юр. ун-та“ 98 г. № 3.

„Дерпт“ (Dörpt, Dörpat) объясняют даже отъ Dörfern (Dörfern) — деревни, которыя были присоединены къ Дерптскому епископству.

Юрьевъ былъ организованъ въ особаго рода теократическую республику, первымъ государемъ которой былъ епископъ Германъ, родной братъ знаменитаго Альбрехта. Проф. А. С. Будиловичъ говоритъ, что съ XIII в. въ прибалтійскихъ областяхъ были и другія подобныя теократіи, каковы, напр., епископства Эзельское, Эстляндское, Семгальское, а во главѣ всѣхъ — архіепископство Рижское. Но изъ всѣхъ этихъ теократическихъ республикъ едва ли не самое выдающееся значеніе, наряду съ Рижскою, имѣло епископство Юрьевское, существовавшее непрерывно болѣе трехъ вѣковъ, до завоеванія Юрьева войсками Грознаго въ 1558 г. Оно было какъ бы аванпостомъ Рима и германизма на берегахъ Чудскаго озера, а вмѣстѣ связующимъ звеномъ между сѣверными и южными областями латинонѣмецкой Прибалтики. Специальной же цѣлью нѣмецкаго Юрьева было — парализовать вліяніе въ этихъ и смежныхъ краяхъ нашего стараго Пскова ¹⁾).

Дерптское независимое епископство существовало 314 лѣтъ, отъ перваго епископа Германа фонъ Аппельдерна до послѣдняго Германа Вейланда. Эта эпоха есть самая блестящая въ исторіи Дерпта, который достигъ высшей степени могущества и богатства. Епископы, однакожъ, сами не вмѣшивались вовсе во внутреннее управленіе. Они довольствовались податью, и, для удовлетворенія своего честолюбія, предводительствовали войскомъ во время раздоровъ, ими же возбуждавшихся. Магистратъ Дерпта, по примѣру имперскихъ городовъ, имѣлъ право произносить

¹⁾ „Если, — говоритъ проф. Будиловичъ, — мы сравнимъ наши прибалтійскія теократіи съ ихъ прирейнскими прототипами и сопоставимъ, положимъ, архіепископство Рижское съ Майнцскимъ, а епископство Семгальско-Курляндское съ Трирскимъ, то Юрьевское пришлось бы сопоставить съ Кельнскимъ“. А. Будиловичъ. „Ист. зам. о рус. Юрьевѣ“.

безапелляционные смертные приговоры и чеканить монету съ городскимъ клеймомъ. Главною причиною могущества Дерпта было то, что онъ принадлежалъ къ числу городовъ ганзейскаго саюза, и былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ изъ Россіи по Чудскому озеру. Поэтому въ немъ находилась верфь для строенія судовъ. Здѣсь также былъ коллегіумъ для образованія юношества и приготовленія его къ занятію духовныхъ должностей въ цѣлой Ливоніи.

До половины XVI в. въ Дерптѣ было до 50 тыс. жителей, такъ что не должно казаться большимъ преувеличеніемъ утвержденіе лѣтописей, что отъ моровой язвы, бывшей въ епископское правленіе, погибло въ городѣ 15 тыс. человекъ „безъ примѣтнаго ущерба въ народонаселеніи“.

Русскій путешественникъ XV в., Симеонъ Суздальскій пишетъ о Дерптѣ слѣд.: „Градъ же сей Юрьевъ великъ и каменъ, нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны; намъ же невѣдящимъ таковыхъ дивляшеся. Церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садове красны. Церкви христіанскія двѣ, святой Никола и святой Юрій“.

Дерптъ процвѣталъ и богатѣлъ подъ властью епископа, и пришельцы съ запада стали исключительными вершителями судебъ города. Въ 1272 г. епископъ Алекссандръ, соединившись съ Ливонскимъ гермейстеромъ Роденштейномъ, объявилъ открытую войну Россіи. Русскіе нашииномъ, убили Роденштейна, а его самого убили, и голову разбили войска епископа, а его самого убили, и разграбили епископство до самыхъ стѣнъ города. Эти набѣги, повторяемые весьма часто, заставили преемника Александра, епископа Фридриха построить замокъ Нейгаузенъ, на русской границѣ. Затѣмъ Дерптскіе епископы, пользуясь тогдашними смутными обстоятельствами Россіи,

спокойно царствовали на рубежѣ Россіи, почти 200 лѣтъ, до вступленія на Московскій престолъ великаго князя Іоанна Васильевича. Въ это время епископы ссорились съ своими земляками. Однажды, въ 1396 г., гермейстеръ Веннемаръ потребовалъ отъ Дерптскаго епископа Дитриха II, чтобы онъ платилъ Ордену подать, или отказался отъ епископства. Дитрихъ отвергъ требованіе Ордена, призвалъ на помощь русскихъ, литовцевъ и самогитовъ, и началъ войну. Союзники Дитриха были разбиты гермейстеромъ на Чудскомъ озерѣ. Дитрихъ примирился съ гермейстеромъ и, хотя разбитъ былъ на войнѣ, не заплатилъ дани.

Благодаря тому, что Ярославъ, покоривъ Ливонію, не сталъ утверждать въ ней православіе насиліемъ, жители ея подпали въ религіозномъ отношеніи подъ власть папы, особенно, когда на этой землѣ основался Орденъ Ливонскихъ Рыцарей, которые и начали проповѣдывать среди язычниковъ католичество. Православіе же со своей стороны также распространялось среди нихъ, такъ какъ первые жители г. Юрьева были русскіе; но все-таки первенствующей религіей сдѣлалось католичество, которое угнетало православіе. Въ 1463 г. Іоаннъ III заключилъ договоръ съ Дерптскимъ епископомъ, обязавшимся оказывать въ Дерптѣ покровительство православнымъ и то держать по старинѣ и по стариннымъ грамотамъ“.

7 января 1474 г. священникъ Исидоръ съ вѣрующими отправился на воду для совершенія молебствія, бискупъ или князь, самъ католикъ или латынянинъ, какъ называли его православные, велѣлъ ихъ всѣхъ взять и привести къ себѣ.

Онъ началъ ихъ уговаривать оставить православную вѣру и перейти въ латинство, обѣщая имъ за это всякія награды. Но не смотря ни на что, поучаемые св.

Исидоромъ, православные отказались; тогда бискупъ велѣлъ посадить ихъ всѣхъ въ темницу; здѣсь св. Исидоръ утверждалъ ихъ въ вѣрѣ и обѣщалъ за страданіе земное радость и награду небесную; всѣ заключенные внимали его словамъ и молились. На другой день бискупъ опять призвалъ ихъ и опять увѣщевалъ перейти въ латинство, грозя въ случаѣ сопротивленія мученіями; но всѣ были тверды и рѣшались лучше умереть, чѣмъ отступить отъ своей вѣры и получить вѣчное страданіе. Тогда бискупъ велѣлъ бросить ихъ въ воду, въ рѣку Омовыжу (Эмбахъ). Когда заключенныхъ повели къ рѣкѣ, гдѣ православныхъ подвергали утопленію, св. Исидоръ продолжалъ поучать ихъ. Въ числѣ осужденныхъ находилась одна мать съ ребенкомъ 3-хъ лѣтъ, латыняне взяли у нея дитя и сами несли его на рукахъ. По совершеніи казни, ребенокъ, не видя матери, началъ плакать, и солдаты хотѣли его утѣшить, но вдругъ онъ вырвался изъ ихъ рукъ, бросился къ рѣкѣ и сказалъ: „не хочу быть съ вами, хочу умереть, какъ умерла мать и священникъ Исидоръ“, и съ этими словами ребенокъ бросился въ воду, гдѣ и принялъ мученическую кончину. Весной, когда растаялъ снѣгъ, тѣла всѣхъ 73 мучениковъ нашли на берегу рѣки, не далеко отъ города, нетлѣнными, они лежали подъ деревомъ всѣ вмѣстѣ и посрединѣ было тѣло священномученика Исидора ¹⁾. Съ тѣхъ поръ св. Исидоръ считается покровителемъ города Юрьева. ²⁾

¹⁾ Сказаніе сіе, составленное по благословенію Митрополита Макарія въ XVI вѣкѣ іеромонахомъ Варлаамомъ, находится въ рукописныхъ сборникахъ Московской Синодальной библиот. и библиот. Сергіевой Лавры.

²⁾ Свящ. Исидоръ и съ нимъ 72 православныхъ въ XVI ст. на соборѣ Московскомъ, по благословенію митр. Макарія, были причислены къ лику святыхъ, и по его же благословенію была составлена служба св. Исидору

Гдѣ находятся теперь тѣла мучениковъ — неизвѣстно; также въ Юрьевѣ не осталось ни одной древней православної церкви, всѣ онѣ были разрушены католиками и впоследствии лютеранами. Быть можетъ археологическія изысканія помогутъ обрѣсти мощи святыхъ и найти древніе остатки православія.

Въ 1481 г. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ вторгнулся съ войскомъ въ Ливонію, и началъ войну опустошеніемъ дерптскаго епископства. Гермейстеръ Плетенбергъ призналъ право русскаго Государя надъ Дерптскою землею и заключилъ мирный договоръ на 50 лѣтъ; онъ постановилъ, чтобы епископъ платилъ русскому князю ежегодно по 10 денегъ съ души. Въ первый годъ Дерптское епископство заплатило ему подать, но впоследствии, видя Россію занятую внутри войнами, пренебрегло условіе, и, не отказывая явно въ платежѣ, уклонялось молчаніемъ или медлило подъ разными предлогами. Во время этого 50-ти-лѣтняго перемирія, возникла въ Ливоніи реформація, поддерживаемая дворянствомъ или рыцарями и купечествомъ, вопреки главному духовенству. Въ 1525 г., нѣкто Мельхіоръ Гофманъ, изъ Швабіи, началъ проповѣдывать реформацію въ Дерптѣ. Самъ Лютеръ писалъ къ Дерптскому магистрату и гражданамъ посланіе, въ которомъ увѣщевалъ ихъ отклониться отъ папской власти. Проповѣди Гофмана имѣли большой успѣхъ. Епископъ повелѣлъ заключить его въ темницу, но дерптскіе граждане взбунтовались, овладѣли замкомъ, гдѣ имѣлъ мѣстопробываніе фогтъ или губернаторъ города,

(хранящаяся въ библіотекѣ св. Синода, въ С. П. Б. въ рукописи за № 155, стр. 90) и исправлена владимірскимъ архіепископомъ Сергіемъ. Память св. Исидора съ 1898 года торжественно празднуется 3 Января. См. „Св. Исидоръ, Юрьевскій мученикъ.“ Д. С. 1895 г.; „Первоклассный Пск. печ. монастырь“. Островъ 1893 г., стр. 8; „Истор. замѣтка о русскомъ Юрьевѣ“ А. Будиловича, стр. 22.

отъ имени епископа освободили плѣнника, ворвались въ католическія церкви, содрали со стѣнъ иконы и сожгли ихъ на площади.

Не взирая на введеніе лютеранскаго исповѣданія въ Дерптѣ, епископу оставлена свѣтская власть. Его признали властелиномъ земли и города въ качествѣ удѣльнаго князя, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ вѣротерпимость.

Въ 1553 году кончился пятидесяти-лѣтній миръ и Іоаннъ Грозный началъ вооружаться на Ливонію, за неплатежъ дани. Орденъ выслалъ пословъ, вмѣстѣ съ послами Дерптскаго епископа, просить пятнадцати-лѣтняго мира, обѣщаясь платить впередъ дань исправно, и сверхъ того уплатить недоимку, которая составляла, по тогдашнему счету, двѣ бочки золота: Іоаннъ согласился. Вмѣсто приготовленія дани, епископъ и рыцари начали готовиться къ войнѣ. Іоаннъ съ своей стороны удвоилъ усилія, и Ливонцы, уstraшенные предстоящею опасностію, собрали 60.000 талеровъ и послали къ Царю. Іоаннъ не успокоился этимъ слабымъ торжествомъ, и въ 1558 году вступилъ въ Ливонію съ сильнымъ воинствомъ, раздѣленнымъ на три части. Земли Дерптскаго епископства первые подверглись опустошенію. Восемьдесятъ тысячъ Русскихъ осадили замокъ Нейгаузенъ, который защищаль отрядомъ храбрый Иксуль въ продолженіи шести недѣль.

Замокъ достался русскимъ, и воевода князь Петръ Ивановичъ Шуйскій подступилъ къ Дерпту. Городскія стѣны были въ самомъ дурномъ состояніи. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, 2000 наемныхъ нѣмцевъ защищали городъ. Русскіе, пользуясь густымъ дымомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы,

ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ сдаться. Послѣ шестинедѣльной осады заключена была капитуляція: городъ сдался 18 іюля, на условіи пощадить жизнь своихъ обитателей. Епископъ Германъ Вейландъ былъ отосланъ въ Москву, гдѣ и кончилъ жизнь въ бѣдности; съ нимъ кончилось и Дерптское независимое епископство, въ 1559 году.

Въ 1561 году въ Дерптѣ скончался любимецъ Царя Іоанна Грознаго, Адашевъ.

Дерптъ оставался 24 года во власти русскихъ. Между тѣмъ рушился Ганзейскій Союзъ, и Дерптъ, переставъ быть складочнымъ мѣстомъ товаровъ, лишился вовсе торговли. Новое бѣдствіе вскорѣ постигло его жителей. Іоаннъ Грозный, прогнѣвавшись на Перновскихъ жителей, замышлявшихъ предать городъ полякамъ, излилъ мщеніе свое на всѣхъ нѣмцевъ. Жители Дерпта увлечены были въ неволю, во внутренность Россіи; большая часть дворянства кончила жизнь въ темницахъ.

Вскорѣ одно маловажное обстоятельство навлекло на Дерптъ новыя бѣдствія. Въ службѣ русскаго царя находились два Дерптскіе дворянина, Таубе и Крузе, которые пріобрѣли его довѣренность. Іоаннъ послалъ ихъ въ Эстляндію съ тайными порученіями, подговорить Ревельскихъ жителей отказаться отъ шведскаго владычества и передаться русскимъ. посланные, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи и боясь мщенія Іоаннова, вступили въ службу польскаго короля, которому обѣщали предать свое отечество, Дерптъ. Сигизмундъ далъ имъ двѣ роты солдатъ, расположенныхъ поблизости Дерпта, и они вошли въ перговоры съ окрестными дворянами и жителями города, недовольными русскимъ владычествомъ. Таубе и Крузе, съ своими двумя ротами, подступили

ночью къ городу и убили русскаго часоваго, овладѣли воротами и ворвались на главную площадь. Въ первомъ замѣшателствѣ множество русскихъ было побито. Нападающіе отворили городскія темницы и, подкрѣпленные отчаянными толпами преступниковъ и недовольныхъ, распространили повсюду смерть и ужасъ. Русскихъ искали вездѣ и умерщвляли безпощадно. Русскія женщины спасли городъ. Жены и дочери убитыхъ, возбужденныя мщеніемъ, взобрались на крыши домовъ и начали бросать въ убійцъ камнями и черепицами. Нападающіе смѣшались. Остальные русскіе, скрывшіеся отъ неистовыхъ, бросились на нихъ съ топорами и рогатинами: воины подоспѣли на помощь изъ замка; настало ужасное кровопролитіе по улицамъ города; русскіе, думая, что всѣ нѣмцы участвуютъ въ измѣнѣ, умерщвляли всѣхъ безпощадно, безъ различія возраста и пола. Тѣхъ, которые скрылись отъ перваго мщенія, отослали въ ссылку во внутренность Россіи, и городъ совершенно опустѣлъ. Это случилось въ 1571 году.

По миру, заключенному Іоанномъ со Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году, Дерптъ достался Польшѣ.

Въ это время іезуиты, управлявшіе Польшею, завели и въ Дерптѣ свой коллегіумъ. Усилія Сигизмунда III къ водворенію торговли въ Дерптѣ были тщетны: обстоятельства перемѣнились и Дерптъ упалъ.

Когда настала война между шведскимъ королемъ Карломъ IX и польскимъ Сигизмундомъ III за наслѣдство престола, для Дерпта настали смутныя времена. Въ 1600 г. 27 декабря шведы взяли штурмомъ этотъ городъ. Въ 1603 году поляки отняли его послѣ продолжительной осады. Въ 1607 году шведы снова подступили къ Дерпту, и, опустошивъ его окрестности и изнуливъ голодомъ жителей, отступили безъ успѣха. Въ довершеніе всѣхъ этихъ

бѣдъ, ужасная язва распространилась въ Дерптѣ и его окрестностяхъ, въ 1624 году, и большая часть жителей, уцѣлѣвшая отъ меча и голода, истреблена заразою.

Въ 1625 году шведскій король Густавъ Адольфъ покорилъ Дерптъ, послѣ восьмидневной осады. Іоаннъ Скитте, бывшій наставникъ Густава Адольфа, назначенный генераль-губернаторомъ Ливоніи, избралъ Дерптъ средоточіемъ правосудія и просвѣщенія: основалъ здѣсь всѣ судилища гражданскія и духовныя, и въ 1630 году гимназію, которой учителя имѣли титулы профессоровъ. Скитте основалъ въ Дерптѣ университетъ, который вмѣстѣ съ консисторіею трудился надъ переводомъ книгъ Священнаго писанія и псалмовъ на эстонскій и латышскій языки, образованіемъ предикатовъ, учителей и заведеніемъ народныхъ школъ.

Когда Карль X, вторгшійся въ Польшу и Литву, вздумалъ присоединить къ своему королевству нѣкоторыя польскія области, Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ спокойно смотрѣть на возвышающееся могущество Швеціи: 40,000 русскихъ приступило къ Дерпту, который, по короткой защитѣ, сдался на капитуляцію, въ 1656 г.; при этомъ гарнизону, чиновникамъ и университету дано было позволеніе выступить изъ города. Это вторичное пребываніе Дерпта во власти Россіи длилось всего только пять лѣтъ, послѣ чего, въ 1661 г., городъ перешелъ по миру обратно къ Швеціи и черезъ 43 года снова и окончательно завоеванъ Россіей.

Покорителемъ Дерпта явился самъ Петръ I, самолично управлявшій осадой и овладѣвшій городомъ 13 Юля 1704 г. Дерптъ, храбро защищавшійся шведскимъ полковникомъ Скитте, сдался на капитуляцію и гарнизонъ взятъ военноплѣннымъ.

Четыре года спустя послѣ завоеванія Дерпта русскими, городъ, еще не успѣвшій вполне оправиться отъ разоренія, снова постигло бѣдствіе. Обвиненные комендантомъ Нарышкинымъ въ умыслѣ измѣны, жители были наказаны привычнымъ Дерпту наказаніемъ—сосланы въ заточеніе внутрь Россіи. Весь магистратъ и бюргеры были отправлены въ Вологду, но не мало было и казнено. Дерптъ снова обратился въ запустѣніе, и въ теченіе шести лѣтъ по улицамъ обезлюдившаго города „жили гады и хищные звѣри“. Въ 1714 г. насталь конецъ этимъ жестокостямъ, жители были возвращены изъ ссылки, былъ образованъ магистратъ, возобновлены прежнія привилегіи; кромѣ того, была дана городу главнѣйшая привилегія—жители его могли свободно и спокойно жить, безъ опасности подвергнуться вдругъ по винѣ нѣсколькихъ преступныхъ лицъ массовому выселенію чуть-ли не на край свѣта. И городъ сталъ оправляться отъ полуторовѣковаго грома побѣдъ, торговля стала оживать.

Но на смѣну людскимъ опустошеніямъ явились стихійныя, и Дерптъ за время съ 1760 по 1776 г. нѣсколько разъ былъ опустошаемъ пламенемъ. Особенно сильны были пожары въ 1763 и 1775 г. Императрица Екатерина II пришла оба раза на помощь населенію, въ первый разъ построивъ зданія жителямъ, а въ 1775 г., въ виду страшныхъ размѣровъ бѣдствія, отпустивъ городу въ заемъ 100,000 р. сер. на 10 л. безъ процентовъ для постройки домовъ.

Какъ было уже выше сказано, блестящія времена Дерпта относятся ко времени его принадлежности къ ганзейскому союзу. Послѣдовавшіе затѣмъ штурмы и осады не только подорвали въ корнѣ благосостояніе города, но и сдѣлали излишнимъ всякое городское управленіе, такъ какъ не кѣмъ и не для чего было управлять—

жители пребывали въ ссылкѣ, въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Интересно сопоставленіе цифръ населенія Дерпта съ 1550 г., т. е. до завоеванія его Іоанномъ Грознымъ и вплоть до недавняго времени. Въ 1550 г. въ Дерптѣ было болѣе 30 тыс. жителей, въ 1565 г. — почти ни души; весь XVII в. Дерптъ влачилъ жалкое существованіе съ ничтожнымъ населеніемъ, но онъ все-таки начинаетъ понемногу приходить въ себя. Начало XVIII в. (1708 г.) застаётъ его опять опустошеннымъ.

Въ царствованіе Екатерины II Дерптъ, послѣ 14 осадъ и 11 штурмовъ или опустошеній, возродился въ новой красотѣ — въ 1774 г. въ немъ было 3,300 жителей, въ 1800 г. — 3,524, въ 1824 г. — 8,499, въ 1851 г. — 12,627, въ 1867 г. — около 21,000, а въ концѣ 1881 г. — около 32,000 жителей и въ 1900 г. — 43 тыс. челов. Зданій въ городѣ до 2.500, изъ нихъ около 500 каменныхъ.

Въ 1783 г. Дерптъ былъ назначенъ городомъ Рижскаго намѣстничества. Въ 1893 г. онъ переименованъ въ „Юрьевъ.“

Юрьевъ въ настоящее время является однимъ изъ крупнѣйшихъ городовъ всего Прибалтійскаго края. Стоя у судоходной рѣки Эмбаха, при соединеніи балтійской и псково-рижской желѣзной дороги, городъ въ настоящее время играетъ видную роль по внутренней торговлѣ, съ ежегоднымъ промышленнымъ производствомъ на 40 фабрикахъ и заводахъ почти въ миллионъ рублей. Преобладающее населеніе въ городѣ нѣмецкое (около 10 тыс.) и эстонское (около 28 тыс.), русское (около 4 т. чел.) не превышаетъ десятой части населенія. Большинство жителей протестанты, православныхъ не болѣе 10%.

Юрьевъ расположенъ въ долинѣ, между высокими холмами по берегу р. Эмбаха.

Рѣка Эмбахъ, по-старинному Амовжа, у своего устья имѣетъ въ ширину всего 20 сажень, и, извиваясь среди зеленѣющихъ береговъ, у самаго города значительно расширяется. Въ Эмбахѣ поглощено много студенческихъ жизней: жертвъ веселыхъ прогулокъ на лодкахъ.¹⁾ Р. Эмбахъ судоходна, и по ней ходятъ пароходы во Псковъ и сплавляется много лѣса; короткія, широкія лодки съ дровами то и дѣло встрѣчаются по всему теченію рѣки. Однако, Эмбахъ совсѣмъ не придаетъ Юрьеву характера коммерческаго города. Пароходы служатъ главнымъ образомъ для прогулокъ, особенно въ живописный Квистенталь, — одно изъ любимыхъ мѣстъ старыхъ дерптскихъ буршей, — и въ Газень.

Городъ раскинулся по обоимъ берегамъ рѣки. Черезъ рѣку устроено два моста — одинъ деревянный и великолѣпный гранитный, воздвигнутый въ 1783 г. жителями Дерпта въ благодарность Екатеринѣ Великой, за вспомошествованіе, оказанное ею городу послѣ несчастнаго пожара въ 1775 г. На порталѣ Екатерининскаго моста со стороны города начертана надпись:

*Siste hic in petus, flumen;
Catharina II
iubet
cuius munificentia
haec moles
in commodum publicum
exstructa Livoniaeque primo
ponte lapideo adornata,
MDCCLXXXIII.*

¹⁾ По вычисленію Г. Отто и А. Гассельблота (Von den 14.000 Immatriculirten) въ водахъ Эмбаха потонуло 2,7% общаго числа студентовъ.

Мостъ этотъ своими гранитными очертаніями, высящимися надъ массивными каменными устоями, напоминаетъ Чернышевъ мостъ въ Петербургѣ. Постройка его обошлась очень дорого, такъ какъ камень приходилось везти издалека, да и, кромѣ того, пришлось устроить дамбу въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ она имѣетъ 50 саж. въ ширину.

Юрьевъ занимаетъ пространство до 12 верстъ въ окружности, длина сѣти его улицъ достигаетъ 50 верстъ. Узкія улицы, высокіе дома, черепичныя крыши, безконечныя шпили кирохъ, своеобразныя старинныя фасады зданій и переплетающіеся, словно корридоры, переулки шириною въ четыре шага,—все это поражаетъ русскаго привыкшаго къ простору. Старыя узкія улицы, по которымъ съ трудомъ пробираются экипажи, какъ будто разступились предъ современностью и смотрятъ на васъ зеркальными окнами своихъ магазиновъ, а ночью заливаются газовымъ свѣтомъ.

На правомъ, высокомъ берегу р. Эмбаха находятся всѣ достопримѣчательности города: церкви, ратуша и зданія университета съ его знаменитымъ паркомъ на Домбергѣ. Зеленью вообще городъ очень богатъ: если смотреть на него съ возвышеннаго мѣста, съ Домберга, то открывается дивная картина—весь городъ тонетъ въ зелени съ своими узкими средневѣковыми улицами, сбѣгающими, какъ ручейки, на площади, съ смѣшивающимися архитектурами домовъ, частью старинныхъ, частью современныхъ, то уныло, то весело смотрящихся въ тихія воды Эмбаха...

Одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ открывается съ такъ называемаго „Ressourcengarten“, находящагося близъ ветеринарнаго института. Густая зелень обступаетъ небольшой прудъ, весь усѣянный по самому берегу небольшими

двухъэтажными строеніями самой незатѣливой архитектуры. Только кое-гдѣ еще стоятъ старинные домики, напоминающіе о быломъ Дерптѣ.

Мало такихъ городовъ, какъ Юрьевъ, съ „бурнымъ“ прошлымъ, и мало сохранилось въ немъ остатковъ старины. Среди нихъ особенно цѣнны, какъ историческіе памятники, два: первый — лютеранская церковь св. Іоанна (Johanniskirche). Церковь эта, въ готическомъ стилѣ, построена была въ XIV в. Въ ней совершается богослуженіе до сихъ поръ.

Второй главнѣйшей достопримѣчательностью считаются развалины церкви св. Діонисія (Domkirche), уныло возвышающіяся въ центрѣ города, на горѣ, среди живописно раскинувшагося тѣнистаго университетскаго парка, расположеннаго на Домбергѣ (Domberg, соборная гора). Паркъ, съ мощными исполинскими липами и каштанами со множествомъ великолѣпныхъ аллей, причудливыхъ дорожекъ и гротовъ, очень красиво разбросанъ по возвышенностямъ и долинамъ... „Otium reficit vires“ — „отдыхъ возобновляетъ силы“, — гласитъ вырѣзанная на одномъ изъ мостиковъ въ саду древняя надпись ¹⁾. И, дѣйствительно, здѣсь всѣ находятъ пріятный отдыхъ. Здѣсь учащіеся запасаются силами для занятій. Здѣсь молодежь играетъ въ „лаунъ-тенисъ“, рѣзвятся дѣти.

Расположенный рядомъ съ университетомъ, какъ бы усѣянный разбросанными въ немъ университетскими зданіями, паркъ на Домбергѣ почти весь и принадлежитъ университету. Въ центрѣ парка, среди густой зелени, возвышаются, далеко обрисовываясь своими могучими

¹⁾ Разсказываютъ, что одинъ попечитель-генераль, гуляя по Домбергу въ сопровожденіи ректора университета, спросилъ послѣдняго, что эта надпись означаетъ. Ректоръ отвѣтилъ попечителю: „Здѣсь курить воспрещается.“

угрюмо средневѣковыми контурами, развалины, въ глубинѣ минувшихъ столѣтій, построенной когда-то церкви св. Діонисія — „руины“ св. Діонисія (или „Domguine“). Среди зелени сосенъ, липъ и дикихъ каштановъ высятся своими грандіозными каменными глыбами треснувшія и всюду обвалившіяся высокія стѣны этого памятника сѣдой старины, выдѣляясь въ чащи зелени своимъ краснымъ цвѣтомъ и величавою угрюмостью. Отъ этихъ исполинскихъ полуразрушенныхъ стѣнъ вѣетъ чѣмъ то таинственнымъ, романтическимъ... Стѣны построены изъ большихъ широкихъ и массивныхъ кирпичей и гранитныхъ камней; въ нихъ виднѣются глубокія выбоины и цѣлыя вырванныя могучею силою площади, — слѣды приступовъ и осадъ, какимъ подвергалась во время оно церковь.

Церковь св. Діонисія была главною, епископскою церковью; время ея построенія относятъ къ концу XIII или началу XIV в., т. е. къ тому періоду, когда Юрьевъ былъ епископствомъ. По своимъ обширнымъ размѣрамъ и по красотѣ она славилась во всей Ливоніи. Готическая гармонія горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій церкви, ея стройные восьмигранные съ вульстами столбы, раздѣляющіе три нефа, ея остроконечныя арки и окна въ два свѣта не могутъ не поразить cadaго любителя цѣльнаго, строго выдержаннаго стиля. Съ восточной стороны (тамъ помѣщался алтарь) зданіе церкви заканчивалось половиною двѣнадцатиугольника, западный же фасадъ замыкали двѣ огромныя башни, съ такими же готическими окнами и нишами, оживлявшими ихъ массивный корпусъ. Церковь сильно разрушена была пожаромъ, происшедшимъ 24 іюня 1698 г. отъ костровъ, которые были разложены вокругъ церкви жителями по обычаю въ ночь на Ивана-Купала. Постигшія затѣмъ городъ

бѣдствія не дали возможности жителямъ возобновить обгорѣвшую церковь, а случившійся затѣмъ сильный пожаръ, опустошившій городъ, не пощадилъ и развалилъ церкви св. Діонисія, оставивъ однѣ руины—только стѣны церкви.

Въ настоящее время развалины церкви св. Діонисія въ извѣстной мѣрѣ еще могутъ дать представленіе о бывшей красотѣ церкви—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны еще хорошо сохранились; поддерживаются развалины съ образцовою тщательностью. Разстилающіеся возлѣ развалинъ газоны и древесныя насажденія, обрамляющія листвою красные бока кирпичей, оживляютъ эту грустную картину разрушенія. Часть развалинъ—восточная часть церкви—однако возстановлена, при чемъ старательно сохранены прежнія ея очертанія. Съ 1806 г. въ ней помѣщается богатая университетская библіотека (около 350,000 томовъ), занимающая три этажа; одна же изъ башенъ служитъ помѣщеніемъ для огромнаго водяного бака, снабжающаго водою зданія университета ¹⁾. Въ библіотекѣ хранится много рукописей, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія рукописи философа Канта ²⁾, нѣсколько собственноручныхъ писемъ Мартина Лютера, нѣсколько автографовъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей и между прочимъ цѣлая тетрадь, писанная собственноручно Виландомъ.

Въ библіотекѣ хранится маска Пушкина. Маска эта поступила въ даръ отъ профессора Дерптскаго университета М. П. Розберга и въ теченіе многихъ уже

¹⁾ Для пользованія посѣтителей открытъ только третій этажъ, взбираться куда довольно затруднительно, но откуда зато открываются прекрасные виды на городъ. Самый же лучший видъ открывается съ чердачнаго помѣщенія библіотеки.

²⁾ О нихъ см. ст. П. Кречетова „Рижскій другъ философа Канта“. „Риж. Вѣстн.“ 95 г. № 243.

лѣтъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ библіотеки, въ такъ называемомъ отдѣленіи проф. Моргенштерна.

Противъ развалинъ церкви св. Діонисія стоятъ клиники въ совершенно новомъ стилѣ, съ широкимъ подъѣздомъ.

Въ 1763 и 1767 году намѣревались сдѣлать крѣпостныя укрѣпленія вокругъ Юрьева, по плану генералъ-фельдцейхмейстера Вилльбоа; но предпріятіе это оставлено безъ исполненія, по той причинѣ, что невозможно было занять укрѣпленіями сосѣднія возвышенія. Нынѣ остались только слѣды правильныхъ бастіоновъ на Домбергѣ.

Недалеко отъ развалинъ, въ лощинѣ, стоитъ очень простаго устройства кирпичный памятникъ, воздвигнутый въ 1806 г. на костяхъ прежнихъ обитателей Юрьева. Кости эти собраны были при производствѣ земляныхъ работъ на Домбергѣ. На памятникѣ вырѣзана надпись на четырехъ языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ: „Здѣсь покоятся кости многихъ народовъ... На гробахъ ихъ воздвигнулъ Александръ новое обиталище музъ“...

Недалеко-же отъ развалинъ воздвигнуть памятникъ знаменитому естествоиспытателю Карлу Эрнсту Бэру, профессору Юрьевскаго университета. Карлъ Бэръ былъ реформаторомъ въ біологіи. Онъ опредѣлилъ типы строеній животныхъ, былъ ученымъ, поставившимъ антропологию на вѣрный путь, и считается не только однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, но и глубокимъ мыслителемъ. Умеръ онъ 16 ноября 1876 г. въ Дерптѣ и тогда же совѣтомъ университета было рѣшено воздвигнуть знаменитому ученому памятникъ. Послѣ Высочайшаго разрѣшенія въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II, въ 1877 г., открытъ подписку на со-

оруженіе памятника, на призывъ откликнулись не только всѣ государства Европы, но и Америка. Весною 1881 г. уже былъ назначенъ конкурсъ на модель памятника. Послѣ разсмотрѣнія плановъ осенью 1881 г., назначенный для этой цѣли комитетъ поручилъ сооруженіе памятника академику А. М. Опекушину, по его плану. Памятникъ этотъ торжественно открытъ въ 1886 г. въ годовщину смерти Бэра.

Въ старое время въ апрѣлѣ на Домбергѣ студенты пѣли хоровыя и квартетныя пѣсни. Здѣсь-же они и встрѣчали 1-ое мая, раскладывали костры, прыгали черезъ нихъ, пѣли и пили пиво. Теперь ничего подобнаго не бываетъ: всё отошло въ область воспоминаній.

Недалеко отъ Домберга, окруженный маленькимъ скверомъ высится памятникъ Барклаю де-Толли: громадный, во много разъ превышающій натуральную величину, бронзовый бюстъ фельдмаршала, великолѣпно передаетъ благородныя черты этого не оцѣненнаго по заслугамъ героя. Площадь, посреди которой стоитъ памятникъ, носить имя фельдмаршала.

„Церкви и монастыри у нихъ многи“, — съ наивнымъ восхищеніемъ писалъ о Юрьевѣ Симеонъ Суздальскій. Три вѣка тому назадъ это дѣйствительно было такъ, но теперь въ Юрьевѣ всего 10 церквей и ни одного монастыря. Изъ 10 церквей — 4 протестанскихъ кирки, 5 православныхъ храмовъ и одинъ католическій костель (построенный лишь въ 1899 г.); имѣется еще еврейская молельня.

Изъ протестантскихъ церквей лютеранскій соборъ, о трехъ корабляхъ, раздѣленныхъ массивными столбами, поддерживающими острые своды, очень красивъ.

Затѣмъ изъ русскихъ церквей была маленькая деревянная въ форштадтѣ у р. Эмбаха, но она развали-

лась въ 30-хъ годахъ, и вмѣсто нея была построена въ 1834 г. новая православная церковь, греческой архитектуры среднихъ вѣковъ.

Вообще, существованіе православныхъ церквей въ краѣ очень древнее, древнѣе даже нѣмецкихъ. Въ 1472 г. Дерптъ посѣтила, проѣздомъ въ Москву, царица Софія Палеологъ, невѣста царя Іоанна III, сопровождаемая послами и приставами; дерптское православное духовенство встрѣтило царицу съ крестомъ и образами. Въ то время въ Дерптѣ было двѣ православныхъ церкви, въ настоящее время ихъ пять. Въ одной изъ нихъ (Георгіевской) богослуженіе совершается на эстонскомъ языкѣ, въ другой (кладбищенской) хотя и на церковно-славянскомъ, но весьма рѣдко, въ виду отсутствія при ней особаго штатнаго духовенства и отдаленности ея отъ города. Лишь третья церковь—соборная (Успенская) является единственнымъ храмомъ, куда стекаются для молитвы всѣ русскіе. Въ большіе праздники небольшая Успенская церковь едва вмѣщаетъ въ себѣ и четверть желающихъ присутствовать при торжественномъ православномъ богослуженіи. Необходимость устройства другой православной церкви сказывалась уже давно. И эта духовная нужда православныхъ русскихъ до извѣстной степени удовлетворена домовою университетскою церковью, которая освящена 23 ноября 1895 г. Въ 1896 г. освящена церковь 95-го Красноярскаго пѣхотнаго полка.

Гостинный дворъ, расположенный на прекрасной площади, по берегу Эмбаха, могъ бы служить украшеніемъ любого губернскаго города. Это—обширное четвероугольное каменное зданіе, въ одинъ этажъ, въ видѣ портика съ величественною колоннадой. Городская ратуша, зданіе красивое и огромное, напоминаетъ методу графа Растрелли, строителя Зимняго Дворца въ Петербургѣ Старин-

ное зданіе ратуши, украшенное башенкой, обитой жестью, высится на городской площади, какъ бы главенствуя среди подобныхъ же ей, стоящихъ подлѣ, старыхъ зданій, съ типическими для архитектуры древнихъ нѣмецкихъ городовъ фасадами.

Гербъ города: красный замокъ съ двумя башнями, подъ стѣною отверстія ворота, съ серебряною опускною рѣшеткою, на которой золотая звѣзда, а подъ нею синій полумѣсяцъ; на воротахъ находится львиная голова, а на стѣнѣ три шара, изъ которыхъ средній всѣхъ болѣе; надъ стѣною лежатъ серебряный ключъ и мечъ съ золотымъ эфесомъ въ Андреевскомъ крестѣ, а надъ ними возвышается красносеребряная корона. Впрочемъ, городъ имѣетъ и малый гербъ, который представляетъ ключъ и мечъ въ Андреевскомъ крестѣ съ возвышающеюся надъ ними короною.

Торговля Юрьева нынѣ ограничивается покупкою и мелочною продажею мануфактурныхъ произведеній, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ, для употребленія здѣшнихъ жителей и окрестныхъ мѣстъ. Кромѣ того, здѣсь производится торговля льномъ, который отправляется въ города: Ригу, Перновъ, Ревель и Псковъ. Также производится небольшой торгъ хлѣбомъ, который продаютъ большею частью рыбнымъ промышленникамъ, живущимъ на берегу Чудскаго озера.

Въ Юрьевѣ бываетъ 4 ярмарки въ году. Замѣчательнѣйшая—въ январѣ мѣсяцѣ, которая продолжается три недѣли. Въ одной изъ книгъ конца XVIII в. объ ней говорится, что на эту ярмарку пріѣзжало множество купцовъ изъ Риги и Ревеля съ шелковыми и прочими товарами. Ко времени ея въ Юрьевъ съѣзжалось изъ уѣзда много дворянства. Отъ былого величія въ настоящее время

остались только пріятныя воспоминанія. И теперь еще пріѣзжаютъ на ярмарку купцы изъ Риги, Ревеля, Петербурга и съ Кавказа. Но торговля идетъ не бойкая, что объясняется тѣмъ, что Юрьевъ связанъ желѣзными дорогами со всѣми промышленными и торговыми центрами государства и можетъ получить всегда, а не во время ярмарки только, любой товаръ. Съѣзды дворянства изъ уѣзда нынѣ также не многолюдны. Ихъ отчасти привлекаетъ вольно-экономическое общество, пріурочивающее ко времени ярмарки свои засѣданія. Самъ же по себѣ пріѣздъ въ Юрьевъ для дворянства въ настоящее время не представляетъ много заманчиваго: оно уже не можетъ теперь играть первенствующей и вліятельной роли въ городѣ. Все это вмѣстѣ взятое лишаетъ ярмарку того внѣшняго блеска, которымъ она щеголяла когда-то. Въ настоящее время ярмарка оказываетъ лишь слабое вліяніе на временное пониженіе цѣнъ нѣкоторыхъ товаровъ, но это вліяніе крайне незначительно ¹⁾.

Остальныя три ярмарки суть такъ называемыя крестьянскія, на которыя окрестные крестьяне привозятъ разныя свои произведенія.

Въ Юрьевѣ существуютъ: Юрьевскій банкъ и отдѣленіе Псковскаго банка. Первый открытъ въ 1869 г. на капиталъ въ 10.000 руб., даныхъ на это мѣстною Маринской гильдіей, и первоначально состоялъ въ вѣденіи магистрата, а нынѣ въ вѣденіи городской думы. Чистая прибыль составляетъ 20—30 тыс. рубл. въ годъ.

Главная знаменитость Юрьева есть его университетъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

Кромѣ университета есть еще въ Юрьевѣ много другихъ учебныхъ заведеній, какъ-то: ветеринарный инсти-

¹⁾ „Риж. Вѣст.“ 1901 г.

туть¹⁾, открытый въ 1848 году, классическая мужская гимназія (сущ. съ 1804 г.), реальное училище, женская Пушкинская гимназія, учительская семинарія, фельдшерская школа при ветеринарномъ институтѣ²⁾, открытая въ 1874 г., городское училище и масса мужскихъ и женскихъ пансіоновъ, содержимыхъ частными лицами.

Въ Юрьевѣ насчитывается различныхъ обществъ около 40, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія: общество пѣнія „Wannemaïne“, основанное 27 окт. 1865 г., общественное собраніе „Bügrermusse“, общ. „Ressource“ и др. Эстонское населеніе преобладаетъ въ Юрьевѣ, между тѣмъ обществъ у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у нѣмцевъ. Это происходитъ оттого, что эстонецъ, получившій нѣкоторое образованіе, пренебрегаетъ эстонскимъ обществомъ и идетъ въ нѣмецкое. Изъ эстонскихъ юрьевскихъ обществъ обращаетъ на себя вниманіе: „Другъ трезвости“, ³⁾ „Wannemaïne“, и др. „Другъ трезвости“ проявляетъ очень оживленную дѣятельность. Годичный приходъ этого симпатичнаго общества равняется 2,000 рубл. Оно имѣетъ свое собственное помѣщеніе, свою театральную труппу и пѣвческой хоръ, выписываетъ различныя періодическія изданія на русскомъ, нѣмецкомъ и эстонскомъ языкахъ, устраиваетъ спектакли, концерты, танцевальныя вечера и пр. Въ настоящее время въ обществѣ около 150 членовъ. Въ Юрьевѣ есть еще другое эстонское общество трезвости „Uraunia“. Особенностью этого общества является то, что оно идеи трезвости старается распространять въ народѣ посредствомъ литературы, способствуетъ открытію новыхъ обществъ трезвости, помогаетъ имъ въ

1) Студентовъ въ институтѣ къ 1 января 1902 г. было 311.

2) Въ школѣ къ 1 янв. 1902 г. состояло 19 учениковъ.

3) „Karskuse Sober“ откр. въ 1891 г.

особенности даровой раздачей книгъ о трезвости и пр. Жаль только, что образованные слои юрьевского населенія относятся къ дѣлу трезвости съ непонятною холодною, между тѣмъ, въ Юрьевѣ пьянство сильно развито. Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ создаетъ благодарную почву для душевныхъ заболѣваній. Новопріѣзжимъ въ Юрьевѣ бросается въ глаза значительное число бродящихъ по улицамъ на свободѣ ненормальныхъ людей. Среди нихъ чаще всего встрѣчаются женщины въ странныхъ костюмахъ, съ блуждающимъ взоромъ.

Въ ряду юрьевскихъ обществъ почетное мѣсто занимаетъ вольно-пожарное общество, основанное 5 августа 1880 г. Пожары въ Юрьевѣ въ послѣднее время рѣдки, но не то было въ прежніе годы (съ конца 80-хъ, до 97 г. включительно). Они случались такъ часто, что рѣдкую недѣлю жители не были тревожимы бѣдою. Наблюдалась масса поджоговъ, обусловленныхъ расчетомъ на то, что страховая премія поправитъ дѣло домовладѣльцевъ. Дома горѣли постоянно, особенно въ 1896 г., когда осенью рѣдкая ночь обходилась безъ пожара. Съ 1897 г. пожары прекратились и стали рѣдки.

Обычнаго способа извѣщенія жителей о пожарѣ выкидываніемъ шаровъ и фонарей здѣсь не существуетъ. Днемъ горожане узнаютъ о немъ по звонку особыхъ набатныхъ колоколовъ, вѣстниками пожара ночью являются *Nachtwächter*'ы, снабженные длинными мѣдными трубами. Замѣтивъ дымъ или огонь въ своемъ участкѣ, дежурный издаетъ рѣзкій, унылый звукъ, на его призывъ одинъ за другимъ откликаются его коллеги, и скоро весь городъ оглашается ужасными, тяжело дѣйствующими на нервнаго человѣка, унылыми звуками. Городъ пробуждается, просыпаются и члены вольно-пожарнаго

ферейна и летятъ къ своимъ мѣстамъ. Благодаря строгому разграниченію функцій между членами общества, обычной во время пожаровъ сумятицы не замѣчается. Одни направляются на пожарный дворъ, быстро выкачиваютъ машину, достаютъ багры и скорымъ бѣгомъ (лошадей нѣтъ) доставляютъ орудія на мѣсто пожара. Другіе, запасшись соотвѣтствующими атрибутами (топоромъ, бичевкой), направляются прямо на пожаръ. Мигомъ прилегающія къ пожару улицы изолируются протянутыми поперекъ веревками, зѣвающая толпа оттѣсняется, и начинается дружная работа. Нѣтъ ни шума, ни обычной суматохи, — все происходитъ спокойно и разсчитанно. Благодаря существующимъ на каждомъ дворѣ водопроводамъ, недостатка въ водѣ не ощущается. Работа идетъ энергично.

Въ вольно-пожарномъ обществѣ состоитъ лучшая, интеллигентная часть горожанъ: профессора, ученые, учителя, студенты, чиновники. Всѣ они исполняютъ свой долгъ сначала въ качествѣ простыхъ рабочихъ, — съ топоромъ на верху горящаго зданія, затѣмъ уже въ видѣ руководителей и распорядителей работами. Вначалѣ это обиліе интеллигентныхъ работниковъ прямо поражаетъ новичка. Большинство членовъ ферейна состоятъ членами тѣхъ или иныхъ студенческихъ корпорацій.

Въ 1880 г. въ Юрьевѣ открыто „Евангелическое общество юношей“. Общество это занимается такъ называемымъ внутреннимъ миссіонерствомъ и руководится теологами въ нѣмецко-лютеранскомъ духѣ.

Съ 18 окт. 1793 г. существуетъ Императорское Лифляндское вольное экономическое общество. Это общество — старѣйшее въ краѣ общество, стремящееся вліять на улучшеніе хозяйства путемъ выставокъ. Въ октябрѣ 1896 г., на средства ассигнованныя дворянствомъ Ли-

фляндской и Эстляндской губ., экономическимъ обществомъ открыто въ г. Юрьевѣ „Лифляндско-эстляндское бюро земельныхъ улучшеній“ („Liiv — Estländisches Bureau für Landescultur“).

Съ 8 сент. 1890 г. въ г. Юрьевѣ существуетъ и проявляетъ посильную благотворительную дѣятельность юрьевское женское отдѣленіе общества попечительнаго о тюрьмахъ, весьма симпатичное, участвующее, полуофициальное учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью призрѣніе остающихся безпріютными на время заключенія въ тюрьму родителей арестантскихъ дѣтей и облегченіе участи заключенныхъ въ тюрьму женщинъ.

13 мая 1875 г. открыто русское благотворительное общество. Это общество содержитъ женское училище, двѣичій пріютъ, бесплатную столовую и оказываетъ помощь бѣднымъ.

Въ 1872 г. основана русская публичная библіотека. Библіотека съ каждымъ годомъ все расширяетъ свою дѣятельность, улучшается и количественно и качественно. Всего въ библіотекѣ къ 1-му января 1901 г. состояло 4259 названій и 11, 786 томовъ. Всѣхъ подписчиковъ въ 1900 году было 574 челов., постоянныхъ посѣтителей читальнаго зала—268. Большая часть подписчиковъ библіотеки состоитъ изъ студентовъ ун-та, ветер. инст. и слушателей фармаціи. Вмѣстѣ съ библіотеками студенческихъ обществъ (Общество русскихъ студентовъ университета, Concordia, Societas, Collegium, еврейскій литер. и научный фереины) публичная библіотека въ Юрьевѣ оказываетъ большую помощь русскому населенію города въ его стремленіи къ самообразованію.

Въ Юрьевѣ издаются: три газеты, изъ которыхъ двѣ— „Olevik“ и „Postimees“ —народныя —на эстонскомъ языкѣ и одна специально-бюргерская—на нѣмецкомъ и

одинъ журналъ „Pollumees“ на эстонскомъ яз. До іюля 1901 г. „Олевикъ“ издавался г. Гренцштейномъ. Газета эта, особенно въ послѣдніе годы, старалась распространить среди эстскихъ читателей правильные взгляды на значеніе объединительныхъ реформъ, ратовала за лучшее усвоеніе эстами русскаго языка и за тѣснѣйшее сближеніе ихъ съ русскимъ народомъ. Газета имѣла успѣхъ среди эстовъ, и число читателей ея непрерывно возросло. Къ сожалѣнію, редакторъ-издатель „Олевика“ г. Гренцштейнъ продалъ свою газету другому лицу и уѣхалъ за-границу. Хотя „Олевикъ“ попрежнему продолжаетъ свою дѣятельность, содѣйствуя объединенію окраины съ Имперіей, но отъѣздъ г. Гренцштейна заслуживаетъ сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что такого виднаго, энергичнаго эстскаго общественнаго дѣятеля и публициста трудно замѣнить другимъ лицомъ.

Императорское Лифляндское экономическое общество издаетъ журналъ „Baltische Wochenschrift“.

При университетѣ издаются съ 1893 г. „Ученыя Записки“.

14 сентября 1886 г. послѣдовало въ Юрьевѣ открытіе общества подъ названіемъ „Русскій семейный учительскій кружокъ — Родникъ“. Починъ въ дѣлѣ основанія кружка положенъ былъ русскими педагогами, преимущественно преподавателями русскаго языка и исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Юрьева, которыхъ судьба забросила на окраину земли русской. Въ первый же годъ къ кружку примкнули лица и не педагогическаго міра, кружокъ сталъ расти, расширяться.

На собраніяхъ его члены читали произведенія русской словесности, обсуждали педагогическіе вопросы, но, главное, они сходились, встрѣчались здѣсь, обмѣнива-

лись впечатлѣніями, что было особенно цѣнно для русскихъ людей въ наступившій для края въ то время періодъ реформъ. Всѣ, кто помнитъ первые годы кружка, единогласно сознаются, что члены его на своихъ собраніяхъ проводили время дѣйствительно съ удовольствіемъ и съ пользой. 22 дек. 1888 г. министерство внутреннихъ дѣлъ утвердило представленный проектъ устава—и „Родникъ“ почувствовалъ, наконецъ, твердую почву подъ ногами. Въ 1893 г. составленъ новый проектъ устава—и уже въ томъ же самомъ году утвержденъ подлежащею властью. По новому уставу „Родникъ“ получилъ право устраивать въ своемъ помѣщеніи педагогическія собранія, публичныя лекціи, литературные вечера, давать драматическія представленія, концерты и устраивать разнаго рода увеселительныя собранія. Пользуясь представленными широкими правами, члены „Родника“ понесли на собранія его, кто чѣмъ богатъ. Преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній явились въ него съ своими рефератами и лекціями, за ними пришли профессора университета.

Къ сожалѣнію, одинъ чиновникъ, вообразившій себя великимъ ученымъ (спиритомъ) и артистомъ, забывъ изрѣченіе хотя и прописной, но все-же мудрой морали древнихъ: „Concordia res parvae crescunt, discordia maxime dilabuntur!“—внесъ въ „Родникъ“ раздоры и смуты, результатомъ чего явился уходъ изъ кружка нѣсколькихъ дѣятельныхъ членовъ.

17 окт. 1896 г. возбуждено было ходатайство объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ устава „Кружка“, каковое ходатайство и было уважено въ 1897 г. „Родникъ“ получилъ названіе „юрьевскаго семейнаго общественнаго собранія“. Такое наименованіе принято потому, что „юрьевское“—синонимъ русскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не

вызываетъ національной розни и антагонизма, вредящихъ выполнению той культурной миссии, которая служитъ главною и конечною цѣлью самаго существованія общества, именно — мирному насажденію русской культуры здѣсь, на Прибалтійской окраинѣ, въ Юрьевѣ — главномъ образовательномъ центрѣ ея. „семейное“, потому, что дѣйствительными членами общества могутъ состоять и лица женскаго пола, и потому, что доступъ въ помѣщеніе общества открытъ постоянно не только членамъ, но и ихъ семействамъ. „общественное собраніе“, а не „кружокъ“, потому что общество состоитъ не изъ тѣснаго кружка лицъ, а изъ людей разныхъ профессій и разныхъ званій. „Родникъ“, — потому что это крестное имя общества.

Въ настоящее время „Родникъ“ насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ около ста человекъ. Эту цифру можно признать маленькою, если принять во вниманіе, что въ Юрьевѣ находятся: масса учебныхъ заведеній, штабъ 18-го армейскаго корпуса, и живетъ много русскихъ чиновниковъ и купцовъ.

Совѣтомъ старшинъ въ „Родникѣ“ устраиваются: 1) публичныя лекціи, 2) любительскіе спектакли, литературно-вокально-инструментальные и танцевальныя вечера и 3) дѣтскіе вечера.

Не считая себя компетентными подвергать критикѣ публичныя лекціи, мы скажемъ нѣсколько словъ о любительскихъ спектакляхъ и литературно-вокально-инструментальныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ „Родникѣ“.

Дѣло театральнаго искусства поставлено въ „Родникѣ“ внѣ всякаго принципа и является продуктомъ удивительной ревности къ сценическимъ исполненіямъ небольшой кучки любителей и случайныхъ исполнителей, не имѣющихъ, — мы говоримъ о послѣднихъ, — ни малѣйшаго представленія о требованіяхъ сцены. Спектакли компактуются

по вдохновенію заправиль, при неимовѣрныхъ усиліяхъ подобрать подходящій персоналъ. Роли учатся плохо. Готовится пьеса, какъ Богъ послалъ каждому по таланту, и объ указаніяхъ режиссера не можетъ быть рѣчи. Игра „родниковскихъ“ любителей отличается отъ игры актеровъ двумя признаками. Первый признакъ тотъ, что „родниковскій“ любитель на сценѣ (конечно, не безъ исключенія) дѣлаетъ всѣ свои движенія робко, садится, напр., онъ осторожно, словно пробуя прочность мебели, садится на край стула какъ проситель по робости въ приѣмной вліятельной особы; обнимается онъ такъ, что зрители могутъ подумать, что онъ боится измять платье своей возлюбленной. Если онъ цѣлуется, то дѣлаетъ это какъ-то странно, поцѣлуй приходится куда-то въ пространство, дальше уха; даже цѣлованіе руки выходитъ какъ-то по-дѣтски. Второй признакъ „родниковской“ любительской игры тотъ, что любители не умѣютъ играть по-суфлеру. Любитель слушаетъ суфлера и ждетъ, когда онъ произнесетъ всю фразу, поймаешь ее и тогда уже произнесетъ и опять ждетъ и т. д. Отъ этого происходятъ паузы, расхолаживающія зрителя, и порой можно подумать, что ролей никто на сценѣ не знаетъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что нѣкоторые „родниковскіе“ любительницы и любители играютъ съ замѣчательнымъ чувствомъ и тактомъ и своей задушевной и правдивой игрой удовлетворяютъ самому требовательному вкусу. Въ общемъ же, сказать что либо о даровитости „родниковскихъ“ любителей, съ точки зрѣнія строго театральной критики, ничего нельзя, за исключеніемъ, конечно, того, что даровой трудъ любителей заставляетъ извинять многое и въ этомъ отношеніи любителямъ честь и хвала. Далѣе, казалось бы, при отсутствіи сценической опытности, люди образованные, рѣшившись устроить

спектакль, выберутъ пьесу идейную, съ строго проведеннымъ нравственнымъ идеаломъ, изученіе которой доставитъ имъ интересъ и удовольствіе, а опредѣленность образовъ позволитъ хорошо овладѣть ролями и удовлетворительно передать ихъ на сценѣ. Между тѣмъ „родниковскіе“ любители почти всегда избираютъ безсодержательныя пьесы или водевили легкаго содержанія¹⁾, которые держатся въ репертуарѣ столичныхъ сценъ лишь благодаря искусству опытнаго актера, который влагаетъ въ свою роль то, чего авторъ не выразилъ, и дѣлаетъ пьесу интересной, благодаря своей собственной игрѣ. Конечно, у любителей эти пьесы проваливаются. Зрители сидятъ, смотрятъ, позѣвываютъ въ кулакъ, изъ любезности аплодируютъ, иногда смѣются, но смѣхомъ глупенькимъ, пошленькимъ, рѣдко искреннимъ, и ждутъ — не дождутся того момента, когда начнутся танцы (обыкновенно, послѣ спектакля бываютъ танцы) или когда можно взять въ руки кій или карты. Иныя изъ играныхъ пьесъ такого рода, что, право, въ захолустномъ провинціальномъ городкѣ постыдились бы ихъ играть: въ Юрьевѣ-же — университетскомъ городѣ — играютъ!..

Старшина-распорядитель развлеченій „Родника“ В. А. Крыжановскій въ своей брошюрѣ „Pro и contra“ говоритъ: „Родникъ“ — не театръ и не консерваторія, а общественное собраніе, имѣющее цѣлью объединить мѣстное русское интеллигентное общество и дать ему возможность пріятно проводить время въ часы досуга. Для постановки „большихъ“ и „идейныхъ“ пьесъ „Родникъ“ не располагаетъ ни соотвѣтствующимъ помѣщеніемъ и сценою, ни достаточными средствами. Постановка большихъ вещей какъ въ этомъ году, такъ и въ предыдущіе

¹⁾ В. А. Кр—ій. Pro и contra дѣятельности „Родника“, ср. „Приб. Край“ 1899 г., № 261.

годы, вызывала неоднократно неудовольствие членовъ Собранія, которымъ приходилось просиживать цѣлый рядъ часовъ въ душномъ и тѣсномъ помѣщеніи и которые сами просили ограничиваться постановкою преимущественно небольшихъ пьесъ“.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ черниговскіе гимназисты. Въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ было напечатано слѣд.: „Изъ Чернилова. Недавно здѣсь учениками и ученицами мѣстныхъ гимназій былъ устроенъ драматическій спектакль. Спектакль этотъ отличался отъ обычныхъ, такъ наз. ученическихъ, концертовъ тѣмъ, что онъ былъ устроенъ по инициативѣ самихъ учащихся и благодаря сочувственному отношенію къ этому начинанію недавно назначеннаго директора г. Зеленецкаго, совершенно самостоятельно. Приспособленіе сцены, зрительнаго зала, декораций, костюмовъ и проч. было сдѣлано исключительно силами артистовъ. Выбрана была для представленія комедія Островскаго „Безъ вины виноватые“. Приглашенная учащимися публика отнеслась къ ихъ затѣѣ нѣсколько иронически, но послѣ перваго дѣйствія ироническія улыбки смѣнились восторженными аплодисментами. Видно было, что исполнители тщательно разучили пьесу и вполне сознательно относились къ мыслямъ и типамъ драматурга. Роль Кручининой, напр., была исполнена такъ безыскусственно и съ такой психологической правдой, что могла удовлетворить очень строгимъ требованіямъ. Весьма жизненно была проведена также небольшая роль Дудукина. Остальные лица съ своей стороны были настолько сознательными исполнителями, что въ общемъ создали хорошее впечатлѣніе.“

Гимназисты находятъ возможнымъ ставить идейную пьесу и провинціальная захолустная публика награждаетъ молодыхъ любителей „восторженными аплодисмен-

тами“, а юрьевцы, люди съ литературнымъ развитіемъ, съ высшимъ образованіемъ, выражаютъ неудовольствіе на постановку идейныхъ пьесъ.

Гимназисты и черниговская публика не говорятъ: „Гимназія—не театръ и не консерваторія“...

Если „Родникъ“ устраиваетъ спектакли, то онъ (хоть на время) дѣлается театромъ. А вспомните, что говорилъ безсмертнѣйшій нашъ критикъ, В. Г. Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ критическихъ очерковъ: „Театръ! О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній“!..

Итакъ, театръ, скажемъ мы вслѣдъ за Бѣлинскимъ, есть храмъ искусства, въ которомъ сосредоточиваются „всѣ чары, все обаяніе, всѣ обольщенія изящныхъ наукъ“. Въ этомъ храмѣ всѣ искусства сливаются въ одно, чтобы представить нашимъ глазамъ не отдѣльный видъ какого-либо искусства, являющагося тѣмъ или другимъ отраженіемъ и идеализированіемъ природы, а представить всѣ искусства, вмѣстѣ взятая и притомъ такъ сконцентрированныя, гдѣ вполне можно бы было выразить всю дѣйствительность не только міра внѣшняго, но и внутренняго.“

И въ самомъ дѣлѣ, передъ вашими глазами открывается сцена, сцена дѣйствій всѣхъ народовъ и націй, дѣйствій пошлыхъ и великодушныхъ! Вашимъ глазамъ представляется разнообразнѣйшая картина человѣческой жизни со всѣми ея отправлениями и видоизмѣненіями!

„Этотъ роскошный и великолѣпный занавѣсъ, это море огней намекаютъ вамъ о чудесахъ и дивахъ, разсѣянныхъ по прекрасному Божію творенію и сосредоточенныхъ на тѣсномъ пространствѣ сцены! И вотъ грянуль оркестръ и душа ваша предощущаетъ въ его звукахъ

тѣ впечатлѣнія, которыя готовятся поразить ее; и вотъ поднялся занавѣсъ—и передъ взорами вашими разливается безконечный міръ страстей и судебъ человѣческихъ!!....“

Вѣдь эти слова написаны не „по найму“, какъ теперь выражаются, вѣдь, это слова—не сухой недантизмъ, это слова—мысли, слова—глубоко продуманныя и чисто-сердечно высказанныя.

Да и каждый изъ насъ едва-ли не согласится съ такими мыслями В. Г. о театрѣ; напротивъ, всякій, кто посѣщаль и посѣщаетъ театръ ни съ цѣлью „провести время“, сочтетъ слова Бѣлинскаго за чистую монету, за бисеръ.

Далѣе, В. Г. Бѣлинскій ставитъ другой вопросъ о театрѣ, онъ спрашиваетъ: „зачѣмъ мы ходимъ въ театръ? зачѣмъ мы такъ любимъ театръ?“ И тутъ-же отвѣчаетъ на эти вопросы: „Затѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплѣсневѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни мощными и разнообразными впечатлѣніями, затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями и открываетъ намъ новый преображенный и дивный міръ страстей и жизни!..“

Да, читатель, эта „проза жизни“ подчасъ бываетъ мрачна, непривлекательна даже для высшаго слоя общества, которое тоже иногда тяготятъ различныя этикетки салона, комфортабельности, такъ что является потребность, хотя на время и не надолго, выйти изъ этого порядка вещей.

Театръ является „жизненнымъ элексиромъ“, исцѣляющимъ на время отъ этой скучной, безъидейной жизни, является божественною амброзіею, которая цѣлительно освѣжаетъ весь организмъ; въ душѣ загорается любовь къ меньшему и состраданіе къ обиженному, въ головѣ

пробуждаются добрыя стремленія и желанія, а иногда и критическіе взгляды на свою жизнь и ея безъидейность. А какъ та же проза жизни непривлекательна среди нашего „просвѣщеннаго пролетаріата“, среди сѣренькаго люда, среди „трудящихся и обремененныхъ“, сколько горечи, хининной горечи въ жизни этихъ бѣдняковъ, сколько болѣзней и тѣлесныхъ и душевныхъ, — всѣ и все смотритъ на нихъ сурово, озлобленно, всюду ихъ отталкиваютъ, ихъ не хотятъ слушать, съ ними не хотятъ говорить, всюду ихъ надѣляютъ непристойными, душу раздирающими кличками, имъ нѣтъ болѣе названій, какъ „скоты“, „пьяницы“, „побирашки“ и пр. Тяжело имъ жить: и судьба ихъ обидѣла, и „хорошіе“ люди сторонятся ихъ.

И вотъ отчасти театръ и освѣжаетъ этихъ „меньшихъ“ „своими мощными и разнообразными впечатленіями, волнуется ихъ кровь высшими радостями и открываетъ новый, (гдѣ, нужно сказать, нѣтъ ни моего, ни твоего, ни меньшаго, ни большаго) преображенный, дивный міръ!“ Театръ влагаетъ въ душу смертнаго плебея безсмертныя идеи, даетъ ему познать, что и онъ чело-вѣкъ, что и у него свѣтится „искра Божія“.

Вмѣстѣ съ сознаниемъ и мыслью, вмѣстѣ съ культурой и цивилизаціей народились такія уродливыя нравственныя понятія, такіе кастовые, сословные предразсудки, такое рѣзкое дѣленіе людей на сильныхъ въ области мысли и убогихъ и такое различіе имущественное, что люди часто сами себя мучаютъ, никѣмъ не будучи мучимы и имѣя возможность избѣжать, по крайней мѣрѣ, половины тѣхъ страданій, какія они испытываютъ. Мало того, многія правовыя общественныя начала, ложныя въ своемъ основаніи, вѣками такъ привились къ нашей особенно семейной жизни, что, кажется, пройдутъ еще де-

сятки лѣтъ, прежде, чѣмъ наша семья предоставитъ извѣстную свободу дѣйствія своему каждому отдѣльному члену. Развѣ не гибнетъ и въ настоящее время много молодыхъ силъ, полныхъ жизни и энергіи, благодаря словнымъ предразсудкомъ и корыстнымъ расчетамъ, имѣющимъ мѣсто въ нашей брачной жизни? Развѣ до сихъ поръ наши семьи не возникаютъ на крайне зыбкой почвѣ, вызывая вѣчный семейный разладъ и неурядицу, отравляющую жизнь и отцовъ, и матерей, и дѣтей? Развѣ не читаемъ мы ежедневно о томъ, какія преступленія и сколько зла поражаютъ браки изъ-за извѣстныхъ видовъ, и какимъ тормазомъ для лучшей, болѣе разумной семейной жизни является отсутствіе своевременнаго развода, случайно и въ силу семейнаго давленія соединившихся паръ?

Да, мы все это знаемъ и читаемъ, — однако впечатлѣнія отъ прочтенной книги быстро изглаживаются изъ нашей памяти, а въ жизни мы такъ уже примирились и сроднились съ семейнымъ адомъ окружающихъ насъ людей, что считаемъ все это неизбѣжнымъ зломъ и кромѣ того не имѣемъ времени оглянуться назадъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, только оторвавшись нѣсколько отъ будничной обстановки, въ театрѣ, при хорошей и дружной игрѣ артистовъ, олицетворяющихъ общественное и семейное зло, мы только и можемъ, дѣйствительно, проникнуться сознаниемъ необходимости проведенія въ жизнь иныхъ, болѣе нравственныхъ и трезвыхъ семейныхъ началъ. И чѣмъ сильнѣе игра, чѣмъ естественнѣе, — тѣмъ ближе мы къ лучшему идеалу въ смыслѣ общественной и семейной жизни.

И намъ кажется, что только при такихъ условіяхъ „Родникъ“ можетъ достигать своей цѣли — „объединять

мѣстное русское общество и давать ему возможность пріятно проводить время въ часы досуга!“.

Что же касается литературно-вокально-инструментальныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ любителями въ „Родникѣ“, то къ художественной части этихъ вечеровъ также строго относиться не приходится. И въ самомъ дѣлѣ, возможна ли опредѣленная эстетическая мѣрка тамъ, гдѣ публикѣ съ одинаковымъ усердіемъ предлагается прослушивать и классическія произведенія, и игру „балалаечниковъ“, и рассказы изъ народнаго быта, и цыганскіе романсы, и аріи, состоящія цѣликомъ изъ спряженія глагола „любить“ по всѣмъ наклоненіямъ, временамъ, залогамъ и лицамъ, въ перемежку съ склоненіемъ личныхъ мѣстоименій... Многіе, вѣроятно, съ большимъ-бы удовольствіемъ прослушали что-либо содержательное, чѣмъ романсъ, состоящій изъ словъ: ты любишь меня, онъ любитъ меня, я люблю“... (кажется тоже) себя.

О дѣтскихъ вечерахъ „Родника“, на которыхъ 10—12-лѣтнія дѣвочки танцуютъ съ студентами и гимназистами: *mignon, pas de patineurs, arcadienne* и т. п.—не стоитъ говорить...

Чрезвычайно своеобразное явленіе, неизвѣстное городамъ съ русскимъ населеніемъ, представляетъ юрьевское эстонское „общество“, точнѣе—клубъ, такъ называемый „Ванеймуне“. Членами клуба состоятъ исключительно лица „простого званія“—мелкіе ремесленники, различнаго рода служители, прислуга,—словомъ, клубъ носитъ вполнѣ „демократическій“ характеръ. Цѣль существованія клуба—дать осмысленный отдыхъ въ праздничные дни трудящемуся люду. И это достигается только само-

дѣятельностью членовъ клуба. Почти каждое воскресенье въ помѣщеніи „общества“, имѣющаго собственный, спеціально приспособленный для этого залъ, ставится какая-либо пьеса-комедія, драма, „драма съ пѣніемъ“ и даже оперетка. Всѣ роли исполняются или членами или любителями, принадлежащими къ тому же классу населенія. Между ними есть и режиссеры, и реквизиторы, и суфлеры. Вчерашній сторожъ — сегодня является въ роли короля; горничная днемъ — вечеромъ пожинаетъ лавры въ роли „примадонны“. Между „артистами“ есть положительные таланты. Плата за входъ на спектакли и вечера — незначительная, и городское, отчасти и деревенское окрестное населеніе, съѣзжающееся въ городъ въ праздничные дни, имѣетъ возможность провести время въ своемъ кругу, пользуясь „духовными“ развлечениями.

Жизнь Юрьева рѣзко отличается отъ жизни другихъ городовъ. И недалеко то время, когда молодые не будутъ знать этой жизни, она вымретъ и перейдетъ въ область исторіи. Къ этимъ же вымирающимъ формамъ общественной жизни можно всецѣло отнести торжественную встрѣчу новаго и проводы стараго года всѣмъ городомъ.

10 часовъ вечера 31 декабря. Магазины одинъ за другимъ запираютъ свои двери, и желѣзныя занавѣски заволакиваютъ яркій свѣтъ витринъ; одни колеблющіеся газовые рожки освѣщаютъ узкія улицы и придаютъ фантастическіе образы высокимъ громадамъ домовъ. Среди полумрака еще рельефнѣе выдѣляются тамъ и сямъ окна, залитыя свѣтомъ горящихъ елокъ. Огромная площадь „Gross Markt“, раскинутая отъ ратуши до Екатерининскаго моста, начинаетъ оживать. Со всѣхъ концовъ го-

рода тянутся группы юрьевцевъ обоего пола. Старики, молодые люди и дѣти волнами устремляются и наполняютъ площадь. Тротуары и самая улица набиты народомъ, ѣзда прекращается, и даже пѣшему трудно пробраться черезъ эту живую стѣну. Стрѣлки матоваго циферблата часовъ на высокой башнѣ ратуши показываютъ 11. Неслышно рѣзкаго крика и смѣха, разговоры ведутся въ полголоса, — всѣ какъ-бы прониклись торжественностью наступающаго событія. Несмотря на разговоры, время тянется убійственно долго. Минутная стрѣлка чуть-чуть ползетъ и едва подвигается впередъ. Бьетъ $\frac{3}{4}$, и среди всеобщей тишины раздается одинокій крикъ подвыпившаго человѣка, привѣтствующаго Новый годъ, и моментально смолкаетъ. Осталось 5 м. Волненіе толпы возрастаетъ до крайней степени, нѣкоторые не выдерживаютъ — слышится рѣзкій свистъ, одинъ, другой, и наконецъ, вся площадь оглашается свистомъ и шиканьемъ. Это приличные проводы, законная месть старому году. Не мало-таки насолилъ онъ, довольно-таки голода и холода встрѣтила эта толпа, состоящая преимущественно изъ бѣдныхъ классовъ города. Другое дѣло Новый годъ. Онъ навѣрное будетъ легче, осушить ихъ прошлогоднія слезы, принесетъ съ собой счастье и обезпеченную жизнь... Уже одна минута отдѣляетъ древняго старца отъ цвѣтущаго юноши — Новаго года. Свистъ смолкаетъ, и съ первымъ ударомъ 12-го часа громкое „ура“ вырывается изъ груди cadaго. Дѣтскіе, мужскіе и женскіе голоса сливаются въ одинъ гулъ, разносятся по всему городу и далеко-далеко за его предѣлы. Толпа мигомъ теряетъ свою солидность, оживаетъ, и среди несмолкающаго гула раздаются привѣтствія знакомымъ и незнакомымъ стереотипной фразой: „prosit neue Jahr“. Окна домовъ, выходящихъ на площадь, быстро раскрываются, и въ нихъ,

освѣщенные елочнымъ свѣтомъ, появляются фигуры съ бокалами въ рукахъ, поздравляя горожанъ съ Новымъ годомъ. Тамъ и сямъ вспыхиваютъ бенгальскіе огни римскія свѣчи, ослѣпительный свѣтъ магнія. Крики ни на минуту не смолкаютъ, и расходящаяся публика чуть не цѣлый часъ оглашаетъ улицы города зычнымъ „ура“. Всѣ бредутъ по своимъ домамъ распить стаканы новогоднего вина или пива. Лица всѣхъ радостны и сіяютъ. Бѣднякъ хотя на время примиряется со своей участью, отдыхаетъ отъ трудовъ, забывая грусть-кручину среди праздничной обстановки домашняго очага. Только заѣзжему человѣку трудно было настроить себя подъ общій тонъ. Оторванному отъ семьи, неимѣющему ни одной знакомой души, не пришлось выйти изъ роли объективнаго наблюдателя. Какъ-то скверно и тяжело было на его сердцѣ. Машинально шлепая по лужамъ, грустно поплелся онъ на свою квартиру, чтобы излить свою душу въ письмахъ на далекую, милую родину. ¹⁾

Юрьевъ игралъ нѣкоторую роль въ жизни Пушкина. Въ Дерптѣ жила А. П. Кернъ, мужъ которой служилъ въ Ригѣ комендантомъ, и къ ней ѣздили гостить туда ея сестра, А. Н. Вульфъ и П. А. Осипова со всѣмъ семействомъ,—все близкіе знакомые Пушкина. Во время подневольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ сильно порывался въ Остзейскій край. Магнитомъ, который притягивалъ его туда, была А. П. Кернъ. Но и самъ край возбуждалъ любопытство Пушкина.

Во время пребыванія въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ мечталъ о бѣгствѣ за границу при содѣйствіи дерптскаго студента Вульфа. Предполагалось, что Пушкинъ выпроситъ позволеніе пріѣхать въ Дерптъ, чтобы воспользоваться врачебной помощью хирурга Мойера, и

¹⁾ „Бирж. Вѣдом.“

оттуда уѣдетъ за границу. Къ счастью для Россіи и для самого Пушкина его безумная попытка не удалась. Вскорѣ послѣ этого неудавшагося путешествія въ Дерптъ новое обстоятельство влечетъ Пушкина въ „Ливонскія Аѳины“. Знакомство съ Языковымъ и его рассказы и пѣсни о „безподобномъ дерптскомъ житьѣ“ вызвали въ Пушкинѣ желаніе посѣтить „градъ профессоровъ и скуки“. Памятникомъ этого также неосуществившагося желанія остались поэтическія посланія Пушкина въ Дерптъ. Въ одномъ изъ этихъ посланій Пушкинъ писалъ Языкову:

„Давно бѣ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой.
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей“.

„Къ тебѣ собирался я давно
Въ нѣмецкій край, тобой воспѣтый,—

говорилъ Пушкинъ въ 1829 году въ посланіи къ Языкову, намекая на Дерптъ, о которомъ Языковъ отзывался съ такимъ восторгомъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ („Къ А. Н. Вульфу“, „Отъѣздъ“, „Къ А. Н. Тютчеву“, „Прощальная пѣсня“ и т. д.).

Въ жизни Жуковскаго Дерптъ имѣлъ роковое значеніе. Извѣстно, что Жуковскій, по особеннымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ Аѳ. Ив. Бунина (въ селѣ Мишенскомъ, Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ.) дѣтскіе и юношескіе годы свои провелъ въ сельской и провинціальной обстановкѣ среди многочисленныхъ членовъ семьи, родственной ему по кровнымъ узамъ и по взаимной и душевной симпатіи, но формально чужой и посторонней. Особенно сблизился онъ съ двумя своими племянницами Марьей Андреевной и Александрой Андреевной Протасовыми, дочерьми Екатерины Аѳанась-

евны, родной дочери Аѳан. Ив. Бунина, отца Жуковскаго. Будучи на 13 лѣтъ моложе Екатерины Аѳанасьевны, онъ всегда видѣлъ въ ней скорѣе тетку, нежели сестру, а въ своихъ племянницахъ видѣлъ болѣе сестеръ, съ которыми соединяла его не только долговременная совмѣстная жизнь, но и болѣе серьезныя узы: въ 1805 г., когда Марья Андреевна было 12 лѣтъ, а Александръ Андреевичъ 10, Жуковскій вызвался, въ виду тяжелаго матеріальнаго положенія Екатерины Аѳанасьевны послѣ смерти мужа, обучать ея дочерей, для чего они и поселились въ скромномъ наемномъ домицѣ въ Бѣлевѣ. И вотъ Жуковскій, кончившій курсъ въ „благородномъ пансіонѣ“ при московскомъ университетѣ и уже нѣсколько извѣстный тогда въ литературѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ велъ со своими ученицами систематическія, преимущественно литературныя занятія, увлекаясь вмѣстѣ съ ними чтеніемъ Шиллера и Гете, Шекспира, Расина, Вольтера и Буало, Державина, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно продолжая участвовать въ текущей литературѣ и поддерживать перепиской литературныя знакомства съ обѣими столицами, особенно съ Москвой. Вѣроятно въ эти годы (1805—1808) совмѣстныхъ литературныхъ занятій образовалась и окрѣпла у Ж-го та глубокая привязанность его къ старшей изъ своихъ ученицъ, Марья Андреевна, которая сыграла столь видную роль во всей послѣдующей его жизни; едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что Марья Андреевна, въ свою очередь сильно полюбившая Ж-го, оказала сильное вліяніе на своего учителя своей глубоко-нѣжной, женственной и воспріимчивой душой, развивая въ немъ положенные природой зачатки мечтательности и романтизма.

Въ концѣ 1816 г. романическая любовь Жуковскаго окончилась крайнимъ самопожертвованіемъ: уступая прось-

бамъ сводной сестры, отъ даль согласіе племянницѣ Маріи Андреевнѣ Протасовой на бракъ ея съ Мойеромъ, профессоромъ Юрьевскаго ун-та. Въ Дерптѣ онъ навѣщаль ту, съ которой судьба не позволила ему соединиться.

Такъ какъ сама Протасова, выдавъ вторую дочь свою Александру Андреевну за А. Θ. Воейкова, назначеннаго профессоромъ русской словесности при Дерптскомъ ун-тѣ, переселилась въ Дерптъ, то Жуковскому являлась возможность часто посѣщать этотъ городъ и оставаться тамъ на болѣе значительное время. По словамъ академика Я. Грота, связь Жуковскаго съ Дерптомъ еще болѣе сроднила его съ нѣмецкой литературой и вызвала нѣсколько новыхъ произведеній, заимствованныхъ изъ его любимаго міра поэзіи.

Покидая Дерптъ по волѣ сестры своей, Жуковскій говорилъ: „Романъ моей жизни оконченъ—теперь начинается исторія!“ Впрочемъ, ему снова пришлось пережить утраченную радость, когда 19 марта 1823 г. скончалась Марія Андреевна Протасова-Мойеръ. Смерть эта вызвала у Ж—го слѣд. стихотвореніе: „19 марта 1823 года“:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна,
Тамъ всѣ земныя
Воспомианья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Со смертію Марьи Андреевны Дерптъ сдѣлался навсегда близкимъ и дорогимъ сердцу Ж-го. Его серьезно стала занимать мысль на всю жизнь поселиться въ этомъ городѣ, вблизи дорогой ему могилы, возлѣ которой приготовилъ онъ мѣсто и для себя, но желаніямъ этимъ не суждено было осуществиться. Съ этихъ поръ русское дерптское кладбище сдѣлалось для него какъ бы мѣстомъ паломничества. „Всякій разъ, какъ только онъ могъ отлучиться отъ своихъ занятій при дворѣ — передаетъ д-ръ Зейблицъ — онъ спѣшилъ уѣхать на могилу Марьи Андреевны, къ своему „алтарю“, на которомъ воздвигнулъ чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ... Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Дерптъ, онъ прежде всего отправлялся поклониться этой могилѣ, вправо отъ почтовой дороги; возвращаясь изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ останавливался тутъ на прощаніе съ могилою. Во все время пребыванія своего въ Дерптѣ, онъ каждый день, одинъ или въ сопровожденіи родныхъ и дѣтей, посѣщалъ это для него святое мѣсто, даже зимою. Изъ всѣхъ картинъ, представляющихъ эту могилу — онъ же много и самъ ихъ нарисовалъ, и заказывалъ писать — преимущественно любилъ онъ одну, представляющую могильный холмъ въ зимней обстановкѣ: на свѣжемъ снѣгу видны слѣды; мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника. Сколько разъ въ теченіе 17-ти лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ!“

Такъ, въ декабрѣ 1823 года былъ онъ въ Дерптѣ, откуда писалъ А. И. Тургеневу, прося его хлопотать въ Петербургѣ въ пользу профессора дерптскаго университета оберъ-пастора Г. Э. Ленца. Затѣмъ былъ онъ въ Дерптѣ лѣтомъ 1824 года, сопровождая туда для леченія (но безъ результата) своего несчастнаго друга поэта К. Н. Батюшкова, и въ этотъ разъ писалъ А. П. Елаги-

ной: „Я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ которымъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина! Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ“. Въ октябрѣ 1827 г. Ж. пробылъ въ Дерптѣ четыре дня; затѣмъ былъ тамъ въ сентябрѣ 1833 года, о чемъ, между прочимъ, записалъ въ своемъ дневникѣ, что дѣлалъ визиты къ Асмусу, Блуму, Порроту, Зенфу. Послѣдній разъ посѣтилъ Ж. Дерптъ 5 мая 1841 года, отправляясь на постоянное житье за границу и спѣша на этотъ разъ въ Штуттгартъ, гдѣ 21 мая была назначена и совершилась его свадьба съ Е. А. Рейтернъ, съ отцомъ которой, впоследствии близкимъ другомъ Ж-го, впервые онъ познакомился также въ Дерптѣ въ 1816 году. Въ этотъ свой пріѣздъ въ Дерптъ Ж., продавши свое имѣніе возлѣ Дерпта Мейергофъ д-ру К. К. Зейдлицу, полученные отъ продажи 115,000 рублей назначилъ въ приданое тремъ дочерямъ А. А. Воейковой (умершей 16 февраля 1829 года въ Итали), а слабоумнаго ея сына Александра распорядился отправить въ Бунино, къ Мойеру, оставившему службу въ Дерптѣ, и Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ. Въ этотъ же послѣдній разъ простился онъ навсегда и съ дорогой ему дерптской могилой этого, по выраженію Ж-го, „земного ангела“, который, въ свою очередь, глубоко вѣрно оцѣнилъ Жуковскаго, сказавши (въ письмѣ къ д-ру Зейдлицу), что „его прекрасная душа есть одно изъ украшеній Божьяго міра“¹⁾.

Въ Юрьевѣ жили многіе выдающіеся ученые, писатели и общественные дѣятели. Въ 1750 г. здѣсь проживалъ Конрадъ Гадебушъ, отличавшійся безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и неумолимою литературною дѣятельностью. Онъ

¹⁾ Ст. проф. Пѣтухова „Р. В.“

собиралъ матеріалы для исторіи лифляндскаго права. Его „Лифляндскія Лѣтописи“ составляютъ важный источникъ для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII в.

Гордость и красота Юрьева — его университетъ. Точно сознавая свое значеніе, онъ взобрался на гору, на самый видъ. Недаромъ его нѣмцы прозвали „сѣвернымъ Гейдельбергомъ“. Тутъ царство науки, и храмы-дворцы ея — университетъ, клиники, анатомическій театръ, обсерваторія — если не блещутъ особой красотой архитектора, то могутъ гордиться своей древностью.

Много вѣковъ существуетъ Юрьевскій университетъ, много превратностей судьбы онъ пережилъ, но роль его не измѣнялась — онъ былъ причиной, зерномъ жизнеспособности Юрьева, основой постепеннаго роста города, центромъ, привлекавшимъ населеніе всего края.

На землѣ всего 155 университетовъ, изъ нихъ по времени основанія Юрьевскій университетъ занимаетъ 80-е мѣсто¹⁾. Основанъ онъ былъ въ 1632 году, еще въ то время, когда вся Лифляндія принадлежала Швеціи.

Въ 1632 г., въ разгаръ тридцатилѣтней войны знаменитый шведскій король Густавъ Адольфъ, — славный герой протестантизма и замѣчательный покровитель наукъ, — положилъ начало существованію Дерптскаго университета, — *Academiae Dorpatensis ad Embesam* (какъ онъ тогда именовался). Дочь Густава — Христина и особенно Карлъ XI также не мало сдѣлали для окончательнаго устройства и процвѣтанія Дерптскаго университета, почему послѣдній и получилъ еще въ исторіи наименованіе *Academiae Gustavo-Caroline*.

Густовъ-Адольфъ актъ объ основаніи университета подписалъ въ лагерьъ подъ Нюрнбергомъ. При открытіи

¹⁾ Самый древній университетъ Болонскій (основ. 1119 г.)

университета, генераль губернаторъ Скитте указалъ, какъ, на главную цѣль основанія университета, чтобы „военная Лифляндія была приведена на путь добродѣтели и нравственности. Большинство профессоровъ были нѣмцы, и потому совершенно правильно названіе этого перваго періода жизни университета шведско-нѣмецкимъ.

Стремленія шведскаго правительства— „привести Лифляндію на путь добродѣтели и нравственности“ путемъ университетскихъ лекцій, не встрѣчали сочувствія въ населеніи. Правительство привлекало въ университетъ студентовъ то угрозами, то обѣщаніемъ разныхъ льготъ, одной изъ которыхъ было даже освобожденіе студентовъ отъ военной службы. Не видя особенной притягательной силы въ этой льготѣ, правительство учредило для студентовъ богатая стипендіи и даже предоставило студентамъ пользоваться бесплатно столомъ. Отчасти эта приманка подѣйствовала, но разныя „столовыя злоупотребленія“ вызывали гнѣвъ студентовъ и даже жалобы. Такъ, 26 декабря 1637 г. студенты подали ректору жалобу, въ которой указывали на то, что „ежегодно имъ ассигновывалось 3,454 тал. на рыбу, мясо, хлѣбъ, пряности и масло; но экономя въ послѣднемъ году „сбросилъ“ съ этой суммы 1, 057 тал.; что они сидятъ въ грязи, столовыя комнаты не убираются, кухарки отвратительны, грязны и бьютъ студентовъ; поэтому они просятъ— „пусть попечители и патроны университета избавятъ ихъ отъ этихъ бѣдъ“.

Двадцатичетырехлѣтнія безплодныя усилія шведскаго правительства къ насажденію образованія и нравственности въ Лифляндіи неожиданно закончились въ 1656 г. разгромомъ самаго Дерпта русскими войсками. Студенты вмѣстѣ съ профессорами покинули университетъ и бѣжали изъ города. Тридцать четыре года не рѣшались

они вернуться въ университетъ, и за это время пытались даже основать новый въ Ревелѣ, просуществовавшій съ 1657 по 1662 г., но затѣмъ закрывшійся.

Въ 1690 году университетъ снова возродился подъ шведскимъ владычествомъ и просуществовалъ 20 лѣтъ. Этотъ второй періодъ называется „Gustaviana Carolina“. На содержаніе университета отведены были правительствомъ пригородныя земли, но собственно въ Дерптѣ просуществовалъ онъ всего 9 лѣтъ. Слухи о войнѣ Швеціи съ Россіей вынудили профессоровъ вмѣстѣ со студентами снова покинуть „alma mater“; они перебрались въ приморскій городъ Перновъ, и тамъ основали университетъ, влачившій жалкое существованіе до 1710 г. Этотъ второй періодъ жизни университета одинъ изъ самыхъ тeneвыхъ, университетская наука въ немъ если не угасла, то и не горѣла яркимъ свѣточемъ. Университетъ за этотъ второй періодъ былъ, въ противоположность первому, шведскимъ,—и по составу профессоровъ (24 шведа и 4 нѣмца), и по контингенту студентовъ. Профессора и студенты соперничали другъ съ другомъ въ нерадѣніи къ своимъ занятіямъ—лекцій не посѣщали ни учителя, ни ученики, но зато въ частной жизни студенчество было очень дѣятельно—тянулася непримиримая вражда шведовъ съ нѣмцами, возгорались драки и побоища. Какъ вели себя тогдашніе студенты, лучше всего указываютъ правила, для нихъ установленныя: „осада домовъ, битье стеколъ въ окнахъ, выламываніе дверей, бросаніе свинцовыхъ шаровъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ—наказываются исключеніемъ изъ университета; оскорбленія, тѣлесныя поврежденія, убійство и дуэль—по закону; игра въ кости и въ карты—четырёхдневнымъ заключеніемъ въ карцеръ; стрѣлянне по ночамъ, кричанье днемъ и ночью, „циклопическій ревъ“ (Kyklopisches Gebrüll)—кар-

церомъ. Послѣ девяти (лѣтомъ послѣ десяти) часовъ вечера ни одного студента не должно быть въ трактирѣ. Каждый студентъ обязывается ежедневно читать Библию. Желающіе получить стипендію должны обѣщать ректору подъ присягой не вступать ни въ какія сообщества и землячества (*nationalia collegia*). Это преслѣдованіе всякихъ сообществъ и землячествъ объясняется стремленіемъ правительства умѣрить такимъ путемъ національную ненависть между нѣмцами и шведами и, главное, ея бурныя проявленія цѣлыми объединенными группами, доходившія до массовыхъ столкновеній, заканчивавшихся убійствами и тяжкими увѣчьями. Столкновенія эти происходили какъ въ первый періодъ существованія университета, такъ и во второй, и между студенческими группами, и между студентами и офицерами, и даже бывали случаи нападенія студентовъ на профессоровъ. Если въ этой картинѣ жизни и поведенія безшабашнаго въ тѣ времена дерптскаго студенчества есть не мало грустнаго, то подчасъ въ своей заносчивости и требовательности студенты доходили до глубокаго комизма, усугублявшагося серьезностью тона этихъ требованій. Вотъ одинъ изъ перловъ. Въ 1699 году двѣнадцать студентовъ обратились въ верховную консисторію съ прошеніемъ на шведскомъ языкѣ, сводившимся къ слѣдующему: „вынужденные кормить себя сами, они бы желали для собственныхъ потребностей варить немножко легкаго пива“. Акцизный инспекторъ отказалъ имъ въ этомъ наотрѣзъ; тогда студенты пришли въ большое затрудненіе, такъ какъ въ городѣ нельзя было достать такого легкаго пива, какого имъ требовалось, и потому они обратились къ ректору, указывая на то, что они должны-де пользоваться своими „привилегіями“. Ректоръ счелъ долгомъ поддержать ходатайство студентовъ, и написалъ бумагу къ канцлеру

Дальбергу съ указаніемъ на § 6 студенческихъ привилегій. Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ результатъ этого пивного ходатайства ¹⁾.

Завоеваніе Дерпта Петромъ Великимъ положило конецъ существованію университета. Войска наши, по выраженію Шереметьева, „все разорили и запустошили безъ остатка“,—до университета-ли было въ тѣ времена разореннымъ жителямъ? Поэтому, хотя Петръ Великій въ своихъ резолюціяхъ 12 октября 1710 г. на прошеніе, поданное ему лифляндскимъ рыцарствомъ, и отмѣтилъ въ 4-мъ п. по поводу „содержанія академіи или высокой школы въ Перновѣ“, что „Его Величество о призваніи искусныхъ профессоровъ такое попеченіе прилагать изволить, чтобы высокая школа благоснабжена была, яко же о оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ; но притомъ оставляетъ себѣ особливаго профессора высокой школы учредить, который славянскому языку обучати и оный бы тамо ввести могъ“,—все-таки университета—этой „высокой школы“—не было учреждено въ теченіе почти цѣлаго столѣтія.

За эти сто лѣтъ, протекшія подъ неразрывной сѣнью мира, городъ успѣлъ понемногу оправиться отъ невзгодъ, развилась вся область, и постепенно появилась вновь нужда въ университетѣ. При этомъ необходимо упомянуть, что за эти сто лѣтъ Лифляндія и Дерптъ въ частности не пребывали безъ высшаго образованія,—въ ней были и проповѣдники, и учителя, и врачи, и юристы, но ихъ было немного, такъ какъ полученіе высшаго образованія сопряжено было съ поѣздкой въ германскіе университеты, а слѣдовательно и съ немалыми тратами. Понятно, гораздо удобнѣе было имѣть свой

¹⁾ Юрьевъ. Очеркъ Эйзена.

университетъ, — свой не только для нѣмцевъ, жившихъ въ Лифляндіи, но и для всей Россіи, далеко не изобиловавшей тогда университетами (первый русскій, московскій университетъ основанъ въ 1775 г., второй — петербургскій въ 1819 г.), да къ тому же нуждавшейся и въ юристахъ и въ образованныхъ техникахъ, и особенно во врачахъ. Къ тому еще, пребываніе русскихъ подданныхъ въ иностранныхъ университетахъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ концѣ XVIII вѣка, благодаря французской революціи. 9 апрѣля 1798 г. былъ изданъ Высочайшій указъ, гласившій, что, „по причинѣ возникшихъ въ иностранныхъ училищахъ зловерныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ“, государь императоръ Высочайше указать соизволилъ: „отправленіе ихъ въ чужестранныя воспиталища воспретить. Но дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію въ особенности благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу, Всемилостивѣйшій государь императоръ соизволилъ оказать Высочайше монаршую волю, чтобы рыцарство курляндское, эстляндское и лифляндское, по собственному ихъ согласію, избрали приличнѣйшее для учрежденія университета мѣсто, и на основаніи, желаемой пользы соотвѣтственнымъ, устроили оный...“ (П. С. З. № 18794).

Въ виду этого, 4 мая 1799 г. былъ Высочайше утвержденъ „Планъ протестантскаго университета въ Дерптѣ“ (Полное Собр. Зак. № 18953). Въ этомъ планѣ сказано, что „курляндское рыцарство назначало удобнѣйшимъ мѣстомъ для основанія университета городъ

Митаву, но Сенатъ, согласно представленіямъ лифляндскаго и эстляндскаго рыцарствъ, отдаетъ преимущество г. Дерпту, ибо онъ находится почти въ срединѣ означенныхъ трехъ губерній; положеніе свое имѣетъ на сухомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Митава окружена болотами; употребляетъ російскую монету и ассигнаціи и, сверхъ того, превосходитъ дешевизною съѣстныхъ припасовъ: слѣдовательно можетъ болѣе доставлять способъ недостаточнымъ родителямъ къ помѣщенію въ предполагаемое училище дѣтей своихъ“. На содержаніе университета, при которомъ „назначается быть и богословскому факультету взамѣнъ семинарій“... потребно ежегодно 56,050 р. При этомъ, однако, въ § 1 плана сказано: „учреждается университетъ для всей Россійской имперіи, наипаче же для рыцарства лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго“. Подчиненъ былъ университетъ „только Сенату“. Съ кончиной императора Павла планъ учрежденія дерптскаго университета перешелъ, какъ духовное завѣщаніе, къ императору Александру I, осуществившему его указомъ отъ 5 января 1802 г. Въ этомъ указѣ Императоръ выразилъ, что дерптскій университетъ создается „во уваженіе государственной пользы, отъ него ожидаемой“. Университетъ получилъ самоуправленіе; право выбора профессоровъ и попечителя было предоставлено дворянству. По настоятельному ходатайству извѣстнаго физика Паррота, ставшаго потомъ академикомъ и пользовавшагося большимъ расположеніемъ Императора Александра I, 12 декабря 1802 г. издана была Высочайшая учредительная грамота, лишившая дерптскій университетъ характера дворянскаго установленія, присвоившая ему имя „Императорскаго“ и представившая назначеніе попечителя правительству, подчинивъ университетъ министерству народнаго просвѣщенія. Этимъ актомъ универси-

тету дано было „мѣсто бывшаго передъ симъ подъ дерптскою крѣпостію, называемое думою, и также мѣсто прежде бывшей шведской церкви, съ ихъ принадлежностями; сверхъ того, изъ казенныхъ 240 лифляндскихъ гаковъ по шведской ревизіи“, а до вступленія во владѣніе ими—по 120,000 р. асс. ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Съ 1802 г. начался, такимъ образомъ, третій періодъ существованія Дерптскаго университета, длившійся до 1889 года. За эти 87 лѣтъ университетъ пережилъ столько же превратностей, столько же метаморфозъ, сколько и самъ Дерптъ. Всѣ реформы, направлявшіяся на университетъ, отражались на самомъ городѣ, и можно смѣло сказать, что съ начала XIX вѣка оба они слились настолько вмѣстѣ, что городъ, казалось, существовалъ какъ бы только ради университета и изъ-за университета. Періодъ этотъ принято называть „нѣмецкимъ“ въ виду ярко выражавшагося преобладанія нѣмецкаго вліянія, нѣмецкаго элемента и въ составѣ профессоровъ, и въ составѣ студентовъ, и въ характерѣ, и въ самомъ способѣ преподаванія. Нѣмецкимъ университетъ сталъ съ самаго начала потому, что преподаватели приглашены были изъ Германіи. Затѣмъ уже пошли по этому проторенному пути, и въ результатѣ получилось то, что университетъ самъ собою сталъ уголкомъ Германіи, пересаженнымъ на русскую почву.

Нѣмецкіе были профессора и попечители. Однимъ изъ первыхъ попечителей дерптскаго учебнаго округа, съ 1817 г., кстати оказавшимъ самому университету огромную услугу въ дѣлѣ его упроченія и расширенія, былъ князь Ливенъ, отставной офицеръ и курляндскій дворянинъ. Ректоромъ университета былъ при немъ про-

фессоръ Эверсъ, родомъ изъ Вестфалии. Оба они украсили университетъ богатѣйшими научными учрежденіями, но они же и наложили на университетъ первый отпечатокъ германизма. ¹⁾

Въ первые годы существованія Дерптскаго университета, студенты называли себя сынами Россіи и по случаю вступленія русской арміи въ Парижъ пѣли на площади Дерпта гимнъ, сочиненный Карломъ Эрн. Беромъ:

Къ небу голубому вознесись
Наша пламенная благодарность!
Веселитесь, храбрые сыны Россіи,
Веселитесь въ стройномъ хорѣ!

Въ половинѣ 1825 г., состоялось посѣщеніе Дерптскаго университета А. С. Шишковымъ. Посѣщеніе министра было громкимъ событіемъ въ провинціальной тиши. Его долго ждали; готовясь къ приему такого важнаго сановника, о немъ толковали задолго до пріѣзда, причемъ заранѣе не мало подсмѣивались надъ добрымъ старикомъ. Но непосредственное впечатлѣніе, произведенное Шишковымъ, неожиданно для всѣхъ оказалось въ его пользу. Дерптскій университетъ былъ передъ тѣмъ въ нѣкоторой опалѣ. Многимъ казалось, что самый характеръ ревизіи долженъ быть враждебный, подготовленный предубѣжденіями. Вышло напротивъ: когда Шишковъ пріѣхалъ въ университетъ, то отнесся ко всему университетскому составу самымъ сочувственнымъ и дружелюбнымъ образомъ; его привѣтливое обхожденіе, чуждое всякаго заискиванія или погони за популярностью, обворожило профессоровъ и студентовъ, и Шишковъ оставилъ Дерптъ, сопровождаемый выраженіями благодарности и шумными оваціями, между тѣмъ какъ прежде можно было скорѣе опасаться враждебныхъ манифестацій.

¹⁾ Юрьевъ. Очеркъ И. М. Эйзена.

Въ періодъ времени приблизительно съ 1802 по 1826 г. вліяніе Дерптскаго университета не распространялось далѣе Прибалтійскаго края; это вліяніе, конечно, было очень благотворно и было однимъ изъ главныхъ факторовъ, создавшихъ культурное состояніе края. Дерптскій университетъ за это время былъ все-таки *настоящій* университетъ и потому распространилъ свѣта гораздо болѣе, чѣмъ Казанскій и Харьковскій. Большое значеніе имѣло и то, что университетъ пользовался полной свободой, отчасти вслѣдствіе своей національности, отчасти вслѣдствіе исключительнаго положенія извѣстнаго друга Императора Александра I, Паррота. Ничего подобнаго дѣятельности Магницкаго и Рунича въ Дерптѣ не было. Всѣ профессора были настоящіе ученые, почему студенты ихъ уважали, и хотя можетъ быть и мало посѣщали лекціи, потому что, какъ гласитъ преданіе, тогда болѣе ѣздили въ манежъ, чѣмъ учились, но все-таки немало знаній перепало и въ общій обиходъ...¹⁾

Въ 1828 г. кн. Ливенъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ писемъ къ ректору Эверсу онъ писалъ въ 1830 г.: „дерптскій учебный округъ и въ особенности университетъ, это — моя слабая сторона, и я испытываю относительно него нѣкоторую невѣроятную болѣзненную чувствительность“²⁾. Благодаря этому ежегодная смѣтная трата казны на университетъ была увеличена почти втрое, — съ 120,000 до 337,000 р. Кромѣ того, за время съ 1818 по 1830 г. онъ выхлопоталъ на клиники — 15,000 р., на ботаническій садъ — 31,000 р., на бібліотеку — 55,000 р., на ана-

1) Университетъ Дерптскій и Юрьевскій. Н. „Рус. Вѣстн.“ 95 г. XI.

2) „Балтійская сторона“ К. К. Случевского.

томическій театръ — 57,000 р., на обсерваторію — 71,000 р. на хозяйство — 65,000 р., на путешествія съ научною цѣлью — 52,000 р., а всего на 1, 002,166 р. ассигнаціями.

Преемникомъ кн. Ливена въ Дерптѣ назначенъ былъ въ 1828 г. сенаторъ баронъ Паленъ, пробывшій въ должности попечителя до 1835 г. Тяжелыя времена іюльской революціи и польскаго возстанія вызвали стремленіе правительства ввести большую дисциплину въ университетахъ, и съ этой цѣлью въ 1836 г. назначенъ былъ попечителемъ генераль-маіоръ Крафштремъ, своею строгостью оставившій по себѣ тяжелую память въ Дерптѣ. Онъ былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, въ видѣ юморестическихъ анекдотовъ, изобрѣтавшихся на его счетъ студентами и отчасти и профессорами. Наука въ возрѣніи Крафштрема была трехъ сортовъ: полезная до извѣстной степени, вредная и годная, и даже необходимая, для препровожденія времени и для забавы людей со средствами.

Смѣнившій кн. Ливена на министерскомъ посту С. С. Уваровъ явился предвѣстникомъ новыхъ вѣяній. Уваровъ считалъ безусловно необходимымъ избавить цѣлый край, принадлежавшій Россіи, населенный русскими поданными, отъ какой-то обособленности, немыслимой въ культурномъ государствѣ. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 7 іюня 1838 г. Уваровъ высказалъ взглядъ, что обрусѣнію края, безуспѣшно дѣлающемуся уже болѣе 100 лѣтъ, можетъ болѣе всего способствовать воспитаніе юношества въ русскомъ языкѣ и духѣ, и при этомъ указалъ, что на это обратилъ вниманіе самъ государь въ 1827 г., когда, посѣтивъ Ригу и Ревель, замѣтилъ въ казенныхъ гимназіяхъ слабые успѣхи по отечественному языку и потому приказалъ, чтобы этотъ недостатокъ, который былъ тогда всеобщимъ во всѣхъ

учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, былъ безуспешно устраненъ. Поэтому рѣшено было, что лучшей способъ обрусѣнія—начинать не съ университета, а снизу, „со школъ и съ гимназій, и такимъ образомъ своевременно могутъ быть подготовлены къ тому всѣ требуемые элементы“¹⁾.

Человѣкъ въ высшей степени мягкій, врагъ всякихъ крутыхъ мѣръ, Уваровъ дѣйствовалъ постепенно, стараясь мало-по-малу завоевать русскому языку право гражданства. 16 декабря 1836 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи слѣдующихъ мѣръ относительно учащихся для усиленія ихъ познаній въ русскомъ языкѣ:

1) „Не принимать съ 16 декабря 1841 г. никого въ Дерптскій университетъ въ студенты ежели не выдержитъ предварительно строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка; 2) не удостоивать званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ точнаго знанія русскаго языка; 3) до того-же времени оказывать надлежащее снисхожденіе вступающимъ въ низшія училища безъ достаточнаго приготовленія въ русскомъ языкѣ; 4) всѣ правила касающіяся изученія русскаго языка считать равно относящимися и къ богословскому факультету“.²⁾ Въ 1842 г. была учреждена кафедра по русскому праву, при чемъ чтеніе лекцій по нему было обязательно на русскомъ языкѣ; въ 1846 г. Уваровъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы, кромѣ лекцій по русской словесности, на каждомъ факультетѣ введено было еще одно чтеніе на русскомъ языкѣ; но всѣ эти предписанія и повелѣнія плохо приводились въ исполненіе, и въ ре-

¹⁾ Юрьевъ. Очеркъ Эйзена.

²⁾ Пятилѣтній срокъ для приложенія этихъ мѣръ былъ назначенъ потому, что гимназіи въ то время состояли всего изъ пяти классовъ.

зультатѣ обрусѣніе университета, а съ нимъ вмѣстѣ и края, подвигалось очень туго; въ видахъ безпристрастія нельзя при этомъ упускать изъ виду и то, что край былъ до того германизированъ, что даже при желаніи ввести въ дѣлопроизводство и преподаваніе русскій языкъ — сдѣлать это было очень трудно за полнымъ съ нимъ незнакомствомъ всѣхъ почти даже власть имущихъ. Не малымъ вмѣстѣ съ тѣмъ тормозомъ обрусѣнію края служило и то, что въ этомъ направленіи не было неуклонности, что проводники правительственныхъ мѣропріятій на мѣстѣ были далеко не одинаковыхъ взглядовъ на этотъ предметъ, и если при одномъ изъ нихъ дѣло обрусѣнія дѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, то при другомъ, преемникъ — опять клонилось къ прежнему *statu quo*, такъ что въ результатѣ всѣ мѣропріятія замирали при первомъ прибытіи къ мѣсту назначенія.

Такъ, мы видимъ, что послѣ Крафштрема, старавшагося проводить задачи правительства, но мало подготовленнаго къ роли руководителя учебнымъ дѣломъ, въ 1854 г. назначенъ былъ попечителемъ сенаторъ Брадке, а послѣ его кончины гр. Кейзерлингъ. Оба эти попечителя, люди очень почтенные и образованные, много сдѣлавшіе для увеличенія средствъ и учебныхъ пособій университета, не могли, однако, отрѣшиться отъ природнаго тяготѣнія ко всѣму нѣмецкому, что, понятно являлось преградой обрусительнымъ стремленіямъ правительства ¹⁾.

Графъ Кейзерлингъ ²⁾, какъ убѣжденный противникъ

1) Юрьевъ. Очеркъ Эйзена.

2) Александръ-Михаиль-Фридрихъ-Либрехтъ, Артуръ графъ Кейзерлингъ какъ ученый извѣстенъ своими геологическими изслѣдованіями о Печерскомъ краѣ.

обрусѣнія Прибалтійскаго края, воспользовался своимъ служебнымъ положеніемъ для того, чтобы по возможности устранить или ослабить изученіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго округа.

9-го января 1865 г. были изданы новый уставъ и штатъ Дерптскаго университета, выработанные еще въ 1857 г. въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ попечителя фонъ Брадке и вновь пересмотрѣнные и дополненные въ 1862 г. по предложенію графа Кейзерлинга. Въ другихъ русскихъ университетахъ уже дѣйствовали уставъ и штатъ 1863 г.; поэтому Министерство Народнаго Просвѣщенія предложило дерптскому университетскому совѣту примѣнить уставъ и штатъ 1863 г. къ Дерптскому университету, но университетъ по совѣту Кейзерлинга отказался отъ штата русскихъ университетовъ и заимствовалъ изъ общерусскаго устава университетовъ только то, что соотвѣтствовало интересамъ руководившей здѣсь партіи. Содержаніе профессоровъ по мѣстному штату было ниже чѣмъ въ другихъ университетахъ, но за то въ Дерптѣ былъ установленъ гонораръ въ томъ же видѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ: профессорамъ была предоставлена возможность „собственными усиліями въ такой степени увеличить свои доходы чтобы въ большей части случаевъ дерптскіе профессора были доставлены не хуже профессоровъ прочихъ университетовъ Имперіи“. Прежнія строгія требованія въ университетѣ по русскому языку были отмѣнены: даже на историко-филологическомъ факультетѣ не обращали вниманія на знаніе русскаго языка, въ уставѣ уже ничего не говорится о степени требованій по русскому языку отъ студентовъ прочихъ факультетовъ; въ числѣ предметовъ испытанія для полученія ученой степени (расп. М. Н. Пр. 30 іюня 1865 г.) русскій языкъ вовсе не упомянутъ.

Съ 60-хъ годовъ, по компетентному свидѣтельству бывшаго ректора юрьевскаго университета А. С. Будиловича, въ университетѣ „беруть перевѣсъ національно-политическія соображенія и задачи“, ¹⁾ и подъ вліяніемъ ихъ руководители его не столько заботились о поднятїи научнаго значенія университета, сколько о сохраненїи его обособленности. Профессора отличались страшнымъ антагонизмомъ ко всему русскому. Особенно этимъ прославился проф. Ширренъ. По какой-то злой насмѣшкѣ судьбы, ему отведена была, какъ предметъ преподаванія, русская исторія, т. е. та область знанія, которая для политическаго воспитанія юношества въ духѣ, враждебномъ Россіи, представляла наиболѣе матеріала. Г. Ширренъ проповѣдывалъ съ университетской кафедры слѣдующее: во-первыхъ, русскіе—не народъ, а *порода*, eine Rasse; во-вторыхъ—„русскіе не знаютъ прошедшаго и не имѣютъ будущности“—русскіе существуютъ какъ-то внѣ исторїи и неспособны создать ничего прочнаго. Такого рода научный нигилизмъ въ Москвѣ или Казани не даль-бы корня; но пересаженный въ Варшаву или Юрьевъ, онъ естественно долженъ породить политическій сепаратизмъ. Могъ-ли въ самомъ дѣлѣ г. Ширренъ, не кривя душою, совѣтовать своимъ слушателямъ связать свою судьбу съ судьбою Россіи, когда по его понятіямъ это значило-бы заживо похоронить себя въ объятїяхъ какого-то чудовищнаго продукта смѣлой случайности, обреченнаго на неминуемое разложеніе? Всмотрѣвшись въ тотъ фантастическій образъ, который онъ выводилъ передъ ними подъ именемъ Россіи, могли-ли они сами, даже безъ всякихъ совѣтовъ или внушеній съ его стороны, не почувствовать нѣкотораго отвращенія,

1) „Журн. минист. народн. просв.“, 1895 г., № 8.

нѣкоторой боязни заразиться и очень естественнаго желанія спасти себя для исторической жизни, пристроившись къ какому-нибудь другому, здоровому организму? Можетъ быть, иному читателю покажется страннымъ, что преподаваніе русской исторіи ввѣрено было лицу, не признававшему за Россією права на историческое бытіе, однако это фактъ, и при оцѣнкѣ его не должно забывать, что дѣло происходило въ области, состоявшей на особыхъ правахъ, во многихъ отношеніяхъ не подходившихъ подъ общепринятая понятія. Если находили возможнымъ оставлять въ Лифляндіи судъ и администрацію въ рукахъ сословія, не признающаго обязательности Свода Законовъ, то ничего особенно мудренаго нѣтъ и въ томъ, что, въ лицѣ г. Ширрена, остзейскій сепаратизмъ, переименованный въ русскую исторію, обзавелся на счетъ казны особою кафедрою и, по распоряженію правительства, сдѣлался, какъ самостоятельная наука, предметомъ обязательнаго преподаванія и обязательнаго слушанія... Учащаяся молодежь высоко цѣнила даровитаго профессора, оберегавшаго ея будущность спасительными своими предостереженіями, и при первомъ удобномъ случаѣ по-своему выразила ему свое сочувствіе, перебивъ окна и задавъ кошачій концертъ другому профессору того-же университета, безвинно заподозрѣнному въ неодобреніи политическаго православія г. Ширрена. Нужно замѣтить, что въ новѣйшихъ Дѣяніяхъ Великой Греціи (какъ называли Лифляндію нѣкоторые изъ ея сыновъ¹⁾) подобнаго рода манифестаціи считались признакомъ высшей культуры и заявленіемъ уваженія къ свободѣ мнѣній.

1) „Быть гаванью и Великою Грецію Россіи, таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края“. См. брошюру: Политическое призваніе Остзейскаго края, очеркъ Б. К. Г. Петерб., 1870 г.

Изъ среды студентовъ юрьевскаго университета съ 60-хъ годовъ не оказывается достаточнаго числа подготовленныхъ ученыхъ для замѣщенія въ этомъ университетѣ преподавательскихъ должностей. Съ этого времени снова начинается приливъ ученыхъ изъ-за границы, не смотря на то, что еще 14 августа 1851 г. Императоръ Николай I выразилъ увѣренность, что Юрьевскій университетъ „можетъ обойтись безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ“.

Университетъ принужденъ былъ довольствоваться отбросами германскихъ университетовъ; въ Дерптъ пріѣзжали молодые приватъ-доценты начинать свою ученую карьеру; тѣ, которые оказывались способными, получали, научившись въ Дерптѣ преподавать, мѣста въ Германіи; заявившіе въ Дерптѣ свою негодность оставались тутъ. Конечно, къ счастью университета, оставались подолгу и способные ученые, или по случайному неимѣнію въ Германіи вакансіи, или потому, что по неуживчивости характера, вѣроисповѣданію и т. п. не получали мѣста въ Германіи. Заграничные профессора считали себя несчастными въ Дерптѣ и всею душою стремились на родину; особенно раздражало ихъ недостаточное содержаніе ¹⁾.

Съ 1870 г. начинается упадокъ университета. По мнѣнію г. Н-ва, признаки упадка Дерптскаго университета слѣд.: 1) онъ потерялъ всякое значеніе для Россіи, 2) не могъ существовать самостоятельно, 3) для привлеченія слушателей давалъ имъ привилегіи, и 4) сталъ заниматься политикою.

Прискорбно, что университетъ, на который, изъ своихъ скромныхъ средствъ, государство тратило болѣе двухъ сотъ тысячъ въ годъ, не считая пенсій преподавателямъ

1) Университетъ Дерптскій и Юрьевскій. Н. „Рус. Вѣстн“

и чиновникамъ, университетъ для всего нашего обширнаго отечества, за исключеніемъ трехъ губерній, — какъ бы не существовалъ; даже въ то лучшее время, когда все стремилось къ просвѣщенію, мы ѣхали учиться въ Германію, Францію, но въ Дерптѣ русскіе считались единицами; несмотря на всю нашу скудость въ учебныхъ заведеніяхъ, Дерптъ забылъ объ Россіи, т. е. о ста милліонахъ. Нѣмцы не хотѣли знать ничего русскаго; покровительствуемые и отличаемые правительствомъ, они и къ нему только тогда относились сочувственно, когда оно оказывало имъ явное предпочтеніе и соблюдало ихъ нѣмецкіе интересы.

Шли годы, все прогрессировало, измѣнялось, принимало инныя формы. Но дерптскіе студенты и жизнь ихъ — строго были консервативны. Тамъ, на горизонтѣ внутренней политики страны, собирались тучи, гремѣли грозы — но они спокойно и увѣренно жили, не желая ничего знать про Россію. Дерптскій университетъ не принималъ ровно никакого участія въ русской общественной, умственной и литературной жизни.

„Еслибы тогда этотъ университетъ захотѣлъ быть полезнымъ для Россіи, онъ бы сыгралъ крупную роль въ развитіи нашей образованности, но онъ, вмѣсто того, чтобы быть первымъ русскимъ университетомъ, предпочелъ быть послѣднимъ германскимъ“. „Нужно припомнить, что переживала въ то время Россія, какъ она нуждалась въ просвѣщеніи и, наконецъ, — что самое главное, — какъ стремилась къ нему“.

„Особенно убѣдительно доказывается паденіе университета тѣмъ, что онъ не могъ существовать самостоятельно, т. е. имѣть преподавателей изъ числа своихъ воспитанниковъ, даже послѣ шестидесятилѣтняго своего существованія. Несомнѣнно, что въ это время въ университетѣ

было двѣ партіи: балтовъ, т. е. русскихъ нѣмцевъ, и иностранцевъ; иностранцы были на сторонѣ правительства, балты составляли оппозицію; взаимная ненависть была весьма велика. Балты обвиняли иностранцевъ въ корыстолюбіи, пренебреженіи къ университету и т. п.; иностранцы обвиняли балтовъ въ невѣжествѣ и политиканствѣ.

„Балты всею душою желали обойтись своими силами, не приглашать иностранцевъ, но положительно не могли дѣлать профессорами своихъ собственныхъ учениковъ. Способнѣйшіе ученики уходили за границу, напримѣръ, Бергманъ (Берлинъ), Оствальдъ (Лейпцигъ), настоящей университетской атмосферы не было, никто не желалъ работать при политиканствующемъ университетѣ, и балты, чтобы сохранить господствующее положеніе, должны были приглашать балтовъ изъ Россіи, совершенно не подготовленныхъ, не имѣющихъ степени приватъ-доцентовъ.“

„Университетъ, сознавая, что, при его состояніи, онъ не можетъ привлекать слушателей, долженъ былъ привлекать къ себѣ молодыхъ людей различными привилегіями. Одни изъ нихъ были безвредны для Россіи, и потому объ нихъ долго говорить не стоитъ; отсутствіе инспекціи, почти полная безнаказанность студентовъ, корпораціи — все это или хорошо, или, по крайней мѣрѣ, безвредно. Но этихъ невинныхъ привилегій было мало, и университетъ пользовался прямо преступными привилегіями. Общеизвѣстно, что въ Дерптѣ студенты прямо сдавали экзаменъ на доктора, черезъ два-три мѣсяца защищали диссертациі и такимъ образомъ садились на шею воспитанникамъ русскихъ университетовъ. Такой возмутительной привилегіи ни одинъ человекъ защищать не станетъ. Понятно, что дипломъ магистра, а

тѣмъ болѣе кандидата и дѣйствительнаго студента получить было еще легче. Для облегченія лѣнтяямъ получать академическія степени—*а слѣдовательно и мѣста*, были изобрѣтены удивительныя спеціальности—дипломатія, національная экономія; я старался узнать, что собственно долженъ былъ изучать кандидатъ национальной экономіи—но не могъ узнать; дипломатическіе кандидаты уклонялись отъ отвѣта, а откровенные отвѣчали: *eigentlich nichts*; нѣкоторые кандидаты мнѣ говорили, что они въ суммѣ посѣтили 20—30 лекцій. Насколько университетъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ для привлеченія слушателей, можно судить по слѣдующему: въ Дерптѣ было поразительно много формацевтовъ; нѣмцы, конечно, объясняютъ это тѣмъ, что профессоръ формации Драгендорфъ былъ крупный ученый; дѣйствительно, это былъ лучшій ученый изъ иностранцевъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы онъ получилъ кафедру въ Германіи (выслужилъ полную пенсію и уволенъ въ отставку 1894 г.); нѣмецкія газеты распустили слухъ, что ему предлагали въ 1895 г. кафедру, въ Берлинѣ, но онъ отказался—такой баснѣ могутъ вѣрить люди, не знающіе дѣла и Драгендорфа. Фармацевты—это юноши, исключенные за тупость изъ гимназіи или вышедшіе изъ гимназіи по бѣдности; понятно, что они идутъ туда, гдѣ легче получить дипломъ—а въ Дерптѣ вмѣсто *четырехъ* семестровъ, требуемыхъ уставомъ русскихъ университетовъ, нужно было прослушать всего *три* семестра. Кромѣ того, по уставу для поступленія въ университетъ въ Россіи требуется, чтобы юноша *три* года пробылъ ученикомъ въ аптекѣ, а въ Дерптѣ принимали лицъ, пробывшихъ учениками въ аптекѣ менѣе этого срока. Я не знаю, почему начальство дало эту привилегію Дерптскому университету; слѣдуетъ стыдиться, а не гордиться этой привилегіей. Ей

особенно воспользовались евреи, дешево и скоро получавшіе въ Дерптѣ дипломъ, открывающій имъ входъ за черту осѣдлости для открытія въ Россіи гешефтовъ.“¹⁾

„Всѣ благомыслящіе люди согласны въ томъ, что университеты не должны заниматься политикой; по своимъ собственнымъ людямъ слабости, университеты отступали отъ этого правила; наука, прогрессъ, свобода, гуманность очень близки другъ къ другу, и потому университеты иногда участвовали въ политикѣ. Крайне возмутительно, если университетъ становится оплотомъ средневѣковыхъ привилегій, разсадникомъ національной вражды пособникомъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, а именно такова была въ послѣдній періодъ роль Дерптскаго университета.“

„Еще не настало время описать политическую дѣятельность Дерптскаго университета, — говоритъ Н—въ; я укажу тутъ только на его основную тенденцію по отношенію къ воспитанникамъ, рѣзко бросающуюся въ глаза всякому наблюдателю; она резюмируется слѣд. образомъ: *мы, нѣмцы — привилегированное племя; Германія — наше духовное отечество: Россія — варварская страна, населенная невѣжественнымъ, лживымъ пьянымъ народомъ, мы предназначены, черпая свои силы изъ сильной, великой Германіи, цивилизовать Россію, или говоря иначе, занимать наиболее выгодныя мѣста. Могу увѣрить, что въ Германіи, Франціи и даже Итали образованные люди имѣютъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія о Россіи, чѣмъ имѣли воспитанники Дерптскаго университета.“²⁾*

Начальство приказало, чтобы всѣ студенты посѣщали лекціи русской литературы и держали экзаменъ, состоявшій въ объясненіи классическихъ произведеній русской

¹⁾ „Ун—тъ Дерптскій и Юрьевскій“. Н—ва „Рус. Вѣст“.

²⁾ Ъб.

литературы; большинство читали нѣмецкіе переводы. Одинъ на выпускномъ экзаменѣ отвѣтилъ: Татьяна типъ русской женщины, потому что она любитъ одного, выходитъ замужъ за другого, и согрѣшаетъ съ третьимъ... *Si non e vero, e ben travato...* ¹⁾.

Проведеніе въ жизнь основной тенденціи было очень выгодно и профессорамъ, и студентамъ: на казенный счетъ нарастала новая привилегированная каста, члены которой были глубоко убѣждены въ своемъ превосходствѣ и потому правъ на исключительное положеніе. Громадное большинство врачей, кончившихъ курсъ въ Дерптѣ, считали ниже своего достоинства идти въ земство — „сидѣть въ глуши и получать какую-то несчастную тысячу прилично русскимъ врачамъ — они и учились мало, и гимназіи у нихъ хуже нашихъ, и университеты нельзя сравнивать съ нашимъ“.

Отчужденіе отъ Россіи было полное, русская наука игнорировалась. Русской литературой никто не интересовался, и трудно было встрѣтить дерптскаго студента, прочитавшаго въ подлинникъ Пушкина, Толстого, Гоголя, даже въ переводѣ читали немногіе; громадное большинство только на лекціи слышали, что были такіе писатели въ Россіи. Наша общественная мысль не интересовала балтовъ, наша интеллигенція просто презиралась: „Ваша интеллигенція занималась нигилизмомъ, а мы дѣлали дѣло; понятно, что мы занимаемъ лучшія мѣста, а ваши образованные люди не у дѣль“, — говорили Н—ву. Все мѣстное казалось имъ верхомъ совершенства, конечно, неизмѣримо лучше, чѣмъ въ Россіи; одинъ изъ образованнѣйшихъ балтовъ говорилъ г. Н—ву: „у насъ не можетъ быть нигилизма, потому что у насъ хороши аграрныя

¹⁾ ib.

отношенія; въ Россіи аграрныя отношенія очень дурны, и потому интеллигенція увлеклась нигилизмом“; другой говорилъ: „у насъ можно ѣздить во второмъ и даже въ третьемъ классѣ, въ Россіи нужно пересѣсть въ первый“¹⁾.

Рядомъ съ такимъ выгоднымъ для балтовъ отношеніемъ къ своей благодѣтельницѣ, благоговѣніе передъ Германіей было самое раболѣпное. Ужасно то, что цѣнилась не просвѣщенная, культурная, трудолюбивая Германія, нѣтъ, благоговѣли балты передъ Бисмарковской Германіей; сила, армія побѣды Германіи, — вотъ что наиболѣе цѣнилось.

„Одинъ профессоръ-балтъ, большой поклонникъ Бисмарка, во время изгнанія поляковъ и евреевъ изъ Германіи Бисмаркомъ, всегда *на лекціяхъ* прославлявшій Бисмарка, на лекціи говорилъ: я знаю, нѣкоторые изъ васъ возмущены распоряженіемъ Бисмарка, считаютъ этотъ приказъ безнравственнымъ, но, господа, такъ разсуждать нельзя; никто не спрашиваетъ — нравственно или безнравственно сшиты сапоги, а судятъ сапоги по ихъ прочности, красотѣ и т. п.; супъ бываетъ питателенъ, вкусенъ, или нѣтъ, но никто не говоритъ, что онъ нравствененъ или нѣтъ; такъ слѣдуетъ судить и о политическихъ мѣропріятіяхъ; они могутъ быть полезны или вредны, своевременны или нѣтъ, а не нравственны или безнравственны, и я сейчасъ докажу вамъ, что эта мѣра Бисмарка была своевременна и полезна для Германіи. При формальной благонадежности и благонамѣренности, понятно, ничего прямо запрещеннаго не говорилось, но въ какомъ ложномъ къ Россіи отношеніи стояли балты, можно судить по слѣдующему: одинъ профессоръ-балтъ говорилъ мнѣ: только наши враги рѣшаются утверждать, что мы

1) 1б.

желаемъ войны между Германіей и Россіей; напротивъ, всякій разумный балтъ вполне понимаетъ, что отъ этой войны больше всего проиграетъ нашъ край—въ началѣ войны, по всей вѣроятности, будутъ имѣть успѣхъ нѣмцы, они займутъ край и будутъ, конечно, здѣсь приняты хорошо; затѣмъ Россія осилитъ Германію, и русскія войска займутъ нашъ край, какъ враждебный, и правительство навсегда потеряетъ довѣріе къ нашей лояльности“...

Политиканство балтовъ было такъ нелѣпо, что встрѣтило прежде всего отпоръ со стороны иностранцевъ. Кто жилъ долго въ Германіи, тотъ согласится со мною, что нѣмцы въ Германіи во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо лучше нашихъ нѣмцевъ, испорченныхъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ Россіи. Честные, хорошо образованные, трудолюбивые иностранцы-профессора не могли сочувствовать балтамъ въ ихъ стремленіи сохранить привилегированное положеніе съ тѣмъ, чтобы эксплуатировать Россію въ пользу прибалтійцевъ. Почти каждый иностранецъ-профессоръ за время своихъ занятій въ лабораторіяхъ, семинаріяхъ и т. п., встрѣчался съ молодыми русскими учеными и потому понималъ, что въ Россіи есть люди и получше профессоровъ-балтовъ. Одинъ профессоръ-иностранецъ рассказывалъ мнѣ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ русскими за границей и потому былъ возмущенъ пренебреженіемъ къ русскимъ этихъ „глупыхъ балтовъ“.

Въ Дерптѣ на сторонѣ Россіи были иностранцы, а противъ — русскіе подданные. Когда начальство 1891 г. нашло необходимымъ лишить должности проректора-балта, былъ назначенъ иностранецъ, на честность и благоразуміе котораго, и вполне основательно, полагались болѣе, чѣмъ на балтовъ. Истинно-культурные иностранные

ученые не могли сочувствовать балтамъ въ ихъ тенденціи сохранить въ краѣ средневѣковые порядки, а въ Россіи привилегированное положеніе. Духъ Дерптскаго университета претилъ всякому безпристрастному человѣку, что, конечно, доказывается поведеніемъ иностранцевъ-профессоровъ.

При такомъ состояніи университета, атмосфера въ Дерптѣ была крайне неблагопріятная для мысли и вообще для добраго, свѣтлаго, чистаго — того, что мы, рускіе, привыкли любить въ нашемъ студенчествѣ. Кто знаетъ только русскихъ студентовъ, тотъ не согласится признать студентами — молодыхъ людей, числившихся студентами Дерптскаго университета. Нужно сказать, что балты вообще, а студенты въ особенности любили свой университетъ, такая любовь на первый взглядъ говоритъ въ пользу университета, сумѣвшаго внушить къ себѣ большую любовь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ балтамъ было не любить свой университетъ, гдѣ они, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самой веселой жизни, сдавали экзамень, когда то имъ было угодно, за что получали дипломы, обезпечивающіе на всю жизнь привилегированное положеніе; на что русскій долженъ былъ потратить восемь лѣтъ, балту нужно было пять, на что русскому два года, балту полтора. Было бы неестественно не любить такую добрую на счетъ, конечно, Россіи, *Alma Mater*¹⁾).

Конечно, студенты посѣщали лекціи, записывали ихъ, выучивали и сдавали экзамены, въ зависимости отъ своихъ средствъ такъ, чтобы занятія не мѣшали веселиться; бѣдные учились больше и сдавали экзамены поскорѣе, богатые больше веселились и отлагали экзамены съ года на годъ. Чего-либо похожего на собранія или кружки

1) Ib.

съ цѣлью саморазвитія тутъ не было, не было увлеченія ни литературой, ни планами о благоденствіи чело-вѣчества, родины, не было симпатій къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“. Эти молодые люди были преисполнены сознанія собственнаго превосходства и потому права хорошо жить на счетъ русскихъ, эстонцевъ, латышей и т. под. Политическія и общественныя воззрѣнія у дерптскихъ студентовъ были самага не высокаго качества.

„Нѣкоторое исключеніе составляли студенты-теологи; у тѣхъ все-таки была „идея“, они считали себя призванными насаждать германизмъ, а слѣдовательно цивилизацію, бороться противъ варварства и даже пострадать въ этой борьбѣ...

Удушливость дерптской атмосферы выражалась даже въ самихъ студенческихъ увеселеніяхъ; гвоздемъ увеселеній считалось: въ началѣ и концѣ семестра на нѣсколькихъ экипажахъ ѣхать въ кабакъ за городъ; тамъ въ отдѣльной комнатѣ, или in's Grüne, всѣ пили какъ можно больше; когда набиралось мертвыхъ тѣлъ достаточно, чтобы нагрузить ими экипажъ, послѣдній отправлялся въ городъ. Такимъ образомъ пьянство длилось до тѣхъ поръ, пока послѣдній экипажъ увозилъ опьянѣвшихъ „героевъ“. Удивительно то, что *всѣ* находили, что это очень хорошо и очень весело. Даже профессора-медики не находили нужнымъ бороться противъ столь вреднаго въ молодости пьянства. Одинъ благоразумный балтъ говорилъ мнѣ, что величайшее благодѣяніе желѣзной дороги для Дерпта въ томъ, что она многихъ спасла отъ гибели съ пьянства: съ проведеніемъ желѣзной дороги всѣ студенты стали уѣзжать на лѣтнія и зимнія каникулы, во время которыхъ достаточно отрезвлялись отъ пьянства въ теченіе семестровъ¹⁾.

¹⁾ Іь.

Реформа и руссификація Дерптскаго университета были необходимы; это сознавали уже давно лучшіе умы и въ Россіи, и даже въ Германіи.

Послѣ гр. Кейзерлинга попечителемъ былъ А. А. Сабуровъ. Онъ прямо и открыто говорилъ, что призванъ обрусить остзейскія провинціи, но только не силой, не безцѣльной жестокостью, а мирно, постепенно. И за время своей дѣятельности, длившейся всего только пять лѣтъ—съ 1875 по 1880 г.—онъ не встрѣчалъ противо-дѣйствія своимъ мѣропріятіямъ, клонившимся къ явному обрусѣнію. Но Сабуровъ недолго былъ попечителемъ и, по примѣру кн. Ливена, былъ отсюда прямо назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Смѣнившій его въ должности попечителя сенаторъ баронъ А. Штакельбергъ былъ послѣднимъ „дерптскимъ“ попечителемъ и закончилъ своимъ управленіемъ цѣлую эпоху въ прибалтійскомъ школьномъ дѣлѣ. Когда правительствомъ рѣшено было подвергнуть мѣстную школу коренной реформѣ, то баронъ Штакельбергъ, симпатизировавшій дореформеннымъ порядкамъ, былъ замѣненъ М. Н. Капустинымъ, и „дерптской“ эрѣ наступилъ конецъ.

За время попечительства М. Н. Капустина—съ 1883 по 1890 г.—дѣло преобразованія прибалтійскихъ учебныхъ заведеній и Дерптскаго университета двинулось очень сильно впередъ.

При М. Н. Капустинѣ Дерптскій университетъ пересталъ быть „протестантскимъ“ и пересталъ, въ то же время, быть протестующимъ.

4 февраля 1889 г. было обнародовано повелѣніе о преобразованіи въ Дерптскомъ университетѣ нѣсколькихъ кафедръ, съ тѣмъ, чтобы въ преподаватели на этихъ кафедрахъ назначались русскія лица или лица, обязавшіяся читать лекціи на русскомъ языкѣ. Преподавате-

лямъ этимъ назначены были оклады жалованья по 3 тыс. р., и 2 т. р., т. е. на 600 р. и 300 р. выше окладовъ, получавшихся ординарными и экстраординарными профессорами въ Дерптѣ. При этомъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено было назначать такую же прибавку въ 600 и 300 р. и профессорамъ, занимавшимъ существующія уже въ Дерптѣ кафедры, которые будутъ читать лекціи по-русски. Собственно въ распредѣленіи предметовъ переменна произведена слѣдующая: изъ двухъ кафедръ мѣстнаго права одна сохранена была, но другая обращена въ кафедру русскаго гражданскаго права и судопроизводства, а та прежняя кафедра, въ которой сосредоточивалось преподаваніе русскаго права, преобразована была въ кафедру исторіи русскаго права; государственное и международное право, которыя раньше были соединены, раздѣлились: кафедра осталась для государственнаго права, а изложеніе международнаго права было поручено доценту; учреждена была новая кафедра полицейскаго права; введено было преподаваніе энциклопедіи и философіи права, правъ — церковнаго, финансоваго и торговаго, которыя поручены были вновь учрежденнымъ доцентамъ; доцентамъ этимъ назначено вознагражденіе въ томъ же размѣрѣ, какъ оно полагается приватъ-доцентамъ въ русскихъ университетахъ по уставу 1884 г. Наконецъ, кафедра политической экономіи, съ присоединеніемъ къ ней статистики, перенесена была изъ историко-филологическаго факультета въ юридическій.

Такимъ образомъ, первое преобразование коснулось того изъ дерптскихъ факультетовъ, который наиболѣе отличался отъ факультетовъ русскихъ, такъ какъ факультетъ богословскій лютеранскій остался внѣ сравненія. Юридическій факультетъ до 1889 г. былъ устроенъ исключительно въ виду мѣстныхъ юридическихъ особен-

ностей. Вотъ почему преподаваніе русскаго положительнаго законодательства со всѣми его отдѣлами сосредоточивалось въ одной каѳедрѣ, за исключеніемъ законовъ государственныхъ, которыя излагались вмѣстѣ съ иностранными учрежденіями и съ правомъ международнымъ. Такое распредѣленіе не могло долѣе оставаться, потому что въ прибалтійскихъ губерніяхъ предполагалось вскорѣ ввести общіе судебные уставы, съ новымъ судоустройствомъ.

Съ ходатайствомъ въ смыслѣ послѣдовавшаго въ 1889 г. повелѣнія министерство входило еще въ 1887 г. законодательнымъ порядкомъ, хотя, по уставу 1863 г., самый совѣтъ университета имѣлъ бы право просить объ учрежденіи новыхъ каѳедръ. Но, „въ виду того, что совѣтъ Дерптскаго университета, состоя преимущественно изъ нѣмецкихъ профессоровъ, не признающихъ необходимости въ изложенной выше реформѣ, не приметъ на себя, конечно, почина въ какихъ-либо представленіяхъ въ этомъ смыслѣ,“ министерство и вносило въ 1887 г. свое ходатайство по этому предмету въ государственный совѣтъ. Однако, это высшее учрежденіе признало, что предположенное измѣненіе составляетъ лишь временное отступленіе отъ устава Дерптскаго университета и потому могло быть испрошено въ порядкѣ административномъ, а не законодательномъ, какъ оно въ 1889 г. и состоялось.

25 августа 1889 г. по указу правит. сената упраздненъ университетскій судъ. Въ томъ же году 20 ноября уничтожена была автономія Дерптскаго университета, и управленіе имъ, какъ и прочими университетами, передано было министерству народнаго просвѣщенія. Университетъ былъ лишенъ корпоративнаго устройства; члены его потеряли право выбирать ректора, декановъ и профессоровъ. Въ томъ-же году назначенъ ректоромъ проф.

Мейковъ, по направленію балтъ, но расположенный слѣдовать указаніямъ правительства; въ томъ-же году были назначены русскій профессоръ государственнаго права Дитятинъ и три русскихъ доцента.

Въ 1890 г. попечитель М. Н. Капустинъ назначенъ былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, а попечителемъ рижскаго округа былъ назначенъ извѣстный ученый Н. А. Лавровскій, бывшій много лѣтъ ректоромъ Варшавскаго университета. Выдающійся педагогъ, теоретикъ и практикъ, крупный славистъ и историкъ литературы, Н. А. Лавровскій, въ исторіи Прибалтійскаго края, въ исторіи культурнаго объединенія его съ Русью, въ исторіи русской культуры займетъ видное и прочное мѣсто. „Н. А. былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей, которые, къ прискорбію, встрѣчаются далеко не часто. Это былъ прежде всего человекъ, горячо, искренно любившій Россію, вѣровавшій въ нее и въ великое значеніе ея культурной миссіи; соотвѣтственно тому онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ справедливости и пользѣ для всего мѣстнаго населенія русской преобразовательной политики на нашей окраинѣ. И единственно своими убѣжденіями онъ руководствовался и въ практической дѣятельности. Въ этомъ отношеніи это былъ человекъ непоколебимой стойкости и послѣдовательности, совершенно неспособный на компромиссы изъ какихъ-либо личныхъ стремленій и соображеній, что особенно характерно и замѣчательно въ наше довольно таки безпринципное время,¹⁾). Перейдя на службу въ Прибалтійскій край, Н. А. Лавровскій на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь покидавшаго Ригу М. Н. Капустина 2 октября 1890 г., заявилъ, что дѣятельность

¹⁾ „Риж. Вѣстн.“

его предшественника послужить ему образцомъ, и что онъ будетъ стремиться къ продолженію дѣла, такъ успѣшно начатаго М. Н. Капустинымъ.

Когда Н. А. Лавровскій сталъ во главѣ рижскаго учебнаго округа, реформа прибалтійской школы была еще только, начата, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ она была еще только намѣчена: на его долю выпало осуществленіе главнѣйшей части всѣхъ этихъ преобразовательныхъ проектовъ и предначертаній, начиная съ университета и кончая сельскою школою. И онъ свершилъ порученное ему дѣло съ успѣхомъ, несмотря на всѣ затрудненія и помѣхи, которыя постоянно встрѣчалъ на своемъ пути.

Г. Н-въ въ своей статьѣ „Университетъ Дерптскій и Юрьевскій“ говоритъ: „Весною 1891 года профессоръ психіатріи былъ приглашенъ въ Гейдельбергъ, и несмотря на всѣ старанія нѣмцевъ о назначеніи иностранца или, по крайней мѣрѣ, балта, благодаря энергіи попечителя, былъ назначенъ русскій, приватъ - доцентъ медицинской академіи и Петербургскаго университета главный врачъ больницы (для душевно - больныхъ) св. Пантелеймона, профессоръ Чижевскій; профессоръ исторіи Брикнеръ („новыхъ архивныхъ данныхъ онъ, за небольшими исключеніями, нигдѣ не сообщаетъ.“ Энциклопедическій словарь. Т. 8, стр. 673) выслужилъ пенсію, и на его мѣсто былъ назначенъ нашъ извѣстный ученый — Шмурло; на кафедрѣ политической экономіи и статистики — почтенный ученый Карышевъ. Нѣмцы должны были сознаться, что лучше этихъ назначеній было трудно сдѣлать. Новые профессора встрѣчены были привѣтливо, и русская мѣстная пресса отмѣтила, что на вступительной лекціи Чижева актовая зала была переполнена, несмотря на утверждаемое балтами незнаніе русскаго языка студентами.

Нужно отдать справедливость сдержанности нѣмцевъ, никакой враждебности балты не обнаруживали, но по русски говорить съ русскими профессорами избѣгали, конечно, не всѣ. Студенты также ничѣмъ не обнаруживали своихъ антипатій къ русскимъ профессорамъ; истинныя чувства вырзались позже. Въ 1892 году профессоръ факультетской клиники перешелъ на мѣсто главнаго врача городской больницы въ Магденбургъ, и на его мѣсто былъ назначенъ редакторъ газеты „Медицина“ С. М. Васильевъ; на кафедру рано для Россіи умершаго Дитятина былъ назначенъ приватъ-доцентъ Московскаго университета, магистръ (теперь докторъ) Филипповъ, на кафедру полицейскаго права исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора Дерюжинскій; профессоромъ минералогіи приватъ-доцентъ Петербургскаго университета Левинсонъ-Лессингъ.

Въ 1893 году по болѣзни вышелъ въ отставку ректоръ Мейковъ, и на его мѣсто былъ назначенъ нашъ знаменитый славистъ, деканъ историко-филологическаго факультета Варшавскаго университета, А. С. Будиловичъ, человекъ стойкихъ убѣжденій, широкообразованный, знающій и Россію, и инородцевъ. При этомъ назначеніи нѣмцы не выдержали своего характера и обнаружили свои истинныя чувства; изъ Дерпта въ заграничную печать была послана корреспонденція, передавать которую я, изъ чистоплотности, не буду“, говоритъ г. Н—въ.

„Грусто, что образованные люди могутъ до того ослѣпляться страстями, что не стыдятся писать и читать такія пошлости; я увѣренъ, что ни одна наша газета не пожелала бы напечатать что либо подобное. Корреспонденція съ восторгомъ читалась и стала всѣмъ извѣстна“.

Съ назначеніемъ А. С. Будиловича, университетъ сталъ русскимъ. Прежде всего введено было дѣлопроиз-

водство и въ совѣтѣ, и въ факультетѣ на русскомъ языкѣ. Введеніе русскаго языка потребовало смѣны проректора и декановъ, членовъ правленія университета. Такъ какъ русскіе профессора были младшими по службѣ, то оказалось, что всѣ почти деканы младшіе члены факультетовъ — и четыре члена правленія были только магистры. Нѣмцы горячо порицали такой порядокъ вещей, упуская изъ виду, что иначе быть не могло.

Измѣнены были правила дѣлопроизводства въ совѣтѣ и факультетахъ, правила для студентовъ въ духѣ устава 1884 г., въ 1895 г. введена инспекція. Самое сильное ожесточеніе вызвали два распоряженія — введеніе отдѣльнаго экзамена на степень доктора медицины и запрещеніе взимать гонораръ болѣе одного рубля за недѣльный часъ.

Въ 1893 году, со времени ограниченія гонорара и изданія правилъ о докторахъ медицины, балты и иностранцы слились воедино; иностранцевъ болѣе всего огорчило уменьшеніе гонорара, а балтовъ — лишеніе привилегіи печь, какъ блины, докторовъ медицины. Прежде сами балты порицали иностранцевъ за непомерно высокую плату за *privatissima*; одинъ иностранецъ почти требовалъ, чтобы каждый взялъ у него три курса по 25 руб., а такъ какъ онъ одинъ экзаменовалъ по предмету, имъ читаемому, то, понятно, многіе уплачивали по 75 руб., чтобы заслужить благоволеніе экзаменатора. Что нѣкоторые, конечно, не всѣ, иностранцы смотрѣли на *privatissima*, какъ на источникъ доходовъ, можно судить потому, что профессора-иностранцы, опять-таки не всѣ, брали со студентовъ-медиковъ за медицинскій совѣтъ три руб. и за свидѣтельство о болѣзни, необходимое для отсрочки экзамена, 10 руб. — по благоразумному пра-

вилу медицинскій факультетъ признавалъ дѣйствительными свидѣтельства только своихъ членовъ...

Когда былъ введенъ русскій порядокъ насчетъ *privatissima* — иностранцы и балты совмѣстно пытались выхлопотать отмѣну распоряженія; когда это не удалось, то демонстративно прекратили чтение *privatissima*, чѣмъ доказали, что они работали не для пользы учащейся молодежи, а для набиванія своихъ кармановъ. Конечно, студенты проиграли отъ прекращенія *privatissima*, но балты обвинили въ этой утратѣ начальство, а не корыстолюбіе нѣмцевъ. Лучшіе иностранцы, напр., Рауберъ, Крѣпелинъ, узнавъ, какія привилегіи въ Россіи даетъ степень доктора медицины, требовали отъ диссертациі приблизительно столько же, какъ въ русскихъ университетахъ; теперь же иностранцы и балты единодушно старались отстоять старое, и вообще всякая рознь между ними прекратилась; за исключеніемъ одного иностранца, нѣмцы образовали одну партію и вполне единодушно дѣйствовали противъ новыхъ порядковъ и всего русскаго.

Дѣятельность вновь сформировавшейся партіи проявилась въ трехъ направленіяхъ: начальству подавались просьбы и жалобы; привлекались въ партію или, по крайней мѣрѣ, къ сочувствію ей русскіе; про русскихъ профессоровъ и про новые порядки распространялись невѣрные слухи.

О первомъ способѣ дѣйствія говорить нечего; насколько поведеніе русскихъ было корректно, можно судить потому, что нѣмцы выдумывали вздорныя жалобы; напр., профессора-нѣмцы жаловались на одного декана, что онъ часто ѣздитъ въ Петербургъ; на одного представителя власти жаловались въ Петербургъ, что „даже профессоровъ,“ приходящихъ къ нему по дѣлу на домъ,

онъ принимаетъ одѣтый не въ крахмальную, а русскую сорочку (!); что-бы избѣжать такого упрека, это лицо стало принимать въ канцеляріи, одѣтое въ вицмундиръ; тогда его стали бранить за чиновничье важничанье и т. п.

„Ни одно изъ преобразованій въ Балтійскомъ краѣ не встрѣчало со стороны балтійскихъ сепаратистовъ столь упорнаго и озлобленнаго противодѣйствія, какъ преобразование школьнаго дѣла,“ писали „М. В.“

Въ краѣ отлично понимали какое сильное орудіе въ борьбѣ съ русскимъ вліяніемъ вынимается изъ рукъ балтійскихъ дѣльцовъ, которые до сихъ поръ тщательно устраняли надзоръ правительства за воспитаніемъ подрастающаго поколѣнія и могли вести его въ такомъ духѣ, что воспитанники балтійскихъ школъ, по выходѣ на общественную дѣятельность, чувствовали себя германцами, пруссаками и т. д., но никакъ не русскими подданными.

Такое направленіе воспитательнаго дѣла должно было измѣниться, какъ скоро правительственному надзору была предоставлена принадлежащая ему по закону власть не только направлять дѣло воспитанія, но и слѣдить шагъ за шагомъ за исполненіемъ этой задачи. Государство не могло допустить, чтобы въ его школахъ, на его средства и подъ его глазами, воспитывались будущіе граждане, въ которыхъ систематически развивались неуваженіе къ закону, презрѣніе къ народу, къ его языку и религіи, которые съ малыхъ лѣтъ пріучались смотрѣть на русское правительство какъ на власть временную, случайную, привыкали отдѣлять Монахра отъ его правительства и народа и видѣли настоящее отечество свое въ Германіи.

Съ переходомъ школъ въ непосредственное завѣдываніе Министерства, эти порядки должны были измѣ-

ниться навсегда, и вотъ почему съ такимъ озобленіемъ было встрѣчено преобразование учебнаго дѣла. Мѣстные дѣльцы пытались, затормозить реформу прекращеніемъ отпуска суммъ, закрытіемъ своихъ гимназій въ Феллинѣ, Биркенру, Гольдингенѣ, Ревелѣ, отправленіемъ своихъ дѣтей въ церковныя гимназіи въ Петербургъ и Москву, гдѣ преподаваніе до сихъ поръ ведется на нѣмецкомъ языкѣ, и учрежденіемъ, въ обходъ закона, „домашнихъ школъ.“ Все это, однако, не помогало, главная масса населенія не желала слѣдовать за коноводами, и дѣло школьнаго преобразования хотя медленно, но за то безповоротно подвигалось впередъ, и даже часть балтійскихъ сепаратистовъ понемногу начала примиряться съ фатками, которыхъ она измѣнить была не въ силахъ.

Не могли они примириться только съ преобразованиемъ Юрьевскаго университета.

Они надѣялись, что если университетъ сохранитъ свой прежній характеръ, то имъ удастся скоро „вытравить“ все то, что вложено въ подрастающее поколѣніе „русскою“ гимназіей, и что изъ университета будутъ выходить попрежнему такіе же испытанные бойцы за балтійскія привилегіи и обособленность края, какъ раньше. Для этого требовалось только одно, а именно, чтобъ они могли распоряжаться университетомъ попрежнему самостоятельно, чтобы въ немъ могли дѣйствовать Ширрены, Люткены, Эттингены, чтобы попечители, подобно графу Кейзерлингу, фонъ Брадке, предоставляли Балтамъ полную свободу и ограждали университетъ отъ вторженія въ него „русскаго“ духа.

Когда оказалось, что правительство не намѣрено остановиться на полдорогѣ и рѣшило провести преобразование университета такъ же энергично, какъ и среднюю учебную реформу; когда Балты увидѣли что изъ ихъ рукъ готовъ вывалиться и послѣдній якорь спасенія,

тогда началась въ печати и въ обществѣ самая ожесточенная антирусская кампанія. Не было лжи и инсинуаціи, которыхъ Балты не считали бы достойными пустить въ оборотъ; не было обвиненія, котораго не признавали годнымъ для поставленной себѣ цѣли, для того, чтобы затормозить дѣло преобразованія. Тутъ были и ссылки на привилегіи университета, которому де было предназначено русскими монархами быть „нѣмецкимъ“ университетомъ, и указанія на то, что назначаемые профессора никуда не годны, на то, что университетъ „упалъ“, что его былая слава уничтожена, что его нынѣ всѣ избѣгаютъ, какъ доказываетъ это уменьшившееся число студентовъ и т. д.

Эти обвиненія были столь несправедливы и голословны, что профессора университета, но *исключительно* иностранцы, считали своею нравственною обязанностью опровергать эти лживыя заявленія въ иностранной печати ¹⁾.

Пока обвиненія являлись анонимными, противъ нихъ не стоило бороться, такъ какъ, конечно, невозможно было бы убѣдить общество въ ихъ несправедливости. Это сдѣлалось возможнымъ только тогда когда, бывшій ректоръ Дерптскаго университета, Георгъ фонъ-Эттингенъ, за своею подписью, формулировалъ этотъ рядъ обвиненій и помѣстилъ ихъ въ „Петерб. Вѣдом“. Г. ф. Эттингенъ писалъ:

„Еще въ сентябрьской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія за 1895 годъ появилась статья г. ректора Юрьевскаго университета А. С. Будиловича, подъ заглавіемъ: „Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго (Юрьевскаго университета

¹⁾ „М. Вѣд.“

въ разные періоды его существованія“. Къ сожалѣнію, только теперь я имѣю возможность печатно отвѣтить на нее.

Авторъ статьи дѣлаетъ упрекъ управленію Дерптскаго университета за періодъ съ 60-хъ и до начала 90-хъ годовъ въ томъ, что ради политическихъ цѣлей дѣятели того времени отстраняли отъ Дерптскаго университета всѣ блага и выгоды, сопряженныя съ обще-русскимъ университетскимъ уставомъ. Этими, якобы, сепаратистскими стремленіями г. Будиловичъ объясняетъ „упадокъ Дерптскаго университета“, который произошелъ, по его мнѣнію, въ этотъ періодъ, послѣ эпохи процвѣтанія, каковою г. Будиловичъ признаетъ время 1827—1860 гг.

Стоя близко къ управленію Дерптскаго университета въ славное его тридцатилѣтіе 60, 70 и 80 годовъ, нижеподписавшійся считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько указаній на неточности въ статьѣ г. ректора Юрьевскаго университета и протестовъ противъ его толкованія образа дѣйствія такихъ высокочтимыхъ государственныхъ дѣятелей, какими были попечители дерптскаго учебнаго округа: д. т. с. фонъ-Брадке, графъ А. Кейзерлингъ и А. А. Сабуровъ.

Не партійные узко-провинціальныя взгляды руководили тѣми органами правительства, которые способствовали сохраненію за Дерптскимъ университетомъ его особенностей; они были носителями тѣхъ же началъ, коими руководствовался Великій Петръ, даровавъ автономію присоединенному краю, и которыя побудили Державнаго Основателя университета обезпечить за этимъ разсадникомъ науки тѣ условія, благодаря которымъ онъ могъ выполнять главную свою задачу—служить посредникомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей и знаній между Россіей и Западной Европой.

Совѣтъ Дерптскаго университета отстаивалъ въ 1863 году самостоятельность его положенія, не считая себя въ правѣ ради увеличенія матеріальныхъ средствъ университета пожертвовать организаціей, которая вполнѣ отвѣчала особеннымъ условіямъ и спеціальной задачѣ Дерптскаго университета. Никто не станетъ отрицать пользы богатаго бюджета въ особенности для развитія лабораторій, клиникъ и т. п. институтовъ, необходимыхъ при изученіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ; но было бы большою ошибкой видѣть въ этихъ вспомога-тельныхъ средствахъ вѣрный, да притомъ почти единственный залогъ успѣшной дѣятельности университета, какъ это дѣлаетъ, повидимому, г. Будиловичъ.

Творческій умъ и любовь къ наукѣ могутъ дать важные результаты и при сравнительно скудныхъ средствахъ, и главная задача руководителей дѣла научнаго просвѣщенія состоитъ въ созданіи условій, благопріятныхъ для развитія и поддержки самодѣтельнаго духа служенія наукѣ и истинѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ при отклоненіи совѣтомъ высшаго штата было желаніе сохранить его единство и самостоятельность. Принятіе „общихъ“ штатовъ, хотя и доставило бы увеличеніе окладовъ для существующихъ кафедръ и учебныхъ пособій, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы принять и то положеніе, что изъ общаго числа профессоровъ полагаются лишь двѣ трети ординарныхъ и одна треть экстраординарныхъ. При такомъ порядкѣ при каждой открывшейся вакансіи ординарнаго профессора, возбуждается вопросъ не только о наилучшемъ замѣщеніи вакантной кафедры, но прежде всего о томъ, кого изъ экстраординарныхъ профессоровъ избрать въ ординарные. Этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшаемъ объективно, ибо приходится сравнивать вели-

чины разнородныя, а именно: значеніе трудовъ представителей различныхъ наукъ, — на примѣръ, анатома съ криминалистомъ. Вслѣдствіе невѣрной постановки вопроса, его рѣшить объективно нельзя и онъ неминуемо рѣшается по соображеніямъ личнымъ. Въ Дерптскомъ же университетѣ всѣ кафедры были ординатуры, чѣмъ устранялся указанный поводъ для образованія личныхъ партій и интригъ. Такимъ образомъ совѣтъ имѣлъ полную свободу выбора наилучшаго замѣстителя открывающейся вакансіи, располагая при этомъ богатымъ выборомъ среди ученаго состава германскихъ университетовъ.

Вотъ по какимъ причинамъ совѣтъ Дерптскаго университета отказался отъ примѣненія къ нему штатовъ съ увеличенными окладами, такъ какъ оно было бы неминуемо сопряжено съ нежелательными измѣненіями его внутренняго распорядка.

Подобныя же соображенія побудили совѣтъ въ 1870 году ходатайствовать о сохраненіи дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ отмѣна этого правила нарушила бы тотъ внутренній строй его, при которомъ университетъ съ такою пользою для государства выполнялъ свое историческое назначеніе.

Г. Будиловичъ признаетъ цвѣтущее состояніе университета лишь до начала 60-хъ годовъ, послѣ чего, по его мнѣнію, наступаетъ нисходящее движеніе, остановившееся съ началомъ обрусѣнія университета. Въ подтвержденіе этого взгляда, г. юрьевскій ректоръ приводитъ тотъ фактъ, что съ 60-хъ до 80-хъ годовъ значительное число крупныхъ дерптскихъ ученыхъ перешло въ разные германскіе университеты, за долго до обрусѣнія университета, и что этотъ „Exodus“ указываетъ-де на ненормальныя условія университетской жизни.

Въ числѣ профессоровъ блестящаго періода до 1865 г., каковыхъ въ слѣдующемъ за 1865 г. періодѣ будто-бы уже не было, г. Будиловичъ называетъ, между прочимъ, знаменитаго химика Карла Шмидта. Между тѣмъ Карль Шмидтъ былъ профессоромъ вплоть до второго семестра 1892 года и устраненъ лишь съ цѣлью замѣщенія его каѳедры лицомъ, могущимъ преподавать на русскомъ языкѣ. Мы всѣ еще помнимъ, какъ бодрый старикъ, „свдой юноша“, былъ пораженъ своей отставкой и глубоко огорченъ тѣмъ, что долженъ былъ оставить свою каѳедру и любимую, созданную имъ лабораторію, въ которой провелъ большую часть своей жизни, и какъ это огорченіе подточило его жизненные силы.

При перечисленіи лицъ, воспитанныхъ въ блестящій періодъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, г. Будиловичъ причисляетъ къ нимъ извѣстнаго профессора Ад. Гарнакъ, который поступилъ, однако, въ Дерптскій университетъ лишь въ 1869 году и окончилъ курсъ въ 1872.

Что касается профессоровъ, которые будто-бы совершили exodus, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что профессоръ Бульмерингъ оставилъ университетъ, выслуживъ пенсію, и затѣмъ принялъ весьма почетное предложеніе занять каѳедру Блюнчли въ Гейдельбергѣ; профессоръ Лексисъ принялъ приглашеніе въ Геттингенъ въ 1876 году; Оствальдъ былъ въ Дерптѣ приватъ-доцентомъ, а потому естественно, принялъ почетное приглашеніе на профессуру въ Лейпцигъ.

Въ дѣйствительности былъ не exodus, а обмѣнъ научныхъ силъ между Дерптомъ и германскими университетами. Приглашеніе молодыхъ дерптскихъ ученыхъ на значительныя каѳедры въ Германіи и Швейцаріи служитъ однимъ изъ доказательствъ цвѣтущаго состоянія Дерптскаго университета и свидѣтельствуется о томъ, какъ умѣло

факультеты пользовались правомъ выбора профессоровъ. Совѣтъ согласовался при этомъ съ требованіемъ закона, по которому „никто не можетъ быть профессоромъ, не сдѣлавшись извѣстнымъ учеными трудами по предметамъ своей кафедры и даромъ преподаванія“. Сверхъ того для полученія званія ординарнаго профессора требуется степень доктора, а экстраординарнаго и доцента — степень магистра.

Замѣтимъ кстати, что при отмѣнѣ права выбора профессоровъ совѣтомъ вышеприведенныя условія назначенія ихъ оставлены въ полной силѣ.

Не смотря на то, при замѣщеніи кафедръ и доцентуръ новое управленіе университета руководствовалось какими-то другими правилами, — въ четырехъ факультетахъ, за исключеніемъ медицинскаго, изъ 35 новоназначенныхъ профессоровъ было 19, имѣющихъ лишь степень кандидата, 10 магистровъ и только 6 докторовъ.

По этому примѣру можно судить о подъемѣ научнаго уровня Юрьевскаго университета!

Мы уже указали на существовавшій обмѣнъ умственными силами между Дерптскимъ и германскими университетами, оживлявшій научную жизнь въ нихъ. Этотъ же обмѣнъ выражался и въ томъ, что многіе изъ воспитанниковъ Дерпта, доказавшіе своими работами свои научныя способности, находили подходящее поприще для своей научной дѣятельности не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ. Изъ воспитанниковъ десятилѣтія 1860—1870 гг., — именно того времени, которое г. Будилевичъ считаетъ періодомъ упадка, — не менѣе 14 заняли должности ординарныхъ профессоровъ въ германскихъ университетахъ. Научно-литературная производительность университета въ Дерптскомъ университетѣ въ

періодъ 1860—90 гг., и списокъ изданныхъ его профессорами сочиненій составилъ бы цѣлый томъ. Мы ограничимся перечисленіемъ выдающихся авторовъ этого времени (т. е. послѣ 1863 г.), имена которыхъ можно найти въ любомъ словарѣ писателей, напр., у Кюршнера.

По богословскому факультету: Александръ фонъ-Эттингенъ, Энгельгардтъ, Фолькъ, Мюлау и др.

По юридическому: Мейковъ, Бульмерингъ, О. Шмидтъ, Энгельманъ, Эрдманъ, Ленингъ, Бергбомъ, Роландъ и Шотъ.

По медицинскому: Бухгеймъ, Рейснеръ, Ваксмутъ, Бетхеръ, Драгендорфъ, Штида, Алекс. Шмидтъ, Бергманъ, Шмидебергъ, Наунинъ, Розенбергъ, Бэмъ, Гофманъ, Рельманъ, Эммингаусъ, Валь, Рунге, Тома, Кобертъ, Ф. Шульцъ, Вейль, Дегіо, Унферрихтъ, Крэпелинъ, Рауберъ, Барфуртъ и Штадельманъ.

Филологи: Паукеръ, Лео Мейеръ, Швабе, Петерсенъ, Гершельманъ, Рюль, Мендельсонъ и Лешке.

Историки: Ширренъ, Венгельманъ, Мауренбрехеръ, Ульманъ, Брикнеръ и Гаусманъ.

Экономисты: Адольфъ Вагнеръ, Ласпейресъ, Лексисъ, и Дитцель.

Физики: Кэмтцъ и Артуръ фонъ-Эттингенъ.

Минералогіи: Гревингъ и Лембергъ.

Ботаники: А. Ф. Бунге, Вилькосъ и Руссовъ.

Зоологи: Флоръ, Браунъ и Ф. Кеннель.

Математики: Миндингъ и Вейраухъ.

Астрономы: Мэдлеръ, Клаузенъ, Шварцъ, Баклундъ, Брунсъ, Л. Струве и Линдштенгъ.

На физико-математическомъ факультетѣ окончили курсъ самые выдающіеся преподаватели политехническаго института въ Ригѣ: д-ръ Дыбовскій, теперь въ Львовѣ, Гренбергъ (1864—68), директоръ и профессоръ физики,

В. Оствальдъ (1872—75) теперь въ Лейпцигѣ, В. фонъ-Книримъ (1869—71) и г. Томсъ (1864—66).

Многіе изъ студентовъ этого періода приобрѣли въ слѣдствіи извѣстность, какъ ученые путешественники: Э. Бретшнейдеръ, В. Дыбовскій, А. Чекановскій, фонъ-Мюллеръ, фонъ-Дорандтъ, В. Дыбовскій, А. Бунге (сынъ), Э. Томсъ, В. Петерсенъ, д-ръ Ферд. Шмидтъ.

Если приведенныя нами данныя могутъ служить свидѣтельствомъ того научнаго духа, которымъ отличалась разсматриваемая эпоха въ Дерптѣ, то и другой критерій, по которому можно судить о процвѣтаніи университета, а именно число студентовъ, подтверждаетъ сказанное. Это число росло особенно быстро съ 1860 по 1890 г.: въ 1879 г.—1,048, въ 1885 г.—1,704, и максимумъ въ 1890 г. (1,812 студ.). Съ того времени, т. е. съ начала руссификаціи университета, число студентовъ стало постоянно уменьшаться: въ 1890 г.—1,812, въ 1891—1,723, въ 1892—1,670, въ 1893—1,546, въ 1894—1,524 въ 1895—1,301. Если не считать фармацевтовъ, то мы имѣемъ слѣдующія цифры: въ 1890 г.—1,664, въ 1895—1,064, т. е. убыль на 600 или на 36 проц. въ теченіе 5 лѣтъ.

Замѣчательно, что вопреки утверженію г. Будиловича даже число студентовъ русскаго и польскаго происхожденія уменьшилось со введеніемъ преподаванія на русскомъ языкѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ числѣ студентовъ были изъ прочихъ губерній, кромѣ Прибалтійскихъ: въ 1891 г.—674, въ 1892—653, въ 1893—555, въ 1894—530, въ 1895—474. Только число евреевъ возросло: ихъ было въ 1889 г.—11,8 проц., а въ 1895—25 проц.

Г. Будиловичъ объясняетъ убыль числа студентовъ, какъ слѣдствіе устраненія прежнихъ искусственныхъ

приманокъ: неравенствомъ условій полученія ученыхъ степеней здѣсь и въ другихъ русскихъ университетахъ.

Что касается неравенства условій полученія ученыхъ степеней, то оно состояло не въ томъ, что въ Дерптѣ требованія будто бы были ниже, чѣмъ въ другихъ русскихъ университетахъ, а въ томъ, что они имѣли иной характеръ. Порядки, бывшіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ испытаніе не было обязательно къ опредѣленному сроку, но гдѣ каждый студентъ могъ являться къ экзамену тогда, когда оканчивалъ свои занятія и считалъ себя достаточно подготовленнымъ, были въ томъ отношеніи образцовыми, что люди способные и приличные, напрягая всѣ силы, однимъ испытаніемъ могли достигнуть высшей степени. Въ Дерптѣ опытъ именно доказалъ, какъ цѣлесообразно вліяло на научное развитіе медиковъ время, которое они, освободившись отъ шаблонно-школьныхъ занятій, посвящали чисто научнымъ занятіямъ прежде, чѣмъ вступали въ практическую жизнь.

Общее измѣненіе строя студенческой жизни, къ которому стремится г. ректоръ Юрьевскаго университета и котораго онъ частью достигъ, касается какъ характера учебныхъ занятій, такъ и воспитательнаго вліянія университета. Въ первомъ отношеніи живое влеченіе къ научнымъ занятіямъ, свободный выборъ предметовъ занятій замѣнились принудительнымъ посѣщеніемъ лекцій, строго распредѣленныхъ по курсамъ, на подобіе школьныхъ классовъ. Экзамены также приняли шаблонно-школьный характеръ, въ воспитательномъ отношеніи ослабло нравственное вліяніе начальствующихъ лицъ.

Слабѣетъ и вліяніе студенческихъ корпорацій въ основѣ которыхъ лежатъ начала тѣсной дружбы, равенства во взаимныхъ отношеніяхъ студенческаго общежитія и добровольное подчиненіе установившимся обычаямъ и

студенческимъ законамъ. Служа прекрасной школой самоуправленія для поддержанія благочинія, для устраненія возможныхъ увлеченій и для наблюденія за достойнымъ поведеніемъ ея членовъ, въ корпоративной жизни идеальныя стремленія юношества отстаиваются и очищаются. Корпоративная жизнь со своими задачами вмѣстѣ съ научными занятіями наполняла всегда всю умственную и духовную жизнь дерптской университетской молодежи, и потому именно здѣсь не было почвы для политическихъ движеній.

Съ устраненіемъ же корпорацій университетское начальство разрушило бы органическое единеніе студенчества и лишило бы себя лучшаго средства вліять на университетскую молодежь, превративъ ее въ безсвязную, хаотическую массу, легко поддающуюся подпольнымъ вліяніямъ.

Веселая, беззаботная жизнь дерптскихъ студентовъ и шумныя, но невинныя увеселенія ихъ, смѣнились глубокою тишиною. Спрашивается: кому какая польза отъ того, что студенту пребываніе въ университетѣ дѣлается не привлекательнымъ и онъ лишается того сокровища воспоминаній о беззаботной юности, которыя служатъ утѣшеніемъ въ тяжелую пору жизни?

Съ уменьшеніемъ числа студентовъ измѣнился и составъ ихъ, такъ какъ со времени руссификаціи число болѣе зажиточныхъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній, посѣщавшихъ Юрьевскій университетъ падаетъ особенно быстро, какъ и число студентовъ, вступающихъ въ корпораціи, уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе корпорацій на остальныхъ студентовъ.

Существовавшій порядокъ разрушается. Но полезно ли это для университета, показываетъ настоящее, и еще убѣдительнѣе покажетъ недалекое будущее.

Отъ непригляднаго настоящаго и мрачнаго будущаго да позволено будетъ еще разъ взглянуть на славное прошлое бывшаго Дерптскаго университета.

Со времени его учрежденія и до 1889 г. изъ общаго числа 14,000 студентовъ не мало лицъ вступило у насъ въ гражданскую и военную службу. Изъ нихъ достигли положенія: дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ — 6; тайныхъ совѣтниковъ — 71, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ — 313. Въ военную службу поступило 313, а 314 сдѣлались профессорами или доцентами. Изъ нихъ 18 членовъ академіи наукъ, 71 — дерптскихъ профессоровъ, 100 — профессоровъ остальныхъ русскихъ университетовъ; 31 — профессоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, 39 — профессоровъ иностранныхъ университетовъ, 38 — доцентовъ и лекторовъ при Дерптскомъ университетѣ (не считая тѣхъ, которые впоследствии сдѣлались профессорами), 29 — доцентовъ и лекторовъ при другихъ русскихъ университетахъ.

Къ научнымъ дѣятелямъ относятся также 50 ученыхъ путешественниковъ, содѣйствовавшихъ изслѣдованію отдаленныхъ областей Россіи, отъ Камчатки до Арменіи. Затѣмъ идутъ 1,095 лютеранскихъ проповѣдниковъ; 2,259 врачей (изъ нихъ 727 въ Прибалтійскомъ краѣ и 1,532 въ другихъ губерніяхъ), 1,138 фармацевтовъ (изъ нихъ 386 въ Прибалтійскомъ краѣ, 752 въ остальныхъ губерніяхъ), 4 попечителя учебныхъ округовъ, 58 директоровъ гимназій и другихъ казенныхъ училищъ; 38 директоровъ частныхъ учебныхъ заведеній, 547 учителей среднихъ и 465 учителей низшихъ учебныхъ заведеній; изъ нихъ 536 — въ Прибалтійскомъ краѣ, 571 — въ остальныхъ губерніяхъ ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ слѣдующихъ изданій: Album Academicum der Kais. Univ. Dorpat. bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr.

Эти цифры даютъ нѣкоторое представленіе о культурномъ значеніи Дерптскаго университета для Россіи. Правда, въ извѣстной части русской печати на это явленіе указывается, какъ на „нашествіе нѣмцевъ“, отъ котораго отрещиваются, которому желаютъ ставить всевозможныя преграды...

Но безпристрастный приговоръ исторіи врядъ-ли подтвердитъ такой узкій взглядъ, особенно пагубный въ такомъ государствѣ, какъ Россія, которая представляетъ собою особый міръ, въ которомъ многообразныя народности на различныхъ культурныхъ ступеняхъ должны жить въ мирѣ между собою, находя возможность къ умственному и нравственному развитію, сообразно съ особенностями и потребностями cadaго изъ нихъ. Исторія показываетъ, что именно при этихъ условіяхъ происходитъ медленное, постепенное и плодотворное поглощеніе менѣе сильныхъ числомъ или культурою народностей, болѣе сильною. Такъ и большинство выходцевъ изъ Прибалтійскаго края, навсегда поселившись въ Имперіи, черезъ одно или нѣсколько поколѣній примыкали къ русской народности и служили соединительными звеньями между своей родиной и остальнымъ государствомъ, были проводниками русскихъ идей среди своихъ земляковъ, орудіями постепеннаго, мирнаго единенія этой окраины съ остальною Россіею. Противъ такого сближенія мы и не протестуемъ: оно происходило безъ принужденія, безъ вражды, въ силу вещей и въ нашемъ собственномъ интересѣ.

Но руссификація насильственная ведетъ къ обратному результату, при мнимомъ успѣхѣ разрушительныхъ мѣропріятій. Раздражая и унижая жертву, такіа дѣйствія

приносятъ вредъ и самому господствующему народу, ослабляя силы государства, внося въ сердца раздоръ и непріязнь. До русскаго общества не доходитъ однако почти ни одинъ крикъ отчаянія изъ Прибалтійскаго края“... такъ заканчиваетъ свою статью г. Эттингенъ.

Бывшій ректоръ Юрьевскаго университета, проф. Будиловичъ, не имѣвшій права оставить безъ возраженія обвиненія г. Эттингена, заставилъ вмѣсто себя говорить документы, и этотъ діалогъ между бывшими ректорами университета вышелъ чрезвычайно интереснымъ.

А. С. Будиловичъ помѣстилъ въ „Риж. Вѣстн.“ статью „Юрьевскій университетъ“. (*„Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию „Отвѣта бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета“*). Въ этой ст. г. Будиловичъ говоритъ: „Статья проф. Г. А. фонъ Эттингена о Юрьевскомъ университетѣ, напечатанная въ № 71 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ вышеуказаннымъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ, по поводу моей „Исторической замѣтки о бюджетныхъ отношеніяхъ Юрьевскаго университета“ доставляетъ мнѣ пріятный случай побесѣдовать не только съ авторомъ статьи, но и съ русскими читателями вообще о нѣкоторыхъ затронутыхъ въ ней моментахъ исторіи Юрьевскаго университета за послѣднія десятилѣтія, конечно, не по служебнымъ къ нему отношеніямъ и не pro domo sua, а въ видахъ посильнаго разъясненія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ русской публицистики, русской современности.

Переходя съ этою оговоркою къ возраженіямъ, формулированнымъ г. фонъ Эттингеномъ въ его „Отвѣтъ“,

я не могу не выразить прежде всего сожалѣнія, что онъ такъ поверхностно ознакомился съ моей „Исторической замѣткой“, даже въ тѣхъ ея частяхъ, которыя, повидимому, особенно его интересовали. При нѣскольکو болѣе внимательномъ отношеніи къ „Замѣткѣ“ ему не пришлось бы, на примѣръ, „протестовать“ противъ моего „толкованія образа дѣйствій“ бывшихъ попечителей здѣшняго учебнаго округа гг. Брадке, гр. Кейзерлинга и Сабурова. О послѣднемъ въ моей „Замѣткѣ“ вовсе даже не упоминается. Что же касается гг. Брадке и Кейзерлинга, то въ „Замѣткѣ“ относительно ихъ выражено совершенно то же, что и въ „Отвѣтѣ“, а именно, что оба они заняли въ 1857—1865 гг. оппозиціонное отношеніе къ правительственному проекту распространенія на Юрьевскій университетъ общаго устава и штата русскихъ университетовъ, руководясь при этомъ желаніемъ прикрѣпить его еще тѣснѣе къ университетамъ германскимъ, вмѣсто сближенія съ русскими. Не оспаривалъ я въ „Замѣткѣ“ и того, что совѣтъ Юрьевскаго университета, отклонивъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. „воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ“ (Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г.), руководствовался при этомъ тѣми-же нѣмецко-патріотическими цѣлями, которыя были такъ ясно формулированы гр. Кейзерлингомъ въ цитованныхъ мною предложеніяхъ совѣту отъ 3 августа и 4 октября 1863 года, а въ болѣе пространной формѣ выражены и въ разбираемомъ „Отвѣтѣ“. Спорнымъ представляется лишь вопросъ, соответствуетъ ли подобная дѣятельность на одной изъ русскихъ окраинъ задачамъ русскаго управленія, служебному долгу русскаго попечителя? Не могу понять и того, на чемъ основано утвержденіе г. фонъ Эттингена, будто „главная задача“

Юрьевского университета — „служить посредникомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей и знаній между Россіей и западной Европой“ и будто „историческое назначеніе“ этого университета непременно требовало сохраненія въ немъ „дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ“ и выписки заморскихъ профессоровъ, главнѣйше изъ „ученаго состава германскихъ университетовъ“?

Еслибы дѣйствительно такова была „главная задача“ этого университета, то это непременно нашло бы себѣ выраженіе въ одномъ изъ относящихся къ нему правительственныхъ актовъ. Между тѣмъ, мы этого нигдѣ не находимъ. Наоборотъ, въ учредительной грамотѣ, пожалованной Юрьевскому университету Императоромъ Александромъ I 12 декабря 1802 года, сказано, что университетъ этотъ имѣетъ „преимущественной цѣлью распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества.“ Потому-то въ первоначальныхъ предположеніяхъ объ этомъ университетѣ его „Державныхъ основателей“ Павла I и Александра I имѣлось въ виду замѣщать въ немъ кафедры не заграничными учеными, а исключительно — русскими подданными. Хотя отъ этой нормы допущено было по нуждѣ отступленіе въ уставахъ 1803 и 1820 гг., тѣмъ не менѣе и впоследствии не разъ съ высоты престола было выражаемо желаніе возможнаго ограниченія вызова сюда заграничныхъ профессоровъ. Такъ, на примѣръ, Императоръ Николай I 14 августа 1851 г. выразилъ увѣренность, что „Дерптскій университетъ можетъ обойтись безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, имѣя, конечно въ числѣ своихъ воспитанниковъ достойныхъ кандидатовъ на ученія кафедры.“ Ссылку на эти именно слова Императора Николая I я нашелъ и въ одномъ представленіи богословскаго

факультета (отъ 9 мая 1856 г.), въ мотивировкѣ ходатайства о назначеніи А. А. фонъ Эттингена экстраординарнымъ профессоромъ на мѣсто Теодосія Гарнака. Что же касается употребленія въ Юрьевскомъ университетѣ нѣмецкаго языка, то оно было основано не на какихъ-либо „правилахъ“ (въ уставахъ 1803, 1820, 1865 гг. ни слова объ этомъ не сказано), а на застарѣломъ обычаѣ, который издавна, но съ малымъ успѣхомъ, старались ограничить чуть ли не всѣ наши министры народнаго просвѣщенія, конечно, по волѣ и указаніямъ своихъ государей. Такъ уже въ 1804 г. (25 мая) было определено при выдачѣ дипломовъ, особенно юристамъ и врачамъ, обращать вниманіе на знаніе студентами русскаго языка; 8 мая 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій предписалъ совѣту въ представленіяхъ ему правильнѣе писать по-русски или прилагать русскіе переводы; 8 ноября 1824 г. Высочайше повѣлено усилить въ университетѣ знанія въ русскомъ языкѣ; 31 мая 1827 г. на студентовъ богословскаго факультета возложено было сдавать испытаніе и по русскому языку, въ 1829 г. возведеніе въ ученныя степени (за изъятіемъ своекоштныхъ богослововъ) обусловлено сдачей испытанія въ русскомъ языкѣ; 16 декабря 1836 г. Высочайше повелѣно не выдавать дипломовъ студентамъ, не владѣющимъ достаточно русскимъ языкомъ, а съ 1841 г. безъ знанія послѣдняго не принимать въ студенты (потомъ этотъ указъ былъ отсроченъ до 16 декабря 1854 г.); въ 1842 г. предписано читать на русскомъ языкѣ лекціи по исторіи русскаго права; съ 1844 г.—тоже по нѣкоторымъ отдѣламъ государственнаго лечебно-вѣдѣнія; 31 октября 1869 г. Высочайше повелѣно примѣнить къ учебнымъ заведеніямъ юрьевскаго учебнаго округа указъ 1 іюня 1867 г. о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ въ прибалтійскихъ

коронныхъ учрежденіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденъ былъ указъ 16 декабря 1836 г. (оставшійся въ свое время не опубликованнымъ) о назначеніи въ начальники прибалтійскихъ учебныхъ заведеній только лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ. По поводу этого Высочайшаго повелѣнія въ совѣтѣ университета возникли въ 1869—1870 гг. горячія пренія относительно примѣнимости его къ университету и переписка съ попечителемъ Жерве, причѣмъ выяснилось (особенно послѣ повторительнаго Высочайше утвержденнаго разъясненія по сему предмету особой комиссіи отъ 13 мая 1870 г.), что совѣтъ расходится во взглядахъ на роль въ Юрьевскомъ университетѣ нѣмецкаго языка не только съ ближайшимъ, своимъ начальствомъ, но и съ многократными Высочайшими повелѣніями. Г. фонъ-Эттингенъ, повидимому, не замѣчаетъ этого разногласія или не придаетъ ему существеннаго значенія, оправдывая образъ дѣйствій совѣта въ 1870 г. соображеніями, „государственной пользы“. Но кто же компетентнѣе въ опредѣленіи ея: нѣмецкіе ли профессора Юрьевскаго университета—бывшіе и настоящіе, или русскіе Государы, создавшіе этотъ университетъ, опредѣлившіе его задачи и цѣли и снабжающіе его средствами для ихъ осуществленія? Особенно неудобно отстаивать точку зрѣнія членовъ совѣта 1869—1870 гг. по указанному вопросу теперь, когда Высочайшая воля, выразившаяся въ указахъ 1 іюля 1867 г. и 31 октября 1869 г., получила окончательное опредѣленіе и выраженіе въ указѣ Императора Александра III отъ 14 сентября 1885 г. объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и перепискѣ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній, а также въ Указѣ 10 апрѣля 1887 г. о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго учебнаго ок-

руга и въ цѣломъ рядѣ другихъ правительственныхъ распоряженій, опредѣлившихъ реформу балтійской окраины въ области суда, администраціи, финансовъ, а наконецъ и народнаго образованія—низшаго, средняго и высшаго. Послѣ всѣхъ этихъ событій, совершенныхъ волею Русскихъ Государей, какую цѣль могутъ имѣть подобныя газетныя статьи, направленные противъ самыхъ основаній этой реформы, со ссылкой на гг. Брадке, Кейзерлинга, Сабурова и на то представленіе о „государственной пользѣ“, какое имѣли или могли имѣть эти „высокопочтимые государственные дѣятели“, купно съ нѣмецкими профессорами Юрьевского университета?

Но ратуя за старый „дерптскій“ университетъ, за „самостоятельность его положенія“, „единство“ организациі, достоинства его „внутренняго распорядка“ или „строя“, который могъ бы пострадать въ случаѣ примѣненія къ этому университету „общаго устава и штатовъ“ 1863 г., г. ф. Эттингенъ ссылается, сверхъ требованій „государственной пользы“, понимаемой столь своеобразно, еще на научные интересы университета, которые якобы не располагали въ пользу примѣненія къ нему въ 1863 г. не только устава, но и штатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Въ частности онъ указываетъ на то, что, по уставу и штатамъ 1863 г., лишь двѣ трети кафедръ могли быть замѣщаемы ординарными профессорами, остальная же треть—лишь экстраординарными, тогда какъ по юрьевскому уставу 1865 г. по всѣмъ кафедрамъ положены профессора ординарные. Но при этомъ онъ забываетъ, что число ординатуръ юрьевскихъ по уставу 1865 г. (39—40) вовсе не превышало таковаго же въ прочихъ университетахъ съ медицинскими факультетами по уставу 1863 г., хотя въ послѣднихъ по тому же уставу положено было еще по 8 профессуръ экстраординарныхъ, каковыхъ въ

Юрьевскомъ было не болѣе одной—двухъ. Наконецъ число доцентовъ въ первыхъ достигаетъ 31, въ послѣднемъ же всего 10. Вдобавокъ окладъ жалованья по уставу 1863 г. опредѣленъ по 3000 руб. для профессоровъ ординарныхъ, по 2000 рублей для экстраординарныхъ и по 1200 для доцентовъ, тогда какъ по уставу 1865 г. оно положено по 2400 руб. для первыхъ, по 1700 руб. для вторыхъ и по 900 руб. для третьихъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что при такомъ обилии въ здѣшнемъ университетѣ ординатуръ по сравненію съ экстраординатурами менѣе было въ немъ мѣста „для образованія (при выборахъ) личныхъ партій и интригъ“. Но спрашивается, окупаются ли этими—во всякомъ случаѣ второстепенными—преимуществами тѣ громадныя неудобства для преподаванія, которыя были обусловлены крайне недостаточнымъ числомъ кафедръ по уставу 1865 г. (всего 35 на факультетахъ юридическомъ, медицинскомъ, историко-филологическомъ и физико-математическомъ), по сравненію съ уставомъ 1863 г. (53 на тѣхъ же факультетахъ).

Можно, конечно, тутъ сослаться на фразу г. ф. Эттингена: „творческій умъ и любовь къ наукѣ могутъ дать важные результаты и при сравнительно скудныхъ средствахъ“, которую онъ противопоставляетъ моему мнѣнію о существованіи вообще прямого, а не обратнаго соотношенія между бюджетомъ университетовъ и постановкой въ нихъ научнаго и учебнаго дѣла. Но не такъ рассуждали объ этомъ тотъ же г. ф. Эттингенъ и его товарищи по университету раньше, когда они стояли ближе къ этому дѣлу, несли часть отвѣтственности за него и писали не для фронды, а въ дѣйствительныхъ интересахъ и науки, и университета. Имѣю въ виду докладъ совѣту, написанный г. ф. Эттингеномъ въ ноябрѣ 1873 г. и начинающійся словами: „Каждый университетъ, пока

въ немъ проявляется живая научная дѣятельность и чувствуется потребность участвовать въ постоянномъ прогрессѣ науки, нуждается для исполненія этой задачи въ достаточныхъ преподавательскихъ силахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ матеріальныхъ научныхъ средствахъ... Если объемъ этихъ средствъ не соотвѣтствуетъ болѣе требованіямъ времени, то изученію этихъ наукъ въ соотвѣтствующей степени наносится чувствительный ущербъ.“

Докладъ этотъ былъ далѣе разработанъ особою комиссіею, которая подъ предсѣдательствомъ г. ф. Эттингена выработала по сему предмету мотивированный отзывъ, одобренный затѣмъ совѣтомъ (4 октября 1873 г.) и представленный въ министерство для исходатайствованія добавки къ штатному бюджету университета въ количествѣ 21,750 руб. Изъ отзыва этого я позволю себѣ привести нѣсколько наиболее характерныхъ выдержекъ: „Дерптскій университетъ въ сравненіи съ другими университетами Имперіи, имѣющими только четыре факультета, находится въ томъ отношеніи въ выгодномъ положеніи, что онъ безъ затрудненія можетъ замѣщать кафедры своихъ пяти факультетовъ способными преподавателями. Тѣмъ болѣе чувствителенъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ: штатъ Дерптскаго университета на 50 слишкомъ процентовъ ниже штата прочихъ провинціальныхъ университетовъ, не говоря уже объ университетахъ обѣихъ столицъ... Въ медицинскомъ факультетѣ уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обнаружилось, что при болѣе и болѣе усиливающейся дѣятельности директоровъ клиникъ и кабинетовъ по практическимъ занятіямъ и при усложненіи занятій самая безотлагательная потребность настоятъ въ усиленіи личнаго состава опредѣленіемъ должностей ассистентовъ и въ увеличеніи скудныхъ средствъ по клиническимъ учрежденіямъ...“

...Въ особенности каѳедра патологической анатоміи нуждается въ опредѣленіи ассистента. Профессоръ оной имѣетъ обязанностью вмѣстѣ съ тѣмъ и читать общую патологію, для которой въ прочихъ университетахъ существуетъ особая каѳедра... Тотъ же самый недостатокъ чувствуется и по каѳедрѣ фармакологіи... такъ какъ подлежащій профессоръ считается также представителемъ медицинской химіи, для которой изъ всѣхъ университетовъ Имперіи въ одномъ только Дерптскомъ университетѣ не имѣется особой каѳедры...

„Весьма желательно, чтобы наравнѣ съ прочими университетами Имперіи была положена по штату умѣренная сумма на практическія занятія студентовъ медицины по химіи въ химической лабораторіи физико-математическаго факультета и въ фармацевтическомъ институтѣ, такъ какъ эти занятія въ настоящее время осуществляются только при посредствѣ платы участвующихъ въ нихъ за употребленныя реагенціи и тому подобные предметы и посему для недостаточныхъ студентовъ практическія упражненія и занятія или становятся вовсе невозможными или сопряжены съ затрудненіями.

...Наконецъ, нужно указать на то, что физическая географія и метеорологія, для которыхъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Имперіи состоитъ особая штатная каѳедра и положена штатная сумма въ 600 руб., не можетъ быть долѣе отнесена къ каѳедрѣ физики и расходы за метеорологическіе снаряды и пособія не могутъ падать на скудныя средства физическаго кабинета“...

„Самою настоятельною потребностью историко-филологическаго факультета оказывается учрежденіе третьей филологической каѳедры, а именно для древней классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей... Едва ли найдется университетъ, въ которомъ существуетъ

не болѣе двухъ филологическихъ кафедръ. Къ тому же, въ силу устава прочихъ университетовъ Имперіи, кромѣ кафедръ для греческой и римской словесности и греческихъ и римскихъ древностей существуетъ еще особая кафедра для теоріи и исторіи искусства“.

...„Въ Дерптскомъ университетѣ для всеобщей исторіи состоитъ только одна кафедра, къ которой отнесены также историческія вспомогательныя науки...

...Должно признать, что отдѣльный ученый въ этомъ объемѣ не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ“...

Предложивъ совѣту, на основаніи факультетскихъ представленій, ходатайствовать:

объ увеличеніи штатной суммы на освѣщеніе, отопленіе и ремонтъ университетскихъ зданій (9000-ю руб.), объ учрежденіи цѣлаго ряда (6) ассистентскихъ должностей, увеличеніи средствъ нѣкоторыхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, особенно на практическія занятія студентовъ, и объ учрежденіи кафедръ: а) физической географіи и метеорологіи, б) древнеклассической филологіи и древностей и всеобщей исторіи (вторая ординатура), комиссія въ своемъ докладѣ совѣту оговорила, что въ этотъ докладъ „не вошло ходатайство о расширеніи средствъ для пополненія преподавательскихъ силъ Дерптскаго университета въ видахъ достиженія того объема, который существующими штатами опредѣленъ для другихъ университетовъ Имперіи, такъ какъ она не считаетъ цѣлесообразнымъ представить на разсмотрѣніе такія желанія болѣе широкаго размѣра, не получивъ къ тому повода со стороны высшаго начальства“.

Не представляетъ-ли этотъ докладъ комиссіи и состоявшееся на основаніи онаго ходатайство совѣта объ отпускѣ, въ дополненіе къ штату, 21,750 руб., обвинительнаго приговора противъ университетскихъ дѣятелей

1863 г., которые отклонили предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ (отъ 18 іюня того же года)? То же доказываетъ и возбужденное 7 марта 1875 г. совѣтомъ, по почину профессора А. Шмидта, ходатайство объ усиленіи штата ежегодною прибавкою въ 44,850 р. для уравненія окладовъ жалованья преподавателей и чиновниковъ Юрьевскаго университета съ таковыми въ прочихъ русскихъ университетахъ. Въ препроводительной запискѣ по сему предмету сдѣлано, между прочимъ, упоминаніе о прежнемъ отказѣ совѣта отъ вышеупомянутаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. и къ этому прибавлено: „руководившія въ то время совѣтомъ соображенія оказываются нынѣ не соотвѣтствующими обстоятельствамъ“... Представленіе это не имѣло, впрочемъ, успѣха, кажется, по затрудненіямъ государственнаго казначейства. Министерство находило, что „въ настоящее время ходатайство о столь значительномъ увеличеніи штатныхъ суммъ университета не могло бы имѣть успѣха“. Но нѣкоторыя отдѣльныя ходатайства совѣта объ учрежденіи недостающихъ кафедръ были удовлетворяемы, на примѣръ, въ 1876 г. была учреждена кафедра эмбриологіи и гистологіи, въ 1879 г.—кафедра нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ клинкою при оной (съ 1884 г.), въ 1881 г.—кафедра сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій и вторая профессура всеобщей исторіи (послѣдняя на спеціальныя средства). Въ 1891 г. было еще разъ возбуждено ходатайство объ уравненіи окладовъ содержанія преподавателей Юрьевскаго университета съ окладами прочихъ русскихъ университетовъ, для чего была испрашиваемая сумма въ 49,500 руб. Но это осталось безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, прошло цѣлое поколѣніе подъ дѣйствіемъ въ университетѣ устава и штата 1865 года, признаннаго негоднымъ всѣми компететными инстанціями чуть не съ первыхъ дней его появленія.

Въ защиту его что-то не слышно было голосовъ, такъ что г. фонъ Эттингенъ является чуть ли не первымъ адвокатомъ этого жалкаго продукта нѣмецко-университетской политики 60-хъ годовъ. Но если это такъ, если этотъ уставъ и штатъ лишилъ „Дерптскій“ университетъ цѣлаго ряда необходимыхъ кафедръ, институтовъ, средствъ для научной работы, и преподавателей, и ассистентовъ и студентовъ, словомъ—какъ это официально заявилъ совѣту профессоръ А. Шмидтъ въ своей докладной запискѣ отъ 25 ноября 1874 г.,—низвелъ „Дерптскій“ университетъ въ положеніе какого-то „второкласнаго“ университета, то не имѣлъ ли я право сказать, что именно онъ обусловилъ „нѣкоторое ослабленіе научнаго значенія Юрьевскаго университета въ средѣ прочихъ, и русскихъ, и нѣмецкихъ университетовъ“, выразившееся во многихъ, отчасти указанныхъ мною явленіяхъ?

Изъ явленій этихъ г. фонъ Эттингенъ останавливается лишь на одномъ, именно на замѣчаемомъ съ того времени выселеніи въ Германію цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ силъ, причемъ онъ пытается ослабить значеніе этого факта, считая его естественнымъ „обмѣномъ научныхъ силъ“ и „однимъ изъ доказательствъ цвѣтущаго состоянія Дерптскаго университета“ этой эпохи. Я, съ своей стороны, не могу не предпочесть другого объясненія, а именно того, которое было сформулировано въ докладѣ особой совѣтской комиссіи отъ 17 февраля 1875 г., подписанномъ и г. фонъ Эттингеномъ, какъ предсѣдателемъ оной, гдѣ сказано между прочимъ:

„Дерптскій университетъ уже не разъ въ послѣднее время имѣлъ случай испытывать вліяніе такой разности матеріальныхъ условій не только въ отказѣ на дѣлаемые приглашенія, но и въ томъ обстоятельствѣ, что пріѣхавшіе сюда преподаватели охотно вновь возвращаются за границу, гдѣ видятъ себя поставленными лучше. Даже и воспитанники здѣшняго университета уже въ значительномъ числѣ предпочли, все изъ-за тѣхъ же причинъ, положеніе въ заграничныхъ университетахъ дѣятельности въ родномъ“. Съ мнѣніемъ этимъ согласился тогда и совѣтъ, такъ что въ настоящее время врядъ-ли кому удастся поколебать такое именно объясненіе того exodus, о которомъ упомянуто было и въ моей „Исторической замѣткѣ“.

Не имѣя этого въ виду, трудно бы объяснить и крайнюю кратковременность службы въ здѣшнемъ университетѣ этого періода многихъ заграничныхъ ученыхъ, которая нерѣдко не достигала и одного пятилѣтія. (Такъ, напримѣръ, по одному году служили здѣсь профессора: O. Schulzen 1871—72, W. Weiss 1878—79, C. Bücher 1882—83, A. Weil 1886—87, Fr. Schulze 1887—88; по 2 года: B. Naunum 1869—71, C. Hehn 1873—75, Fr. Rühl 1874—76, W. Lexis 1874—76, G. Meyer 1882—84, O. Staude 1886—88, H. Schott 1885—87; по 3 года: Ad. Wagner 1865—68, O. Schmiedeberg 1869—72, A. Lindstedt 1883—86, M. Braun 1883—86, Unvericht 1889—92; по 4 года: E. Lespeyres 1869—73; H. Ulman 1870—74, W. Stieda 1877—81). Не совсѣмъ потому правильно включены эти перелетныя птицы здѣшняго университета въ составленный г. фонъ Эттингеномъ списокъ профессоровъ (числомъ 77), долженствующій документировать „научно-литературную производительность Дерптскаго университета“ въ періодъ времени отъ

1860 по 1890 г. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что 30 лѣтъ въ жизни университета составляютъ уже періодъ, который не можетъ не отразиться въ лѣтописяхъ науки сохраненіемъ нѣсколькихъ дюжинъ литературныхъ именъ, ибо нѣтъ профессора, который бы чегонибудь не написалъ, не напечаталъ, не приобрѣлъ нѣкоторой извѣстности, особенно въ мѣстной средѣ, у ближайшихъ соплеменниковъ и друзей. То же слѣдуетъ сказать и о воспитанникахъ любого университета, если взять 30-лѣтній періодъ его жизни. Не можетъ же въ числѣ 4—5,000 этихъ воспитанниковъ не оказаться со временемъ нѣкотораго числа ученыхъ, профессоровъ, путешественниковъ!

Что же касается ссылки на особое обиліе штатскихъ генераловъ, вышедшихъ изъ числа бывшихъ воспитанниковъ „Дерптскаго“ университета за 90 лѣтъ его существованія, то я полагаю, что училище правовѣдѣнія, Александровскій лицей, пажескій корпусъ быть можетъ и превзойдутъ въ этомъ отношеніи „Дерптскій“ университетъ, если имъ удастся произвести такой же подсчетъ своихъ сановитыхъ питомцевъ, какой сдѣланъ по отношенію къ „Дерптскому университету“ г. Гассельбладтомъ въ цитуемыхъ г. ф. Эттингеномъ изданіяхъ. Но Кому впрочемъ, не извѣстно, что въ Россіи со времени Петра Великаго имѣются и особыя причины несо-размѣрно большаго числа нѣмецкихъ „генераловъ“, вслѣдствіе чего и до открытія „Дерптскаго“ университета они наполняли ряды русской арміи и русской бюрократіи, особенно во времена Бироновщины! Аналогичнымъ образомъ слѣдуетъ объяснить и фактъ полуторазвѣковаго господства нѣмцевъ въ нашей академіи наукъ, которое началось задолго до учрежденія здѣшняго университета, а завершилось лишь въ самое недавнее время, притомъ совершенно независимо отъ научной роли по-

слѣдняго. Вообще слѣдуетъ сказать (какъ это упомянуто и въ моей замѣткѣ), что „Дерптскій“ университетъ стоялъ впереди прочихъ русскихъ лишь въ 20—30-хъ годахъ, когда при немъ существовалъ извѣстный профессорскій институтъ. Въ 40-хъ годахъ Московскій университетъ уже обогналъ Юрьевскій; съ 50-хъ это еще безспорнѣе по отношенію къ университету Петербургскому; со времени же изданія уставовъ 1863 года „Дерптскій“ университетъ, обдѣленный своимъ штатомъ 1865 года на 130—140 тысячъ руб. въ годъ по сравненію даже съ провинціальными нашими университетами, конечно, не могъ не отстать и отъ послѣднихъ въ полнотѣ преподаванія, обстановкѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и вообще въ постановкѣ учебнаго дѣла, хотя я не думаю отрицать, что и въ этотъ періодъ времени на его кафедрахъ было и есть не мало ученыхъ достойныхъ, даже выдающихся, какъ это отмѣчено и въ моей „Исторической замѣткѣ“ (стр. 22)¹⁾.

Къ тому, что сказалъ г. Будиловичъ о „научно-литературной производительности Дерптскаго университета, мы добавимъ слѣд.: изъ книги гг. Отто и Гассельбладта оказывается, во первыхъ, что изъ числа 314 „академиковъ и профессоровъ“ 116 были преподаватели въ лицеяхъ, доценты, лекторы и ветеринары; всѣ насчитанные академики принадлежатъ исключительно старому поколѣнію; изъ хронологической таблицы, составленной гг. Отто и Гассельбладтомъ, оказывается, что цифра профессоровъ, доставляемыхъ Дерптскимъ университетомъ, къ послѣднимъ десятилѣтіямъ все болѣе и болѣе падаетъ и нѣмецкіе авторы сами замѣчаютъ, что наибольшая цифра профессоровъ, вышедшихъ изъ Дерптскаго университета, приходится къ 30-мъ и 40-мъ годамъ: въ то время въ Дерптскомъ

1) „Юрьевскій ун—ть“. А. С. Будиловича.

университетъ учрежденъ былъ такъ называемый профессорскій институтъ—они не должны идти въ счетъ.

Г. Будиловичъ говоритъ: „Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ нѣкотораго разстройства въ университетѣ учебнаго дѣла въ послѣднія десятилѣтія является отвѣтъ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. на запросъ министерства относительно примѣненія къ нему положенія объ испытаніяхъ въ государственной медицинской комиссіи. Въ отвѣтъ этомъ факультетъ, сославшись на то, что юрьевскіе медицинскіе институты не обставлены столь удовлетворительно, какъ въ прочихъ университетахъ Имперіи; что юрьевскія клиники не имѣютъ достаточнаго числа больныхъ, другія вовсе отсутствуютъ (напр., по дѣтскимъ болѣзнямъ, кожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ); что патолого-анатомическій и судебно-медицинскій институты страдаютъ отъ недостатка труповъ; что преподаваніе гигиены поставлено въ Дерптскомъ университетѣ очень неудовлетворительно, — ходатайствовалъ, чтобы впредь до устраненія этихъ недостатковъ въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ на медицинскихъ испытаніяхъ въ Дерптскомъ университетѣ имѣли перевѣсъ теоретическія познанія. А между тѣмъ слава „Дерптскаго“ университета въ Россіи основывалась главнымъ образомъ именно на медицинскомъ факультетѣ, который, какъ указываетъ г. ф. Эттингенъ, произвелъ 2,259 врачей, изъ коихъ значительная часть сразу получили учебную степень доктора, минуя званіе врача. Г. ф. Эттингенъ считаетъ это совершенно нормальнымъ, пишетъ А. С. Будиловичъ, — но голосъ всей медицинской Россіи давно и единодушно призналъ „Дерптскую“ фабрикацію докторовъ медицины недавняго прошлаго величайшей аномаліей, особенно за послѣднія десятилѣтія, при столь неудовлетворительной постановкѣ медицинскаго

преподаванія по многимъ основнымъ кафедрамъ, по собственному признанію этого факультета!“¹⁾

Въ дополненіе къ сказанному А. С. Будиловичемъ о „Дерптской“ фабрикаціи докторовъ медицины, не лишне указать, что покойный докторъ Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ о С. П. Боткинѣ, напечатанныхъ въ „Русск. Вѣдом.“, между прочимъ, приводитъ слѣдующіе факты. „Московскій университетъ извѣстенъ былъ своей неумолимой строгостью къ тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ, которые изъявили намѣреніе держать прямо экзаменъ на доктора; такіе желающіе находились въ каждомъ выпускѣ, хотя въ огромномъ большинствѣ они дѣлались жертвами беспощаднаго ригоризма экзаменаторовъ, а если какому нибудь счастливцу и удавалось пройти благополучно сквозь весь длинный строй испытаній, то онъ неизбежно проваливался на экзаменѣ изъ физиологіи у профессора Глѣбова. Тутъ уже ничто не могло помочь, ни даже счастье, потому что самому безукоризненному искателю докторской степени профессоръ повторялъ въ заключеніе неизмѣнно одну и ту же фразу, почти дословно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „вы приготовились прекрасно, отвѣчали превосходно, а все-таки я васъ пропустить не могу и вотъ почему: все различіе между докторомъ и лѣкаремъ заключается только въ количествѣ и объемѣ познаній, т. е., первый гораздо начитаннѣе и свѣдущѣе второго, а я, и по личному опыту, и по наблюденію надъ товарищами, знаю, что какъ бы способенъ и прилеженъ ни былъ студентъ, а ему только что въ пору управиться съ изученіемъ обязательныхъ лекцій и учебниковъ и рѣшительно не хватаетъ времени расширять свои познанія чтеніемъ болѣе специализирующихся предметъ научныхъ сочиненій“.

При такихъ условіяхъ, конечно, и Боткинъ не выдержалъ докторскаго экзамена, хотя Глѣбовъ, въ видѣ особаго довѣрія къ его познаніямъ, позволилъ ему явиться вторично для переэкзаменовки.

Далѣе докторъ Бѣлоголовый по поводу такого строгаго отношенія русскихъ профессоровъ къ докторантамъ пишетъ: „На практикѣ получалась вотъ какая величайшая несправедливость: въ то время, какъ Московскій университетъ, а за нимъ Кіевскій, Харьковскій и Казанскій — отказывали въ докторскомъ дипломѣ лучшимъ и способнѣйшимъ студентамъ, Дерптскій университетъ пекъ докторовъ какъ блины и наводнялъ ими всю Имперію, и въ его годовыхъ отчетахъ нашего времени встрѣчались такія цифры, что изъ 40 кончившихъ курсъ 26 выпущены докторами медицины, а лишь 14 лѣкарями; а такъ какъ законодательство требовало докторскаго диплома для замѣщенія старшихъ должностей въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ, то естественнымъ послѣдствіемъ явилось, что не только высшія должности, но и мѣста старшихъ госпитальныхъ врачей, инспекторовъ лечебныхъ управъ и т. д. были заняты въ большинствѣ случаевъ бывшими дерптскими студентами; воспитанники же русскихъ университетовъ вездѣ были обречены на роли субалтерновъ.“

Возвратимся къ ст. А. С. Будиловича.

„Имѣются и по другимъ факультетамъ аналогичныя заявленія о затрудненіяхъ при введеніи общеимперскаго плана занятій и программы испытаній, пишетъ А. С. Будиловичъ, — затрудненіяхъ, обусловленныхъ главнымъ образомъ недочетомъ многихъ кафедръ и, слѣдовательно, неполнотою преподаванія. Такъ, на юридическомъ факультетѣ при самомъ началѣ реформы въ 1889 г. оказалось необходимымъ почти удвоить число кафедръ, именно учредить таковыя по полицейскому праву, международ-

ному праву, энциклопедіи и философіи права, по церковному, финансовому и торговому правамъ, причеиъ еще нѣкоторыя старыя каѳедры получили другое назначеніе, именно вторая каѳедра остзейскаго права переименована въ каѳедру гражданскаго права, а прежняя каѳедра русскаго права (куда входили прежде всѣ его отдѣлы) — въ каѳедру исторіи русскаго права. На физико-математическомъ факультетѣ пришлось добавить, при введеніи новыхъ плановъ и программъ, вторую профессору чистой математики и вторую профессору по каѳедрѣ минералогіи (для преподаванія геологіи и палеонтологіи). Подобнымъ образомъ на медицинскомъ факультетѣ были добавлены особыя профессуры: во 1-хъ для гигиены и во 2-хъ для оперативной и теоретической хирургіи. Сверхъ того при институтахъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ въ теченіе 1893—96 гг. учреждено 14 новыхъ ассистентскихъ должностей, на содержаніе по коимъ расходуетъ нынѣ 6,272 р. въ годъ изъ остатка штатныхъ или изъ спеціальныхъ средствъ университета. Однако и теперь, за всѣми этими добавками, произведенными отчасти на дополнительный кредитъ въ 31,470 руб., отпускаемый на личный составъ съ 1 января 1895 г., отчасти же на спеціальныя средства университета, на каждомъ шагѣ обнаруживаются недочеты въ составѣ каѳедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, для устраненія которыхъ именно теперь образована совѣтомъ особая комиссія, въ виду крайнихъ затрудненій въ выполненіи при наличныхъ средствахъ тѣхъ учебныхъ плановъ, которые установлены для прочихъ русскихъ университетовъ, по уставу 1884 года, но примѣнены въ послѣдніе годы и къ Юрьевскому.

Независимо отъ указанныхъ недочетовъ въ составѣ каѳедръ и институтовъ я могъ бы привести много и

другихъ документальныхъ доказательствъ нѣкотораго разстройства въ здѣшнемъ университетѣ учебнаго дѣла за послѣднія десятилѣтія передъ реформой. Я могъ бы, напр., доказать официальными документами, что многіе русскіе профессора, назначенные по выходѣ въ отставку нѣмецкихъ съ 1892 г., особенно по факультетамъ физико-математическому и медицинскому, приняли соотвѣтственные институты въ самомъ плачевномъ состояніи, такъ что по вступленіи въ должность имъ пришлось употребить массу времени, трудовъ, усилій, а правленію — ремонтныхъ и иныхъ средствъ для постепеннаго подъема этихъ институтовъ изъ прежняго запустѣнія и развалинъ. Въ частности это могло бы быть доказано относительно: астрономической обсерваторіи, ботаническаго сада, институтовъ физиологическаго, фармацевтическаго, судебно-медицинскаго, гигиеническаго и нѣкоторыхъ клиникъ. Но для кратости я ограничусь здѣсь двумя-тремя выносками, откладывая до другого случая изданіе этого рода документовъ.

...„Юрьевская астрономическая обсерваторія, читаемъ мы въ отзывѣ перваго русскаго директора оной отъ 15 мая 1895 г.. находится нынѣ въ такомъ состояніи, при которомъ не только не возможна научная дѣятельность, сколько-нибудь напоминающая дѣятельность В. Струве, но даже для преподаванія практической астрономіи нѣтъ тѣхъ пособій, какія имѣются теперь на всякой другой русской университетской обсерваторіи... Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, при чемъ оказалось, что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія... Большой рефракторъ: объективъ этого нѣкогда наибольшаго и наилучшаго изъ рефракторовъ былъ разобранъ механикомъ

Гербстомъ и мною въ присутствіи извѣстнаго астронома В. К. Дэллена. При этомъ оказалось, что обѣ линзы объектива покрыты большими и несмываемыми пятнами, происшедшими, по объясненію Дэллена, отъ небрежнаго обращенія съ инструментомъ за послѣдніе 50 лѣтъ. Всѣ остальные части рефрактора и его штативы такъ устарѣли, что требуютъ полной передѣлки. Меридіанный кругъ оказался также во всѣхъ отношеніяхъ крайне устарѣвшимъ. Кромѣ того дѣленія круга въ 14 мѣстахъ оказались совершенно испорченными отъ неосторожнаго обращенія. Переносный пассатный инструментъ Гербста въ существенной своей части — окулярномъ микрометрѣ — оказался настолько испорченнымъ, что г. Гербстъ считаетъ полную замѣну этой части новою — вполне необходимою. Гелиометръ оказался крайне запущеннымъ и кромѣ того устроенная для него башня совершенно негодною... Мелкіе инструменты, пріобрѣтенные В. Струве, всѣ настолько устарѣли, что почти вовсе не могутъ быть употребляемы...

Библіотека обсерваторіи за послѣдніе 30—40 лѣтъ наполнялась весьма неудовлетворительно. За вычетомъ изданій, присланныхъ въ даръ для бібліотеки обсерваторіи, послѣдняя до конца прошлаго года почти вовсе не имѣла важнѣйшихъ сочиненій по астрономіи, вышедшихъ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія“...

О состояніи ботаническаго сада при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 29 апрѣля 1896 г. по дѣлу о ремонтахъ этого сада, требующихъ, по смѣтѣ архитектора, единовременной затраты въ 14,895 руб.:

...„Всѣ означенные ремонты безусловно необходимы, ибо всѣ зданія находятся въ самомъ плачевномъ состоя-

ніи... Въ пальмовой оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ тропическихъ растений. Въ сараѣ нельзя ничего хранить, ибо крыша и стѣны не защищаютъ содержимое и хранимое отъ атмосферныхъ осадковъ... Ремонтъ покосившейся конюшни нельзя откладывать, такъ какъ этотъ ремонтъ можетъ вызвать законныя требованія со стороны полиціи. Ремонтъ оранжереи Багге нельзя откладывать, такъ какъ откладываніе ведетъ къ дальнѣйшему разрушенію оранжереи и порчѣ всей коллекціи цѣнныхъ растений. Сводъ погреба угрожаетъ обрушиться... Ботаническій кабинетъ представляетъ помѣщеніе совершенно не удовлетворяющее самымъ скромнымъ требованіямъ современной науки и университетскому ея преподаванію. Представляя одну—единственную комнату, передѣланную изъ оранжереи, съ отопленіемъ, расположеннымъ подъ поломъ, съ одной стѣной, совершенно сырой, съ которой по временамъ вода льетъ ручьями, онъ вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 16 практикантовъ за разъ, при полномъ отсутствіи помѣщенія для спеціальныхъ научныхъ работъ профессора, ассистентовъ его и спеціалистовъ... Вести опыты по физиологіи растений или исторіи развитія и думать нельзя, такъ какъ топка кабинета приспособлена для оранжереи, а отнюдь не для отопленія ученаго института, предназначеннаго для изученія физиологіи, анатоміи, морфологіи и исторіи развитія высшихъ и низшихъ растений... Въ довершеніе всего въ кабинетѣ не имѣется ровно никакого освѣщенія... Вести успѣшно преподаваніе ботаники при такомъ положеніи дѣла является совершенно невыносимымъ; преподаваніе это можетъ стоять лишь на уровнѣ требованій программы средняго, а не высшаго учебнаго заведенія, не университета...“

О положеніи фізіологическаго института при переходѣ его въ завѣдываніе нынѣшняго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 30 ноября 1896 г.: „Ознакомившись ближе съ инвентаремъ фізіологическаго института, я нашелъ совершенно недостаточными для цѣлей раціональнаго преподаванія и для веденія научныхъ работъ тѣ инструменты и аппараты, какіе имѣются въ немъ въ настоящее время, а равно и принадлежащую институту бібліотеку... Въ программахъ испытія на степень лѣкаря, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія для Юрьевскаго университета въ 1893 г., говорится, что, кромѣ отвѣта на данные вопросы, отъ испытываемаго требуется разъясненіе устройства и употребленія предъявленныхъ ему наиболее употребительныхъ приборовъ. Изъ всѣхъ здѣсь перечисленныхъ „наиболѣе употребительныхъ“ приборовъ я нашелъ только четыре, остальные же... отсутствовали: такъ нѣтъ ни одного счетчика кровяныхъ тѣлецъ, ни пружиннаго кимографа Фика, ни кардіографа, ни сфигмографа Меррея, никакихъ индукціонныхъ аппаратовъ, ни одной батареи для постояннаго тока, ни одного реостата, никакого эстезіографа. Очевидно, что до настоящаго времени программа министерства фактически не могла быть исполнена. Отсутствіе всѣхъ почти электрическихъ приборовъ указываетъ на то, что весь необыкновенно важный отдѣлъ мышечной и нервной фізіологіи до сихъ поръ излагался совершенно безъ демонстрацій... Такъ какъ перечисленные въ программѣ приборы суть „наиболѣе употребительные“ и абсолютно необходимые, то по отсутствію даже этихъ приборовъ можно судить объ остальномъ. И дѣствительно, инструментарій представляетъ жалкое собраніе устарѣлыхъ приборовъ, только загромаждающихъ собою и безъ того

весьма тѣсное помѣщеніе института. Но этого мало: трудно повѣрить, чтобы въ университетской фізіологической лабораторіи не оказалось мѣха для искусственнаго дыханія, ни одной трахеальной канюли для трахеотоміи, всего два зажимныхъ пинцета для артерій. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ невозможно было произвести ни одной вивисекціи...“.

„Изъ нѣсколькихъ микроскоповъ ни при одномъ не имѣется даже иммерзійной системы, поляризаціоннаго приспособленія къ микроскопу; не имѣется ни одного микротомъ“.

„Что касается книгъ и журналовъ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на полное отсутствіе русской литературы; совершенно игнорирована также литература французская и англійская.“

Даже фармацевтическій институтъ, считавшійся съ 40-хъ годовъ чуть ли не первымъ въ Россіи и выпустившій цѣлыя сотни диссертаций на магистра фармаціи, оказался далеко не въ блестящемъ состояніи при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ доклада послѣдняго (мартъ 1894 г.).

„Состояніе принятаго мною фармацевтическаго института противъ моихъ ожиданій совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ научнымъ требованіямъ, которыя предъявляются мало-мальски устроеннымъ лабораторіямъ“.

„Во-первыхъ, лабораторія этого учрежденія до сего времени не имѣетъ водопровода и снабжается вонючей и загрязненной водой изъ резервуара, помѣщающагося въ аудиторіи. При такомъ устройствѣ водоснабженія немислимо производить какія-либо работы, требующія для своего веденія большаго водяного давленія или разрѣженнаго пространства“.

„Второй важный недостатокъ, найденный мною въ фармацевтическомъ институтѣ, состоитъ въ томъ, что въ немъ совершенно нѣтъ порядочныхъ тягъ, способныхъ поддерживать необходимый обмѣнъ воздуха при занятіяхъ химико-фармацевтическихъ, а въ аудиторіи института совершенно нѣтъ ни одной. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства становится невыносимымъ производить — поэтому, вѣроятно, прежде совершенно и не производились — какіе либо опыты съ вреднодѣйствующими веществами. А такъ какъ по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ веществъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при правильномъ преподаваніи фармацевтической химіи, обладаетъ такими свойствами, то волей-неволей при настоящемъ устройствѣ аудиторіи приходится отказаться отъ опытовъ съ ними“ ...

„Если прибавить къ вышеизложенному, что въ институтѣ, къ моему удивленію, не оказалось самыхъ необходимыхъ книгъ, напр. фармакопей, атласовъ и рисунковъ для преподаванія фармакогнозіи, порядочнаго паяльнаго стола, сколько нибудь удовлетворительной стеклянной посуды, чистыхъ химическихъ и фармацевтическихъ препаратовъ, порядочныхъ термометровъ, водяныхъ и воздушныхъ бань и массы другихъ самыхъ необходимыхъ лабораторныхъ принадлежностей, то вотъ та обстановка, при которой функционировала по настоящее время лабораторія фармацевтическаго института и при которой происходило въ институтѣ преподаваніе фармаціи“ ...

„Для дополненія вышесказаннаго не могу не указать, что коллекція препаратовъ, принятыхъ мною и хранящихся у меня по настоящее время, оказалась никуда негодной. Безъ всякаго преувеличенія могу указать, напр., что вся почти принятая мною коллекція эфирныхъ массъ давно утратила свои свойства отъ нерациональнаго храненія ихъ, а часть отъ давности, и по этимъ коллекціямъ ни-

какого уже правильнаго представленія ни о физическихъ, ни о химическихъ свойствахъ этого класса веществъ получить нельзя, а тѣмъ менѣе можно производить съ ними какія-либо химическія реакціи. Этотъ классъ веществъ, отличающійся крайней измѣнчивостью при обыкновенныхъ атмосферныхъ условіяхъ, долженъ былъ или постоянно возобновляться и счищаться, или же сохраняться внѣ доступа воздуха. А такъ какъ ни того, ни другого не дѣлалось цѣлыя десятилѣтія, то принятыя мною коллекціи эфирныхъ маселъ никуда не годятся, такъ какъ давно уже превратились въ дальнѣйшіе продукты превращенія эфирныхъ маселъ въ смолы“...

Въ выдержкахъ этихъ заключается, полагаю, критерій и для оцѣнки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ „выдающихся авторовъ“, бывшихъ преподавателей этого университета отъ 1860 по 1890 гг., которые перечислены г. фонъ Эттингенемъ.

Теперь я останавлиюсь нѣсколько на тѣхъ — относительно немногихъ, но очень рѣшительныхъ — строкахъ, какія г. фонъ Эттингенъ посвящаетъ собственно „Юрьевскому“ университету, въ условномъ отличіи его отъ прежняго „Дерптскаго“. При этомъ я считаю необходимымъ прежде всего напомнить, что преобразование Юрьевскаго, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ университетовъ, всегда совершалось по волѣ русскихъ Государей и указаніямъ высшаго правительства, а не по усмотрѣнію университетскихъ ректоровъ, вслѣдствіе чего на послѣднихъ не можетъ падать ни слава, ни отвѣтственность за ходъ и исходъ подобныхъ преобразованій. Напрасно потому г. ф. Эттингенъ употребляетъ такія выраженія, какъ: „общее измѣненіе строя студенческой жизни, къ которому стремится г. ректоръ Юрьевскаго университета и котораго онъ частью достигъ, касается какъ харак-

тера учебныхъ занятій, такъ и воспитательнаго вліянія университета,“ изъ которыхъ можно, пожалуй, вывести, будто „общее измѣненіе строя“ здѣшной университетской жизни совершается здѣсь по желанію ректора, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что реформа Юрьевского университета является органическимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій Императора Александра III, вызванныхъ сенаторскою ревизіей 1883 г. и направленныхъ къ духовному сближенію этой окраины съ срединными областями Имперіи.

Во 2-хъ, необходимо отмѣтить, что реформа эта, начатая въ 1889 г. по отношенію къ юридическому факультету, а съ начала 90-хъ годовъ — по отношенію къ прочимъ факультетамъ, далеко еще не закончилась, почему университетъ этотъ, донынѣ управляющійся не общимъ уставомъ русскихъ университетовъ 1884 г., а нѣсколько видоизмѣненнымъ „дерптскимъ“ уставомъ 1865 г., — долженъ бы собственно называться, въ духѣ терминологіи г. фонъ Эттингена, не Юрьевскимъ, а Дерптско-Юрьевскимъ, впредь до замѣны его стараго устава новымъ.

Въ 3-хъ, въ жизни такихъ многолѣтнихъ организмовъ, какъ университеты, вѣкъ которыхъ измѣряется не годами, даже не десятилѣтіями, а столѣтіями опытъ какихъ нибудь 6—7 л. составляетъ слишкомъ короткій періодъ времени, чтобы по немъ можно было дѣлать вѣрныя или хотя бы только вѣроятныя заключенія о будущемъ, какъ это позволяетъ себѣ г. фонъ Эттингенъ по отношенію къ университету „Юрьевскому“, который между тѣмъ не вышелъ еще изъ мукъ рожденія.

Послѣ этихъ оговорокъ попытаюсь взвѣсить тѣ данныя и соображенія, на которыхъ г. фонъ Эттингенъ основываетъ свой—по меньшей мѣрѣ поспѣшный— вы-

водъ „о неприглядномъ настоящемъ и мрачномъ будущемъ Юрьевскаго университета“. „Неприглядность“ эта выражается, по его мнѣнію, главнымъ образомъ: въ неудовлетворительномъ подборѣ новоназначенныхъ профессоровъ; въ постепенной убыли числа студентовъ; въ пониженіи уровня ихъ научныхъ занятій и испытаній и, наконецъ, въ ослабленіи студенческихъ корпорацій. Не трудно доказать, что всѣ эти послышки, на которыхъ построенъ выводъ, основаны или на явныхъ ошибкахъ, или на крупныхъ недоразумѣніяхъ и пристрастіи. Г. фонъ Эттингенъ утверждаетъ, на примѣръ, что „новое управленіе университета при замѣщеніи кафедръ и доцентуръ (какъ будто оно производится нынѣ „управленіемъ университета“, а не округа и министерства!) руководствовалось какими-то другими правилами, чѣмъ тѣ, какія опредѣлены закономъ относительно назначенія профессоровъ ординарныхъ изъ докторовъ соответственной науки, а экстраординарныхъ и доцентовъ изъ магистровъ:

„Въ четырехъ факультетахъ, говоритъ онъ, за исключеніемъ (почему?) медицинскаго, изъ 35 новоназначенныхъ профессоровъ было 19, имѣющихъ лишь степень кандидата, 10 магистровъ и только 6 докторовъ“. Между тѣмъ, при поименной провѣркѣ этого утвержденія можно убѣдиться, что изъ назначенныхъ правительствомъ со времени изданія указа 20 ноября 1889 г., безъ участія совѣта, профессоровъ состояли въ день назначенія на кафедры:

докторами соотвѣт. наукъ 9 л., а не 6;

магистрами „ „ 20 л., а не 10;

магистрантами „ „ 11 л., а не 19.

Изъ состоящихъ же нынѣ въ Юрьевскомъ университетѣ профессоровъ (со включеніемъ медицинскаго фа-

культета), назначенныхъ помимо совѣта, числится: 19 докторовъ, 19 магистровъ и 5 магистрантовъ, кандидата же между ними нѣтъ ни одного.

Изъ этого одного видно, какъ не вѣрны тѣ цифровыя данныя или приемы, которыми пользовался г. фонъ Эттингенъ при составленіи своего „Отвѣта“.

Кромѣ того, я позволю напомнить ему, что и въ прежнее время, когда выборъ преподавателей зависѣлъ отъ совѣта, оказывались иной разъ недочеты по части ученыхъ степеней, какъ это видно, напр., въ дѣлахъ совѣта о профессорахъ И. Энгельманѣ, К. Эрдманѣ, К. Генѣ, П. Висковатовѣ, А. Котляревскомъ и нѣкоторыхъ др. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что обиліе докторовъ, особенно философіи, въ прежнемъ „Дерптскомъ“ университетѣ объясняется легкостію полученія этой ученой степени въ Германіи, гдѣ она при отсутствіи степеней кандидата и магистра является собственно первой ученой степенью, а не третьей, какъ въ Россіи. Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ установилась было и въ „Дерптскомъ“ университетѣ гораздо болѣе легкая процедура при полученіи высшихъ ученыхъ степеней, чѣмъ въ прочихъ университетахъ Имперіи“¹⁾.

Прежде сдавали экзаменъ на степень доктора на квартирѣ у декана факультета. Причемъ докторантъ присылалъ декану чай, сахаръ, нѣсколько бутылокъ вина, шоколадъ, тортъ и др.—для угощенія экзаменаторовъ. Конечно, такая легкая процедура полученія высшихъ ученыхъ степеней должна была обратить вниманіе на себя высшаго начальства.

А. С. Будиловичъ пишетъ: „Этимъ и вызвано было Высочайшее повелѣніе отъ 25 октября 1893 г., воспре-

1) „Юрьев. ун—ть“ Будиловича.

тившее присуждать докторскую степень на медицинскомъ факультетѣ лицамъ, не имѣвшимъ еще званія лѣкаря. Г. фонъ Эттингенъ продолжаетъ, конечно, и послѣ этого указа считать „образцовыми“ прежніе „порядки“, при которыхъ-де „люди способные и приличные, напрягая всѣ силы, однимъ испытаніемъ могли достигнуть высшей степени“, забывая, что по ст. 460 уст. учебн., которымъ только и могъ въ данномъ случаѣ руководствоваться медицинскій факультетъ, отъ испытуемыхъ на доктора медицины требуется гораздо больше, чѣмъ „способности и приличіе“, а именно — „безспорная ученость“, которая между тѣмъ не выноится уже со студенческой скамьи. Притомъ, въ какомъ соотвѣтствіи находилось обиліе выпускавшихся изъ „Дерптскаго“ университета докторантовъ медицины (въ 1889/90 ихъ было 81; въ 189⁰/₁; — 80; въ 189¹/₂ — 80; въ 189²/₃ — 83 ч.) съ вышеприведеннымъ отзывомъ „Дерптскаго“ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. о громадныхъ недочетахъ въ постановкѣ на немъ преподаванія, затруднявшихъ-де выполненіе общеимперскихъ плановъ преподаванія и программъ испытанія на званіе не доктора медицины, а только лѣкаря? Подобныя же послабленія позволительно предполагать въ прежніе годы и относительно испытаній на ученая степени въ прочихъ факультетахъ, которые къ тому же были тогда раздѣлены не на 2—3 отдѣленія, какъ въ прочихъ русскихъ университетахъ, а на цѣлыя десятки таковыхъ (напр., на историко-филологическомъ факультетѣ ихъ было 8, на физико-математическомъ же — 10), что, конечно, не могло не облегчать студентамъ условій какъ прохожденія курса на столь дробныхъ отдѣленіяхъ, такъ и испытаній на ученая степени по онимъ. Вотъ почему и при замѣщеніи кафедръ „Дерптскій“ университетъ не могъ испы-

тывать особенныхъ затрудненій въ пріисканіи докторовъ— то заграничныхъ, то своихъ собственныхъ „дерптскихъ“. Все-таки, если разсмотрѣть формуляры лицъ, изъ которыхъ въ тѣ годы избираемы были совѣтомъ кандидаты на вакантныя каѳедры, то оказывается, что таковые набирались главнымъ образомъ изъ ученыхъ начинающихъ, т. е. доцентовъ, приватъ-доцентовъ, лаборантовъ, ассистентовъ, рѣже изъ профессоровъ экстраординарныхъ и еще рѣже изъ ординарныхъ. Такъ, напр., изъ 93 лицъ, избранныхъ совѣтомъ въ теченіе 1855—89 гг. въ профессора (по Praesentationstbuch'у совѣта), только 5 кандидатовъ состояли уже ранѣе ординарными профессорами, — 14 экстраординарными (что въ Германіи приблизительно соответствуетъ нашимъ доцентамъ), остальные же были до того доцентами, приватъ-доцентами, лаборантами, ассистентами, учителями гимназій, бібліотекарями, практическими врачами и т. п. Бывали даже случаи, что совѣтъ при выборѣ кандидатовъ предпочиталъ ученыхъ начинающихъ болѣе заслуженнымъ, когда напр., онъ избралъ въ 1866 г. на каѳедру физики приватъ-доцента Артура фонъ Эттингена, а не базельскаго ординарнаго профессора Г. Вильда, извѣстнаго потомъ нашего академика и директора главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ. Г. ф. Эттингенъ не имѣетъ, слѣдовательно, права иронизовать „подъемъ научнаго уровня Юрьевскаго университета“, т. е. дѣлать заключеніе объ упадкѣ послѣдняго изъ того только обстоятельства, что и въ послѣдніе 7 лѣтъ въ число здѣшнихъ профессоровъ назначаемы были главнымъ образомъ ученые молодые, только выступающіе на ученое поприще, а не сходящіе уже съ него.

Вѣдь и въ нѣмецкое время „Дерптскій“ университетъ не занималъ особенно выдающагося мѣста между гер-

манскими университетами, оставаясь въ ихъ ряду однимъ изъ второстепенныхъ въ родѣ университетовъ кенигсбергскаго, грейфевальдскаго, ростокскаго, кильскаго, которыхъ балтійско-приморскую цѣпь онъ замыкалъ на востокѣ и по культурнымъ задачамъ. Нельзя требовать, чтобы и въ Россіи этотъ провинціальный университетъ занялъ выдающееся положеніе, особенно теперь, когда его преобразование далеко еще не закончено и когда его бюджетъ ¹⁾ на 115—130,000 рублей въ годъ уступаетъ бюджету университетовъ св. Владиміра ²⁾, харьковскаго ³⁾, казанскаго ⁴⁾, которые между тѣмъ имѣютъ однимъ факультетомъ меньше и располагаютъ богатыми спеціальными средствами.

Что касается числа слушателей, на уменьшеніе котораго г. ф. Эттингенъ ссылается, какъ на доказательство пониженія „научнаго уровня“ здѣшняго университета, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что число учениковъ далеко не всегда можетъ служить надежнымъ критеріемъ при опредѣленіи научнаго уровня заведенія. Какъ часто мы видимъ, что переполняются учениками гимназіи, пансіоны и т. д. посредственные, основанные на попустительствѣ и именуемые въ общежитіи *pois asinorum*, особенно если эти школы даютъ достаточныя права, тогда какъ, наоборотъ, школы правильно поставленныя, болѣе внимательныя и требовательныя къ своимъ ученикамъ, привлекаютъ къ себѣ лишь немногихъ, болѣе серьезныхъ родителей и школьниковъ! Въ отношеніи же къ университетамъ дѣйствуютъ еще другія побужденія, между прочимъ характеръ города, его величина, удобства

1) По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 271,723 р. 85 к.

2) По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 379,132 р. 25 к.

3) По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 380,823 р.

4) По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 398,720 р. 5 к.

жизни и развлеченій, легкость заработковъ, количество стипендій и пособій и т. п. Потому то и въ Германіи число университетскихъ слушателей не всегда находится въ прямомъ соотношеніи съ „научнымъ уровнемъ“ университета: въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что уровень этотъ въ Берлинѣ при его 8,313 студентахъ (лѣтомъ 1896 г.) въ 8,3 разъ, въ Вѣнѣ въ 5,7 разъ, въ Мюнхенѣ въ 3,8 разъ, въ Лейпцигѣ въ 3 раза, въ Бреславлѣ же, въ Вюрцбургѣ, Галле и Грацѣ въ 1,4 раза—выше, чѣмъ въ Страсбургѣ, съ его 971 студентомъ (за то же время), тогда какъ всѣмъ извѣстно, что по постановкѣ преподаванія и учебно - вспомогательныхъ учрежденій страсбургскій университетъ является нынѣ однимъ изъ самыхъ выдающихся въ Германіи. Да и „Дерптскій“ университетъ, какъ показано въ моей „Исторической замѣткѣ“ (на стр. 26), въ самое блестящее свое время, совпадающее съ профессорскимъ институтомъ (1828—38 гг.), насчитывалъ всего по 500—600 студентовъ; въ 60—70-ые годы число ихъ колебалось между 600—900: тысяча впервые была достигнута въ 1879 г. и лишь въ 80-ые годы цифра эта, быстро повышаясь особенно со времени изданія общаго устава 1884 г., поднялась къ 1 сентября 1890 г. до 1812. Конечно, такое переполненіе малаго и тѣснаго по аудиторіямъ, кабинетамъ, клиникамъ провинціального университета вызвано было совершенно исключительными условіями, а именно усиленными выпусками абитуриентовъ мѣстными нѣмецкими гимназіями, накануне ихъ реформы (къ 1 января 1891 г. изъ 1694 слушателей „Дерптскаго“ университета 1241 были абитуриенты гимназій здѣшняго округа), накопленіемъ не малаго числа евреевъ (333 къ тому же времени), особенно же наплывомъ отовсюду слушателей медицины (863 студента медика къ

тому же сроку), заманиваемыхъ перспективою легкаго полученія докторскихъ дипломовъ, и т. п.

Если бы отмѣченная г. ф. Эттингеномъ убыль числа слушателей въ Юрьевскомъ университетѣ (на 36% съ 1890 по 1895 г.) дѣйствительно объяснялась упадкомъ его со времени „введенія преподаванія на русскомъ языкѣ“ (что, впрочемъ, донинѣ далеко еще не завершилось, кромѣ юридическаго факультета), то было бы непонятно, почему эта убыль на столько же почти процентовъ (именно на 35%) коснулась и богословскаго факультета, на которомъ въ 1890 году было 284 студента, а въ 1896 году только 185, хотя онъ донинѣ остается на старомъ положеніи, при нѣмецкомъ преподаваніи? Очевидно, кромѣ реформы университета эта убыль обусовлена была и многими другими, внѣ его лежащими причинами, на примѣръ, образовавшимся избыткомъ кандидатовъ въ пасторы, при огромныхъ выпускахъ таковыхъ въ прежніе годы; преобразованиемъ судебныхъ и административныхъ учрежденій края, опредѣленіе на службу въ которыхъ зависитъ нынѣ отъ правительства, а не отъ мѣстнаго дворянства; реформами прибалтійскихъ среднихъ школъ, въ которыхъ русскіе учителя предпочитаютъ уже нѣмецкимъ; и, наконецъ, отмѣною прежнихъ льготъ юрьевскаго студенчества по прохожденію курса и полученію дипломовъ, особенно на доктора медицины. Не малымъ, конечно, тормазомъ является въ этомъ отношеніи и двуязычіе преподаванія на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ, особенно для русскихъ и польскихъ студентовъ, не достаточно владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ“. ¹⁾

1) „Юрьев. ун-тъ“ Будиловича.

Послѣ реформы Юрьевскаго университета на всѣхъ факультетахъ, кромѣ юридическаго — исключительно русскаго, и богословскаго — исключительно нѣмецкаго, преподаваніе велось на двухъ языкахъ. Спрашивается — развѣ русскіе могли учиться въ Юрьевѣ? Много-ли русскихъ хорошо знающихъ нѣмецкій яз.; да и кто знаетъ оба языка, тому очень трудно слушать лекціи и сдавать экзамены на двухъ языкахъ.

„Этимъ главнѣйше и объясняется отмѣченный г. ф. Эттингеномъ фактъ нѣкоторой убыли числа студентовъ „русскаго и польскаго происхожденія“. При этомъ слѣдуетъ, однако, оговориться, что въ относящемся сюда подсчетѣ г. фонъ Эттигена есть существенная неточность: для 1891 и 92 г. онъ взялъ всю наличность слушателей, со включеніемъ фармацевтовъ, вслѣдствіе чего получились цифры 674 и 653, тогда какъ для слѣдующихъ лѣтъ онъ взялъ однихъ студентовъ, безъ фармацевтовъ. Еслибы онъ включилъ въ эти цифры и послѣднихъ, то результатъ былъ-бы нѣсколько иной, а именно: для 1893 г. не 555, а 664; для 1894 г. не 530, а 715; для 1895 г. не 474, а 640. Для 1896 г. цифра эта составляетъ 635, слѣдовательно, почти равна цифрамъ для 1892—93 гг., такъ что убыль тутъ мало замѣтна, особенно при сопоставленіи съ общимъ числомъ слушателей.

Что касается числа евреевъ, то по отчетамъ университета за послѣдніе годы имѣются для еврейскихъ студентовъ слѣдующія цифры: къ первому января:

1889 г.	ихъ	было	15,3	проц.
1890	„	„	18,4	„
1891	„	„	19,7	„
1892	„	„	21,2	„
1893	„	„	20,9	„

1894 г.	ихъ	было	25 проц.
1895	„	„	24,9 „
1896	„	„	23,8 „

Къ 1-му же октября 1896 года ихъ числилось 20⁰/₀, т. е. почти столько-же, какъ въ 1890—91 гг., при началѣ реформы. Относительно измѣненія „строя студенческой жизни“, „характера учебныхъ занятій“, свободнаго „прежде „выбора предметовъ занятій“, смѣнившася-де нынѣ „принудительнымъ посѣщеніемъ лекцій, строго распредѣленныхъ по курсамъ, на подобіе школьныхъ класовъ“, „шаблонно-школьнаго характера экзаменовъ“ и т. д., то я не считаю нужнымъ на этомъ останавливаться, такъ какъ этого рода измѣненія обусловлены — какъ выше уже упомянуто — не тѣми или другими „стремленіями ректора Юрьевского университета“, а правительственнымъ распоряженіемъ о сближеніи его организаціи съ таковою прочихъ русскихъ университетовъ. Позволю себѣ только замѣтить, что если дипломы здѣшняго университета должны имѣть силу не въ Германіи, а въ Россіи, то вполне естественно, что и тѣ научныя требованія, которыми обусловлено ихъ полученіе и которыми затѣмъ опредѣляются — безъ особыхъ государственныхъ испытаній — образовательный цензъ и права по государственной службѣ обладателей такихъ дипломовъ, должны быть согласованы съ требованіями прочихъ русскихъ университетовъ. Рѣшеніе же труднаго теоретическаго вопроса о преимуществахъ того или другого типа университетской организаціи не можетъ быть предметомъ бѣглой газетной замѣтки. Можно только утверждать, что если существуетъ уже нѣмецкій, французскій, англійскій, американскій (въ Соединенныхъ Штатахъ) типы такой организаціи, то можетъ сущест-

воватъ и русскій, съ судьбами котораго по необходимости будетъ связано дальнѣйшее развитіе и Юрьевскаго университета, послѣ окончательнаго отторженія его отъ типа специфически-нѣмецкаго.

Что касается, наконецъ, студенческихъ корпорацій то г. ф. Эттингенъ слишкомъ ужъ преувеличиваетъ ихъ значеніе, идеализуя и роль ихъ въ средѣ здѣшняго студенчества. Въдъ и въ прежнее время не все здѣшнее студенчество входило въ корпоративную организацію, а только болѣе богатая и аристократическая, такъ сказать, часть его, которая, напр., въ 2-мъ семестрѣ 1892 г. составляла всего 400 студентовъ изъ 1670, т. е. едва 25% общаго ихъ числа. Остальные $\frac{3}{4}$ студентовъ либо входили въ другого рода организацію, о которой г. ф. Эттингенъ умалчиваетъ, именно въ сообщества научныя или фереины, либо оставались „дикими“ (wild). Отношенія между корпорантами и некорпорантами уже и тогда были довольно натянутыя, главнымъ образомъ вслѣдствіе притязательности первыхъ и нежеланія послѣднихъ подчиняться „вліянію корпорацій“, которое представляется столь желаннымъ г. ф. Эттингену. Во всякомъ случаѣ, не на „равенствѣ“ всѣхъ дѣтей одной и той же Alma mater основано было это дѣленіе ихъ на корпорантовъ и некорпорантовъ, дворянъ и бюргеровъ, „зажиточныхъ“ и „незажиточныхъ“, „нѣмцевъ“ и „не нѣмцевъ“, „ливонцевъ“ и „куронцевъ“, „эстонцевъ“ и „леттонцевъ“ и т. д.; не въ этомъ дробленіи можетъ выражаться и то „органическое единеніе студенчества“, о которомъ говоритъ г. ф. Эттингенъ. Наоборотъ, оно скорѣе подрывалось такимъ дробленіемъ, которое и въ гарманскихъ университетахъ уже одними названіями корпорацій (напр., въ берлинскомъ университетѣ: Marchia, Guestphalia, Vandalia, Franconia, Nevellia, Palatia, Normannia, Alamannia, Borus-

sia, Palaio-Silesia, Alsatia, Ghibellinia, Cheruscia и т. п.) указываетъ на старинную областную рознь нѣмцевъ, лишь понемногу уступающую чувству студенческаго „равенства“ съ одной стороны, а государственнаго и племеннаго „единенія“ — съ другой. Къ тому же г. ф. Эттингену должно быть хорошо извѣстно, что всѣ тѣ шесть корпорацій, какія здѣсь оказались при началѣ реформы, а равно и цѣлая дюжина другихъ студенческихъ обществъ, образованныхъ по группамъ то научнымъ (напр., общества богослововъ, филологовъ, историковъ, натуралистовъ), то племеннымъ (общества русскихъ студентовъ, эстонцевъ, евреевъ и нѣкоторыя друг.), благополучно существуютъ до настоящаго времени, почему и не имѣется никакого основанія говорить о „превращеніи университетской молодежи въ безсвязную, хаотическую массу, легко поддающуюся подпольнымъ вліяніямъ“, или утверждать, будто „веселая, беззаботная жизнь дерптскихъ студентовъ и шумныя, но невинныя увеселенія ихъ смѣнились глубокою тишиною“. Конечно, прежнія „майскія ночи“ на Домской горѣ, уличныя процессіи и факельцуги студентовъ прекратились; ихъ безшабашные кутежи, сопровождавшіеся нерѣдко драками и даже дуэлями, — понемногу отходятъ въ область преданій; но могутъ ли подобныя „увеселенія“ считаться „невинными“ и слѣдуетъ ли отсюда, что ихъ прекращеніе, вызванное не въ малой мѣрѣ и открытіемъ съ 1889 г. въ этомъ городѣ мировыхъ судовъ, является доказательствомъ „непрегляднаго настоящаго и мрачнаго будущаго“ этого университета?

„Непригляднымъ“ можетъ представляться это настоящее лишь для людей, которые вбили себѣ въ голову, вопреки всѣмъ очевидностямъ и исторіи, и статистики, что Прибалтійскія губерніи — край не русскій, даже не эстонско-латышскій, а нѣмецкій; что Юрьевскій универ-

ситетъ — хотя основанный русскимъ Государемъ и содер-
жимый на средства русскихъ плательщиковъ — имѣетъ не
только право, но и обязанность служить въ немъ на
вѣки-вѣчные орудіемъ германизаци, подобно, какъ это
дѣлаетъ университетъ кенигсбергскій въ литовско-поль-
скомъ приморьѣ, бреславскій — въ польской Силезіи, страс-
бургскій же въ Эльзасѣ и Лотарингіи; что въ случаѣ
отреченія отъ этой своей мисси, якобы возложенной на
него русскими же Государями, чуть-ли не по завѣтамъ
самого Петра Великаго, университетъ этотъ потеряетъ
всякое право на существованіе и можетъ вызывать — въ
глазахъ балтійскихъ патріотовъ — лишь самыя „мрачныя“
предчувствія. Между тѣмъ, еслибы г. фонъ Эттингенъ
могъ хоть нѣсколько отрѣшиться отъ этихъ нѣмецко-
патріотическихъ мечтаній, претензій и предразсудковъ и
еслибы онъ, какъ человекъ науки, принялъ во внима-
ніе прежде всего научныя задачи и цѣли этого учрежде-
нія, то навѣрное — при нѣкоторой объективности мыш-
ленія и искренности выраженія — онъ пришелъ-бы къ
совершенно другимъ выводамъ о его „настоящемъ“ и
„будущемъ“. Тогда и онъ призналъ-бы, вѣроятно, что
необходимость реформы этого университета обусловлена
была не только соображеніями „государственной пользы“,
но и чисто научными потребностями и побужденіями.
Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился-бы, что съ начала реформы —
уже не мало въ немъ сдѣлано для подъема научнаго
дѣла: открытъ цѣлый рядъ (именно 12) новыхъ кафедръ,
профессуръ, доцентуръ и до 14 новыхъ ассистентскихъ
должностей; возникло нѣсколько новыхъ институтовъ (ги-
гіенической, магнитный); значительно улучшена обста-
новка астрономической обсерваторіи, ботаническаго сада
и кабинета, институтовъ метеорологическаго, фармацев-
тическаго, физиологическаго, судебно-медицинскаго; по-

полнены многіе важныя пробѣлы въ библіотекѣ; издана цѣлая серія „Ученыхъ записокъ“, въ которыхъ напечатанъ рядъ ученыхъ статей и нѣсколько диссертацій; наконецъ, удержано на довольно высокомъ уровнѣ, по сравненію съ прочими нашими и нѣмецкими провинціальными университетами, число слушателей, которыхъ къ 1-му октября 1896 г. насчитывалось 1225, т. е. болѣе, чѣмъ было лѣтомъ 1896 г. въ университетахъ кенигсбергскомъ (721), іенскомъ (812), грейфсвальдскомъ (964), страсбургскомъ (971), геттингенскомъ (1099), тюбингенскомъ (1190), эрлангенскомъ (1180) и многихъ другихъ извѣстныхъ университетахъ германскихъ и всѣхъ безъ исключенія швейцарскихъ (напр., въ Женевѣ 832, въ Цюрихѣ 747, Бернѣ 644, Базелѣ 510 и т. д.). Что же касается научнаго уровня новоназначенныхъ русскихъ преподавателей, то на этотъ счетъ достаточно сослаться, что въ теченіе столь короткаго времени уже съ полдюжины ихъ получили почетныя приглашенія на кафедры то академіи наукъ (кн. Голицынъ), то университетовъ московскаго (проф. Бубновъ), харьковскаго (проф. Кассо), св. Владиміра (проф. Гуляевъ), Петровской академіи (проф. Карышевъ) и нѣкотор. др. Если принять во вниманіе, что все это сдѣлано при сильномъ противодѣйствіи мѣстнаго нѣмецкаго общества и нѣмецкой—отчасти и русской—печати; что Юрьевскому университету, въ интересахъ сближенія съ прочими русскими, пришлось въ это именно время отказаться отъ многихъ льготъ прежняго своего положенія; что онъ долженъ былъ переживать при этомъ всѣ неудобства переходнаго положенія, когда старое рушится, а новое едва возникаетъ надъ развалинами старины; что, наконецъ, вся эта реформа производится на самыя скудныя средства, которыя не составляютъ и десятой доли того, что ассигновано было германскимъ пра-

вительствомъ при аналогичномъ преобразованіи страсбургскаго университета изъ заведенія французскаго въ нѣмецкое: то нужно удивляться не тому, что между ново-назначенными профессорами Юрьевскаго университета не всѣ имѣютъ степень доктора соотвѣтственной науки; не тому, что крайне раздутое въ концѣ 80-хъ годовъ число его студентовъ нѣсколько посократилось; не тому, что изъ числа его воспитанниковъ пока не вышло ни тайныхъ совѣтниковъ, ни академиковъ, ни путешественниковъ, а тому, что находятся люди, притомъ не изъ профановъ, которые склонны предъявлять къ нему столь необычныя и несвоевременныя требованія!

Но еще удивительнѣе, что г. ф. Эттингенъ называетъ „насильственною“ и даже „разрушительною“ реформу, которая совершается по Высочайшему повелѣнію, съ соблюденіемъ всѣхъ легальныхъ формъ, притомъ съ такой постепенностью и даже медлительностью въ осуществленіи, которая, напримѣръ, вовсе не допущена была при преобразованіи въ Германіи страсбургскаго университета, а въ Россіи—варшавскаго.

Въ страсбургскомъ университетѣ французскій языкъ и офранцуженный учебный персоналъ сразу былъ замѣненъ нѣмецкимъ (за исключеніемъ католическо-богословскаго факультета) по преобразованіи его въ 1872 г.; въ варшавскомъ была разрѣшена отсрочка всего на два года для перехода прежнихъ профессоровъ отъ польскаго языка къ русскому въ преподаваніи. Въ Юрьевѣ же и теперь еще, черезъ 7 лѣтъ отъ начала реформы, цѣлая группа преподавателей, а именно 8 на богословскомъ факультетѣ, 4 на медицинскомъ, 4 на историко-филологическомъ и 3 на физико-математическомъ, т. е. въ совокупности $\frac{1}{3}$ общаго ихъ числа, читаютъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Что же касается личнаго состава преподавателей,

то обновленіе его совершается здѣсь съ такой постепенностью, что и донынѣ въ немъ остаются 24 преподавателя (въ томъ числѣ 18 профессоровъ) изъ числа избранныхъ совѣтомъ до изданія указа 20 ноября 1889 г. Изъ остальныхъ часть ихъ выбыла за смертію ¹⁾, часть за выслугою установленныхъ сроковъ на пенсію ²⁾, часть по собственному желанію, за перемѣщеніемъ на болѣе подходящія или выгодныя должности въ Россіи или за границею ³⁾. Г. фонъ Эттингенъ, повидимому, считаетъ нѣкоторыя изъ такихъ отставокъ или увольненій недостаточно обоснованными, именно упрекаетъ за устраненіе съ кафедры химіи проф. К. Шмидта, произведенное-де „лишь съ цѣлью замѣщенія его кафедры лицомъ, могущимъ преподавать на русскомъ языкѣ“. „Мы всѣ, прибавляетъ онъ патетически, еще помнимъ, какъ бодрый старикъ, „сѣдой юноша“, былъ пораженъ своей отставкой и глубоко огорченъ тѣмъ, что долженъ былъ оставить свою кафедру и любимую, созданную имъ лабораторію, въ которой провелъ большую часть своей жизни, и какъ это огорченіе подточило его жизненныя силы“. Хотя отставка эта состоялась 4 іюля 1892 года, до моего прибытія въ Юрьевъ, тѣмъ не менѣе я не могу не указать по поводу этой напраслины, что К. Шмидтъ былъ уволенъ по выслугѣ въ здѣшнемъ университетѣ 45 л. въ должности преподавателя, на 70-мъ году жизни, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, который, на примѣръ, въ австрійскихъ университетахъ считается крайнимъ срокомъ

1) А. Шмидтъ, Е. Валь, Л. Шварцъ, В. Гершельманъ, Л. Мендельсонъ.

2) Брикнеръ, О. Шмидтъ, К. Шмидтъ, Ал. и Ар. Эттингены, В. Мазингъ, Драгендорфъ, К. Эрдманъ, П. Висковатовъ, Бодуэнъ-де-Куртене.

3) Крюгеръ, Л. Струве, Шуръ, Бонвечъ, Мюлау, Роландъ, Бергбомъ, Шредеръ, Крепелинъ, Унферрихтъ, Кнестнеръ, Штадельманъ, Тома, Кобертъ.

профессорской службы, причемъ кафедра К. Шмидта досталась его же ученику, д-ру Тамману. При такихъ условіяхъ упрекъ г. фонъ Эттингена представляется мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что въ дѣлахъ совѣта имѣется его собственноручный Separatvotum отъ 27 апрѣля 1876 г., въ которомъ онъ высказывается именно противъ оставленія профессоровъ на службѣ in infinitum и предлагаетъ назначить 35 лѣтъ крайнимъ срокомъ профессорской службы, въ интересахъ, какъ младшихъ ученыхъ, такъ и университета!...

Вотъ въ какой формѣ выражается та „руссификація“ личнаго состава университета, которую г. фонъ Эттингенъ называетъ „насильственной!“ Еще неумѣстнѣе въ данномъ случаѣ употребленное имъ по отношенію къ университетской реформѣ выраженіе: „разрушительныя мѣропріятія“. Такіе эпитеты примѣняются обыкновенно къ дѣятельности противогосударственныхъ обществъ (напр. нигилистовъ, террористовъ, анархистовъ), а не правительственныхъ лицъ или учрежденій, исполняющихъ законныя распоряженія законной власти. По существу же результатъ „разрушительныхъ“ — для нѣмечины, а не для Россіи и не для науки — мѣропріятій Императора Александра III и Его сотрудниковъ въ дѣлѣ преобразованія здѣшняго университета достаточно выясненъ въ предыдущемъ, почему я не стану болѣе на этомъ останавливаться.

Что же касается той „раздраженной и униженной жертвы“, которая, по словамъ г. фонъ Эттингена, томится въ Прибалтійскомъ краѣ подъ гнетомъ „господствующаго народа“, то изъ „Окраинъ Россіи“ хорошо извѣстно, кто заслуживаетъ въ немъ названіе жертвы, а кто — тирана! И этого общеизвѣстнаго факта не опровергнуть никакіе „крики отчаянія“ прибалтійскихъ нѣмцевъ, изъ-

даваемые отъ времени до времени по рецепту пресловутаго „Livländische Antwort“ г. Ширрена. Къ такимъ именно „крикамъ“, — говоритъ въ заключеніе А. С. Будиловичъ, — я не могу не относить „Отвѣта“ на мою „Записку“ о бюджетныхъ отношеніяхъ Юрьевскаго университета“¹⁾.

На статью г. Будиловича г. фонъ Эттингенъ напечаталъ въ „Петерб. Вѣдом.“ слѣд. отвѣтъ:

„Въ №№ съ 90 по 95 „Рижскаго Вѣстника“ г. А. Будиловичъ помѣстилъ „нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию отвѣта бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета“ (ср. № 71 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1897 г.), въ видахъ усиленнаго разъясненія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ русской публицистики. Къ сожалѣнію, обширныя справки, помѣщенныя на 30 столбцахъ газетнаго фельетона, болѣе способны затемнить животрепещущій вопросъ, чѣмъ содѣйствовать его разъясненію. Это видно изъ литературныхъ приемовъ автора, который односторонне толкуетъ мои выраженія, усматриваетъ противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, а особенно изъ того впечатлѣнія, которое произвели его документальныя справки на тотъ кругъ читателей, для котораго онѣ главнымъ образомъ написаны. Въ руководящей статьѣ „Рижскаго Вѣстника“ (№ 98) напечатано:

„Въ дѣйствительности оказывается, что реформа застала университетъ въ такомъ упадкѣ, что дальше этого едва-ли возможно идти, и что именно съ этого времени начинается не паденіе университета, а его возрожденіе, ставшее возможнымъ лишь послѣ освобожденія его отъ пагубнаго тормазы балтійско-нѣмецкой партійной политики, чуть было не доведшей университетъ до полнаго разложенія.“

1) „Юрьевскій унив.“ Будиловича.

Сказанное будетъ оцѣнено по достоинству образованнымъ и безпристрастнымъ читателемъ; опровергать это не стоитъ ужъ потому, что врядъ-ли сами авторы вѣрятъ тому, что писали. Ограничусь поэтому краткими указаніями на нѣкоторые существенные пункты спора.

Исходною точкою полемики является утверждение юрьевского ректора, что съ 1860 по 1890 г. Дерптскій университетъ клонился къ упадку. Противъ этого я указалъ, что такіе факты, какъ: 1) значительное число выдающихся преподавателей, бывшихъ въ это время въ Дерптѣ и извѣстныхъ въ Россіи и за границею своими научными работами, 2) постоянно возрастающее за это время число слушателей до начала руссификаціи и быстрое, и неуклонное уменьшеніе этого числа послѣ начала ея, 3) весьма значительное число учениковъ Дерптскаго университета этого времени, занявшихъ и въ Россіи, и за границею кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или заявившихъ себя научными работами, — указываютъ не на упадокъ научнаго значенія университета, а напротивъ на его процвѣтаніе.

Въ подтвержденіе сказаннаго позволю себѣ привести отзывъ о Дерптскомъ университетѣ проф. Вирхова, пользующагося не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи, безспорнымъ авторитетомъ по знанію дѣла и по своему безпристрастію. Проф. Вирховъ послѣ рижскаго археологическаго конгресса посѣтилъ Юрьевъ. Вотъ что онъ сказалъ въ рѣчи, произнесенной въ Берлинскомъ антропологическомъ обществѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ города Юрьева: ¹⁾

¹⁾ Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin 1896. d. 497. Nordliolandsche Zeitung. 1897. № 40.

„Это былъ тотъ городъ, гдѣ процвѣталъ знаменитый нѣмецкій Дерптскій университетъ, въ которомъ во время всего періода моего юношескаго развитія цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ занимался разработкою наукъ, изъ котораго я самъ всегда пріобрѣталъ какъ новые матеріалы для моихъ познаній, такъ и прилежныхъ и самостоятельно работающихъ учениковъ.“ Со всѣмъ этимъ сразу покончено.

Г. Будиловичъ пользуется своими документальными справками, чтобы описать скудную обстановку нѣкоторыхъ институтовъ, старые директоры которыхъ уже всѣ покоятся подъ сѣнью кладбищенскихъ березъ.

Да, признанныя всѣми ученые работы дерптскихъ институтовъ, имѣвшія столь важное значеніе для науки, совершены при самыхъ скудныхъ учебно-вспомогательныхъ средствахъ. Въ особенности астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ бѣдствовали отъ недостатка средствъ. Даже самое дальнѣйшее существованіе ботаническаго сада было поставлено подъ сомнѣніе, такъ какъ садъ по своей обширности, съ пальмовою и другими оранжереями для декоративныхъ и экзотическихъ растеній, казался болѣе предметомъ роскоши, чѣмъ необходимымъ средствомъ для преподаванія, успѣхъ котораго основывается не столько на систематикѣ, сколько на разработкѣ анатоміи и фізіологіи растеній, на каковомъ поприщѣ покойный проф. Руссовъ своими указующими путь разслѣдованіями пріобрѣлъ европейскую извѣстность.

Астрономическая обсерваторія вообще не принадлежитъ къ необходимымъ учебнымъ пособіямъ университета: существуютъ университеты напр., Гейдельбергскій, безъ обсерваторіи. Рефракторъ, въ свое время самый большой въ свѣтѣ, которымъ пользовались Струве, старшій и

младшій, для своихъ открытій давно уже не соответствовали современнымъ требованіямъ астрономической науки. Неоднократно повторявшіяся ходатайства совѣта о назначеніи необходимыхъ суммъ были всякій разъ отклоняемы высшимъ начальствомъ. Вотъ почему астрономическая обсерваторія находилась въ томъ плачевномъ состояніи, которое описывается „въ документальныхъ справкахъ“.

Физиологическій институтъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе въ медицинскомъ образованіи, также вызвалъ неодобрительный отзывъ преемниковъ по кафедрѣ покойнаго Александра Шмидта. Есть конечно институты, которые снабжены лучшими средствами и болѣе разнообразными инструментами и снарядами для различныхъ опытовъ — но изъ бѣднаго Дерптскаго института вышли работы К. Шмидта и Биддера, давшія медицинской наукѣ совершенно новое направленіе. Профессоръ А. Шмидтъ въ этомъ институтѣ своими изслѣдованіями сумѣлъ подвинуть трудные и важные вопросы ученія о крови, какъ никто изъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи гораздо лучше устроенныя лабораторіи. Главное то, чтобы преподаватель умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь и интересъ къ наукѣ и приучить ихъ къ самостоятельной работѣ; если это ему удалось, хотя бы по отдѣльнымъ вопросамъ, по которымъ онъ спеціально занимается, то цѣль университетскаго преподаванія, достигнута. Приучившись разъ къ самостоятельной работѣ, студентъ, окончившій курсъ, уже будетъ въ состояніи дополнить свои знанія собственнымъ трудомъ.

Цѣлью университетскаго преподаванія не можетъ же быть вдалбливаніе въ головы студентовъ заданныхъ

уроковъ, какъ этого требуютъ лица, ограничивающія университетское преподаваніе школьными приемами.

Относительно фармацевтическаго института, управленіе которымъ послѣ долголѣтняго плодотворнаго руководства профессоръ Драгендорфъ нашелъ вынужденнымъ оставить, и который его замѣстителемъ описывается въ самыхъ черныхъ краскахъ, я ограничусь указаніемъ на тѣ теплые отзывы о значеніи профессора Драгендорфа и объ его заслугахъ, которые были выражены столь компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ ученымъ, какъ профессоръ Тихомировъ въ Москвѣ, и другими специалистами.

Г. Будиловичъ говоритъ постоянно объ упадкѣ университета до начала руссификаціи и старается объяснить уменьшеніе числа слушателей разными предположеніями. Въ отвѣтъ на это мы позволимъ себѣ обратить его вниманіе на тотъ факультетъ, въ составъ котораго онъ вступилъ, — историко - филологическій. Главный контингентъ слушателей этого факультета составляли студенты, посвящавшіе себя изученію, съ одной стороны, наукъ экономическихъ, съ другой стороны, — филологіи, лингвистики и исторіи. Политико-экономическое отдѣленіе, организованное, какъ и въ германскихъ университетахъ, въ формѣ спеціального отдѣленія, со времени руссификаціи уничтожено. Затѣмъ съ того же времени прекращено назначеніе лицъ, получившихъ филологическое или историческое образованіе въ Юрьевскомъ университетѣ, въ должности учителей по рижскому учебному округу; мѣры эти увѣнчались такимъ успѣхомъ, что число слушателей этого факультета, достигавшее прежде цифры слишкомъ 200, стало меньше числа его преподавателей.

Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ г. Будиловичу. Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ въ защиту бывшихъ попечителей дерптскаго учебнаго округа, графа Кейзерлинга и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, которыхъ г. Будиловичъ изображаетъ дѣятелями, противодѣйствовавшими намѣреніямъ правительства, ибо „оба они заняли оппозиціонное отношеніе къ правительственному проекту распространенія на Юрьевскій университетъ общаго университетскаго устава“.

Дѣйствительно нерѣдко упомянутые попечители въ своихъ представленіяхъ расходились съ централизирующими и нивеллирующими стремленіями министерства, и весьма часто имѣли въ этомъ успѣхъ. Но подобный образъ дѣйствій истекалъ изъ прямой ихъ обязанности, возложенной на нихъ волею самодержавнаго законодателя, который въ учредительномъ актѣ (12 декабря 1802 г. полн. собр. зак. № 20551) говоритъ: „Учреждаемъ на вѣчныя времена для Имперіи нашей, а въ особенности для губерній Лифлядской, Эстлядской и Курляндской университетъ, коего существованіе опредѣляемъ въ городѣ Дерптѣ, и какъ столь пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, то посему и пріемлемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту“. Поэтому попечитель, какъ государственный дѣятель, прежде всего долженъ познакомиться съ мѣстными потребностями края и при каждой мѣрѣ центральнаго правительства, которому мѣстные условія и потребности не могутъ быть извѣстны въ подробностяхъ, обязанъ былъ сообразить, какъ отзовется эта мѣра на мѣстныхъ нуждахъ и условіяхъ края. Его главная обязанность руководить учебнымъ дѣломъ такъ, чтобы оно достигало высшихъ результатовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ. Кто видитъ въ попе-

чителѣ простаго исполнителя министерскихъ предписаній, тотъ низводитъ его съ роли государственнаго дѣятеля къ роли исполнительнаго чиновника.

Графъ Кейзерлингъ пользовался довѣріемъ Императора Александра II въ высокой степени, и подъ его управленіемъ учебное дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлало значительные успѣхи. Но когда стремленія въ правительственныхъ сферахъ приняли другое направленіе, при которомъ интересы учебнаго дѣла должны были уступать мѣсто постороннимъ политическимъ цѣлямъ, онъ не оппозировалъ, а подалъ въ отставку, потому что не допускалъ компромиссовъ съ собственными убѣжденіями. Онъ дѣйствовалъ лойяльно, какъ честный человѣкъ.

Попечитель фонъ-Брадке въ продолженіе 50-ти лѣтней службы, посвященной почти исключительно внутреннимъ губерніямъ Россіи, снискалъ себѣ уваженіе своихъ монарховъ и пріобрѣлъ на всѣхъ поприщахъ многообразной своей дѣятельности любовь и уваженіе всѣхъ лицъ, съ коими онъ находился въ служебныхъ отношеніяхъ. По назначеніи попечителемъ въ Дерптъ, онъ не имѣлъ никакого повода отстаивать особенности Дерптскаго университета противъ попытокъ къ ихъ отмѣнѣ, такъ какъ таковыхъ въ то время не существовало.

Призванный довѣріемъ Государя въ предсѣдатели комиссіи для составленія новаго общаго устава университетовъ, утвержденнаго затѣмъ въ 1863 г., онъ считалъ по своему убѣжденію необходимымъ и цѣлесообразнымъ составить для Дерптскаго университета особый уставъ и его представленіе объ этомъ утверждено было Государемъ Императоромъ. Воля Государя ясно выражена въ утвержденіи особаго устава Дерптскаго университета 1865 г. Напрасно г. Будиловичъ принялъ на себя роль судьи надъ политической дѣятельностью фонъ-Брадке;

она оцѣнена по достоинству самимъ самодержавнымъ монархомъ, въ царствованіе котораго фонъ-Брадке кончилъ свое жизненное и служебное поприще. Оцѣнка заключается въ Высочайшемъ рескриптѣ, котораго удостоился фонъ-Брадке въ день пятидесятилѣтія его службы отъ Государя Императора Александра II. Рескриптъ этотъ составленъ при тогдашнемъ директорѣ департамента министерства народнаго просвѣщенія, нынѣшнемъ министрѣ, графѣ И. Д. Деляновѣ, и въ свое время опубликованъ:

„Въ настоящемъ году совершилось пятидесятилѣтіе дѣятельной и полезной службы вашей государству. Начавъ ее на военномъ поприщѣ, вы подвигами личной храбрости и благоразумной распорядительности обратили на себя вниманіе въ Бозѣ почившаго Родителя Нашего. Впослѣдствіи, бывъ призваны Имъ къ занятію должности попечителя кіевскаго учебнаго округа, вы съ неутомимою дѣятельностью приводили въ исполненіе предназначенія правительства касательно образованія кіевскаго университета и управляли университетомъ и округомъ съ попечительностью отца, не слабаго и потворствующаго порывамъ страстей и дурнымъ наклонностямъ, но твердаго, постоянно заботящагося о направленіи юношества къ нравственному совершенству. То же пламенное усердіе къ исполненію долга руководило вами при прохожденіи службы въ должности директора департамента сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ и въ званіи сенатора. Заботливостью и просвѣщенною опытностью вашею въ исполненіи обязанностей по управленію дерптскимъ учебнымъ округомъ вы совершенно оправдали ожиданія Наши. Въ справедливомъ вниманіи къ заслугамъ вашимъ, желая ознаменовать полувѣковую достохвальную дѣятельность вашу изъявленіемъ особеннаго Монаршаго благоволенія, Все-

милостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашега святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени“ и т. д. ¹⁾).

Въ отвѣтъ г. ф. Эттингену А. С. Будиловичъ напечаталъ въ „Риж. Вѣстн.“ статью „Еще два слова о балтскихъ взглядахъ на Юрьевскій университетъ,“ въ которой г. Будиловичъ писалъ слѣд.:

„По поводу моей статьи, напечатанной на страницахъ „Рижскаго Вѣстника“ (№№ 90—95), а затѣмъ и отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: „Юрьевскій университетъ. Нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанію „Отвѣта бывшаго ректора Дерптскаго университета ректору Юрьевскаго университета“ (Рига, 1897 г.), Г. ф. Эттингенъ помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 27-го мая с. г. фельетонъ, озаглавленный: „Еще о Дерптскомъ и Юрьевскомъ университетѣ“. Хотя фельетонъ этотъ, подобно первому (въ № 71 „С.-Петерб. Вѣдомостей“), вызвавшему мои документальныя справки, не заключаетъ въ себѣ новыхъ данныхъ или соображеній по вопросу о преобразованіи „Дерптскаго“ университета въ „Юрьевскій“, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ характерный образчикъ балтской полемики, да и вообще балтскаго міросозерцанія.“

„Нельзя не замѣтить, что тонъ этого фельетона № II далеко не дышетъ уже тѣмъ крестоноснымъ пыломъ и вызывающей самоувѣренностью, какими проникнуть былъ фельетонъ № I. Тутъ нѣтъ уже ссылокъ на Петра Великаго и другихъ русскихъ государей, якобы завѣщавшихъ „Дерптскому“ университету какія-то коммивояжерскія обязанности по „обмѣну мыслей и знаній“ между Россіей и Европой; нѣтъ панегирика уставу 1865 г. и его дѣятелямъ, отъ имени которыхъ и написанъ соб-

¹⁾ „Петерб. Вѣд.“ 1897 г. № 142.

ственно фельетонъ № I; нѣтъ указаній на важность въ этомъ университетѣ нѣмецкаго языка и выписки въ его преподаватели заморскихъ нѣмцевъ; нѣтъ напраслинъ противъ новаго университетскаго управленія по поводу замѣщенія преподавательскихъ должностей; нѣтъ дифирамба корпораціямъ и перечисленія тайныхъ совѣтниковъ, вышедшихъ изъ „Дерптскаго“ университета; нѣтъ, наконецъ, указаній на „разрушительныя“ якобы „мѣропріятія“, вызывающія „крикъ отчаянія“ со стороны „раздраженной и униженной жертвы“, какою, очевидно, считалъ и себя авторъ фельетона № I. Отъ всѣхъ этихъ — довольно обычныхъ въ балтской публицистикѣ — ингредиентов полемики довольно основательно вылѣчили, слѣд., автора обоихъ фельетоновъ мои „документальныя справки“.

Конечно, на словахъ онъ въ этомъ не сознается, а даже пытается прикрыть свое отступленіе такими „пароянскими стрѣлами“, какъ „затемненіе дѣла (моими) справками“, „одностороннее толкованіе (мною) выраженій“ (его), „усматриваніе (мною) противорѣчія тамъ, гдѣ его нѣтъ“, апелляція къ „образованному и безпристрастному читателю“, даже увѣреніе, что моихъ справокъ „опровергать не стоитъ уже потому, что сами авторы (слѣд. и я) не вѣрятъ тому, что писали“. Но понятно, что лишь дѣти, либо невмѣняемые старцы могутъ признать подобныя голословныя фразы—доводами. Читатель критическій непременно спроситъ автора: гдѣ же примѣры того перетолковыванія мною выраженій г. фонъ Эттингена, гдѣ доказательства той литературной *mala fides*, въ коей онъ считаетъ себя въ правѣ обвинять „авторовъ“, съ которыми полемизируетъ въ фельетонахъ I и II? Эти ли голословныя рекриминаціи должны считаться образчикомъ тѣхъ балтскихъ „литературныхъ приемовъ“, которые онъ противопоставляетъ нашимъ, русскимъ?

Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго видно, что самъ г. ф. Эттингенъ не придаетъ серьезнаго значенія тому, что пишетъ. Высказавъ, напр., увѣренность, что мои справки или взгляды „не стоятъ опроверженія“, онъ тѣмъ не менѣе вслѣдъ засимъ *переходитъ къ опроверженію* по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, насколько это, вообще, оказалось ему по силамъ. Въ чемъ-же заключается это опроверженіе?

Прежде всего авторъ II фельетона повторяетъ тезисы I-го. Ужели въ балтской аргументаціи *повтореніе* теоремы считается *доказательствомъ* ея? Если такъ, то это открытіе въ логикѣ, честь котораго можетъ, Впрочемъ, оспаривать у г. ф. Эттингена — извѣстный Полоній въ „Гамлетѣ“...

Впрочемъ, нашему Полонію удалось таки открыть одинъ новый аргументъ для всѣхъ тезисовъ I-го фельетона: это рѣчь проф. Вирхова, произнесенная имъ осенью 1896 г. въ одномъ изъ засѣданій Берлинскаго антропологическаго общества, гдѣ сдѣлано, между прочимъ, упоминаніе о г. Юрьевѣ и о Юрьевскомъ университетѣ, посѣщенномъ этимъ ученымъ въ августѣ 1896 г. послѣ рижскаго археологическаго съѣзда. Вотъ это мѣсто, въ переводѣ г. ф. Эттингена:

„Это былъ тотъ городъ, гдѣ процвѣталъ знаменитый нѣмецкій Дерптскій университетъ, въ которомъ во все время моего юношескаго развитія (*meiner jugendlichen Entwicklung*) цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ занимался разработкою наукъ, изъ котораго я самъ всегда приобрѣталъ какъ новые матеріалы для моихъ познаній, такъ и прилежныхъ и самостоятельно работающихъ учениковъ“. Со всѣмъ этимъ сразу покончено ¹⁾...

1) Въ фельетонѣ № 2 кавычки поставлены не на мѣстѣ, ибо и фраза: „со всѣмъ этимъ сразу покончено“ (*das ist Alles mit einem Schlage vor-*

Но что слѣдуетъ изъ этихъ словъ Вирхова? Въ 1-хъ, то, что онъ похвалилъ вовсе не то поколѣніе „выдающихся Дерптскихъ ученыхъ“, за которое нынѣ распи-нается г. ф. Эттингенъ, а совершенно другое, именно поколѣніе 40-хъ годовъ, когда былъ еще *юношей* Вирховъ, родившійся 13 октября 1821 г.; во 2-хъ, изъ приведенной выдержки, а именно изъ дальнѣйшихъ словъ рѣчи: *Aber es war jetzt sehr still in Jurjew* (балты отсюда могли бы узнать, какъ ученые нѣмцы называютъ теперь этотъ городъ), — *es waren ja auch Ferien. Ich konnte daher nicht Arbeiten sehen, sondern nur die leeren Anstalten durchwandern...* видно, что Вирховъ не могъ даже и составить себѣ самостоятельнаго понятія о томъ, каковы нынѣ въ Юрьевѣ профессоры и студенты, лучше ли они или хуже прежнихъ, могутъ ли быть названы „выдающимися“, „прилежными“, „самостоятельно работающими“. Если же, несмотря на недостатокъ автопсіи, т. е. очень существенный недочетъ въ примѣненіи научнаго метода — наблюдательно опытнаго, — г. Вирховъ позволилъ себѣ сдѣлать неблагопріятный выводъ о научномъ значеніи и состояніи преобразуемаго университета, то онъ могъ руководиться въ этомъ отношеніи единственно увѣреніями своихъ юрьевскихъ *cicerone*, т. е. нѣмецкихъ профессоровъ и экспрофессоровъ, которые не могли не воспользоваться случаемъ навязать свои предвзятые взгляды знаменитому, но, очевидно, слишкомъ довѣрчивому иностранцу.

Мои документальныя доказательства крайней запущенности многихъ университетскихъ институтовъ, при переходѣ послѣднихъ изъ рукъ нѣмецкихъ въ русскія,

über) принадлежитъ г. Вирхову, какъ это видно изъ № 157 „S.-Petersburger Zeitung“. Въ № 40 „Nordlivländische Zeitung“ эта фраза замѣнена многоточіемъ.

г. ф. Эттингенъ пытается—не опровергнуть (на это онъ не рѣшается), а ослабить нѣкоторыми оговорками, мало впрочемъ убѣдительными для мало-мальски критическаго читателя. Такъ, не отрицая установленнаго мною факта, что юрьевскіе астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ въ послѣднія десятилѣтія „бѣдствовали отъ недостатка средствъ“, авторъ фельетона № II замѣчаетъ, что этотъ садъ „по своей обширности казался болѣе предметомъ роскоши, чѣмъ необходимымъ средствомъ для преподаванія, успѣхъ котораго основывается не столько на систематикѣ, сколько на разработкѣ анатоміи и физиологіи растений“; и что обсерваторія „вообще не принадлежитъ къ необходимымъ учебнымъ пособіямъ университета“, какъ это доказывается-де отсутствіемъ ея въ Гейдельбергскомъ, напр., университетѣ. Предоставляя специалистамъ ботаники и астрономіи рѣшеніе вопроса о томъ, насколько необходимы для полноты, наглядности и научности университетскаго преподаванія по этимъ наукамъ ботаническій садъ и астрономическая обсерваторія (каковая, кстати, имѣется нынѣ и въ Гейдельбергѣ и находится въ завѣдываніи проф. М. Вольфа, какъ это показано и въ „*Minerwa*“ за 1896 г.), я позволю себѣ напомнить, что именно астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ въ значительной степени опредѣляли научную извѣстность „Дерптскаго“ университета въ прежнія десятилѣтія, и что, слѣдов., поддержаніе этихъ учреждений на должномъ уровнѣ лежало на обязанности дѣятелей 60-хъ и слѣд. годовъ. Между тѣмъ, они запустили до крайности не только „Пальмовыя и другія оранжереи для декоративныхъ и экзотическихъ растений“, не только „большой рефракторъ“ В. Струве, но и чисто учебные отдѣлы обоихъ учреждений, напр., ботаническій кабинетъ для признаваемой и г. ф. Эттингеномъ необхо-

димою разработки анатоміи и физиологіи растений (это показано на стр. 25 моей брошюры), коллекцію пособій для преподаванія практической астрономіи (тамъ же, стр. 22), всю новѣйшую литературу послѣдняго предмета (стр. 24) и т. д. При столь печальномъ или, какъ выражается авторъ фельетона № II, „плачевномъ“ состояніи и ботаническаго сада, и ботаническаго кабинета много ли пользы могла принести слушателямъ проф. Руссова „европейская извѣстность“ его по физиологіи растений?

Правда, что въ послѣднія десятилѣтія правительство не разъ отказывало Юрьевскому университету въ испрашиваемыхъ кредитахъ на обновленіе инструментовъ его обсерваторіи и вообще на подъемъ этого обветшалаго учрежденія.

Но не играло-ли здѣсь роли и то обстоятельство, что обсерваторія эта уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ не могла должнымъ образомъ утилизировать тотъ кредитъ въ 8.000 р. асс., какой по ходатайству В. Струве былъ назначенъ ей Императоромъ Николаемъ I указомъ 12 апрѣля 1832 г. „на содержаніе оной въ дѣйствиіи сообразно съ ходомъ науки?“ При распредѣленіи въ 1872 г. суммы, назначенной по штату 1865 г. на учебновспомогательныя учрежденія, на обсерваторію совѣтъ отвелъ всего 1,150 рублей, что и было причиною окончательнаго ея упадка въ послѣднія десятилѣтія.

Научная слава профессоровъ К. Шмидта, Биддера, А. Шмидта, К. Драгендорфа, пріобрѣтенная ими главнымъ образомъ въ прежнія десятилѣтія, вовсе не опровергаетъ представленныхъ мною документальныхъ указаній на плохую постановку институтовъ физиологическаго и фармацевтическаго при переходѣ ихъ въ завѣдываніе русскихъ профессоровъ. Равнымъ образомъ не опровер-

гаютъ этихъ документовъ и досужія разсужденія г. ф. Эттингена о томъ, что-де „цѣль университетскаго преподаванія достигнута, если преподаватель умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь и интересъ къ наукѣ и пріучить ихъ къ самостоятельной работѣ“..., ибо, „пріучившись разъ къ самостоятельной работѣ, студентъ, окончившій курсъ (значить, врачъ, учитель, чиновникъ), уже будетъ-де въ состояніи дополнить свои знанія собственнымъ трудомъ“... Полагаю, что этого рода надежда или увѣренность была-бы плохимъ утѣшеніемъ для г. ф. Эттингена, еслибы ему—положимъ—въ случаѣ болѣзни пришлось обратиться къ одному изъ такихъ бывшихъ студентовъ-медиковъ за врачебной помощью и убѣдиться на себѣ, что этотъ врачъ съ интересомъ изучалъ, напр., „важные и трудные вопросы ученія о крови“, а объ остальномъ узнаеть лишь впоследствии, „собственнымъ трудомъ“ или—вѣрнѣе горькимъ опытомъ, продѣланнымъ на бокахъ его злополучныхъ паціентовъ!...

Къ тому же, имѣеть ли право бросать кому-то упрекъ въ „школьныхъ пріемахъ“ „вдалбливанія въ голову студентовъ заданныхъ уроковъ“ панегиристъ той медицинской школы, которая сама заявила въ факультетскомъ донесеніи отъ 21 декабря 1891 г. (см. мою брошюру, стр. 19), что, вслѣдствіе плохой постановки юрьевскихъ медицинскихъ институтовъ, она считаетъ необходимымъ отдавать на медицинскихъ испытаніяхъ предпочтеніе теоретическимъ познаніямъ!...

Соображенія г. ф. Эттингена о причинахъ убыли числа студентовъ на юрьевскомъ историко-филологическомъ факультетѣ въ общемъ не противорѣчатъ тому, что сказано объ этомъ на стр. 38 и сл. моей брошюры. Гораздо интереснѣе было бы получить отъ автора фельетона № II разъясненіе констатированнаго въ моей бро-

шюрѣ (стр. 40) факта, что и на *богословскомъ* факультетѣ Юрьевскаго университета, нимало не затронутымъ „русификаціей“, число студентовъ понизилось въ той-же пропорціи, какъ и на прочихъ факультетахъ, а именно на 35⁰%, считая съ 1890 по 96 г.

Весьма своеобразные взгляды высказываетъ г. ф. Эттингенъ относительно „главной обязанности“ русскаго попечителя. Она заключается вовсе не въ томъ, чтобы пецись объ интересахъ народнаго просвѣщенія во ввѣренномъ ему округѣ, а въ томъ, чтобы „прежде всего познакомиться съ *мѣстными* потребностями края и при каждой мѣрѣ центрального правительства... *сообразить*, какъ отзовется эта мѣра на *мѣстныхъ* нуждахъ и условіяхъ края“. Если, слѣдов., „централизирующія и нивелирующія стремленія *министра*“ окажутся въ противорѣчій съ тѣмъ, что г. ф. Эттингенъ называетъ „мѣстными потребностями“, но что вѣрнѣе бы назвать германизаторскими тенденціями прибалтійской знати, пасторовъ и части бюргеровъ (т. наз. „литератовъ“), то русскій попечитель обязанъ, по этой теоріи, возстать противъ первыхъ во имя послѣднихъ, притомъ, очевидно, не въ представленіяхъ лишь высшему начальству, но и въ предложеніяхъ подвѣдомственнымъ попечителю учрежденіямъ, какъ это сдѣлалъ и гр. Кейзерлингъ въ своихъ предложеніяхъ совѣту Юрьевскаго университета отъ 3 авг. и 4 окт. 1863 г. ¹⁾.

Если при этомъ попечитель, слѣдуя программѣ г. ф. Эттингена, окажется въ противорѣчій не только съ „стремленіями министра“, но и съ волею Монарха, то въ такомъ случаѣ, по рецепту фельетона № II, онъ[!] можетъ сослаться „на волю“ другого „Самодержавнаго Монарха“, именно Имп.

1) Ср. ст. о бюджетныхъ отношеніяхъ Имп. Юрьевскаго университета („Ж. М. Н. Пр.“ за сент. 1895 г.).

Александра I, который въ учредительной грамотѣ Юрьевскаго университета отъ 12 дек. 1802 г. выразилъ мысль, что „учреждаетъ на вѣчныя времена для Имперіи нашей (это во 1.), а въ особенности для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской (это въ 2.), университетъ въ г. Дерптѣ“. По этой теоріи попечитель, управлявшій рижскимъ учебнымъ округомъ — положимъ — съ 1893 г. не долженъ ли былъ опротестовать Высочайшее повелѣніе отъ 27 февраля этого года о переименованіи „Дерптскаго“ университета въ „Юрьевскій“, опираясь, при этомъ, во 1., на „мѣстныя потребности“ германизаторовъ, а во 2., на „волю Самодержавнаго Монарха,“ назвавшего въ упомянутой грамотѣ учрежденный „на вѣчныя времена“ университетъ „Дерптскимъ“?...

Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что гр. Кейзерлингъ не вполне держался рецептовъ г. ф. Эттингена: въ упомянутомъ, на примѣръ, предложеніи совѣту отъ 3 авг. 1863 г. онъ мотивировалъ свое предпочтеніе къ отдѣльному уставу и штату Юрьевскаго университета вовсе не „мѣстными потребностями“ и не „волею“ Александра I, а прямо желаніемъ въ Юрьевѣ „еще тѣснѣе примкнуть къ учрежденіямъ, которыя съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ господствуютъ въ германскихъ университетахъ“, другими словами, онъ мотивировалъ этотъ сепаратизмъ — *маніей германизации*. Благодаря лишь этой маніи попечителя, могло тогда и въ Юрьевскомъ университетѣ утвердиться то политиканство, болѣе того, — то мятежное настроеніе, коноводомъ котораго былъ проф. Ширренъ и которое вскорѣ привело правительство къ рѣшенію уволить какъ этого профессора, такъ и его патрона-попечителя, конечно, по прошенію. Что касается личной честности и лояльности гр. Кейзерлинга, то никакихъ сомнѣній въ этомъ я не высказывалъ, почему и оговорка

о томъ въ фельетонѣ № II представляется совершенно излишнею. Я только полагаю, что съ такого рода взглядами, какими проникнуты были и гр. Кейзерлингъ, и проф. Ширренъ, и многіе другіе изъ оракуловъ г. ф. Эттингена, гораздо удобнѣе, почетнѣе, полезнѣе служить въ Германіи, чѣмъ въ Россіи,—вотъ, напр., Landespräsident'омъ въ Кенигсбергѣ, Познани, Бреславлѣ, а не Дерптскимъ или Рижскимъ попечителемъ.

То же приблизительно слѣдуетъ сказать и о бывшемъ Дерптскомъ попечителѣ фонѣ Брадке. Я весьма далекъ отъ мысли оспаривать его „личную храбрость“, „благо-разумную распорядительность“, „неутомимую дѣятельность“, „пламенное усердіе къ исполненію долга“, „заботливость и просвѣщенную опытность“ въ исполненіи обязанностей службы—сначала военной, а потомъ гражданской, какъ это удостовѣрено въ милостивомъ рескриптѣ этому сановнику Имп. Александра II, приложенномъ къ фельетону № II. Но я нахожу, что всѣ эти служебныя добродѣтели не помѣшали г. ф. Брадке, въ бытность его Дерптскимъ попечителемъ и вмѣстѣ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной въ 1861 году для выработки общаго устава русскихъ университетовъ, со включеніемъ Юрьевскаго, — занять несогласное съ видами правительства сепаратистическое положеніе, что и было одною изъ причинъ выработки для него злополучнаго сепаратнаго устава и штата 1865 г. Г. ф. Эттингенъ, не отрицая участія г. ф. Брадке въ составленіи и изданіи (уже послѣ его смерти) этого устава, старается прикрыть отвѣтственность балтовъ за этотъ жалкій продуктъ „мѣстной“ политики именемъ русскаго Государя, утвердившаго уставъ и штатъ 1865 г. Но изъ исторіи послѣдняго достаточно извѣстно, что не центральное правительство, а именно—балты, подъ руководствомъ

попечителей ф. Брадке и гр. Кейзерлинга, выработали этот отсталый уставъ и нищенскій штатъ, слѣдов., на нихъ падаетъ и отвѣтственность за упадокъ университета, обусловленный этими актами. Само собою понятно, что и подъемъ Юрьевскаго университета изъ развалинъ, оставленныхъ ему въ наслѣдіе университетомъ „Дерптскимъ“, не можетъ быть совершенъ однимъ измѣненіемъ личнаго состава и языка преподаванія, а непременно предполагаетъ устраненіе и бюджетной причины этого упадка, заключающейся въ уставѣ и штатѣ 1865 г., съ примѣненіемъ къ нему общаго устава и соответственнаго штата прочихъ русскихъ университетовъ.

Взвѣсивъ по достоинству сказанное въ фельетонѣ № II, я не могу въ заключеніе не коснуться и того, о чемъ *умолчалъ* г. ф. Эттингенъ въ отвѣтѣ на мои „документальныя справки“, вѣрность и *неопровержимость* чего онъ, слѣдов., вынужденъ былъ *признать въ формѣ* этого знаменательнаго *умолчанія*. Оказалось, что онъ ничего не въ состояніи возразить противъ моихъ соображеній о національно-политическихъ мотивахъ изданія въ 1863—65 гг. для Юрьевскаго университета особаго устава и штата; противъ данныхъ о научной отсталости, неполнотѣ, негодности этихъ элаборатовъ, доказанной собственнымъ сознаніемъ совѣтскихъ дѣятелей того времени; противъ жалобъ А. Шмидта въ 1874 г. на произведенное этимъ уставомъ низведеніе Юрьевскаго университета въ заведеніе второразрядное; противъ указаній его же и другихъ членовъ совѣта на вызванный этимъ уставомъ *exodus* лучшихъ профессоровъ въ 70-ые годы; противъ заявленной медицинскимъ факультетомъ дореформеннаго университета (въ 1891 г.) невозможности подготовить своихъ слушателей къ испытаніямъ въ медицинской государственной комиссіи, въ виду неудовлетворительной

постановки многихъ его кафедръ и институтовъ; противъ
 данныхъ о значительныхъ недочетахъ въ числѣ то ка-
 едръ, то институтовъ и по другимъ факультетамъ до-
 реформеннаго университета; противъ образовательнаго
 ценза новоназначенныхъ профессоровъ Юрьевского уни-
 верситета, по сравненію съ прежними, избранными
 совѣтомъ онаго; противъ данныхъ о причинахъ нако-
 пленія въ этомъ университетѣ непомерно большого числа
 студентовъ въ 80-ые годы и постепенной ихъ убыли
 въ 90-ые годы, между прочимъ, и на богословскомъ
 факультетѣ, вовсе не затронутымъ „руссификаціей“;
 противъ соображеній объ отживающемъ значеніи корпо-
 рацій и постепенной замѣнѣ ихъ другими формами
 студенческаго общежитія; противъ данныхъ о многихъ
 дѣйствительныхъ улучшеніяхъ въ послѣдніе годы въ по-
 становкѣ преподаванія и учебновспомогательныхъ учреж-
 деній; наконецъ, противъ указаній на очень осторожный
 и даже слишкомъ медленный ходъ реформы Юрьевского
 университета, по сравненію, напр., съ аналогичнымъ
 преобразованіемъ университетовъ Варшавскаго или Страс-
 бургскаго. Оставивъ безъ какихъ бы то ни было воз-
 раженій всѣ эти соображенія, данныя, указанія, г. ф.
 Эттингенъ этимъ самымъ подписался и подъ выводомъ
 изъ нихъ, относительно крайне неудовлетворительной
 постановки учебнаго дѣла въ дореформенномъ универ-
 ситетѣ и постепеннаго его подъема въ университетѣ
 преобразуемомъ. Во всякомъ случаѣ, г. ф. Эттингенъ не
 представилъ въ обоихъ своихъ фельетонахъ никакихъ
 доводовъ, которые могли бы поколебать убѣжденіе, что
 реформа Юрьевского университета была еще необходи-
 мѣе и своевременнѣе по причинамъ научно-педагогичес-
 кимъ, чѣмъ по соображеніямъ народно-государственнымъ.
 Окончательное разъясненіе этой истины слѣдуетъ ожи-

дать отъ исторіи этого университета или матеріаловъ для нея, обнародованіе которыхъ предположено въ виду предстоящаго 12-го декабря 1902 г. столѣтняго его юбилея.“

Въ августовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 97 г. П. К. въ статьѣ „Прибалтійскій край“ коснулся полемики А. С. Будиловича и Г. Эттингена и при этомъ, на основаніи личнаго знакомства съ дѣломъ, посвятилъ состоянію стараго, *Дерптскаго* университета, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Признавая важное значеніе за старымъ университетомъ, мы по личному опыту должны сказать, что въ его славѣ было много пятенъ, даже слишкомъ много пятенъ... Пока мы ограничимся открытымъ заявленіемъ той безспорной истины, что старый университетъ усердно копалъ себѣ могилу своею бездѣятельностью и безпримѣрной для нѣмцевъ халатностью. Въ началѣ 90-хъ годовъ, т.-е. передъ реформой, намъ пришлось, по прибытіи изъ за границы, развести руками. Переѣхавъ изъ нѣмецкаго университета въ Дерптскій университетъ, авторъ этихъ строкъ не нашелъ въ немъ признаковъ настоящаго нѣмецкаго университета. Учебная и ученая дѣятельность находилась въ крайнемъ упадкѣ или, вѣрнѣе, въ состояніи полнаго омертвѣнія. Профессора (особенно медики) заявляли, что Дерптскій университетъ по части разныхъ кабинетовъ, лабораторій, клиникъ и т. п., безъ которыхъ нельзя вести занятія ни профессорамъ, ни студентамъ, стоитъ ниже русскихъ университетовъ и этимъ обрѣзываетъ крылья не только у студентовъ, но и у профессоровъ. Дѣйствительно, всѣ эти лабораторіи, клиники, кабинеты являлись настоящей ироніей надъ соответствующими учрежденіями. Библіотека находилась въ печальномъ по-

ложеніи, приче́мъ эконо́мическія науки были представлены десятками книгъ, разрозненныхъ и, видимо, попавшихъ туда по случаю. Это уже настоящій курьезъ въ нѣмецкомъ университетѣ.“

Далѣе авторъ говоритъ, что въ послѣднія 20 лѣтъ своего существованія передъ реформой, Дерптскій университетъ не былъ настоящимъ нѣмецкимъ (?) университетомъ, какими были университеты германскіе, а представлялъ лишь ихъ „обезображенное“ подобіе, и что его „убила та партія мѣстныхъ профессоровъ, которая, пылая внѣ стѣнъ университета горячей любовью къ мѣстнымъ интересамъ, на самомъ дѣлѣ въ стѣнахъ университета давала широкій просторъ самымъ низменнымъ инстинктамъ человѣческой природы, что едва ли было извѣстно мѣстному нѣмецкому обществу во всей своей неприглядной наготѣ“. Въ заключеніе авторъ замѣтки, изобилующей, кстати сказать, многими намеками на то, „чего не вѣдаетъ никто“, выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, „что еслибы контингентъ дерптскихъ профессоровъ состоялъ изъ однихъ иностранцевъ, то Дерптскій университетъ навсегда оставался бы образцовымъ нѣмецкимъ университетомъ. Его сгубили мѣстные университетскіе дѣятели, и теперь они же жалуются на судьбу!... Мѣстное общество, дорожа своимъ университетомъ, должно по заслугамъ отблагодарить ихъ за ихъ якобы пылкое „отстаиваніе“ правъ университета внѣ стѣнъ университета и затапываніе въ грязь престижа университета въ стѣнахъ самого университета“.

Мюнхенская „Akademische Revue“ писала о преобразованіи Юрьевскаго университета, между прочимъ, слѣд.: „Съ тѣхъ поръ, какъ здѣшній университетъ сталъ русскимъ и по существу (auch nach ihrem Wesen), и мы имѣемъ, слѣдовательно, передъ нами совершившійся фактъ,

легче выяснить, какая задача выпала въ эти тяжелые годы на долю германскихъ ученыхъ (reichsdeutsche) при университетѣ. Само собою разумѣется, что задача эта не могла состоять въ томъ, чтобы быть равнодушными зрителями происходящихъ вокругъ нихъ важныхъ переменъ, какъ равно и не въ томъ, чтобы стать на сторону элементовъ, противодѣйствующихъ видамъ правительства, и бороться вмѣстѣ съ ними за невозможности (für Unmöglichkeiten kämpfen). Напротивъ, на нихъ лежала ясная, хотя и трудно выполнимая задача—дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ безпристрастно, всѣми силами вліяя успокаивающе и примиряюще, чтобы сдѣлать переходъ къ новому строю возможно безболѣзненнымъ, не сопряженнымъ съ затрудненіями, замѣшательствами и опасностями, и всегда ставя на первомъ планѣ благо университета. Надо сказать, что въ общихъ чертахъ задача эта, какъ въ отношеніи учащихъ, такъ и учащихся, удалась.

Можно положиться на то, что новый русскій Юрьевскій университетъ успѣшно будетъ стремиться къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, которыя должны быть предъявлены всякому университету; но, разумѣется, еще долго будутъ раздаваться голоса, оспаривающіе преобразованный разсадникъ просвѣщенія и клеветущіе на него. Въ противность высказанному „N. Dörptsche Zeit.“ желанію, чтобы абитуриентамъ Юрьевскаго университета предоставлено было преимущественное право на занятіе должностей въ краѣ, и тогда де число студентовъ увеличится—мы думаемъ, что еще долгіе годы молодежь края будетъ оставаться при томъ мнѣніи, что посѣщеніе чисто русскихъ университетовъ лучше засвидѣтельствуетъ ихъ патріотизмъ и больше будетъ способствовать ихъ служебной карьерѣ“...

Попечитель Н. А. Лавровскій и А. С. Будиловичъ горячо стремились къ осуществленію реформы Юрьевскаго университета. Для Н. А. Лавровскаго это было завѣтною мечтою въ теченіе его 9-лѣтняго управленія Рижскимъ округомъ. Еще за три недѣли до своей смерти Н. А. Лавровскій говорилъ въ своемъ письмѣ, что ему не увидѣть желаннаго дня, когда реформа Юрьевскаго университета завершится,—но что виноватъ въ этомъ не онъ, а недостатокъ финансовыхъ средствъ университета.

Изъ 74 наличныхъ преподавателей въ университетѣ 58 назначены при Н. А. Лавровскомъ; изъ нихъ около 40—русской національности.

Въ 1895 г., благодаря стараніямъ Н. А. Лавровскаго и А. С. Будиловича, при Юрьевскомъ университетѣ возникла православная церковь; средствами для основанія ея послужили главнымъ образомъ частныя пожертвованія. Въ 1894 г. при университетѣ открывалось „Общество пособія нуждающимся студентамъ“, и, наконецъ, въ 1896 г. возникло „Учено-литературное общество“.

Для усиленія русскаго элемента въ университетѣ Н. А. Лавровскій и А. С. Будиловичъ исходатайствовали для воспитанниковъ духовныхъ семинарій право поступать въ университетъ. Происходя изъ духовнаго званія, они знали, какой крѣпкій русскій оплотъ можно найти въ лицахъ, происходящихъ изъ духовнаго званія.

Къ сожалѣнію, Н. А. Лавровскій въ 1899 г. 17 сент. умеръ, а А. С. Будиловичъ назначенъ въ 1901 г. членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Какъ тотъ, такъ и другой неуклонно, безъ колебаній и отступленій шли къ намѣченной Высочайшей властью цѣли—объединенію мыслей и чувствъ населенія прибалтійскаго края съ великою русскою семьей посредствомъ школьнаго воспитанія.

Юрьевскій университетъ находится въ центрѣ города. Фасадъ главнаго университетскаго зданія не красивъ и похожъ скорѣе на казарму, съ высокимъ фронтономъ, подпираемымъ тяжелыми шестью колонами. На фронтонѣ нѣтъ никакой надписи, а красуется только черный двуглавый орелъ, очень аляповатой работы александровскаго стиля, какъ и все зданіе. Главное университетское зданіе стоитъ на возвышеніи, отдѣленномъ отъ улицы каменными столбиками и цѣпями. За главнымъ университетскимъ зданіемъ на горѣ раскинутъ университетскій паркъ „Домбергъ“. Всѣ ученыя заведенія—институты, клиники и т. п. помѣщаются здѣсь.

Аудиторіи Юрьевскаго университета очень тѣсны и совершенно не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки. Аудиторіи при постройкѣ были рассчитаны на незначительный составъ слушателей: на 30—40 человѣкъ. Лишь двѣ три - аудиторіи способны вмѣщать въ себѣ около ста человѣкъ. При малочисленности студентовъ прежняго университета аудиторіи эти были вполне достаточны. Теперь-же, съ наплывомъ въ университетъ огромной волны жаждущихъ знаній юношей, университетскія помѣщенія оказываются непригодными. Они бывають биткомъ набиты слушателями, изъ коихъ многимъ иной разъ не только сидѣть, но и стоять нѣтъ мѣста. Отъ переполненія студентами въ аудиторіяхъ воздухъ крайне спертый: нерѣдко дышать бываетъ нечѣмъ. Печальныя послѣдствія этого бывали не разъ: обмороки, головныя боли и т. п. Слушатели вынуждены стоять на ногахъ въ теченіе часа, а иногда и двухъ часовъ. Вслѣдствіе тѣсноты и недостатка помѣщеній лекціи читаются въ университетѣ цѣлый день, студенты являются въ университетъ по нѣсколько разъ въ день и кочуютъ изъ одной аудиторіи въ другую.

„Впрочемъ, не однѣ аудиторіи страдаютъ тѣсною, — говоритъ корреспондентъ „Риж. В.“ И всѣ вообще помѣщенія университета крайне малы, тѣсны и неудобно расположены. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства отдѣльныя учрежденія разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, приткнуты, такъ сказать, гдѣ попало, гдѣ находилось хотя какое-либо свободное мѣсто. Для приемовъ инспектора отведенъ уголокъ залы совѣтскихъ засѣданій, откуда г. инспектора ежеминутно могутъ попросить удалиться, если будетъ засѣданіе совѣта или правленія. Другого же мѣста для приемовъ нѣтъ. Канцелярія по студенческимъ дѣламъ ютится въ проходной небольшой комнатѣ въ родѣ корридора. Между тѣмъ здѣсь постоянно бываетъ масса студентовъ. Отдаленность различныхъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ другъ отъ друга, а также разбросанность ихъ по различнымъ зданіямъ ведетъ къ тому, что для выполненія необходимыхъ формальностей студентъ долженъ перебѣгать изъ одного зданія въ другое неоднократно, часто тратя безплодно дорогое время и невольно пропуская ту или другую лекцію. При приуроченіи различныхъ учрежденій къ одному зданію, этой безплодной бѣготни не было бы, напр., при запискѣ на лекціи, при подачѣ различныхъ прошеній и т. п.

Давно сказывается необходимость расширенія и приспособленія университетскихъ помѣщеній. А для этого нужны, конечно, средства, отпускомъ которыхъ къ сожалѣнію, не избалованъ Юрьевскій университетъ. Для приведенія университета въ соотвѣтствующее условіямъ времени положеніе, необходимы, вѣроятно, большія суммы, отпустить которыя, быть можетъ, затруднительно для государственнаго казначейства. Тогда слѣдовало бы пригласить къ участию въ расходахъ городъ, который отъ нахождения въ немъ университета, несомнѣнно, и мате-

риально много выигрывает. Лишь различные гг. Гарнаки могут утверждать, что Юрьевъ съ каждымъ годомъ все бѣднѣетъ послѣ того, какъ миновало время исключительнаго господства студенческихъ корпорацій. Предѣйствительностью эти господа закрываютъ глаза. А факты свидѣтельствуютъ о все большемъ и большемъ ростѣ богатства города. Утверждаютъ, напр., что торговля падаетъ. А между тѣмъ чуть ли не ежедневно увеличивается число торговыхъ помѣщеній; существовавшія прежде торговли расширяются и украшаются; ассортиментъ товаровъ растетъ; вмѣсто прежнихъ дешевыхъ, пускаются въ оборотъ дорогіе предметы. Развѣ это говоритъ за упадокъ? Если въ Юрьевѣ городская недвижимость несетъ на себѣ предѣльные тяготы обложенія, если городской бюджетъ обремененъ расходами, то объясняется это какими-нибудь иными причинами, а вовсе не упадкомъ городского благосостоянія. Если бы изъ городского бюджета повычеркнули нѣкоторыя выдачи, свидѣтельствующія о патріотическомъ образѣ мышленія, да сократить число разныхъ „променадныхъ“ и имъ подобныхъ комиссій, то, вѣроятно, финансы города были бы еще въ болѣе блестящемъ положеніи, чѣмъ они нынѣ находятся. Не на вѣтрѣ же строить городъ свои предположенія о многотысячныхъ предпріятіяхъ! Вѣроятно, для нихъ есть и реальный „базисъ“ въ видѣ „презрѣннаго металла.“ Изъ того же источника могъ бы почерпнуть средства городъ и для содѣйствія университету, которымъ почти исключительно онъ живетъ. А если бы городъ отказался отъ участія въ расходахъ, то пора бы подумать о перенесеніи университета въ любой російскій городъ, который охотно удѣлитъ изъ своихъ средствъ значительная суммы для того, чтобы дать университету возможность развернуть свою дѣятельность во всю ширь и мощь“ 1)...

1) „Р. В.“

При университетѣ въ настоящее время состоитъ болѣе 30 учебно-вспомогательныхъ учреждений. Среди нихъ библіотека — одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія Анатомическій Институтъ. Въ Юрьевскомъ университетѣ кафедры медицинскаго факультета бывали заняты лучшими молодыми силами отечественныхъ и заграничныхъ университетовъ, а заявившіе себя на кафедрахъ въ Дерптѣ молодые профессора легко получали, въ свою очередь, еще болѣе почетныя кафедры въ Россіи и въ Германіи. Профессорскій персоналъ представлялъ блестящее созвѣздіе, составленное изъ звѣздъ первой величины. *Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ, Э. Зейдлицъ, Биддеръ, Карлъ Шмидтъ, Н. И. Пироговъ, Рейхертъ, Ваксмутъ, Симпсонъ, Р. Фолькманъ, Берманъ, Штида, Александръ Шмидтъ* — все это бывшіе профессора Дерптскаго университета; и изъ этого одного перечня нѣкоторыхъ только именъ, пришедшихъ въ данную минуту мнѣ на память, читатель можетъ уже составить себѣ представленіе о томъ богатомъ запасѣ научныхъ силъ, которыми въ прежнія времена располагалъ университетъ. Кафедра анатоміи въ Дерптѣ, на ряду съ прочими кафедрами, всегда имѣла и нынѣ имѣетъ — знаменитыхъ представителей, имена которыхъ извѣстны всему образованному міру. Ей принадлежала въ теченіи нѣкотораго времени дѣятельность *Н. И. Пирогова*; ей же принадлежитъ и въ настоящее время высокая честь имѣть своимъ представителемъ одного изъ выдающихся анатомовъ нашего времени.

Анатомическій Институтъ помѣщается въ старомъ зданіи, довольно своеобразной архитектуры, устроенномъ въ видѣ подковы, центръ которой занимаетъ большое круглое зало, служащее аудиторіей. Куполообразная крыша этого зала даетъ всему зданію очень своеобраз-

ный и красивый видъ. Зданіе института окружено красивою лужайкою, на которой съ большимъ вкусомъ разбитъ цвѣтникъ.

Директоромъ Института состоитъ проф. *А. С. Рауберъ*. Аудиторія устроена въ видѣ цирка, съ круглыми скамейками въ нѣсколько рядовъ и рассчитана на 165 человекъ. По стѣнамъ разставлены шкапы съ препаратами. Все устройство носитъ на себѣ отпечатокъ таринны; кафедра крайне простая — обыкновенный пюпитръ, окрашенный въ сѣрую краску, на небольшомъ возвышеніи, къ которому ведутъ двѣ сильно потертыя ступеньки. Съ этой-то кафедры читали *К. Э. Бэръ*, *Бурдахъ*, *Рейхертъ*, *Л. Штида* и нынѣ читаетъ *А. С. Рауберъ*.

Лекціи профессора поясняются чертежами на черной доскѣ и готовыми рисунками на большихъ таблицахъ. Богатый запасъ такихъ рисунковъ хранится въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ; запасъ этотъ постоянно пополняется трудами наличнаго персонала кафедры.

Препаровочная невелика, довольно тѣсна, темновата, а въ зимнее время и холодна. Занятія ведутся при свѣтѣ переносныхъ лампъ. Устроено зало по общеизвѣстному типу.

Трупнымъ матерьяломъ Юрьевъ далеко не богатъ: онъ получаетъ таковой изъ Петербургскихъ городскихъ больницъ въ теченіи лѣтняго полугодія. Трупы наливаются на мѣстѣ и затѣмъ сохраняются въ особомъ небольшомъ зданіи (стоящемъ отдѣльно отъ Института), погруженные въ слабый карболозованный спиртъ. Для храненія труповъ устроены два цементированныхъ бассейна. Большинство труповъ доставляются вскрытыми.

Музей анатомической кафедры въ Юрьевѣ распадается на два отдѣла: 1) рѣдкіе и замѣчательные по техникѣ „музейскіе“ препараты, хранящіеся въ аудиторіи въ выше-

упомянутыхъ, стоящихъ по стѣнамъ ея шкапахъ и служащія исключительно для научныхъ цѣлей и для преподаванія; въ числѣ ихъ упомяну, напр., о препаратѣ перепончатого лабиринта, исполненномъ *Rüdinger'* омъ; 2) обширное собраніе препаратовъ, моделей, рисунковъ и пр., предоставленныхъ въ пользованіе студентовъ и собранныхъ въ особомъ залѣ, открытомъ для всѣхъ желающихъ изучать анатомію. Изъ всѣхъ отечественныхъ университетовъ Юрьевскій есть единственный, въ которомъ существуетъ такое зало. ¹⁾

Зало заключаетъ въ себѣ собраніе естественныхъ препаратовъ, гипсовыхъ слѣпковъ, моделей и таблицъ, относящихся ко всѣмъ отдѣламъ анатоміи и предназначенныхъ для непосредственнаго изученія студентовъ. Всѣ предметы помѣщены и освѣщены такимъ образомъ, что всѣ подробности ихъ легко могутъ быть разсмотрѣны учащимися. Передъ столами и шкапами, въ которыхъ расположены эти предметы, поставлены скамьи, на которыхъ студенты могутъ удобно помѣститься съ своими книгами и записками. Положимъ, напр., студентъ желаетъ изучить какую-нибудь кость. Завѣдующій заломъ выдаетъ ему желаемую кость и вмѣстѣ съ нею небольшую табличку въ рамкѣ подъ стекломъ; табличка заключаетъ въ себѣ нумерованный перечень всѣхъ анатомическихъ особенностей (возвышеній, отростковъ, бороздъ и пр.) данной кости; тождественные номера поставлены и на самой кости, въ полномъ соотвѣтствіи съ таблицею. Нечего и говорить, какъ облегчается изученіе сложныхъ костей (напр., основной, височной), благодаря такой заботливой предусмотрительности. Никакія недоразумѣнія здѣсь невозможны.

¹⁾ *A. Rauber. Ueber die Einrichtung von Studiensälen in anatomischen Instituten, Leipzig, 1895.*

Модели и слѣпки помѣщаются подѣ большими стеклянными колпаками и поставлены очень удобно для всесторонняго разсмотрѣнія.

Польза такого учебно-вспомогательнаго учрежденія, какъ Studiensaal, несомнѣнна; очевидна также и невозможность замѣнить его чѣмъ-либо инымъ. Юрьевское учебное зало доказало на дѣлѣ приносимую имъ пользу; уже много лѣтъ оно открыто для всѣхъ желающихъ изучать анатомію и привлекаетъ не только медиковъ, но и студентовъ другихъ факультетовъ, къ искренней радости его учредителя, неустанно стремящагося къ все большому и большому расширенію и обогащенію этого единственнаго въ Россіи учрежденія.

Университетскій ботаническій садъ расположенъ на берегу р. Эмбаха. Въ немъ находятся растенія всѣхъ климатовъ обширной Россіи: произведенія Крыма, Сибири и Кавказа. Многіе ботаническіе сады въ Европѣ завидуютъ богатству Юрьевскаго, особенно въ отношеніи къ сѣвернымъ растеніямъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ достойно замѣчанія собраніе птицъ изъ южнаго полушарія. Въ минералогическомъ кабинетѣ, кромѣ многихъ драгоценностей, находятся большіе слитки самороднаго золота и куски малахита, подаренные университету покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ I. Въ музеѣ художествъ между прочимъ находятся хорошо сохранившіеся Египетскіе муміи и папирусы; также заслуживаютъ здѣсь вниманія портреты Гете и Гердера. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣшняя обсерваторія, какъ по совершенству своего механизма, такъ и потому, что въ ней находится первый въ мірѣ рефракторъ, произведеніе знаменитаго мюнхенскаго механика Іосифа Фрауэнгофера.

Кромѣ перечисленныхъ учреждений, при Юрьевскомъ университетѣ еще имѣются: фармацевтическій институтъ, химическій, физическій и математическій кабинеты, экономическій кабинетъ и лабораторія сельскохозяиственной химіи, метеорологическая обсерваторія, физиологическій и фармакологическій институтъ, собраніе по библейской и церковной археологіи и статистическій кабинетъ и цѣлыхъ шесть клиникъ: терапевтическая, хирургическая, офталмологическая, гинекологическая, клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней, поликлиника и отдѣленіе окружного госпиталя.

Въ настоящее время Юрьевскій университетъ занимаетъ среди провинціальныхъ университетовъ нашего отечества одно изъ первыхъ мѣстъ по численности своихъ слушателей. Къ 12 декабря 1901 г. число слушателей этого университета простиралось до 1811 человекъ. Число слушателей въ Юрьевскомъ университетѣ всегда колебалось такъ: поступило въ 1802 г. 46; въ 1807 г. 50, 1819 г. 87, 1821 г. 123; всего до 1827 г. 2236 чел.; въ 1876 г. всѣхъ слушателей было 859, 1877 г.—858, 1878—938, 1879 г.—1048, 1880 г.—1105, 1881 г.—1222, 1882 г.—1366, 1883 г.—1484, 1884 г.—1595, 1885 г.—1704, 1889 г.—1619, 1890 г.—1664, 1891 г.—1572, 1892 г.—1519, 1893 г.—1348, 1894 г.—1247, 1895 г.—1064, 1896 г.—1185, 1899 г.—1742, 1900 г.—1793. Увеличеніе студентовъ въ послѣдніе годы можно объяснить усиленнымъ поступленіемъ воспитанниковъ Рижскаго учебнаго округа (вслѣдствіе министерскаго циркуляра о распредѣленіи поступающихъ въ университеты по округамъ); съ другой стороны, это увеличеніе отчасти обусловливается все усиливающимся поступленіемъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

Противники преобразования университета, къ своему огорченію, теперь лишились возможности указывать на упадокъ его, ссылаясь на уменьшеніе числа студентовъ, а потому вынуждены отводить свою уязвленную душу никому не нужными и никакого существеннаго значенія не имѣющими подсчетами студентовъ изъ семинаристовъ. Затаенная цѣль этихъ подсчетовъ — показать, что число студентовъ увеличивается только потому, что допущены семинаристы, а что самъ по себѣ университетъ не обладаетъ-де достаточно притягательною силою.

Юрьевскій университетъ не только по языку преподаванія, но и по составу студентовъ быстро превращается въ русское учебное заведеніе. Еще пять лѣтъ тому назадъ число православныхъ студентовъ этого университета не превышало 89, а къ 15 окт. 1900 г. ихъ уже было 1027. Эта группа теперь занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ, такъ какъ студентовъ — лютеранъ къ 15 окт. 1900 г. было всего только 402, католиковъ 100, евреевъ 151, евангелическо-аугсбург. 15, армяно-григоріанъ 11 и 3 реформата. Не только число православныхъ студентовъ возрастаетъ, но и увеличивается количество студентовъ католическаго и другихъ вѣроисповѣданій, и только число студентовъ — лютеранъ нѣсколько сокращается.

Число слушателей на богословскомъ факультетѣ изъ года въ годъ въ послѣднее время уменьшается. Въ 1876 г. ихъ было 85, 1877 г. — 96, 1878 г. — 119, 1879 г. — 128, 1880 г. — 139, 1881 г. — 159, 1882 г. — 177, 1883 г. — 192, 1884 г. — 201, 1885 г. — 239, 1890 г. — 284, 1891 г. — 267, 1892 г. — 256, 1893 г. — 234, 1894 г. — 252, 1895 г. — 221, 1896 г. — 185, 1897 г. — 170, 1898 г. — 165, 1899 г. — 139, 1900 г. — 143, 1901 г. 140. Съ 1 февраля 1876 г. по 1 сентября 1885 г. число студентовъ на богослов-

скомъ факультетѣ увеличилось на 165, 55%. За послѣднее десятилѣтіе число студентовъ теологіи уменьшилось болѣе чѣмъ въ два раза. Очевидно, этотъ факультетъ нуждается въ реформѣ.

Въ настоящее время лютеранскіе проповѣдники, предназначенные для дѣятельности въ эстскихъ и латышскихъ приходахъ, не получаютъ надлежащей подготовки, такъ какъ преподаваніе практическаго богословія въ Юрьевскомъ университетѣ происходитъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, для пасторовъ эстскихъ и латышскихъ приходовъ произнесеніе проповѣдей по-эстски и латышски представляетъ нерѣдко значительныя затрудненія. А такъ какъ проповѣдь составляетъ главную часть лютеранскаго богослуженія, то неподготовленность пасторовъ къ этой части своей дѣятельности имѣетъ весьма печальныя послѣдствія. Пасторъ, хорошо знающій народный языкъ, несравнено успѣшнѣе будетъ исполнять свои обязанности, чѣмъ человекъ, плохо усвоившій себѣ народную рѣчь. Незнаніе народнаго языка въ значительной степени содѣйствуетъ разладу между пастырями и пасомыми и развитію сектанства, о каковомъ очень часто сообщаетъ мѣстная печать, и религіозному индифферентизму населенія.

Осенью въ 1896 г. въ университетъ стали поступать на имя ректора, петиціи отъ эстонскихъ приходовъ, за подписями болѣе видныхъ прихожанъ (конечно, безъ помѣщиковъ и пасторовъ), объ исходатайствованіи учрежденія при кафедрѣ практическаго богословія въ Юрьевскомъ университетѣ латышской и эстской профессуръ. Петиціи эти были представлены на благоусмотрѣніе высшаго начальства, съ заключеніемъ, что въ уставѣ университета не имѣется препятствій къ учрежденію означенныхъ профессуръ. Что касается средствъ на содержаніе

упомянутыхъ двухъ профессуръ, то въ эстонскихъ газетахъ сдѣлано было указаніе на такъ-называемый „вспомогательный фондъ ев.-лютер. церкви въ Россіи“, какъ на источникъ, изъ коего—при желаніи правительства—не трудно бы выдѣлить 5—6 тыс. рубл., тѣмъ болѣе, что латыши и эсты являются чуть-ли не главными вкладчиками въ этотъ фондъ.

Въ маѣ 1897 г., изъ С.-Петербургской генеральной ев.-лютер. консисторіи полученъ былъ Юрьевскимъ богословскимъ факультетомъ запросъ о доставленіи заключенія по этому предмету. Заключение это, при составѣ профессоровъ богословскаго факультета, между которыми не было ни одного латыша, ни одного эста, а находилось четыре нѣмца и одинъ славянинъ, могло быть только отрицательнымъ.

Предположенное усиленіе личнаго состава богословскаго факультета двумя новыми научными силами, изъ коихъ одна была бы взята изъ среды богослововъ латышскихъ, а другая—эстонскихъ, было признано излишнимъ и нежелательнымъ, хотя незадолго предъ тѣмъ самъ факультетъ ходатайствовалъ черезъ совѣтъ университета предъ правительствомъ объ усиленіи состава профессоровъ двумя новыми силами, въ виду крайней малочисленности (всего пять профессоровъ) этого состава. О мотивахъ отрицательнаго рѣшенія по этому вопросу четырехъ нѣмецкихъ богослововъ и педагогической несостоятельности этихъ мотивовъ можно судить по отдѣльному мнѣнію, которое предъявлено было въ богословскомъ факультетѣ единственнымъ не нѣмецкимъ профессоромъ, славяниномъ К.

Профессоръ К. находилъ, что:

1) Увеличеніе научныхъ силъ этой или другой школы вообще содѣйствуетъ развитію ея научной жизни, слѣ-

довательно и въ данномъ случаѣ нельзя не привѣтствовать съ благодарностію, въ интересахъ науки, приливающихъ силъ къ области практическаго богословія, лежащей на границахъ теоріи и практики и связывающей ихъ взаимно.

2) Предполагаемое увеличеніе научныхъ силъ получаетъ особую важность и для евангелической церкви, такъ какъ этимъ путемъ можетъ быть достигнуто развитіе одного изъ важнѣйшихъ орудій служебной дѣятельности пастора, именно — народныхъ языковъ.

3) Опасеніе, будто при различіи языковъ могутъ возникнуть нестроенія въ академической жизни, представляется неосновательнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, для общихъ дѣлъ былъ бы при этомъ сохраненъ одинъ дѣловой языкъ, съ другой же — предварительно введенія этихъ чтеній и упражненій можно точно опредѣлить, насколько они должны быть обязательны для слушателей.

Въ заключеніе проф. К. выражаетъ мнѣніе, что учрежденіе двухъ означенныхъ профессуръ представляется ему болѣе важнымъ для церковной жизни лютеранъ, чѣмъ проектированное факультетомъ учрежденіе двухъ новыхъ параллельныхъ профессуръ (по другимъ кафедрамъ), не вызываемое ни числомъ слушателей, ни доказанною опытомъ возможностью процвѣтанія этого факультета и безъ таковыхъ.

Что же могли противопоставить этимъ доводамъ нѣмцы? Судя по газетамъ — ничего, кромѣ пустыхъ фразъ о тѣсной связи лютеранства съ нѣмецкимъ языкомъ, важности нѣмецкой богословской литературы, единства академическаго состава и направленія, указаній на лектуры латышскаго и эстонскаго языковъ.

Конечно, не трудно видѣть слабость всѣхъ этихъ доводовъ, достаточно разоблаченную и въ отдѣльномъ мнѣніи проф. К. Но на самомъ дѣлѣ, не ими руководствовалось большинство Юрьевского богословскаго факультета, при рѣшительномъ протестѣ противъ мѣры, столь, повидимому, естественной, безобидной, законной, необходимой. Лютеранско-нѣмецкая церковь является нынѣ, послѣ вытѣсненія нѣмецкаго языка при администраціи, судахъ, школахъ Балтійской окраины—последнимъ бастиономъ воинствующаго германизма на этомъ поморьѣ.

Деканъ богословскаго факультета проф. Керстенъ съ апломбомъ заявилъ въ „Nordlivländische Zeitung“ что факультетъ, высказавшись противъ новыхъ профессуръ, руководствовался не національными интересами и что факультетъ считалъ своей главнѣйшей обязанностью заботиться о научно-теологической подготовкѣ своихъ питомцевъ.

Въ первыя шесть лѣтъ существованія Юрьевского университета единство между студентами не нарушалось. Съ содѣйствіемъ университетскаго начальства образовался союзъ всѣхъ студентовъ въ родѣ буршеншафта, ¹⁾ во главѣ котораго стоялъ старшина или сеніоръ, слѣдившій за порядкомъ, нравственностью и честнымъ поведеніемъ всѣхъ студентовъ. Но уже въ 1808 г. уроженцы Курляндской губ. отдѣляются отъ другихъ студентовъ и 8 сентября основываютъ землячество подъ именемъ *Kurronii*. Съ своей стороны уроженцы Финляндіи, Лифляндской, Эстляндской губ, и пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній Имперіи образуютъ корпорацію подъ именемъ

¹⁾ Burschenschaft'омъ назывался общій союзъ студентовъ всѣхъ германскихъ университетовъ.

Ливонія, которая въ 1810 г. распадается на три части вслѣдствіе того, что финляндцы и эстляндцы основываютъ отдѣльныя землячества. Такимъ образомъ возникло четыре землячества, которыя выбирали по четыре представителя, стоявшихъ во главѣ студенчества вмѣсто прежняго сеніора. Кромѣ нѣсколькихъ споровъ между отдѣльными студентами, въ землячествахъ господствовали порядокъ и согласіе. Землячества считали своею обязанностью и задачею поддерживать между собой духъ честности и порядка, и университетское начальство благосклонно поощряло эти стремленія. Землячества, однако, слишкомъ мало давали возможности своимъ членамъ предаваться научнымъ занятіямъ, и трудно было найти въ средѣ ихъ тотъ духъ науки, который долженъ господствовать между учащимися высшаго учебнаго заведенія. Благодаря извѣстному академику фонъ - Бери, который не нашелъ въ *Эстоніи* живого научнаго интереса, землячества сами упразднились въ 1815 г. и студенты образовали общества по факультетамъ: существовало медицинское общество, юридическое и т. д. Но скоро оказалось, что такого рода группировка студентовъ была невозможна, потому что общность факультета не могла установить между товарищами той тѣсной связи и того дружескаго сближенія, которое было слѣдствіемъ примѣненія земляческаго принципа. Въ 1820 г. воскресла *Куронія*, 7 сентября 1821 г. — *Эстонія*, 20 сентября 1822 г. — *Ливонія* и 21 января 1823 г. образовалась *Фратернитасъ — Ригензисъ* изъ юношей, пріѣзжихъ изъ Риги. Образцомъ, по которому эти корпораціи были организованы, послужили студенческія корпораціи (Landsmannschaften, Burschenschaften, Corps) германскихъ университетовъ, въ которыхъ воспитывались обыкновенно сыновья ливляндскихъ, курляндскихъ и эстляндскихъ бароновъ;

бюргеровъ и пасторовъ до учрежденія Юрьевскаго университета. Чтобы возстановить единство и правильныя сношенія между корпораціями, была учреждена особая комиссія, состоящая изъ делегатовъ всѣхъ корпорацій. Она выработала общій студенческой уставъ, такъ называемый „комманъ“, ¹⁾ опредѣляющій всѣ отношенія между отдѣльными студентами и между корпораціями, установила основныя правила приличія и чести и вообще положила начало нынѣ еще существующему устройству общественной жизни студентовъ.

Революціонныя явленія, волновавшія западную Европу въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, вызвали въ Россіи реакціонное движеніе, которое чувствовалось и въ Юрьевѣ. Корпораціи были уничтожены, для всѣхъ студентовъ обязательнымъ стало ношеніе мундира, имъ запрещено было показываться вмѣстѣ на улицѣ числомъ болѣе трехъ и собираться въ одной квартирѣ болѣе шести и т. д. Однако, корпоративныя стремленія еще болѣе укоренились между студентами, и такъ какъ имъ запрещено было обнаруживаться, то они старались выработать еще болѣе внутренней корпоративный строй. Преслѣдованіе и притѣсненіе всѣхъ корпорацій усилили между ними общность интересовъ, которая выразилась въ учрежденіи органа, состоящаго изъ 12 представителей (по три изъ каждаго землячества) для завѣдыванія всѣми общественными дѣлами студентовъ, обязательнаго какъ для корпорантовъ, такъ и для „дикихъ“. Студенчество образовало теперь единый организмъ, состоящій изъ разныхъ отдѣльных членовъ и, такимъ образомъ, найдено было, наконецъ, рѣшеніе проблемы: какъ согласить естественную потребность образованія и идею общей солидарности всѣхъ студентовъ. Но для полнаго развитія

¹⁾ Комманъ — Comment.

чувства общаго академическаго единства студентовъ еще необходимо было признаніе и примѣненіе принциповъ, неизвѣстныхъ въ Юрьевѣ.

Постоянно увеличивавшееся число поединковъ по самымъ незначительнымъ причинамъ, частыя несчастія, проистекавшія изъ этого, и опасеніе, что нравственная сторона поединка могла пострадать отъ злоупотребленія имъ, породжали въ самомъ студенчествѣ желаніе ограничить въ извѣстномъ смыслѣ дуэль. Ректору Ульману принадлежавшему къ Лифляндской корпораціи и имѣвшему большое вліяніе на всѣ корпораціи, удалось, наконецъ, учредить *судъ чести*. Новою статьею въ общемъ „комманѣ“ поставлено было, чтобы каждый студентъ, поссорившись съ товарищемъ, обращался за рѣшеніемъ этой ссоры къ суду чести и повиновался безусловно его приговору, имѣвшему безапелляціонную силу. Но это нововведеніе было только предвѣстникомъ другого, еще большаго переворота въ возрѣніяхъ на дуэль. До сихъ поръ немислимо было для студента отказаться отъ дуэли на основаніи личнаго убѣжденія въ безнравственности ея. Когда въ тридцатые годы одинъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ студентъ—медикъ заявилъ, что онъ по совѣсти никогда не будетъ драться на дуэли, друзья его считали просто сумасшедшимъ. Въ 1848 году студентъ курляндецъ *Гессельбергъ*, выдающійся дарованіемъ и характеромъ, заступился съ большою энергіею за признаніе „свободы совѣсти“ и, благодаря его сильному вліянію между студентами, признаны были вполнѣ равноправными дуэлисты и антидуэлисты. Антидуэлистъ, въ случаѣ ссоры съ товарищемъ, обязанъ былъ объявить передъ судомъ чести, что дуэль противорѣчитъ его нравственному убѣжденію и получалъ тогда отъ обидѣвшаго его предписанную судомъ чести устную сатисфакцію, въ

родѣ извиненія и т. п. Общественное положеніе антидуэлистовъ среди ихъ корпоративныхъ товарищей въ первое время, конечно, было затруднительно, но мало-помалу новыя понятія о „свободѣ совѣсти“ укоренились, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ фактъ, что антидуэлисты наравнѣ съ дуэлистами выбраны были въ делегаты и репрезентанты корпораціи.

Но мы забѣжали впередъ — возвратимся къ началу прошлаго столѣтія, къ первымъ годамъ существованія Дерптскаго университета.

Еще въ 1804 г. начали доходить до Лифляндскаго генераль-губернатора графа Буксгевдена слухи, что дерптскіе студенты дозволяютъ себѣ безчинства, нарушающія спокойствіе жителей. Въ 1804 г. онъ узналъ, что студенческія шалости стали выходить изъ границъ терпимаго: студенты начали, по ночамъ, бить окна въ домахъ горожанъ, и однажды, во время драки съ послѣдними, кричали карауль и нанесли оскорбленіе дежурному по карауламъ офицеру. Графъ Буксгевденъ не могъ уже оставить безъ вниманія оскорбленія, нанесеннаго дежурному офицеру, и потому 15-го ноября 1804 г. предписалъ шефу Ревельскаго мушкетерскаго полка, расположеннаго въ Дерптѣ, генералу Хатунцову, донести, насколько справедливъ слухъ о томъ, что дерптскіе студенты дозволили себѣ непозволительные поступки. Въ такомъ-же смыслѣ было дано предписаніе завѣдывавшему полицейскими дѣлами въ Дерптѣ бургомистру.

Генераль Хатунцовъ, еще до полученія предписанія генераль-губернатора, рапортовалъ ему отъ 9-го ноября 1804 г.:

„Вчерашняго числа ввечеру, здѣсь въ городѣ, на улицѣ, произошла драка собравшимися въ немаломъ количествѣ Дерптскаго университета студентами, кои били двухъ здѣшнихъ подмастерьевъ ¹⁾ и тотчасъ на оный крикъ посланъ былъ отъ караула для унятія патруль, а затѣмъ подошелъ и бывшій за дежурнаго капитанъ Тонышевъ, который сталъ говорить этимъ студентамъ, что таковыя безчинства непристойно дѣлать благороднымъ. Тогда нѣкоторые студенты даже и на него озлобились и порывались взять капитана за грудь, но будучи не допущены до того, осмѣливались поносить его ругательными, постыдными чести, словами, причемъ находился онаго университета профессоръ Эльснеръ, который, во время безчинства студентовъ, нимало не приступалъ къ унятію ихъ. А какъ среди не малаго количества студентовъ, и при томъ въ ночное время, нельзя было узнать виновныхъ, то я сего числа сообщилъ университету, дабы сіе дѣло было изслѣдовано и съ виновными поступлено по всѣмъ правиламъ закона, къ чему уже университетъ и приступилъ“.

Происшествіе это показалось гр. Буксгевдену столь важнымъ, что онъ счелъ необходимымъ донести о томъ Государю Императору. Въ рапортѣ его отъ 19-го ноября 1804 г., между прочимъ, упоминается, что о профессорѣ Эльснерѣ указомъ прав. сената знать дано, что за своевольное наказаніе двороваго г.-л. Кноринга человѣка батожьями Эльснеру учиненъ выговоръ ²⁾. „Хотя поступки студентовъ, особенно дерзкіе противъ воинскаго караула

¹⁾ Драка произошла отъ того, что студентъ Клугенъ запрещалъ подмастерьямъ пѣть студенческія пѣсни.

²⁾ Профессора Эльснеръ и Краузе, въ 1803 г., замѣтивъ, что дворовые люди Кноринга ходятъ по университетской землѣ, засаженой деревьями, захватили одного изъ нихъ и наказали палками. „Рус. Архивъ“ 1887, № 10. Ст. Е. Чешихина.

и дежурнаго офицера, суть преступленія, но поелику они подлежатъ исключительно вѣдомству университета, то и немогу всеподаннѣйше В. И. В-ву представить, кто именно виновные, ибо сіе открыто быть должно слѣдствіемъ въ университетѣ“.

Генераль-губернаторъ замѣтилъ г-м. Хатунцову, что дежурный по карауламъ и карауль не исполнили своего долга: имъ слѣдовало взять студентовъ за драку и дерзости, также взять профессора за нестараніе унять студентовъ отъ наглости и всѣхъ ихъ подъ стражею отослать въ университетъ съ описаніемъ ихъ поступковъ.

Около того-же времени дерптскій магистратъ донесъ, графу Буксгевдену, что 30-го октября 1804 г., ночью, въ квартирѣ ратсгера Вернера, были выбиты окна, и затѣмъ 3-го ноября окна были вторично выбиты въ этой квартирѣ, и битые оконъ произведено и въ другихъ домахъ. Виновные не отысканы. Вернеръ, будучи старшиной въ клубѣ „Мусса“, поссорился со студентами на балу: надобно полагать, писалъ магистратъ, что студенты же повыбивали окна ¹⁾.

Университетскій судъ, изслѣдовалъ это дѣло, приговорилъ студентовъ къ двухдневному содержанію въ запертой комнатѣ, а относительно „дерзкихъ противъ воинскаго караула и дежурнаго офицера поступковъ“ ограничился „обвѣщеніемъ на черной доскѣ, чтобы имѣли къ воинскому караулу почтеніе“ ²⁾.

Въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею генераль-губернаторъ справедливо замѣтилъ, что находитъ очень страннымъ, „что универ-

¹⁾ Изъ донесенія бургомистра полиціи видно, что ссора студентовъ со старшиной клуба произошла изъ за нарушенія первыми правилъ о порядкѣ танцевъ.

²⁾ А. Чумиковъ. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ. „Рус. Стар.“ 1890 г. № 2.

ситетскій судъ публикуетъ, чтобы студенты были почти-
 тельны къ воинскому караулу; ибо не о будущемъ дѣло
 идетъ, а о томъ, что они уже виновные въ дерзостяхъ
 противъ воинскаго караула; наказаніе не въ томъ со-
 стоить, чтобы повторять публикаціи закона о наказаніи,
 но поступить въ наказаніе по законамъ. Въ 46 воин-
 скомъ артикулѣ-же сказано: „буде кто противъ караула
 и часоваго, такожде противъ патрулира и рунду шпагу
 обнажить, или на оныхъ нападетъ, или учинить онымъ
 какой вредъ и препятствія, онаго надлежитъ безъ всякой
 милости аркебузировать“. Въ уставѣ Дерптскаго универ-
 ситета въ § 6-мъ, читаемъ: по уголовнымъ дѣламъ универ-
 ситетъ, учинивъ первоначальное изслѣдованіе, препро-
 вождаетъ оное съ мнѣніемъ своимъ въ то присутствен-
 ное мѣсто, до коего суда принадлежитъ преступленіе;
 почему студентовъ, учинившихъ драку и оказавшихся
 дерзкими противъ воинскаго караула и дежурнаго офи-
 цера, коимъ не только не воспротивились, но и окру-
 жили ихъ съ дерзкими приступами, обязанъ былъ уни-
 верситетъ отослать съ мнѣніемъ своимъ для сужденія въ
 надлежащее судебное мѣсто. По содержанію 36-го § пра-
 вилъ университетскихъ, который приведенъ въ рѣшеніи
 университета, „не должны студенты противиться караулу,
 если и не винны, подъ опасеніемъ строгаго наказанія“; но
 двухсуточный карцеръ не есть строгое наказаніе и ко-
 торому подвержены только двое, а прочіе сообщники въ
 дракѣ и въ дерзкихъ противъ воинскаго караула по-
 ступкахъ оставлены вовсе безъ наказанія“ ... „Предложивъ
 все сіе, заключаетъ графъ Буксгевденъ, покорнѣйше
 прошу в. с-во доложить Государю Императору о суще-
 ствѣ дѣла сего и качествѣ рѣшенія университетскаго,
 вмѣстѣ съ тѣмъ употребить ваше вліяніе, чтобъ винов-
 ныхъ, если и оставить изъятыми отъ сужденія въ над-

лежащемъ судебномъ мѣстѣ, по крайности наказать въ страхъ другимъ ощутительнѣе, а не ограничиваться единственно публикаціей, чтобы не производили они тѣхъ дерзостей, въ коихъ уже виновны“.

Представитель центральной администраціи отнесся къ жалобамъ генераль-губернатора не только довольно равнодушно, но и съ нѣкоторымъ упрекомъ за преувеличеніе. „Государь Императоръ, отвѣчалъ гр. Кочубей 13 января 1805 г., негодуя на безпорядки, въ Дерптѣ возобновляющіеся, отъ кого бы они ни происходили, и указавъ, чтобъ строго объ оныхъ со стороны университета изслѣдовано было, замѣчаетъ однакожъ притомъ что „нѣтъ почти возможности въ мѣстѣ, гдѣ такое большое стеченіе людей на свободѣ живущихъ находится. чтобъ какихъ либо безпорядковъ отъ юности происходящихъ, не случилось,... что за правило жителямъ германскихъ городовъ, гдѣ университеты существуютъ, пріемлется оказывать снисхожденіе во всѣхъ случаяхъ, когда сіе не сопрягается съ явными огорченіями,... что города сіи отъ существованія университетовъ получаютъ выгоды,... что Дерптскій университетъ, такъ какъ и всѣ другіе въ Россіи и въ иностранныхъ земляхъ, имѣютъ свои уставы, по коимъ они дѣйствуютъ; что такимъ образомъ безпорядки, производимые студентами, должны быть разсматриваемы въ трибуналѣ университета соотвѣтственно правиламъ, на разные случаи по положенію университета опредѣленнымъ, а не на основаніи томъ, какъ въ нарушеніи порядка обыкновенными полицейскими мѣстами дѣла разбираются“... Его Величеству, заканчиваетъ министръ, весьма было-бы угодно, чтобъ в. с-во, удостовѣрясь, собственно для себя, въ сихъ истинахъ, обратили ваше вниманіе къ тому, чтобы постепенно (?) уничтожить всѣ распри между университетомъ и жителя-

ми города Дерпта. Правительству не можетъ, не быть при-
 скорбно видѣть, что старанія и пожертвованія его, глав-
 нѣйшія къ пользѣ лифляндскаго и эстляндскаго дворян-
 ства относящіяся, остаются безуспѣшны. *Управление*
университета, какъ извѣстно, многимъ въ Лифляндіи лично
не нравится... Впрочемъ, я полагаю, что безпорядки, въ
 Дерптѣ случающіеся, существенно могутъ быть прекра-
 щены, когда полиція тамошняя другое образованіе по-
 лучить... Назначеніе полиціймейстера изъ исправныхъ
воинскихъ чиновниковъ и нужнаго числа изъ казаковъ...
 конечно нарочито послужитъ къ отвращенію безпоряд-
 ковъ, нынѣ возобновляющихся“.

Намекъ графа Кочубея на то, что нѣкоторымъ лицамъ
 самостоятельность университетскаго управленія не нра-
 вится, генераль-губернаторъ, очевидно, принялъ на свой
 счетъ и въ нѣсколько раздраженномъ тонѣ возразилъ
 (4-го февраля 1805 г.): „Я не знаю такихъ въ Лиф-
 ляндіи, коимъ-бы лично управленіе университета не нра-
 вилось; но по справедливости не можетъ никому нра-
 виться то единственно, что университетское мѣстное
 начальство слабымъ за молодыми людьми смотрѣніемъ
 допускаетъ безпорядки ихъ, отъ коихъ удерживать ихъ
 при самомъ началѣ тѣмъ болѣе полагаю надобнымъ, дабы
 не могло усугубиться и устроиться своеволие съ оби-
 дою жителей Дерпта. Его граждане не могутъ переносить
 равнодушно случаевъ, грозящихъ иному гибелью,
 какъ-то: разбитіе оконъ брошенными камнями можетъ
 причинить убивственныя удары“. „Если въ Германіи и
 другихъ мѣстахъ, продолжаетъ гр. Буксгевденъ, универ-
 ситеты поддерживаются платой студентовъ, а городамъ
 доставляется пребываніемъ въ нихъ иностранцевъ хоро-
 шій доходъ, то это не примѣнимо къ Дерптскому универ-
 ситету, гдѣ обучаются російскіе подданные, ихъ из-

бытки и въ Дерптѣ суть избытки російскіе, университетъ Дерптскій снабженъ во всемъ щедротами Е. И. В—ва, студенты и граждане вѣрноподданные одного монарха... Въ С--Петербургѣ большее стеченіе учащихся, но граждане безопасны отъ обидъ ихъ... Устройство полиціи въ такомъ случаѣ послужитъ прекращеніемъ безпорядковъ, когда виновные, полиціей взяты по мѣрѣ вины наказываются и когда права полиціи уважаются; но, судя по дерзости студентовъ противъ воинскаго караула и потому, что университетское начальство вмѣсто взысканія за преступленіе рѣшило тѣмъ только, что не должно дѣлать преступленія: тогда и устройство (новое) полиціи будетъ безуспѣшно, а въ такомъ случаѣ я, какъ и вы, м. г. мой, со мною безъ сомнѣнія согласны, молчать не должны“ ...

Дерптскій попечитель г.-м. Клиндеръ представилъ съ своей стороны все дѣло министру въ такомъ видѣ, какъ будто-бы вся ссора между караульнымъ офицеромъ и студентами произошла отъ незнанія съ одной стороны нѣмецкаго, а съ другой русскаго языка. Г.-м. Клиндеръ находилъ, что „университетъ въ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ вышеупомянутаго дѣла поступилъ на точномъ основаніи своихъ узаконеній, „не сдѣлавъ въ должности своей упущенія“.

Не менѣе своеобразенъ былъ отзывъ университетскаго совѣта по этому дѣлу. Заявивъ, что „шалости, буйства и даже самыя преступленія вездѣ случаются и отвратить оныя и сдѣлать невозможными значило-бы требовать невозможнаго“, онъ въ то же время считаетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что „доносители (т. е. губернская администрація), права къ тому неимѣющіе, о всякомъ происшествіи доносятъ высшему начальству“.

Въ виду этой двойной защиты студенческих безобразій генераль-губернаторъ послалъ министру возраженіе (1-го апрѣля 1805 г.); однакожь требуемое имъ строгое наказаніе было оставлено безъ послѣдствій.

Неудивительно, что студенты, ободряемые безнаказанностью, въ мартѣ того-же года произвели буйство и драку въ домѣ мастера Цейдлера. Буксгевденъ опять о томъ доноситъ Государю, и опять Высочайше повелѣно сообщить о буйствѣ Дерпскихъ студентовъ министру гр. Н. П. Завадовскому, съ тѣмъ, чтобы начальство Дерптскаго университета приняло дальнѣйшія мѣры къ обузданію студентовъ... Изъ официальныхъ документовъ не усматривается, къ чему повело это Высочайшее повелѣніе.

Влѣдствіе распоряженія прибалтійскаго ген.-губернатора маркиза Паулучи, вообще не покровительствовавшего своевольству студентовъ, былъ составленъ подробный списокъ всѣхъ подвиговъ университетской молодежи съ 1811 по 1825 г. Подвиги эти состояли преимущественно въ выбитіи оконъ у полиціймейстера и фискала. Какъ почти всегда, виновными оказывались пострадавшіе отъ буйства яко-бы „мало симпатизирующіе академическому юношеству и даже иногда преднамѣренно раздражавшіе студентовъ“.

Такъ какъ поводы къ жалобамъ губернскаго начальства на безчинства студентовъ не прекращались, то правительство, наконецъ, рѣшилось лишить университетъ важнѣйшей его прерогативы: въ 1808 году былъ упраздненъ университетскій судъ, — на весьма непродолжительный срокъ, такъ какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же года было Высочайше объявлено, что Государь Императоръ, изволивъ убѣдиться въ исправленіи дерптскихъ студентовъ, повелѣлъ отмѣнить временную строгую мѣру и возстановить прежнюю подсудность студентовъ, съ тѣмъ

однакожь условіемъ, что при появленіи новыхъ безпорядковъ эта временная мѣра имѣеть быть обращена въ постоянную. Какъ мало продолжительно было впечатленіе, произведенное на дерптскихъ „сыновъ музы“ царскою милостью и угрозою, усматриваемъ изъ правительственнаго распоряженія отъ 17 февраля 1816 г. „Государь Императоръ, гласить оно, съ сожалѣніемъ изволилъ усмотрѣть, что своевольство дерптскихъ студентовъ не прекращается, что вновь происходили драки съ купцами, а потому повелѣлъ прибѣгнуть къ мѣрѣ 1808 года и не возстановлять университетскій судъ до тѣхъ поръ, пока поведеніе студентовъ не исправится“.

Спустя 2 мѣсяца, ректоръ университета Рамбахъ сообщалъ полиціимейстеру: „Между студентами возникли раздоры. Руководимое извѣстнымъ *esprit de corps*, значительное число ихъ намѣревается учинить насиліе надъ своими товарищами. Уже нѣсколько дней сряду происходятъ на улицѣ сборища студентовъ. Имѣя основаніе опасаться нарушенія общественнаго спокойствія, принужденъ я, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, покорнѣйше просить ваше в—діе: 1) предложить командиру здѣсь квартирующаго 25-го егерскаго полка, начавъ съ полудня настоящаго числа, днемъ и ночью, наряжать усиленные патрули по всѣмъ частямъ горда, снабдивъ надлежащею для подобныхъ случаевъ инструкціею, 2) принять мѣры для охраненія домовъ, въ которыхъ жительства члены университетскаго суда, оберегая ихъ соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ патрулей“.

Причиной тревоги ректора было открытіе существованія тайнаго общества и составленнаго студентами устава (*Comment*). „Совѣтъ университета, писалъ ректоръ, этотъ уставъ кассировалъ и взялъ подписку со студентовъ въ томъ, что они не будутъ руководствоваться ни

этимъ, ни какимъ либо другимъ уставомъ и донесуть о всякой попыткѣ составить новый уставъ“.

Буйство студентовъ въ „бюргерскомъ клубѣ“ 5 апрѣля 1817 года имѣло слѣдствіемъ Высочайшее повелѣніе лишить дерптскихъ студентовъ права носить шпаги. У нихъ было отобрано какъ это, такъ и всякое другое орудіе¹⁾. Вслѣдъ за симъ, для сохраненія порядка и спокойствія жителей, были введены въ городъ баталіонъ Морскаго полка и команда гвардейскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе ходатайства ректора Эверса, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія кн. Голицына попечителю графу Ливену 17-го мая 1819 г., разрѣшено было ношеніе шпаги, но подъ условіемъ, чтобы она была не военнаго, а гражданскаго образца и вообще форменная одежда студентовъ не имѣла бы военнаго покроя²⁾.

Послѣдствіемъ убійства Августа Коцебу іенскимъ студентомъ Сандомъ было запрещено обучаться уроженцамъ Прибалтійскихъ губерній въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ. Такихъ студентовъ было въ то время 84. Государь Александръ I намѣренъ былъ распространить эту мѣру на всѣ германскіе университеты, но ограни-

¹⁾ Дерптскіе студенты очень мало дорожили честью носить шпаги, да и рѣдко у кого изъ нихъ онѣ имѣлись. За то у рѣдкаго изъ корпорантовъ не висѣлъ на стѣнѣ излюбленный эспадронъ, — оружіе, съ которыми они всегда являлись на комерсахъ и на улицѣ, при крикѣ товарища: „выходите на помощь (Burschen heraus!)“.

²⁾ Форменная одежда дерптскихъ студентовъ того времени состояла изъ мундира сянго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ съ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ, занимавшемъ большую половину воротника. И на балахъ, и въ театрѣ мундиръ этотъ производилъ эффектъ. Когда императоръ Николай I проѣзжалъ черезъ Дерптъ, во время турецкой войны, то ему приготовлена была почетная стража изъ студентовъ; одѣтые въ эти свои мундиры, бѣлыя штаны въ натяжку, ботфорты, рослые и красивые студенты—стражники обратили вниманіе на себя самого Императора Николая I, и такъ какъ онъ ничего не заявилъ противъ этой обмундировки, то она и признавалась законной.

чился лишь университетами въ Гейдельбергѣ, Іенѣ и Гизенѣ, въ коихъ-де преподавалось вредное ученіе и не принималось никакихъ мѣръ противъ безпорядковъ.

Въ списокѣ запрещенныхъ университетовъ генералъ-губернаторъ Паулучи внесъ отъ себя Вюрцбургскій.

Инцидентъ Коцебу обратилъ вниманіе губернскаго начальства также на странный костюмъ, усвоенный дерптскими студентами, изъ подражанія германскимъ „буршеншафтерамъ“. Онъ состоялъ изъ стариннаго германскаго барета, шапочки, съ безобразно большимъ донышкомъ, сапогъ съ короткими до икръ голенищами, узенькихъ брюкъ и фрака темнозеленаго цвѣта. Студенты щеголяли въ длинныхъ до плечъ волосахъ. Въ виду сего маркизь Паулучи предписалъ 22 октября 1819 г. не допускать ношенія подобныхъ наружныхъ отличій, „заимствованныхъ отъ людей принадлежащихъ къ союзу, члены котораго за противозаконныя цѣли въ Германіи преслѣдуются“. Нѣсколько ранѣе ректоръ Эверсъ, во исполненіе предписанія попечителя графа Ливена, объявилъ студентамъ, что тѣ изъ нихъ, которые сдѣлаютъ попытку вводить въ Дерптѣ нравы и обычаи иностранныхъ университетовъ и будутъ по образцу оныхъ учреждать корпораціи, немедленно будутъ полиціею удалены изъ города. Если они будутъ „заклейменены какъ нарушители отечественныхъ законовъ“, усовѣщевалъ ихъ благодушный ректоръ, то вся ихъ будущая карьера будетъ испорчена.

Убійство Коцебу отозвалось также на судьбѣ одного изъ профессоровъ юридическаго факультета Дерптскаго ун-та. Правительство, извѣстившись, что проф. Снелль былъ германской полиціею преслѣдуемъ въ качествѣ агента „Черныхъ братьевъ“ или „Безусловныхъ“, попросило его, снабдивъ деньгами на дорогу, оставить русскіе предѣлы.

Маркизь Паулучи, находя, что его авторитетъ, какъ главнаго начальника края, весьма страдаетъ отъ неподчиненія ему Дерптскаго университета, не могъ терпѣть попечителя графа Палена, постоянно отстаивавшаго какъ неподсудность университета, такъ и личность ректора Эверса, — „ректора, которому, по его словамъ, подобнаго не найдется на всемъ свѣтѣ“.

Хорошей иллюстраціей натянутыхъ отношеній между ген.-губернаторомъ и попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа можетъ служить слѣдующій случай. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1820 г. у бургомистра Акермана были выбиты окна. Полиціймейстеръ донесъ ген.-губернатору, что это было дѣло студентовъ. На предложеніе маркиза ректору Эверсу сдѣлать студентамъ выговоръ за этотъ поступокъ, „единственный изъ ректоровъ“ возразилъ, что подобная мѣра лишь можетъ чувствительно затронуть честь студентовъ“. Ген.-губернаторъ, жалуясь министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну на эту безнаказанность, писалъ между прочимъ: „Если бы наставники студентовъ чаще обращали вниманіе на его совѣты и предостерегали студентовъ, то публика имѣла бы менѣе поводовъ жаловаться на нихъ. Но г.г. профессора рѣшительно не заботятся о томъ, какой духъ царствуетъ между студентами, вовсе не надзираютъ за ихъ поведеніемъ. Г.г. университетскіе ученые, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко страдаютъ отсутствіемъ здравогомыслія; эти быстро возвысившіеся до значительныхъ чиновъ шульмейстеры обыкновенно склонны придавать себѣ важность и неподобающій имъ авторитетъ“.

Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовало со стороны министра оправданіе ректора, что, конечно, не могло не оскорбить ген.-губернатора. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (25 декабря 1820 г.), онъ подалъ Александру Павловичу записку слѣдующаго содержанія: „При всѣхъ по-

пыткахъ измѣнить образъ правленія въ Германіи были всегда замѣшаны университеты. Неправильный на нихъ взглядъ былъ причиною, что всѣ принимаемыя противъ университетовъ мѣры не достигли цѣли, оттого-ли, что полагали „что попытки обывателей чердаковъ (т. е. студентовъ) не найдутъ дальнѣйшаго распространенія, или воображали, что ихъ возможно парализовать различнаго рода стѣсненіями“... Но то и другое сопровождалось дурными послѣдствіями: съ одной стороны, политическихъ мечтателей какъ-бы поощряли, а съ другой—неумѣстная строгость возбуждала озлобленіе, порождающее вредныя идеи“. „Главную ошибку должно искать въ томъ, увѣрялъ ген.-губернаторъ, что мѣстное начальство, которому поручено наблюдать за добрымъ порядкомъ въ провинціи, не пользуется ни малѣйшею властью въ ея учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ степеней. Нельзя не назвать ошибочною мысль подчинить высшія учебныя заведенія особому руководству лицъ, независимыхъ отъ мѣстнаго начальства. До 1787 года позволено было смотрѣть на университеты какъ на общину соединившихся для мирныхъ цѣлей учителей и учениковъ, живущихъ вдали отъ свѣта и политическихъ событій. Но сколько отлично то время отъ нашего по отношенію къ учебнымъ руководствамъ, способу преподаванія и особенно къ духу и тенденціямъ какъ учащихъ, такъ и учащихся! Государство и правительство подвергаются критическому разбору съ кафедръ и въ частныхъ собраніяхъ профессоровъ и студентовъ. Въ настоящее время даже преданіе огню библіотекъ всего свѣта не въ состояніи бы отмѣнить этого зла. Возрастное поколѣніе уже успѣло воспитать подъ вліяніемъ лжеученія другое поколѣніе, мнящее себя способнымъ управлять судьбами всемірной исторіи, убѣжденное, что хитро организованныя тайныя обще-

ства окажутъ ему помощь при ниспроверженіи прежняго порядка... Нельзя не удивляться, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, надзоръ за ученымъ міромъ отнять изъ рукъ власти, обязанной блюсти общее спокойствіе и порядокъ, и переданъ отдѣльному вѣдомству, составляющему какъ-бы государство въ государствѣ. Начальство, назначенное руководить волей (!) и дѣятельностью подданныхъ, лишено права слѣдить, какъ за юношами, такъ и за тѣми, кому поручено ихъ образованіе, и, что еще болѣе странно, — вмѣсто того, чтобы приучать молодые умы къ уваженію начальства, къ главному долгу въ большомъ общественномъ союзѣ, ихъ совращаютъ къ непризнанію авторитета по мѣрѣ того, какъ вліяніе мѣстнаго начальства всесторонне парализуется вліяніемъ отдѣльнаго вѣдомства. Никто не будетъ утверждать, чтобы цѣли, стремиться къ которымъ составляетъ обязанность администраціи, могли быть достигаемы отдѣльнымъ университетскимъ начальствомъ. При такихъ условіяхъ не можетъ существовать единства во взглядахъ и принципахъ и отдѣльное вѣдомство лишено возможности имѣть вѣрное понятіе о духѣ, господствующемъ въ этомъ литературномъ государствѣ, уже потому, что всѣ его донесенія и показанія будутъ исходить изъ среды лицъ, интересы коихъ требуютъ, что бы фактъ разсматривался въ желаемомъ ими освѣщеніи; тѣмъ болѣе, что отдаленность и отчужденіе отъ тѣхъ, кому могла быть ближе известна настоящая суть вещей, даютъ возможность скрывать всѣ случаи отступленія отъ законнаго порядка“...

Эта горячая діатриба маркиза Паулучи, постоянно хлопотавшаго о централизаціи провинціальной власти, какъ и всѣ предъидущіе и послѣдующіе (въ 1823 и 1824 г.г.) намеки о необходимости передать начальство надъ учебнымъ округомъ въ руки генераль-губернатора,

не смотря на довѣріе, которымъ пользовался маркизь у Императора Александра I, не имѣли желанныхъ послѣдствій.

Въ томъ-же году возникло новое несогласіе между ректоромъ университета и ген.-губернаторомъ по поводу позволенія участвовать въ спектакляхъ, даннаго послѣднимъ студентамъ. Когда объ этомъ разногласіи было доведено до свѣдѣнія Государя, то немедленно вослѣдовало запрещеніе всякаго рода студенческихъ спектаклей, „такъ какъ театръ можетъ оказывать вредное вліяніе на прилежаніе и нравы студентовъ и отвлекать ихъ отъ занятій“. Подобное-же запрещеніе театральныхъ представленій было издаваемо въ 1804 и 1812 г.г.

Въ 1827 г. весною донесено было ген.-губернатору о возобновившихся безчинствахъ университетской молодежи. Для слѣдствія были маркизомъ Паулучи негласно откомандированы въ Дерптъ три чиновника. Изъ донесеній ихъ усматривается:

1) „Что въ городѣ Дерптѣ не существуетъ надлежащаго полицейскаго надзора. Настоящій полиціймейстеръ — человекъ благонамѣренный и добродушный, но, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не обладаетъ достаточными тѣлесными (ему 80 лѣтъ) и душевными силами, дабы сдерживать въ надлежащихъ границахъ только наружнаго и нравственнаго порядка 300 молодыхъ людей, полныхъ отваги и вкусившихъ студенческой вольности; тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи полиціи нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ къ тому. Такъ, наприм., обязанный оберегать общественное спокойствіе и безопасность, полиціймейстеръ лишенъ права принимать рѣшительныя мѣры противъ ихъ нарушителей, принадлежащихъ къ университетскому персоналу. Затѣмъ, въ его распоряженіи находится не болѣе 30 казаковъ, которыхъ онъ можетъ противопоставить 300 молодымъ людямъ, нерѣдко

крайне своевольнымъ. Наконецъ, казакамъ этимъ не только не дозволено арестовать буйствующихъ, но имъ приказано равнодушно переносить даже оскорбленія, наносимыя имъ студентами.

2) Второе зло заключается въ принципѣ ректора: по возможности скрывать, или заминать всѣ случаи безпорядковъ и законопротивныхъ дѣйствій студентовъ. Скрывая отъ высшаго начальства неприличное поведеніе и озорничество студенчества, ректоръ, конечно, удостоивается благоволенія онаго, однакожъ подобная тактика, утверждая студентовъ въ превратныхъ и сумасбродныхъ идеяхъ, должна вредно вліять на ихъ умы и поступки.

3) Причину многихъ бѣдъ и несчастій не только молодыхъ людей, студентовъ, но и цѣлыхъ семействъ нельзя не видѣть въ слабости существующихъ наказаній, которыя, не заключаая въ себѣ предостереженія, вовсе не достигаютъ цѣли относительно настоящаго поколѣнія студентовъ. Все наказаніе ограничивается карцеромъ или исключеніемъ изъ университета. Но быть заключенному въ карцеръ считается у студентовъ за честь; заключенный вырѣзываетъ свое имя на окнахъ и дверяхъ, — карцеръ называется студенческимъ альбомомъ, — и съ посѣщающими его товарищами проводитъ время въ карточной игрѣ, попойкахъ и пѣсняхъ. За болѣе важные проступки наказываютъ исключеніемъ, но тяжесть этого наказанія чувствуется не столько самими студентами, сколько ихъ родителями... Кромѣ того, это наказаніе не заключааетъ въ себѣ примѣра, который могъ бы служить предостереженіемъ, ибо въ юношескомъ возрастѣ всякія непріятности скоро забываются и товарищи смотрятъ на пострадавшаго какъ на жертву, принесенную въ честь и славу студенчества, такъ что по прошествіи какихъ нибудь 24 часовъ уже объ исключеніи перестаютъ говорить: забывается какъ исключенный, такъ и самая причина исключенія.

Прошрое полугодіе (1827 г.) было особенно богато сценами буйства и даже очевидными проступками. Изъ нихъ слѣдующіе сдѣлались предметомъ разговоровъ:

а). Трое пьяныхъ студентовъ вторгнулись вечеромъ въ квартиру ландрата фонъ Э. и, не смотря на всѣ представленія обывателей дома, въ шинеляхъ, не снимая шапокъ, съ дымящимися трубками проникли во внутреннія покои. Когда хозяинъ квартиры обратился къ нимъ съ вопросомъ: что имъ угодно, то ему грубымъ тономъ отвѣчали, что „желаютъ въ этомъ домѣ нанять квартиру“. Когда ландратъ фонъ Э., назвавъ себя, замѣтилъ имъ, что онъ занимаетъ весь домъ и никакихъ наемныхъ квартиръ въ этомъ домѣ не имѣется, тогда буяны стали съ угрожающими жестами кричать на него, пока, наконецъ, съ большимъ трудомъ не удалось ихъ выпроводить на улицу.

б). Когда послѣ одного учиненнаго студентами скандала нѣкоторые изъ нихъ были призваны въ полицейское управленіе, то они явились туда, по обыкновенію, не снимая верхней одежды и шапокъ, съ трубками во рту и такъ безобразно вели себя передъ зеркаломъ, что полиціймейстеръ, усмотрѣвшій въ этомъ поступкѣ уголовное преступленіе, официально потребовалъ произвести слѣдствіе. Но дѣло было улажено, благодаря благодушному посредничеству ректора, у котораго однакожь, какъ-бы въ знакъ благодарности за ходатайство, въ тотъ же день были выбиты окна. Снисходительный начальникъ, не говоря ни слова, распорядился вставить новыя стекла.

в). Нѣсколько студентовъ вторглись вечеромъ въ квартиру университетскаго шталмейстера ¹⁾ Д., въ то вре-

¹⁾ Такой титулъ присвоенъ былъ университетскому учителю верховой ѣзды.

мя, когда у него были гости, и, раскрывъ дверь въ гостиную, произвели шумъ и наполнили ее табачнымъ дымомъ.

г). Когда въ какомъ либо частномъ домѣ, на вечеръ, съѣзжаются гости, то обыкновенно до 30 студентовъ становятся у подъѣзда и встрѣчаютъ каждую входящую даму злыми и глупыми насмѣшками, что происходило еще очень недавно при съѣздѣ на балъ князя Барклая-де-Толли.

д). Студенты имѣютъ обыкновеніе, запасшись веревочными ручными стремянками, по вечерамъ, расхаживать по улицамъ и, замѣтивъ гдѣ либо освѣщенное окно, взбираются иногда даже до 2-го этажа, чтобы удовлетворить своему любопытству или напугать находящихся въ домѣ. Нельзя поручиться, заключаетъ слѣдователь, чтобы эти стремянки не могли послужить также для иныхъ цѣлей.

Другой изъ слѣдователей, откомандированныхъ въ Дерптъ рижскимъ ген.-губернаторомъ, рижскій кварталный надзиратель Шмидъ, въ своемъ донесеніи отъ 6 апрѣля 1827 г. такъ сообщаетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью и нравами дерптскихъ студентовъ. „На станціи Гульбенъ разговорился я съ двумя студентами, которые по справкѣ оказались исключенными изъ университета за безчинство, произведенное ими на балѣ въ г. Феллинѣ. Такъ какъ ихъ мѣстопробываніе находилось не болѣе какъ на 85 верстномъ разстояніи отъ Дерпта, то ихъ посѣщали постоянно товарищи“. При семъ слѣдователь замѣчаетъ, что „вообще удаленіе изъ университета и города университетскимъ начальствомъ не всегда достаточно строго контролируется. Такъ и по нынѣ жительствуетъ въ Дерптѣ студентъ Б., который университетскимъ судомъ за безпутный образъ жизни былъ присужденъ къ изгнанію изъ города“.

„Въ городѣ Валкѣ, продолжаетъ Шмидъ, наткнулись мы на шестерыхъ студентовъ, катающихся въ огромныхъ саняхъ, запряженныхъ шестерней. Каждый проѣзжающій долженъ былъ счесть этихъ господъ—днемъ за сумасшедшихъ, ночью за разбойниковъ. Въ безобразныхъ костюмахъ, съ лицомъ разрисованнымъ углемъ и т. д., они съ шумными пѣснями выходили на каждой станціи, у каждаго кабака. Никто не подумалъ-бы, что это люди образованные, отъ которыхъ преимущественно требуется соблюденіе приличій и нравственное поведеніе. Прибывъ въ Дерптъ вечеромъ, замѣтили мы во многихъ домахъ выбитыя стекла, а въ домѣ отсутствующаго помѣщика Вильбоа по всему фасаду разрушены оконные переплеты. Разспросивъ, узнали, что это было дѣло рукъ студенческихъ. Свѣжаго челоука, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ бытомъ студентовъ, поражаютъ ихъ полнѣйшая разнузданность и испорченность. Никакому лицу, какого бы званія, возраста и пола оно ни было, не оказываютъ они ни малѣйшаго знака уваженія, еще менѣе удостоиваютъ поклона, какъ они это засвидѣтельствовали относительно августѣйшей особы монарха, когда Его Величество, будучи великимъ княземъ, изволилъ проѣзжать черезъ Дерптъ: окруживъ большой толпой экипажъ, никто изъ студентовъ не подумалъ снять шапки.

Въ различныхъ крайне неприличныхъ и странныхъ костюмахъ, съ отпущенной бородой, въ ботфортахъ со шпорами, пестрыхъ шапочкахъ, длинныхъ плащахъ, растегнутыхъ сюртукахъ и мундирахъ, безъ жилета и галстуха (часто видна голая грудь), сомкнутыми рядами прогуливаются студенты на улицахъ и толкаютъ, ругаютъ и нерѣдко колотятъ тѣхъ, кто не уступитъ имъ дороги, не сойдетъ съ тротуара. Точно также студенты

постоянно толпятся на базарной площади, противъ гауптвахты, и заняты только тѣмъ, какъ-бы посмѣяться надъ прохожими, которые, для избѣжанія ссоры, бываютъ вынуждены обходить эту мѣстность.

„Такое многолюдное собраніе студентовъ на площади происходило именно 27 марта 1827 г., когда возвращались изъ своей церкви лица лютеранскаго вѣроисповѣданія. При этомъ произошелъ такой большой безпорядокъ, что караульный на гауптвахтѣ офицеръ счелъ необходимымъ вызвать къ ружью и послалъ унтеръ-офицера пригласить студентовъ разойтись. Но, какъ водится, подобная мѣра вызываетъ лишь насмѣшки между ними при отговоркѣ, что они-де кромѣ своего ректора никого знать не хотятъ. Должно полагать, что эта базарная площадь служитъ имъ всегдашней сценой для шумныхъ демонстрацій. Когда ректоръ Эверсъ въ прошлое лѣто издалъ распоряженіе, касающееся ночныхъ безпорядковъ, въ которомъ запрещалось студентамъ пребывать на улицѣ позже 11 часовъ, то они двѣ ночи сряду массами собирались на этой площади, а когда мѣстная полиція, съ помощью казаковъ, приглашала ихъ разойтись, то послѣднимъ было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Несмотря на это, никто изъ виновныхъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Со студентовъ не взыскиваютъ даже за оскорбленія, нанесенныя своимъ профессорамъ. Профессоръ русской словесности Червошиковъ ¹⁾ вошедши, однажды, въ аудиторію, увидѣлъ студента, прислонившагося къ кафедрѣ и стоявшаго къ нему спиной. Надѣясь, что молодой человекъ приметъ болѣе приличное положеніе хотя изъ уваженія къ своему наставнику, профессоръ началъ свою лекцію, но студентъ вовсе не

¹⁾ Братъ извѣстнаго академика.

располагалъ измѣнять своей неприличной позы. Когда же г. Перевощиковъ, указавъ ему его невѣжество, назвалъ его „грубіяномъ“, то студентъ, накрывшись шапкой, сопровождаемый своими товарищами, немедленно вышелъ изъ аудиторіи. На слѣдующій день на лекцію профессора Перевощикова явилось не болѣе 3—4 слушателей, а самъ онъ былъ вызванъ къ ректору, которому студентами была принесена на него жалоба. Для разсмотрѣнія этой жалобы была наряжена комиссія, которая, по выслушаніи объясненія, объявила такой приговоръ: студентъ, виновный въ несоблюденіи приличія, будетъ наказанъ, но не прежде какъ по испрошеніи профессоромъ у него извиненія за выраженіе „грубіянь“ (Grobian).¹⁾

Профессора статистики Блюма студенты забросали шапками въ лицо, но онъ, не подавшій къ тому ни малѣйшаго повода, долженъ былъ терпѣливо перенести такую обиду.

„Рубцы и пластыри на лицахъ студентовъ доказываютъ, что дуэли студентовъ не прекращаются. Онѣ затѣваются обыкновенно изъ за ссоръ, происходящихъ на попойкахъ и комерсахъ. Слово „дуракъ“ (dummer Junge), сказанное другому, влечетъ за собой вызовъ на эспадронахъ; выраженіе „собачья...“ (Hundsfott) — на пистолетахъ. Дуэли чрезвычайно облегчаются тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ студенческихъ квартирахъ можно найти рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружіе, употребляемое не только противъ това-

¹⁾ Этотъ инцидентъ имѣлъ то послѣдствіе для проф. Перевощикова, что имя его сдѣлалось для дерптскихъ студентовъ нарицательнымъ для обозначенія всякаго рода отрицательныхъ величинъ, напр., вмѣсто: „ни у кого изъ насъ нѣтъ денегъ,“ — говорили: „Перевощиковъ hat Geld,“ вмѣсто: „меня никто не любитъ,“ — „Перевощиковъ liebt mich“. О Перевощиковѣ см. ст. В. Шенрока — „Н. М. Языковъ“. „Вѣстн. Евр.“ 97 г. №№ 11 и 12.

рищей, но и другихъ лицъ, хотя бы они не подавали къ тому повода. Недѣль пять тому назадъ студенты изъ своей квартиры всадили пять пуль въ стѣну сосѣдняго дома, а 24 марта 1827 г. угрожали заколотъ шпагой явившагося къ нимъ еврея, и затѣмъ, цѣлясь въ него, выстрѣлили въ окно: пуля найдена была въ находящемся насупротивъ столбѣ.“

„Ни домохозяева, ни жильцы не осмѣливаются доносить о безобразіяхъ, совершаемыхъ студентами, такъ какъ опасаются ихъ мщенія и лишиться заработка. Бѣднѣйшій классъ въ Дерптѣ живетъ лишь студентами. Доносчикъ наказывается опалой (Verschiss) въ силу которой никто изъ студентовъ не осмѣлится поселиться у него въ домѣ или вообще вступить съ нимъ въ какія либо дѣловыя сношенія (заказывать, покупать что либо)“.

Подобное же описаніе студенческаго быта и нравовъ въ Дерптѣ было отправлено полковникомъ Шаминымъ къ шефу жандармовъ, ген.-адъют. графу Бенкендорфу. Ему приказано было (3 апрѣля) явиться въ Петербургъ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію назначена была комиссія для слѣдствія о совершенныхъ дерптскими студентами безчинствахъ.

Генераль-губернаторъ, на основаніи приведенныхъ донесеній, подалъ Государю пространную записку, гдѣ онъ жалуется какъ на дурные нравы университетскаго юношества, такъ и на то, что попечитель и профессора почитаютъ его отношенія къ университету „непріязненными“. Чтобы хотя нѣсколько пресѣчь зло, рекомендуетъ онъ слѣдующія мѣропріятія:

1) „Увеличеніе полицейскаго штата и не инымъ способомъ какъ на средства правительства, такъ какъ такая

мѣра необходима не столько для обывателей города, сколько для университета.

2) Повелѣть, чтобы университетскій судъ приговаривалъ виновныхъ къ болѣе цѣлесообразнымъ наказаніямъ.

4) Обязать профессоровъ, чтобы они старались, болѣе чѣмъ это было до настоящаго времени, вліять на нравственную сторону студентовъ.“

Въ заключеніе маркизь Паулучи снова касается вопроса о соединеніи въ одномъ лицѣ должностей ген.-губернатора и попечителя округа. Мысль его осуществилась хотя и не на продолжительное время, въ 1828 г., когда попечитель графъ Ливень былъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, а на его мѣсто былъ назначенъ баронъ Палень соединившій съ своей должностью, два года спустя, прибалтійское генераль-губернаторство.

Любопытенъ отзывъ о дерптскихъ студентахъ, представленный Николаю Павловичу въ 1833 г. министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ.

„Въ средѣ университетской молодежи замѣтны еще остатки врожденныхъ предразсудковъ въ связи со старинными обычаями германскихъ университетовъ—пристрастіе къ поединкамъ и шумнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ. Все это—продуктъ мѣстныхъ нравовъ и какъ бы унаслѣдовано отъ прежнихъ поколѣній, и конечно, можетъ подавать поводъ къ непріятнымъ и не похвальнымъ явленіямъ. Но, съ другой стороны, всѣ эти явленія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго. По внимательномъ обсужденіи, на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, убѣдился я, что характеръ студенческихъ проступковъ не только чуждъ политикѣ, но что дерптскіе студенты вообще незнакомы съ современнымъ ея направлениемъ и даже не заглядываютъ въ газеты. Кромѣ того, они вообще проникнуты чувствомъ глубокой

и живой привязанности къ престолу и особѣ Вашего Императорскаго Величества. Таковое мое убѣжденіе раздѣляется также лицами, которыя наиболѣе осуждаютъ непокойный образъ жизни студентовъ и нарушеніе послѣдними правилъ приличія. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что послѣдній упрекъ относится лишь къ небольшому числу студентовъ, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ отличаются примѣрнымъ поведеніемъ и прекрасною нравственностью... Страсть къ дуэлямъ, увѣрялъ министръ, очевидно ослабѣваетъ, потому что студенты дали честное слово не стрѣляться¹⁾, драться же на шпагахъ (эспадронахъ) принято у нихъ лишь до появленія первой крови, а потому эти дуэли нельзя считать опасными. Такимъ образомъ, уговоръ студентовъ между собой гораздо болѣе способствовалъ къ обузданію вредной страсти, чѣмъ самая строгія мѣры начальства“.

Не смотря на явное желаніе министра обѣлить дерптскихъ студентовъ,—желаніе, внушенное, по всей вѣроятности, господствовавшей въ то время системой, относительно прибалтійской окраины, умалчиванія—онъ въ концѣ своей аттестаціи все-таки настаиваетъ на усиленіи жандармской команды въ Дерптѣ, „какъ средствѣ, дающемъ возможность поддержать общественный порядокъ съ большимъ противъ прежняго успѣхомъ“²⁾.

¹⁾ Гр. Уваровъ не зналъ, а можетъ быть и не желалъ знать, какъ дерптскіе студенты относились къ своему честному слову: чтобы не нарушать его, они нѣкоторое время выступали изъ университета (*lassen sich streichen*) съ тѣмъ, чтобы по окончаніи дуэли, снова явиться въ его спискахъ. Нельзя также утверждать, чтобы дуэли на эспадронахъ не смотря на всѣ предосторожности, не имѣли гибельныхъ послѣдствій для здоровья, а нерѣдко и жизни дуэлянтовъ. Чумиковъ. „Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ.“

²⁾ „Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ“ А. Чумикова.

Чтобы составить болѣе полное представленіе о дерптскихъ буршахъ этого времени, обратимся къ Пушкину, который отлично описалъ типъ дерптскаго студента. Пушкинскій дерптскій студентъ, похищающій изъ склепа кости высокороднаго борона и соврашающій съ пути истиннаго городскаго кистера, — великолѣпный типъ традиціоннаго нѣмецкаго бурша. Внѣшность студента, его образъ жизни, его привычки, его претензіи на всеобъемлющую разносторонность знаній, его напускная задирчивость и важность, его желаніе казаться глубокимъ мыслителемъ и избранной, исключительной натурой, чуждой всякаго филистерства и непонятной для обыкновенныхъ смертныхъ, его поползновенія разыгрывать роль влюбленнаго мечтателя, обожающаго поэзію и природу, его спесивый видъ, когда онъ пѣнилъ пиво „въ дыму табачныхъ облаковъ“, его склонность къ трактирному геройству и къ безопаснымъ побѣдамъ надъ жидами, его разношерстный запасъ книгъ, долженствовавшій свидѣтельствовать объ эрудиціи и философскомъ направленіи ума ихъ владѣльца, его короткій плащъ, его витая трубка, его картузь, усы, дубина и рапира, напоминавшіе объ ежеминутной готовности всеобъемлющаго математика, хирурга, юриста, фізіолога, философа и поэта вступить въ бой съ любымъ изъ мирныхъ обитателей и биться на дуэли съ каждымъ дерзкимъ, — все это какъ нельзя лучше характеризуетъ нѣмецкаго присяжнаго студента. Буйный буршъ, разыгрывавшій роль челоуѣка, преданнаго наукѣ и поглащеннаго ея интересами, очевидно, не обременялъ себя усиленными и головоломными занятіями, иначе

Творенья Фихте и Платона

Да два восточныхъ лексикона

не валялись бы у него

...Грудой на полу

Подъ паутиною въ углу.

Тѣмъ не менѣе, своеобразный характеръ тщеславія и рисовки пушкинскаго бурша обличаетъ въ немъ юношу, жившаго въ университетскихъ кружкахъ и привыкшаго къ почтительному отношенію къ наукѣ и ея представителямъ. Онъ хотѣлъ одновременно казаться и Фаустомъ, и бреттеромъ, и Шиллеромъ, и богатыремъ пьянства, и томнымъ Вертеромъ, и уличнымъ скандалистомъ, и Карломъ Мооромъ, и Францемъ Мооромъ сразу. Онъ, по видимому, не обращалъ вниманія на свою внѣшность, а на самомъ дѣлѣ, только и думалъ, что о впечатлѣніи, производимомъ своей особой и о томъ, удачно ли онъ разыгрываетъ разъ принятую на себя роль. Для чего понадобился всклокоченному буршу скелетъ? Для того, чтобы сдѣлать внушительную обстановку своей конуры, возвысить себя въ глазахъ трактирныхъ лакеевъ и вселить въ нихъ мысль, что они чистятъ сапоги и подають умываться человѣку необыкновенному и чуть не черно-книжнику, для котораго нѣтъ ничего святого, и который привыкъ обращаться за панибрата съ мертвецами и съ выходцами съ того свѣта. Дерптскій студентъ презираетъ „предразсудки“ и не видитъ ничего дурного въ похищеніи костей изъ гробовъ. Очевидно, что онъ былъ зараженъ религіознымъ вольнодумствомъ и не прочь былъ пококетничать имъ. Языкъ пушкинскаго бурша, представляющій смѣшеніе вульгарнаго и фамильярнаго тона съ риторическою ходульностью, романтическими прикрасами и клятвами адскимъ божествомъ классическаго міра, довершаетъ наше представленіе о „присяжномъ студентѣ“. Что-же такое, въ сущности, представляетъ пушкинскій буршъ? Зауряднаго и типичнаго нѣмецкаго юношу, въ которомъ нѣтъ ничего загадочнаго, ничего „рокового“. Съ теченіемъ времени изъ него выработался, вѣроятно, степенный и положительный отецъ семейства и, какъ

выразился бы Теккерей, совершеннѣйшій сноббсъ. „При-
сяжный студентъ“ Пушкина гнушался филистеровъ, но
самъ, несомнѣнно, превратился въ концѣ концовъ въ
завзятаго филистера и въ зрѣлые годы, должно быть,
любиль прихвастнуть своими студенческими проказами
точно такъ, какъ сорокалѣтній корнетъ Дракинъ изъ
„Метели“, любиль хвастнуть своими гусарскими про-
казами. ¹⁾

Вѣроятно, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Россіи нигдѣ
не жилось студентамъ такъ привольно, какъ въ Юрьевѣ.
Полиціймейстеръ съ десяткомъ козаковъ на тощихъ
лошаденкахъ, которыхъ студенты, при нарушеніи обще-
ственного порядка, удерживали на мѣстѣ, цѣпляясь за
хвосты,—полиціймейстеръ этотъ держаль себя, какъ
подчиненный, передъ ректоромъ. Университетъ, профес-
сора и студенты господствовали въ Юрьевѣ. Студенты
по временамъ, пользуясь своимъ положеніемъ, терроризо-
вали общество и особенно общество бюргеровъ, извѣст-
ныхъ у студентовъ подъ именемъ „кнотовъ“.

Корпоративное устройство юрьевского студенчества
придавало ему особенное значеніе. И университетское
начальство, и городское общество сознавали это значе-
ніе, и въ своихъ отношеніяхъ къ студенчеству держали
себя весьма осторожно, соблюдали деликатность въ обра-
щеніи и не допускали ни малѣйшаго повода къ оскорбле-
нію чести и достоинства студенчества. Если случалось,
что подвыпившій „сынъ музъ“, заблудившись или не
будучи въ состояніи дойти до своей квартиры, искалъ ноч-
лега въ чужой, то не всякій осмѣливался отказать ему.

Даже трактирщики и купцы не позволяли себѣ боль-
шой требовательности въ уплатѣ долговъ, опасаясь сту-

¹⁾ „Р. В.“

денческой „руковки“ или анаэемы—Verschiess'a. Студенты руковали всѣхъ: гостиницы, извозчиковъ, домохозяевъ и т. д. Они устраивали такъ, что въ „рукованныхъ“ гостиницахъ никто не жилъ, не останавливался, рукованнаго извозчика никто не нанималъ, у рукованнаго домохозяина никто не становился на квартиру и т. д. Волей-неволей рукованные просили снять руковку. После долгихъ убѣдительныхъ просьбъ студенты снимали руковку, при чемъ это снятіе сопровождалось обильнымъ пьянствомъ. Студенты разгуливали по улицамъ, давая серенады или кошачьи концерты подъ окнами красотокъ; при этомъ бывали встрѣчи оскорбленныхъ соперниковъ, и тогда бурши обнажали свои шпаги, и ночные сторожа (Nachtwächter'ы) кричали въ окна бюргеровъ, чтобы они не тревожились, что это дерутся благородные студенты. Часто студенты устраивали кошачьи концерты предъ окнами своихъ нелюбимыхъ профессоровъ и другихъ лицъ, чѣмъ-либо неугодившихъ студенчеству.

Позднимъ вечеромъ или даже ночью толпа буршей становилась предъ квартирой того лица, которымъ она была почему-либо недовольна, и устраивала здѣсь демонстрацію: поднимался въ собственномъ смыслѣ кошачій концертъ,—толпа издавала самые дикіе звуки и кричала на всевозможные лады; конечно, спавшіе съ ужасомъ вскакивали съ своихъ постелей.

Извѣстный въ свое время писатель Оаддей Булгаринъ попалъ однажды въ большой просакъ. Булгаринъ владѣлъ возлѣ самага города мызою (дачею) Карловымъ¹⁾ и проживалъ тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ съ своею женою и знаменитою „тантою“. Однажды m-lle Булгарина не согласилась на балъ вальсировать со студентомъ, бывшемъ въ нетрез-

¹⁾ Эта мыза существуетъ и теперь; въ ней помѣщается юрьевское ѣздное полицейское управленіе.

вомъ видѣ и его товарищи, принявъ этотъ отказъ за оскорбленіе, нанесенное всей корпораціи, подстерегли экипажъ Булгарина, заставили дочь его выйти и провальсировать на грязной улицѣ возлѣ кареты. Булгаринъ напечаталъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ рѣзкую статью, направленную противъ дерптскихъ студентовъ. Студенты порѣшили устроить Булгарину въ Карловѣ кошачій концертъ. Болѣе 600 студентовъ съ горшками, тазами и разною посудой потянулись процессіею изъ города въ Карлово, выстроились предъ домомъ и, прежде чѣмъ начать концертъ, послали депутатовъ къ Булгарину съ объясненіемъ всего дѣла и требованіемъ, чтобы онъ, во избѣжаніе непріятностей кошачьяго концерта, вышелъ къ студентамъ и извинился въ своемъ поступкѣ. Булгаринъ не на шутку испугался, вышелъ къ студентамъ, но съ трубкою въ рукахъ, и началъ говорить, не снимая шапки, не поздоровавшись. „Mütze herunter! шапку долой!“ — слышалось изъ толпы.

Булгаринъ снялъ шапку, отложилъ трубку въ сторону и сталъ извиняться, увѣряя и клянясь, что онъ никакого намѣренія не имѣлъ унижить достоинство высокоуважаемаго имъ Дерптскаго университета и студенчества.

Тѣмъ дѣло и кончилось; студенты разошлись. Вообще дерптскіе студенты любили пошалить. Одинъ студентъ, впоследствии сдѣлавшійся генераломъ, дошелъ до того, что явился въ бюргерскій маскарадъ въ костюмѣ Адама, прикрытымъ чернымъ домино, и, ставъ передъ кружкомъ дамъ въ позу, прехладнокровно открылъ полы домино; дамы вскрикнули и разбѣжались; стоявшіе сзади мужчины, ничего не видя, кромѣ чернаго домино, не поняли, въ чемъ дѣло; наконецъ, узнали, и будущій генераль былъ изгнанъ „mit Pomp heraus“.

С. С. Уваровъ, поступивъ на мѣсто кн. Ливина министромъ народнаго просвѣщенія, отправился въ Дерптъ, прикинулся другомъ нѣмцевъ, что и университетъ, и старая библіотека, — все въ Дерптѣ напоминаетъ ему то незабвенное время, когда онъ штудировалъ классиковъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Вѣроятно, восхищенію его не было бы конца, и онъ съ нимъ такъ и уѣхалъ бы въ Петербургъ, если бы не приключился ночью того-же дня студенческій скандалъ, впрочемъ весьма невиннаго характера.

Министръ остановился въ квартирѣ, назначенной для попечителя (котораго еще тогда не было), на рынкѣ. Ночью не спалось министру, и на разсвѣтѣ, услышавъ шумъ на улицѣ, онъ вышелъ на балконъ. Въ это время проходили по рынку нѣсколько подвыпившихъ на коммершѣ студентовъ, и двое изъ нихъ, увидѣвши стоящаго на балконѣ господина въ ночной одеждѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, вынули ключи отъ дверей своихъ квартиръ, навели ихъ и стали смотрѣть на балконъ черезъ кольца ключей, замѣнивъ ими лорнетъ. Это сильно не понравилось министру, полагавшему, что его пріѣздъ и расточаемыя имъ похвалы должны были привлечь къ нему всѣ сердца *Dorpatenser*’овъ.

Астрономъ Струве ¹⁾, знаменитый не по однимъ своимъ наблюденіямъ и открытіямъ въ области астрономіи, но и своими необыкновенно чуткими житейскими способностями, хлопоталъ въ началѣ министерства Уварова объ обсерваторіи въ Пулковѣ. Надо было, во что бы то ни стало, расположить Уварова въ свою пользу. Струве воспользовался для этого пріѣздомъ министра въ Дерптъ.

¹⁾Отто Вас. Струве род. 25 апр. 1819 г.; воспитывался въ Дерптскомъ унив.; поступилъ на службу въ 1837 г. помощникомъ директора Дерптской обсерв.; съ 1839 г. состоялъ астрономомъ при Николаевской главной обсерваторіи.

По приглашенію Струве, Уваровъ утромъ посѣтилъ дерптскую обсерваторію и, конечно, обратилъ вниманіе на знаменитый въ то время рефракторъ дерптской обсерваторіи.

— Къ сожалѣнію, — говоритъ ему Струве, — все это время стоитъ погода плохая, и потому я не осмѣлился утруждать васъ посмотрѣть въ нашъ рефракторъ ночью; теперь-же взглянуть въ него можно развѣ только для того, чтобы составить себѣ понятіе о чрезвычайной чувствительности инструмента къ малѣйшему движенію.

Уваровъ остановился и смотритъ.

— Позвольте, однако-же, — говоритъ онъ: Я что-то вижу; мнѣ кажется, звѣзду.

— Не можетъ быть, *Nohe Excellenz!* — воскликнулъ Струве.

— Да, вотъ, посмотрите сами, — возражаетъ Уваровъ.

Струве, въ свою очередь, смотритъ, молчитъ, еще смотритъ, и, принявъ изумленный и восторженный видъ, громко восклицаетъ:

— Позвольте принести вамъ мое поздравленіе, *Nohe Excellenz*: вы сдѣлали открытіе. Необыкновенно, непостижимо, какъ это случилось, что вамъ суждено было увидѣть въ первый разъ одну изъ неизвѣстныхъ еще неподвижныхъ звѣздъ; отнынѣ она будетъ включена въ списокъ ново-открытыхъ неподвижныхъ звѣздъ.

И въ этотъ-же вечеръ, въ собраніи профессоровъ на ученомъ вечерѣ, куда былъ приглашенъ и министръ, Струве читалъ о новооткрытой министромъ неподвижной новой звѣздѣ. Министръ Уваровъ, конечно, былъ на седьмомъ небѣ, и не воображалъ, да и не хотѣлъ вообразить, что онъ вовсе не былъ случайнымъ открывателемъ, а звѣзда была уже прежде подмѣчена тонкимъ дипломатическимъ геніемъ Струве.

Понятно, что графъ Уваровъ, чрезвычайно дорожившій благосклоннымъ мнѣніемъ заграничныхъ ученыхъ о своихъ ученыхъ заслугахъ, не могъ являться порицателемъ учебнаго заведенія, въ которомъ первенствующую роль занимали иностранцы. Таковымъ ходатаемъ за Дерптскій университетъ представляется онъ намъ въ интересахъ мемуарахъ одного курляндца, вращавшагося въ началѣ 1840-хъ годовъ, въ петербургскихъ аристократическихъ сферахъ. „Министръ Уваровъ, читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ автора мемуаровъ, сказалъ пастору М. (Муральтъ?), по поводу извѣстной дерптской исторіи (поднесеніе кубка студентами проф. Ульману) и уполномочилъ слова его распространять далѣе: „я величайшій другъ нѣмцевъ и единственная опора Дерптскаго университета, закрытіе котораго не послѣдовало лишь благодаря моему ходатайству. Намѣревались уже назначить надъ студентами уголовное слѣдствіе, могшее повести къ ссылкѣ въ Сибирь сотни студентовъ; но съ помощью Бенкендорфа мнѣ удалось убѣдить въ невиновности или обольщеніи студентовъ, и что единственнымъ виновнымъ былъ не кто иной, какъ самъ Ульманъ. Дабы спасти студентовъ необходимо было выслать его¹⁾“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1833 г., сообщено было начальникомъ III отдѣленія графомъ Бенкендорфомъ попечителю барону Палену, что въ Дерптѣ существуетъ тайное общество буршеншафтъ (Burschenschaft), основанное въ 1827 г. по образцу однородныхъ съ нимъ обществъ въ Германіи и что къ этому обществу принадлежитъ до 150 студентовъ. Вслѣдствіе этого официальнаго извѣщенія попечитель поручилъ ректору

¹⁾ St.-Petersburger Briefe eines kurländischen Candidaten. Baltische Monatschrift. 1886. Heft 1.

Парроту „принять безотлагательно всѣ соотвѣтствующія мѣры, особенно же, заарестовавъ двухъ главныхъ заправителей общества, строжайше разыскать въ ихъ квартирахъ бумаги, касающіяся существованія общества. Ректоръ приказалъ подвергнуть аресту трехъ вожаковъ общества, но вскорѣ одумался и освободилъ ихъ, замѣтивъ въ студентахъ, какъ онъ увѣрялъ, раскаяніе, „полагая, что выпущенные на свободу вожаки будутъ стараться изгладить въ ихъ менѣе благоразумныхъ товарищахъ то непріятное впечатленіе, которое могло произойти отъ разглашенія случившагося“. Парротъ доносилъ попечителю: „Тщательное разсмотрѣніе писанныхъ правилъ общества убѣдило меня, что замышленное дѣло свидѣтельствуется лишь о полнѣйшемъ заблужденіи юношескаго тщеславія и въ немъ не замѣтно ни малѣйшей политической тенденціи. Надѣюсь, что предпочтя судебному слѣдствію, медленному и возбуждающему лишніе толки, способъ, ведущій безъ оглядки прямо къ цѣли, я дѣйствовалъ въ духѣ вашего превосходительства. Если мнѣ позволено выразить свое личное убѣжденіе, то мнѣ кажется, что всего приличнѣе было бы обсудить и порѣшить это дѣло подъ вашимъ предсѣдательствомъ, въ университетскомъ судѣ, буде вѣренъ слухъ о проѣздѣ в. п — ва черезъ Дерптъ; если вы только не предпочтете во время вашего здѣсь пребыванія, руководствуясь побужденіями, обсуждать которыя я не компетентенъ, покончить все поднятое дѣло строгимъ выговоромъ, обращеннымъ къ главнымъ виновникамъ. Ваше п — во можете быть увѣрены, что подобная кроткая мѣра скорѣе побудитъ членовъ общества какъ сознать свою огромную вину и тяжкое наказаніе, которое ихъ ожидало, такъ и постараться на будущее время пріобрѣсть довѣріе высшаго начальства“.

Отобранныя у буршеншафтеровъ бумаги, въ трехъ тетрадахъ (въ двухъ находился уставъ общества, а въ третьей—протоколы засѣданія конвента, начиная съ 1827 г.), были отосланы въ Ригу. Ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, баронъ Паленъ пришелъ къ убѣжденію, что затѣя буршеншафта была не что иное, какъ глупое подраженіе (обезъяничанье, Nachäffung) подобнымъ обществамъ въ германскихъ университетахъ и что общество не только не имѣло въ виду угрожать безопасности государства, но что истинная цѣль его заключается въ облагороженіи студенчества“ и т. д. Но вслѣдъ засимъ попечитель разсуждаетъ: „хотя тенденціи сего общества, по образцу подобныхъ въ Германіи, и не направлены къ низверженію существующихъ въ государствѣ порядковъ, тѣмъ не менѣе нельзя не считать незаконнымъ учрежденіе всякаго рода обществъ и братствъ безъ разрѣшенія начальства. Наконецъ, общество буршеншафтъ вредно отзывается на его членахъ, такъ какъ множествомъ возложенныхъ уставомъ на нихъ обязанностей и бесполезныхъ занятій отвлекаетъ юношество отъ истинной цѣли пребыванія въ университетѣ—научнаго образованія—и питаетъ въ немъ ложную мысль о своемъ высокомъ значеніи и достоинствѣ. Подобное вырожденіе академической жизни повело въ Германіи къ самымъ печальнымъ заблужденіямъ... Наконецъ, такъ какъ всякое подобнаго рода общество легко можетъ повести къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что начальству слѣдуетъ принять строгія мѣры и, прекративъ существованіе незаконнаго общества, подвергнуть наказанію, соотвѣтственно винѣ, его учредителей и главныхъ покровителей“.

Въ силу этихъ соображеній, баронъ Паленъ 27-го ноября 1833 г. пріѣхалъ въ Дерптъ и вслѣдъ засимъ

приступлено было къ производству слѣдствія въ университетскомъ судѣ. Представлялся особенно важнымъ вопросъ — находится ли дерптскій буршиншафтъ въ сношеніяхъ съ всеобщимъ германскимъ буршеншафтомъ. Обвиняемые рѣшительно отрицали всякое сношеніе съ заграницей. Университетскій судъ разсудилъ: хотя на основаніи § 17 правилъ для студентовъ („Принадлежность къ союзамъ орденскимъ (?) и землячествамъ, какъ ведущая къ поединкамъ, наказывается наистрожайше, даже исключеніемъ“) буршеншафтъ принадлежитъ къ недозволеннымъ обществамъ, но такъ какъ онъ на преслѣдовалъ противогосударственныхъ цѣлей¹⁾, то и не представляется никакихъ основаній предавать членовъ онаго уголовному суду, но слѣдуетъ ихъ подвергнуть лишь взысканію за нарушеніе упомянутыхъ правилъ. Принявъ во вниманіе эти обстоятельства, университетскій судъ постановилъ: „закрѣпить общество буршеншафтъ и помѣщеніе его собраній (Fechtboden) и со всѣхъ его членовъ взять клятвенное обѣщаніе не учреждать безъ дозволенія начальства, какое либо другое общество и не вступать въ члены онаго, исключить изъ университета одного студента, уже дважды передъ тѣмъ судившагося, а прочихъ членовъ общества наказывать лишеніемъ зимнихъ вакацій и продержать ихъ въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ черезъ сутки; знавшимъ же о существованіи фехтбодена (собственно фехтовальный залъ) и не донесшимъ начальству сдѣлать строгій выговоръ. Наконецъ, такъ называемыхъ старшинъ буршеншафта, впредь до утвержденія сего постановленія, продержатъ въ карцерѣ“.

¹⁾ Полный уставъ буршеншафта изданъ въ Дерптѣ въ 1877 г. Воспрещается строго заводить всякаго рода тайныя университетскія общества, какъ бы они не назывались. Основатели таковыхъ обществъ подвергаются изгнанію и преданію уголовному суду. „Высоч. утвержд. правила для учащихъ въ И. Дерптскомъ университетѣ“. „Пол. Собр. Зак.“ 1834 № 6839

Этотъ довольно снисходительный приговоръ не могъ быть одобренъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, которому самое слово „буршеншафтъ“ было противно ¹⁾. Притомъ же въ девизѣ общества, въ числѣ другихъ словъ, находилось также слово „свобода“. Вслѣдствіе сего приговоръ университетскаго суда былъ кассированъ и повелѣно было (12 февраля 1834 г.): „исключивъ изъ университета 17 членовъ дерптскаго буршеншафта, отдать ихъ подъ строгій полицейскій надзоръ, а трехъ изъ нихъ не принимать на государственную службу“.

Ходатайство ген.-губернатора, отъ января 1835 г. освободить отъ полицейскаго надзора бывшихъ членовъ общества буршеншафтъ было оставлено безъ послѣдствій, но возобновленное въ іюнѣ того же года принесло прощеніе и дозволеніе окончить курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго.

Исторія съ буршеншафтомъ возбудила большую панику среди прочихъ студенческихъ корпорацій (землячествъ, Landsmannschaften): опасаясь подвернуться участи буршеншафтеровъ, постановили онѣ о своемъ закрытіи. Но затѣмъ устроивъ съ дозволенія ректора, отдѣльныя кружки литературныя и для „пріятнаго время препровожденія“, студенты въ тихомолку снова соединились въ корпораціи. ²⁾

Все чаще и чаще происходившіе между студентами поединки вызвали противъ нихъ новыя мѣры строгости.

¹⁾ Профессору Ульману, отрѣшенному отъ должности, главнымъ обвиненіемъ послужило произнесенное въ его рѣчи къ студентамъ слово буршеншафтъ. Такъ какъ по нѣмецки всякаго студента принято звать буршемъ, то подъ словомъ буршеншафтъ можно также понимать бурсачество, общество буршей студентовъ.

²⁾ Дозволяется студентамъ, съ одобренія ректора, соединяться въ частныя отдѣльныя общества имѣющія цѣлю умственныя занятія и пріятное препровожденіе времени. § 65 Правиль для учащихъ въ И. Д. университетѣ.

Министръ Уваровъ, жалуюсь во всеподаннѣйшемъ отчетѣ (28-го іюня 1837 г.) на волокиту лифляндскаго уголовного суда, изъ-за которой благотворное дѣйствіе неотложнаго наказанія провинившихся теряетъ свою силу по отношенію къ прочимъ студентамъ, — предлагалъ всѣ дѣла о поединкахъ судить военнымъ судомъ въ Петербургѣ. Николай Павловичъ, одобривъ въ принципѣ это предложеніе, повелѣлъ: „судить студентовъ Дерптскаго университета за поединки военнымъ судомъ, при рижскомъ ордонансъ-гаузѣ“. Затѣмъ, 4-го октября 1838 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „университетскому суду производить слѣдствія по дѣламъ о поединкахъ на основаніи общихъ російскихъ, а не мѣстныхъ лифляндскихъ законовъ“¹⁾.

Въ царствованіе того-же государя и во время попечительства генерала-маіора Крафтштрема²⁾, случались не однократно студенческія исторіи изъ-за форменной одежды.

Во время попечительства Брадке существовавшія скрытнымъ образомъ студенческія корпораціи пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ и даже предположено было попечителемъ испросить ихъ офиціальное утвержденіе. Немного дней спустя по кончинѣ Николая Павловича, 11 марта 1855 г., дерптскій полиційместеръ Н. Львовъ счелъ своимъ долгомъ отнестись ген.-губернатору князю Суворову бумагой такого содержанія. „Въ

¹⁾ Правило о преданіи студентовъ Дерптскаго университета за поединки военному суду было Высочайше отмѣнено 9-го янв. 1865 г. и постановлено: „студентовъ Дерптск. универс., виновныхъ въ какомъ либо дѣйстви, относящемся до поединковъ, подвергать, по изслѣдованію дѣла установленнымъ порядкомъ, уголовному суду на основаніи общаго порядка уголовной подсудности (П. С. З. 42,258).

²⁾ Генералъ Крафтштремъ происходилъ изъ эстонскихъ крестьянъ и судя по множеству рассказываемыхъ о немъ смѣшныхъ анекдотовъ, не отличался своимъ образованіемъ и умомъ. „Р. Ст.“.

Дерптѣ 50 лѣтъ существуютъ студенческія общества подѣ названіемъ корпорацій. Ни высшее, ни мѣстное университетское начальство по сіе время не обратило на нихъ вниманія, вѣроятно по той причинѣ, что никто не предполагалъ, чтобы эти общества могли преслѣдовать политическія цѣли. Въ настоящее же время въ городѣ носитѣ слухъ, что попечитель фонъ-Брадке вознамѣрился официально признать ихъ существованіе, утвердить ихъ уставъ, словомъ, придать имъ законную форму“.

Въ однѣхъ современныхъ запискахъ разсказывается, что попечителю Брадке съ самаго вступленія его въ должность не нравилась такая игра въ прятки всѣмъ извѣстныхъ корпорацій и принятая ими на себя несогласная съ закономъ роль—служить не призваннымъ посредникомъ между начальствомъ и студенчествомъ. Но ознакомившись случайно съ однимъ корпораціоннымъ уставомъ (Comment), фонъ-Брадке убѣдился въ пользѣ существованія студенческой организаціи и только выразилъ желаніе, чтобы изъ уставовъ были удалены статьи о дуэляхъ и тому подобное. По его приглашенію былъ составленъ и ему предъявленъ такъ называемый официальный уставъ (казенный, Krons-Comment), содержащій основныя положенія студенческой корпораціи.

Въ то самое время, когда центральнымъ вѣдомствомъ недопускаема была самая мысль о корпораціонномъ устройствѣ студенчества въ другихъ русскихъ университетахъ, возникавшая неоднократно въ университетскихъ совѣтахъ, попечитель фонъ-Брадке сообщилъ ректору Дерптскаго университета 27 апрѣля 1855 года, что министръ народнаго просвѣщенія изволилъ утвердить студенческія корпораціи съ слѣдующими переменными въ ихъ уставахъ:

- 1) „Корпораціонные цвѣта дозволяется носить лишь

на студенческихъ празднествахъ. 2) Доводить до свѣдѣнія ректора, кто изъ студентовъ избранъ въ уполномоченные (Chargirter) и въ „судьи чести“. 3) На уполномоченныхъ лежитъ полная отвѣтственность за всякое противозаконное постановленіе конвента, если они противъ него не протестовали“¹⁾.

При постепенно увеличивавшемся числѣ студентовъ появлялись новыя и новыя корпораціи. Открытіе ихъ стоило однако большихъ трудовъ,—главнымъ образомъ потому, что этому всѣми силами старались помѣшать старыя корпораціи. Такъ, въ 1857 г. появилась „Dorpatensis Fraternitas Academica“, но всѣ другія корпораціи очень скоро (1861 г.) настояли на ея уничтоженіи, вслѣдствіе деморализующаго вліянія Академики на студенческой міръ.“ Столь же несчастною оказалась и „Арминія.“ Три другихъ молодыхъ корпораціи были болѣе счастливыми. Это: *Необалтика*, открывшаяся въ 1879 г., *Fraternitas Academica* (Академическое братство), не стоящая ни въ какой связи съ прежнею, закрытой Академикой, основ. въ 1880 г., и *Леттонія*—въ 1882 г.²⁾

Преемникъ фонъ-Брадке, графъ Кейзерлингъ въ маѣ 1862 г. въ своей привѣтственной рѣчи, обращенной къ студентамъ, сказалъ: „Дерптскіе студенты въ глазахъ высшихъ властей государства (der Höchsten des Reiches) занимаютъ почетное мѣсто. Этимъ (привилегированнымъ) положеніемъ обязаны вы не попечителю и не университетскому начальству, а себѣ самимъ, своему поведенію, основанному на правилахъ чести (ehrenwerthes). Вы

¹⁾ „Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ“ А. А. Чумикова. „Р. Ст.“ 1890 г. № 2 стр. 345—370.

²⁾ Д. Зеленинъ. Студ. стараго. Дерпта, „В. Всем. Ист.“ 1901 г. № 3, стр. 45.

можете надѣяться заслужить еще большія милости Его Императорскаго Величества и г. министра“.

Въ августѣ того-же 1862 г. вышло разрѣшеніе носить цвѣта ихъ корпорацій дерптскимъ студентамъ. Въ силу такъ называемаго „казеннаго комана“ дозволялось носить цвѣта лишь внѣ Дерпта и при студенческихъ празднествахъ, но такъ какъ гр. Кейзерлингъ находилъ въ этомъ распоряженіи нѣкоторое противорѣчіе (?), то и дозволилъ ходить въ цвѣтныхъ шапочкахъ также въ городѣ.

Въ царствованіе Императора Александра III положеніе корпорацій сильно измѣнилось. Уже въ управленіе округомъ попечителя Капустина обнаружилось, что прежняя солидарность этого управленія съ тенденціями и духомъ корпорацій миновала. Въ 1888 г. г. Капустинъ выразилъ ректору Дерптскаго университета, г. Шмидту, неудовольствіе на повторявшіеся случаи дуэли между студентами-корпорантами. Въ виду этого, по предложенію Шмидта, корпораціи собрались на шаржиртенъ-конвентъ и поставили на баллотировку вопросъ: „быть или не быть дуэлямъ?“ Конечно, шумъ поднялся страшный, пошли споры и раздоры, но кончили все-же тѣмъ, что рѣшили уничтожить дуэли на рапирахъ. Первая корпорація, которая рѣшилась поднять вопросъ о дуэляхъ, была курляндская (Curonia). Во время засѣданія шаржиртенъ-конвента произошли бурныя сцены, и нѣкоторые корпоранты-куронцы, вышли изъ состава этой корпораціи, какъ несогласные съ общимъ постановленіемъ шаржиртенъ-конвента.

Въ 1887 г., по инициативѣ эстляндскаго губернатора, вышло отъ начальства учебнаго округа распоряженіе, которымъ запрещалось студентамъ щеголять въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ *внѣ Дерпта*. Студенты подчинились этому распоряженію такимъ образомъ, что прикрыли шапочки клеенчатымъ чехломъ, изъ котораго нерѣдко

выглядывалъ цвѣтной кантикъ, но затѣмъ стали еще болѣе выставлять на показъ носимую ими черезъ плечо, сверхъ жилета, цвѣтную ленту въ видѣ перевязи. ¹⁾

Попечитель Лавровскій и ректоръ Будиловичъ не скрывали своихъ антипатій къ корпораціямъ и первый въ 1891 г. возбудилъ ходатайство о зактыті юрьевскихъ корпорацій, какъ несогласныхъ съ строемъ жизни и задачами русскихъ университетовъ. Но по разнымъ причинамъ это было отсрочено, и въ послѣдніе годы не было уже принимаемо никакихъ мѣръ для окончательнаго выясненія и рѣшенія этого вопроса. Вниманіе высшей учебной администраціи сосредоточилось въ это время на нелегальныхъ землячествахъ и союзныхъ совѣтахъ въ чисторусскихъ университетахъ. ²⁾ Отношеніе же къ таковымъ юрьевскихъ „землячествъ“ (Landsmannschaften) или корпорацій съ ихъ „союзнымъ совѣтомъ“ (Chargierten-Convent ³⁾) было оставлено въ сторонѣ. Не затронуть прямо вопросъ о корпораціяхъ и въ циркулярѣ министра нар. просвѣщ. отъ 21 іюля 1899 г. за № 17287, хотя косвенно общества эти, какъ не имѣющія характера кружковъ научно-литературныхъ, а относящіяся къ „инымъ студенческимъ организаціямъ, съ выборными представителями, депутатами или старостами“ — признаются въ этомъ циркулярѣ „не только излишними, но и вредными для спокойнаго теченія академической жизни“. ⁴⁾

Теперь въ Юрьевѣ существуютъ шесть корпорацій, которыя, главнымъ образомъ, основываются на принципѣ землячества. Молодые люди изъ Эстляндской, Лифлянд-

¹⁾ См. ст. А. Чумикова.

²⁾ „Студ. корпораціи при Юрьевскомъ унив.“ 1901 г., стр. 20—21.

³⁾ Названіе „шаржиртенъ-конвентъ“ корпоранты производятъ отъ французскаго слова „charger“, что значитъ уполномочивать, — намъ же кажется что вѣрнѣе производить его отъ слова „шаржъ“.

⁴⁾ „Студ. корп. при Юр. унив.“

ской и Курляндской губ., а также изъ Риги, поступаютъ въ соотвѣтствующія корпораціи: *Эстонія*, *Ливонія*, *Куронія*, *Фратернитасъ Риензисъ* (Рижское Братство). Корпорація *Необалтика* опирается на всеобщее землячество молодыхъ людей Прибалтійскаго края. *Леттонія* состоитъ исключительно изъ латышей и занимаетъ очень подчиненное положеніе въ средѣ прочихъ корпорацій.

Кромѣ этихъ корпорацій, при университетѣ есть еще польская корпорація, общество „Фелліензисъ“, отличающееся религіозною и національною нетерпимостью: принимаются въ члены только эсты, латыши и нѣмцы и притомъ только лютеране, два еврейскихъ общества и одно русское общество.

Въ Юрьевѣ поляки не пользовались особенными симпатіями нѣмецкихъ буршей, и съ ними нерѣдко происходили раздоры. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Въ 20-хъ годахъ у нихъ возникла своя корпорація *Рутенія*, имѣвшая, впрочемъ, очень непродолжительное существованіе. Основателями *Рутеніи* были Н. М. Языковъ и А. Н. Карамзинъ.¹⁾

Корпораціи *Рутеніи* была посвящена слѣд. студенческая пѣсня:

Цвѣта Рутеніи завѣтны,
Цвѣтъ бѣлый, черный съ золотомъ,
Не только виѣшностью замѣтны,
Но и значеніемъ своимъ.

Напоминаетъ намъ цвѣтъ бѣлый,
Невинность, сердца чистоту;
Да сохраняемъ вѣкъ мы цѣлый
Въ поступкахъ нашихъ правоту.

1) „Рус. Стар.“ 1881 г., № 2.

Цвѣтъ черный, знакъ есть твердой воли,
 Алмазь напоминаетъ онъ
 И слова, даннаго неволю
 Девиза нашего, законъ.

Даровъ всѣхъ умственныхъ богатство,
 Цвѣтъ представляетъ золотой,
 Не для вреда, не для коварства,
 Для правды, данной намъ одной.

И наша юность золотая,
 И бѣлый волосъ на челѣ
 Цвѣтами нашими блистая,
 Пусть въ черной скроются землѣ. ¹⁾

Затѣмъ въ Юрьевѣ существовало русское студенческое общество, моментъ возникновенія коего скрытъ отъ глазъ изслѣдователя туманомъ доисторическихъ временъ. Извѣстно лишь, что это общество, — или *Русская студенческая касса*, какъ оно названо въ одномъ мѣстѣ протокола засѣданія отъ 2 февраля 1882 г., — существовало до конца 1880 г.

4 ноября 1881 г. 20 русскихъ студентовъ Дерптскаго университета собрались для обсужденія цѣли и средствъ имѣвшаго быть основаннымъ „Общества русскихъ студентовъ въ Дерптѣ“. Намѣтивъ въ общихъ чертахъ фizioномію проектируемаго Общества, они выбрали изъ своей среды комиссію для разработки устава изъ пяти человекъ, въ которую вошли: Романовъ, Шиле, Демичъ, Гольденбергъ и Бѣльскій. На этомъ же собраніи было рѣшено „потребовать у бывшаго предсѣдателя бывшаго русскаго студенческаго Общества студента Вл. Эка, сохраняющійся у него уставъ“. На другой день, т. е. 5 ноября, состоялось засѣданіе комиссіи 5 человекъ, на

¹⁾ „Арфа подлѣ кружки“. Сборн. любим. студ. пѣсенъ. Рига.

которомъ были выработаны слѣдующія положенія (изъ нихъ въ послѣдствіи съ нѣкоторыми измѣненіями, и былъ составленъ статутъ Общества): § 1-й „цѣль Общества— оказывать нравственную и матеріальную поддержку членамъ и путемъ общенія ихъ между собою и взаимнаго другъ на друга воздѣйствія разъяснять и поддерживать въ средѣ учащейся молодежи направленія и начала, соотвѣтствующія достоинству и чести студенческаго званія“.

§ 2. „Вопросы и тенденціи политическаго свойства не могутъ имѣть мѣста.“

§ 3. „Дѣйствительнымъ членамъ Общества можетъ быть каждый студентъ, согласный съ основными положеніями Общества и выбранный большинствомъ $\frac{1}{3}$ голосовъ“.

§ 4. „Общество имѣетъ свой фондъ, образующійся изъ членскихъ взносов.“ Онъ расходуетея на наемъ квартиры, матеріальную поддержку нуждающихся членовъ Общества, на развлеченія и т. п. Въ 5 и 6 опредѣленъ персоналъ должностныхъ лицъ Общества (изъ предсѣдателя, казначея и секретаря) и указаны отношенія и обязанности къ университетскому начальству. Наконецъ, § 7 и послѣдній: „задаваясь цѣлію нравственно вліять другъ на друга, Общество имѣетъ право судить поступки отдѣльныхъ членовъ и исключать ихъ изъ Общества за поступки, несогласные съ достоинствомъ и честью студенческаго званія“.

14 ноября 1881 г. происходило первое официальное засѣданіе 19 членовъ—учредителей Общества. Первый семестръ 1882 г. ознаменованъ оживленною дѣятельностью: въ теченіе какихъ-нибудь $3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ было 19 засѣданій. И это не удивительно: Обществу предстояло нанять квартиру и обзавестись кое-какимъ имуществомъ. Затѣмъ оно обратилось съ просьбой о безвозмездной высылкѣ по многимъ редакціямъ газетъ и журналовъ; было положено основаніе бібліотекъ.

Съ самаго основанія Общества до послѣдняго времени членами Общества перебивало до 350 студентовъ. Многіе и по окончаніи курса не прерывали связи съ Обществомъ и состояли пожизненными членами. Для характеристики отношеній къ Обществу его членовъ приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ письма бывшаго члена: „Многоуважаемые товарищи! На-дняхъ извѣстиль меня предсѣдатель нашего Общества о томъ, что я избранъ вами въ пожизненные члены Общества. Я благодарю Общество за оказанную мнѣ честь и желаю многолѣтняго и блестящаго ему процвѣтанія. Желаю новымъ товарищамъ выработать себѣ вполнѣ научные взгляды на всѣ общественныя отношенія, желаю имъ дѣлать больше хорошаго, разумнаго, свѣтлаго, чѣмъ это намъ удалось“ и т. д. Два другихъ члена 17 ноября 1891 г. писали: „Дорогіе товарищи! Наше письмо нѣсколько запоздало, — но, какъ извѣстно, лучше поздно, чѣмъ никогда. Письмо это, конечно, поздравительное и привѣтственное. Мы отъ души желаемъ нашему Обществу существовать еще долгіе годы и не подвергнуться вліянію „независящихъ обстоятельствъ“. Пусть Общество по прежнему исполняетъ свою задачу — поддерживать „мірской“ духъ среди попавшихъ въ Дерптъ интеллигентовъ; пусть оно присоединитъ къ этой задачѣ новую, — касающуюся охраненія и развитія лучшихъ стремленій. Исполненіе этихъ задачъ обезпечитъ Обществу горячую любовь и привязанность его сочленовъ — прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Итакъ, многіе годы процвѣтанія и успѣшнаго развитія!

А теперь нѣсколько словъ относительно того, почему мы такъ запоздали съ нашимъ привѣтствіемъ.

Первая причина такова: официальной бумаги касательно нашихъ „*curricula vitae*“¹⁾ и образа жизни посы-

¹⁾ Общество просило всѣхъ своихъ бывшихъ членовъ прислать ихъ „*curricula vitae*“.

латъ мы не хотимъ: Богъ съ ними, съ этими бумагами! Единственное, что мы находимъ возможнымъ и нужнымъ послать, — это дружскій, теплый привѣтъ. А вы знаете, что такіе привѣты по заказу не пишутся, — необходимо желаніе, необходимо, чтобы „захотѣлось“ написать. „Захотѣлось“ намъ только теперь — вотъ мы только теперь и пишемъ.

Второе обстоятельство приблизительно слѣдующаго содержанія. Дни юбилея — это, какъ извѣстно, дни сплошной гульни, — особенно въ Дерптѣ. Гульня сопровождается многочисленной публикой. Нѣкоторые мечтатели строятъ, правда, фантазіи о „тѣсномъ кругѣ“, но мечты остаются, какъ и слѣдовало ожидать, мечтами. Ну, а намъ миль и дорогъ именно „тѣсный кругъ“. Не желая попадать въ обширную „кумпанію“, мы и предпочли послать письмо теперь, — когда мы попадемъ, навѣрное, въ „тѣсный“ кружокъ.

Еще разъ, — всего хорошаго, дорогие товарищи! Крѣпко жмемъ вамъ руки.

Любящіе и не забывающіе васъ
С.
В.“

Какъ нѣкоторые члены любили Общество — это видно изъ слѣдующаго случая. Уважаемый членъ Г. окончилъ курсъ медицинскаго факультета. Предъ самымъ его отъѣздомъ изъ Юрьева товарищи устроили ему прощальную скромную вечеринку. Въ самый разгаръ пира Г. незамѣтно вышелъ изъ комнаты и долго не возвращался. Товарищи стали искать его вездѣ и — никакъ не могли найти. Наконецъ, кто-то догадался поискать Г. въ Обществѣ. Отправились въ Общество и здѣсь, дѣйствительно, нашли Г.: онъ сидѣлъ за столомъ и плакалъ...

Общество цѣнило хорошихъ членовъ. Въ первыхъ

числахъ февраля 1885 г. умеръ внезапно членъ В. Н. Переляевъ; на похороны его было собрано по подпискѣ членами Общества 144 р.. 16 апр. 1889 г., во время окончательныхъ экзаменовъ, застрѣлился медикъ Вяч. Стратоновъ, оставивъ записку такого содержанія: „Товарищи и друзья! Простите. Потерялъ вѣру въ себя и въ другихъ. Жить больше не могу“. Это самоубійство страшно взволновало не только Общество, но и весь юрьевскій студенческій міръ, хорошо знавшій Стратонова, который пользовался большимъ вліяніемъ среди товарищей, какъ человекъ весьма умный, образованный, убѣжденный и съ замѣчательно сильною волею. На Общество Стратоновъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто отдыха отъ трудовъ и мѣсто, гдѣ можно знакомиться и дружиться съ товарищами. Въ 1893 г. Общество поставило на его могилѣ памятникъ.

Изъ другихъ членовъ Общества обращаютъ вниманіе слѣд.: Н. В. Водовозовъ, І. І. Змигродскій, Н. П. Василенко, Е. Д. Синицкій, В. Павловъ, Н. Ф. Омировъ, А. А. Яриловъ, Я. Л. Гинзбургъ, М. П. Косачъ, К. А. Поповъ, И. В. Лихачевъ и др.

Въ одной изъ своихъ небольшихъ статейъ Вл. Г. Кароленко описывалъ, какъ „нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ провинціальномъ городѣ“ къ нему явился съ письмами отъ петербургскихъ знакомыхъ юноша. Это былъ худощавый молодой человекъ, столичнаго типа, съ продолговатымъ лицомъ и выразительными глазами. Вся фигура его была отмѣчена тѣмъ особеннымъ преобладаніемъ нервовъ надъ мускулатурой, которая такъ опасно отличаетъ юныхъ уроженцевъ столицъ. „Нѣсколько узкія плечи, нѣсколько впалая грудь не мѣшали, однако, какому-то особенно тонкому изяществу всей фигуры, — въ общемъ располагавшей въ пользу юнаго туриста, — говоритъ Вл. Г. Кароленко.

Это было время, когда въ молодежи преобладало туманное полумистическое, полуаскетическое настроеніе, лишь отчасти и очень неполно характеризуемое названіемъ „толстовства“. Основной тонъ его—разочарованіе, недовѣріе къ жизни, къ ея призывамъ, къ силѣ человѣческой мысли, къ наукѣ, къ непосредственнымъ и основнымъ побужденіямъ человѣческой природы. Время „Крейцеровой сонаты“ и ея „Послѣсловія“, время аскетическаго самосозерцанія и полумистическаго народничества, утратившаго опредѣленныя общественныя формулы, если не считать формулу о „святости физическаго труда“ самого по себѣ, да еще „неоплатнаго долга“, который почему-то подлежалъ оплатѣ именно въ формѣ труда физическаго вообще—земледѣльческаго же по преимуществу. Все это, вмѣстѣ взятое, служило причиной нѣкотораго особеннаго, довольно непріятнаго привкуса, который являлся невольно въ людяхъ моего поколѣнія (можетъ быть, для ограниченія нужно прибавить—и моего склада мыслей) при встрѣчахъ съ тогдашней молодежью. Такъ и казалось, что въ этихъ безпредметно задумчивыхъ глазахъ безъ блеска стоитъ какой-то неясный упрекъ, какъ будто и вы этого юношу тоже успѣли уже въ чемъ-то разочаровать, какъ будто и на васъ онъ уже имѣетъ какое-то основаніе жаловаться. Еще не вступивъ въ жизнь, онъ уже ее отрицаетъ, вплоть до любви, въ которой видитъ лишь грязь и опасности; онъ скептически улыбается при словахъ „знаніе“ и „наука“; онъ уже былъ въ одной земледѣльческой колоніи и унесъ оттуда желчное недовольство ея обитателями. А такъ какъ все дѣло лишь въ людяхъ, то онъ ѣдетъ въ другую колонію, гдѣ, говорятъ, люди все хорошіе и даже каждый вечеръ исповѣдуютъ другъ друга въ грѣхахъ истекшаго дня...

И было такъ скучно, такъ ужасно скучно слышать все это, и такъ сжималось сердце отъ этой туманной тучи, охватившей все-таки наиболѣе чуткіе слои молодой части русскаго общества. Кромѣ того, повторяю, — пишетъ В. Г. Короленко, — мнѣ лично чувствовалось при сношеніяхъ съ ними что-то въ родѣ невысказаннаго упрека, и даже какъ будто взаимной тяжбы. „Вы не дали намъ никакой ясной формулы, вы покинули насъ на какомъ-то бездорожьи“ — вотъ въ чемъ, казалось, хочеть упрекнуть этотъ незнакомый юноша человѣка предшествоющаго поколѣнія. — Вы уносите наши надежды на васъ въ какую-то мглистую тундру, закутанную туманами самосозерцанія и апатіи, — хотѣлось отвѣтить ему съ своей стороны.

Молодой человѣкъ, посѣтившій меня въ этотъ разъ, уже черезъ нѣсколько минутъ разсѣялъ мои опасенія. Звали его Н. В. Водовозовымъ; происходя изъ даровитой литературной семьи, онъ вращался въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы и очень живо разсказывалъ о себѣ, своихъ товарищахъ, своихъ занятіяхъ и планахъ. Говорилъ онъ ясно и точно, планы были понятны и трезвы, хотя вся ихъ ближайшая удобоисполнимость и практичность нимало не закрывали тѣхъ далей, которыя такъ естественно и такой заманчивой перспективой раскрываются передъ молодымъ воображеніемъ. Съ воспоминаніемъ объ этомъ посѣщеніи связано у меня теперь впечатлѣніе о Н. Водовозовѣ, какъ объ одной изъ первыхъ ласточекъ нѣкотораго поворота въ настроеніи нашей молодежи.¹⁾

Н. В. Водовозовъ являлся неизмѣримо оригинальною, привлекательною личностью вполнѣ установившагося, съ

1) „Русск. Богат.“ 1896 г., июль.

рѣзко-выраженной индивидуальностью, человека, притомъ обладавшаго въ высокой степени даромъ убѣжденія и пользовавшагося большимъ вліяніемъ на окружавшихъ его людей.

Вліяніе это объясняется не однимъ только ораторскимъ дарованіемъ, которымъ Н. В. обладалъ на рѣдкость у насъ, русскихъ людей, но его глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, огромною начитанностью и научной эрудиціей, изумительной, если можно такъ выразиться, „духовностью“ всего его существа.

Прежде всего, это былъ человекъ труда, аккуратнаго, систематическаго труда, который многимъ, можетъ быть, казался кропотливымъ, ненужнымъ для человека съ талантомъ. Не такъ относился къ этому Н. В. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ тяготился днемъ, проведеннымъ безъ серьезной работы, постоянно читалъ, читалъ какъ говорится, запоемъ; чтеніе его было, въ то-же время, и весьма продуктивнымъ: въ теченіе 4-хъ лѣтъ (въ періодъ съ 1891 по 1895 г.) имъ написано было въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ до сотни рецензій о прочтенныхъ книжкахъ. Рецензіи эти помѣщались въ „Русск. Стар.“, „Русской Мысли“, „Юрид. Вѣстн.“, „Журн. Юрид. Общ.“, „Русск. Бог.“ и др. журналахъ. Помимо этихъ литературныхъ занятій, Н. В. добросовѣстно готовился къ своимъ политико-экономическимъ трудамъ, требовавшимъ изученія обширнѣйшаго научнаго труда.

Н. В. В.-въ умеръ на 26-мъ году въ 1896 г. въ Вѣнѣ, въ гостиницѣ, — на обратномъ пути къ родинѣ изъ Санъ-Ремо, куда онъ поѣхалъ, по совѣту врачей, лечиться отъ чахотки.

Разумѣется, за 5 лѣтъ писательства (съ 1891 г. вплоть до его смерти) Н. В. не имѣлъ возможности написать много (притомъ значительная часть изъ написаннаго имъ

не попала по разнымъ причинамъ въ печать), но и то, что онъ далъ, имѣеть немаловажное значеніе въ нашей экономической литературѣ. Его статьи обладаютъ весьма важными достоинствами: удивительно изящнымъ языкомъ, ясностью мысли и аргументаціи, богатствомъ фактическихъ данныхъ, въ связи съ бодрымъ, прогрессивнымъ направлениемъ, а главное — оригинальностью и новизною.

Кромѣ своихъ литературныхъ трудовъ, Н. В. не разъ выступалъ съ научными рефератами по экономическимъ вопросамъ въ различныхъ ученыхъ обществахъ, и, вѣроятно, многіе помнятъ его блестящія, полныя *идейной* убѣдительности и ума, рѣчи, какъ помнятъ навѣрно, и всю его привлекательную нравственно-прекрасную, личность.¹⁾

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ членахъ Общества.

И. И. Змигродскій издалъ въ 1902 г. брошюру, разъясняющую, гдѣ проживалъ въ Юрьевѣ Жуковскій съ 1815 до 1818 и съ 1824 до 1841 годовъ.

Н. П. Василенко — магистръ русской исторіи и сотрудникъ различныхъ періодическихъ изданій.

Е. Д. Синицкій, окончившій курсъ въ Юрьевскомъ ун—тѣ кандидатомъ правъ въ 1891 г., въ 1894 г. въ Московскомъ ун—тѣ защитилъ диссертацию на магистра уголовного права; въ „Сборникѣ правовѣдѣнія“, т. IV, онъ напечаталъ докладъ „Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ“, читанный въ Кіевскомъ Юридич. Обществѣ.

В. А. Павловъ происходилъ изъ самарскихъ мѣщанъ. Кончивъ курсъ въ Самарской гимназіи, онъ поступилъ въ Казанскій ун—тъ, изъ котораго былъ исключенъ, съ правомъ, для продолженія своего образованія, поступить въ другіе университеты Россіи, и онъ поступилъ въ

1) О Водовозовѣ см. *Эскизы* П. Кречетова.

Юрьевскій ун—тъ. Въ 1892 г., при первыхъ извѣстіяхъ о необходимости врачебной помощи населенію въ борьбѣ съ холерою, В. А. вызвался ѣхать, не смотря на то, что прекрасно понималъ и опасность поѣздки, и то, что поѣздка эта помѣшаетъ ему готовиться къ сдачѣ послѣднихъ выпускныхъ экзаменовъ. В. А. поѣхалъ и заразился въ Самарской больницѣ, въ которой онъ работалъ. Во все время болѣзни при немъ находилась его мать, незадолго до смерти сына и она почувствовала припадки холеры и уѣхала къ себѣ, въ свою бѣдную квартиру. В. А. умеръ 21 іюля въ 1892 г. 27 лѣтъ отъ роду.

Среди товарищей онъ всегда принадлежалъ къ числу тѣхъ мало говорящихъ, но глубокочестныхъ и даровитыхъ студентовъ, которые даютъ прочную основу всему студенчеству: какъ только возникало какое-нибудь полезное хорошее дѣло, В. А. всегда принималъ въ немъ участіе. Рѣдкій товарищъ, скромный и добросовѣстный работникъ, всецѣло отдавшійся своему призванію, подававшій, по отзыву профессоровъ и хорошо знавшихъ его врачей, большія и серьезныя надежды въ будущемъ, добрый и всегда отзывчивый къ несчастію другихъ, — онъ одинъ изъ первыхъ юрьевскихъ студентовъ откликнулся на голосъ долга и съ горячей поспѣшностью и непреодолимой жаждой практической дѣятельности отправился на борьбу съ холерой въ Самару и палъ ея жертвой пріобрѣтя всеобщія любовь и уваженіе, несмотря на кратковременность своей плодотворной и поразительно самоотверженной дѣятельности. ¹⁾

Н. Ф. Омировъ былъ „вѣчнымъ студентомъ“: онъ началъ свою университетскую „карьеру“ въ Москвѣ; послѣ тяжелыхъ испытаній онъ, какъ многіе другіе, по-

¹⁾ Некрологъ В. А. Павлова былъ помѣщенъ въ „Нов. Дня“ за 92 г. отъ 28 іюля и въ „Врачѣ“, 92 г. № 33.

паль въ Дерптѣ и здѣсь бросилъ якорь. Омировъ былъ всесторонне начитанъ и образованъ; онъ любилъ природу и потому онъ былъ естественникомъ, но университетской наукой онъ занимался исключительно съ цѣлью пополнить свое образованіе, безъ всякой утилитарной мысли ¹⁾. Это былъ идеальнѣйшій человѣкъ. Умеръ онъ 26 мая 92 г.

Арс. Арс. Яриловъ—авторъ произведеній: „Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти“ и „Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ“, II и III выпуски.

Е. В. Дегенъ—авторъ ст. „Воспоминанія дерптскаго студента“ („М. Б.“ 902, № 3) и др.

За недостаткомъ мѣста, мы не можемъ привести здѣсь фамилій другихъ многихъ членовъ Общества.

Кромѣ студентовъ, многіе писатели и ученые состояли и состоятъ почетными членами Общества: писатели — В. Г. Короленко, Н. К. Михайловскій, М. М. Стасюлевичъ, М. Горькій, М. К. Цебрикова, Н. Н. Златовратскій, Г. И. Успенскій, М. И. Туганъ-Барановскій, П. Б. Струве, В. И. Семевскій, П. Н. Милуковъ; профессора — М. А. Дьяконовъ, И. И. Иванюковъ, Н. А. Карышевъ, Н. И. Карѣевъ, Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ, В. М. Нечаевъ, А. И. Чупровъ, В. В. Берви, О. И. Остроградскій, В. Э. Грабарь, Е. В. Пассекъ, А. Н. Миклашевскій и бывший инспекторъ Юрьевскаго ун-та М. А. Бутлеровъ.

При Юрьевскомъ ветеринарномъ институтѣ также имѣются студенческія корпораціи и общества, изъ которыхъ самой старѣйшей и прочно организованной считается нѣмецкая корпорація *Fraternitas*, за нею слѣдуетъ русское общество *Societas*, далѣе польское общество *Le-*

¹⁾ Воспоминаніе Дерптскаго студента. Е. Дегена. „М. Б.“ 902, № 3.

titia и, наконецъ, въ октябрѣ 1885 г., когда усилился приливъ русскихъ студентовъ въ ветеринарный институтъ, образовалось общество *Collegium*, носившее въ первые годы своего существованія, по составу своихъ членовъ, яркій національный характеръ: въ новое общество поступали прибывшіе изъ великорусскихъ губерній, позднѣе — малороссы, но всѣ большею частью чисто русскаго происхожденія. Годъ спустя при институтѣ образовалось еще новое студенческое общество, избравшее себѣ, по обычаю, латинское названіе *Concordia*.

Юрьевскіе студенческіе русскіе кружки по своему направленію симпатичнѣе нѣмецкихъ. При всѣхъ русскихъ кружкахъ находятся библіотеки изъ выбранныхъ авторовъ, желательныхъ для членовъ даннаго общества. Библіотека при *Обществѣ русскихъ студентовъ университета*, смѣло можно сказать, образцовая. Кромѣ того, выписывается цѣлая масса газетъ и журналовъ, какъ общаго характера, такъ и спеціальныхъ — медицинскихъ, юридическихъ, ветеринарныхъ, историческихъ. Полученіе всевозможныхъ провинціальныхъ газетъ даетъ возможность молодежи постоянно слѣдить за жизнью своихъ, подчасъ, медвѣжьихъ уголковъ и поддерживать, такимъ образомъ, духовную связь съ родными краями. Притомъ, большинство редакцій и журналовъ высылаютъ изданія или совсѣмъ бесплатно, или со значительной уступкой, или-же, наконецъ, беретъ деньги только за пересылку.

Въ извѣстные дни молодежь собирается въ помѣщеніи своихъ обществъ, гдѣ устраиваются, обыкновенно, регулярно чтенія. Читаются статьи по тѣмъ вопросамъ, которые, при данномъ составѣ, наиболѣе интересуютъ членовъ того или другого общества, равно какъ и рефераты, составляемые самими членами. Послѣднее, разумѣется,

приучаетъ учащихся къ самостоятельной работѣ. Кромѣ того, организациі не могутъ не оказывать извѣстнаго воспитательнаго вліянія на своихъ членовъ и тѣмъ, что подготавливаютъ ихъ къ практической жизни, къ само-дѣятельности, ибо заботы о существованіи обществъ лежатъ исключительно на самихъ молодыхъ людяхъ, составляющихъ организованныя группы. Вопросы о выпискѣ того или другого автора рѣшаются на собраніяхъ членовъ большинствомъ голосовъ. Суммы, расходуемая на содержаніе квартиръ, выписку газетъ и журналовъ и пр., составляются изъ членскихъ взносовъ, при чемъ здѣсь руководствуются принципомъ прогрессивнаго налога, освобождая отъ взносовъ несостоятельныхъ. Впрочемъ, суммы эти, вообще, невелики.

Немалое значеніе въ жизни общественниковъ имѣетъ „общественное“ мнѣніе. Членъ, совершившій предосудительный поступокъ, подвергается суду товарищей. Въ зависимости отъ сущности проступка или высказывается порицаніе, неодобреніе со стороны общества, или, въ видѣ болѣе строгаго наказанія, виновный подвергается исключенію изъ группы товарищей, или же, при особенныхъ обстоятельствахъ, его „рукуютъ“. ¹⁾

Изъ своей среды общественники выбираютъ „должностныхъ“ лицъ: предсѣдателя, секретаря, бібліотекаря, эконома и пр. Роль предсѣдателя—руководить собраніями членовъ и являться въ качествѣ представителя при вся-

¹⁾ Въ прежнее время „общественное“ мнѣніе предохраняло студентовъ отъ апатіи, тоски, одичанія и дурныхъ инстинктовъ. Правда, въ извѣстныхъ кругахъ можно было встрѣтить и пьянство, и развратъ, и чувство, похожее на *taedium vitae*, приводило не разъ молодыхъ и здоровыхъ людей къ печальному концу, но кто знаетъ, сколько самоубійствъ было бы, если-бы каждый былъ обреченъ на нравственное одиночество, и до какихъ размѣровъ дошла бы распушенность нравовъ, если-бы каждый не чувствовалъ за собою контроля общественнаго мнѣнія. „Восп. дерп. студ.“

кихъ сношеніяхъ съ начальствомъ. Секретарь составляетъ „протоколы“ засѣданій. Начальству представляются списки членовъ, каталоги книгъ, отчеты о расходахъ и приходахъ и т. д.

„Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ“ ...
„Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту,
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта,
Но день прошелъ,—и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта“.

Языковъ.

Нѣтъ жизни лучшей, чѣмъ жизнь студента:
Въ трактиръ бѣжать и деньги пропивать—
Высокое благородное призванье...

Нѣмецкая студенческая тѣня.

Внутренняя жизнь дерптскаго студенчества прежде отличалась обиліемъ всякаго рода церемоній.

Этими церемоніями сопровождался прежде всего самый пріемъ въ университетъ студентовъ. Въ день назначенный для пріема, вновь поступавшіе собирались въ большомъ актовомъ залѣ университетскаго зданія. Ректоръ произносилъ рѣчь, въ которой объяснялъ цѣль высшаго образованія и знакомилъ ихъ съ существовавшими въ университетѣ правилами. Поступавшіе давали слово строго подчиняться установленнымъ правиламъ и порядку, и затѣмъ ректоръ объявлялъ имъ, что они приняты въ число студентовъ. ¹⁾

1) О студенческой жизни въ Дерптѣ. Спб. 1891 г.

Чтобы стать настоящим дерптским буршемъ, для этого нужно было еще подписать „команъ“ и сдѣлаться членомъ какой либо корпораціи. Конечно, студенты могли и не поступать въ корпорацію и такіе студенты назывались *Wilder*'ами (дикими, свободными), — они не пользовались симпатіями студенчества. „Команъ“ подписывался каждымъ буршемъ въ „президирующей“ корпораціи, въ присутствіи конвента. Подписывая команъ, студентъ тѣмъ самымъ давалъ слово безусловно исполнять его и чрезъ то хранить безупречно честь студента и честь своей новой *almae matris*; вмѣстѣ съ этимъ онъ заявлялъ о своемъ желаніи быть дуэлянтомъ или антидуэлянтомъ. Въ первомъ случаѣ, при всякаго рода столкновеніяхъ и ссорахъ, онъ обязанъ былъ искать удовлетворенія при помощи шпаги или пистолета, во второмъ — въ „буршенгерихтѣ“ (студенческомъ судѣ чести).

Выборъ молодымъ буршемъ корпораціи почти всегда опредѣлялся самымъ его происхожденіемъ, такъ какъ почти всѣ корпораціи были основаны на принципѣ землячества. Исключеніе составляла лишь *Академика*, совсѣмъ не считавшаяся съ происхожденіемъ своихъ членовъ, и *Нребалтика*; въ число членовъ послѣдней принимались всѣ балты. Первоначально въ корпораціи принимались всѣ земляки, изъявившіе на то свое согласіе. Но потомъ такой порядокъ былъ измѣненъ. По истеченіи года или полугодія происходило вторичное избраніе „фуксовъ“¹⁾.

Въ теченіе же этого срока фуксы подвергались болѣе или менѣе строгой дисциплинѣ (*Fuchszucht*). Отличившіеся чѣмъ либо фуксы производились въ „фарбенъ“ (т. е. получали право носить знаки корпораціи — цвѣтныя

¹⁾ *Fuchs* — лисица. Такъ назывались молодые члены корпорацій, новички, потому что идеальный фуксъ долженъ быть хитеръ и ловокъ, именно какъ лисица.

шапочки и ленты, что было признакомъ поступленія въ настоящіе корпоранты, — коммитоны).

Фуксъ обязанъ былъ во всемъ подчиняться своему „ольдерману“ (старшинѣ, который и занимался спеціально руководствомъ и воспитаніемъ фуксовъ), также какъ и всѣмъ вообще „старшимъ“ своей корпораціи.¹⁾

Обыкновенно, тотчасъ же послѣ торжественной „имматрикуляціи“ всѣ фуксы, вслѣдъ за своими ольдерманами, направлялись въ т. н. „Кнейпе“ (у каждой корпораціи былъ свой ресторанъ или трактиръ). Фуксы во всемъ обязаны были подражать ольдерману: онъ перелѣзалъ черезъ экипажъ извозчика, входилъ въ разныя лавки и т. п., за нимъ вереница фуксовъ продѣлывала тоже самое. Университетская полиція, немедля, конечно, напоминала имъ о порядкѣ, но, обыкновенно, не очень строго относилась къ подобнымъ шалостямъ. Прибывъ въ „Кнейпе“, фуксы представлялись корпорантамъ, вскакивая на маленькій, по срединѣ комнаты стоящій, столъ и подвергаясь болѣе или менѣе забавнымъ вопросамъ. Потомъ они подсаживались къ отдѣльнымъ группамъ и начиналась веселая попойка, причемъ фуксы получали отъ ольдермана штопоръ и коробку спичекъ, какъ эмблемы своихъ новыхъ обязанностей: откупоривать бутылки для пива и подавать старшимъ огонь для трубокъ.

Ослушаніе фукса своему ольдерману, равно какъ и всякій проступокъ съ его стороны, противорѣчащій требованіямъ комана или чести корпораціи и всего студенчества, — вели за собою соотвѣтствующее наказаніе. Чаще всего провинившагося „садили за фершиссъ“, т. е. заставляли его выпить однимъ залпомъ бутылку пива. Но это было легкое наказаніе. Въ случаяхъ болѣе серьез-

1) Д. Зеленинъ. Студенчество стараго Дерпта.

ныхъ проступковъ приготовлялся особый напитокъ, известнѣйшій подѣ названіемъ „ванце“ (Wanze, клопъ). Это смѣсь вина, пива, водки, воды, куда часто бросали еще пробки и окурки папиросъ. Провинившійся долженъ былъ эту смѣсь выпить. Въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ такъ называемому „рукунгу“ (Ruchung), т. е. прекращали съ запятнавшимъ свое имя и честь студенчества всякое общеніе ¹⁾).

Во время перваго года своего пребыванія въ университетѣ молодой корпорантъ обыкновенно не занимался особенно усердно наукою, потому что старшіе товарищи требовали отъ него, чтобы онъ часто бывалъ въ „Кнейпе“, исполнялъ разныя порученія и какъ можно ближе познакомился съ большимъ числомъ своихъ новыхъ корпоративныхъ друзей. Такъ какъ каждый старшій студентъ считалъ своимъ долгомъ заниматься „воспитаніемъ фуксовъ“, то послѣдніе скоро знакомились съ товарищами и самымъ ловкимъ изъ нихъ удавалось уже въ первое полугодіе настолько сблизиться и познакомиться съ корпораціей, что ихъ принимали въ число корпорантовъ. Это было самое радостное событіе въ студенческой жизни: новичекъ получалъ право носить знаки корпораціи (трехцвѣтную шапочку и ленту) и принимать участіе въ совѣщаніяхъ.

Распредѣленіе времени студента въ первый годъ пребыванія его въ корпораціи было приблизительно слѣдующее. Вставъ довольно поздно, около одиннадцати часовъ, и напившись чаю, онъ отправлялся въ „Кнейпе“. Тамъ онъ встрѣчалъ товарищей, которые уже завтракали, пили пиво и распѣвали веселыя пѣсни. Послѣ завтрака молодые люди занимались чтеніемъ. Съ семи час. вечера имъ дозволялось посѣщать старшихъ товарищей, кото-

¹⁾ Ibid.

рые съ удовольствіемъ ихъ принимали, чтобы дать возможность скорѣе съ ними сблизиться. Фуксамъ вмѣнялось даже въ обязанность ходить по квартирамъ старшихъ корпорантовъ, прося позволенія ужинать у нихъ. Въ 9 час. всѣ отправлялись въ „Кнейпе“, гдѣ снова пѣлись веселыя пѣсни и шла попойка. Въ 11 час. туда являлись педеля съ приказаніемъ закрыть трактиръ, но студентамъ не хотѣлось такъ рано расходиться по домамъ. Большая часть изъ нихъ отправлялась въ квартиру совѣщаній, въ такъ назыв. „Конвентсквартиръ“. У каждой корпорации былъ свой „Конвентсквартиръ“, гдѣ корпоранты собирались для совѣщаній или „Конвентовъ“, праздновали Коммерсы и упражнялись въ фехтованіи.

Здѣсь же, послѣ одиннадцати час., студенты веселились, стараясь подражать словамъ извѣстной пѣсни:

„Freut euch des Lebens

„Solang' das Lämpchen glüht,

„Pflücket die Rose,

„Eh sie verblüht.“

Въ семейныхъ домахъ студентовъ принимали радушно и любезно. Одно имя „студентъ“, особенно „корпоративный“, служило большою рекомендаціей. Студенты составляли въ Дерптѣ привилегированный классъ людей „буршей“¹⁾, которымъ прощались многія шалости. Студенты служили какъ бы центромъ городскихъ обывателей, вокругъ котораго группировались всѣ мѣстные интересы.

Первый годъ молодые „бурши“ проводили въ весельѣ и вполнѣ наслаждались преимуществами молодости и

1) Въ XV ст. въ университетахъ развились учрежденія, извѣстныя подъ именемъ коллегій и бурсы. Бурсами назывались заведенія, члены которыхъ (Bursarii) состояли подъ строгимъ надзоромъ и числились членами университета. Отъ „Bursarius“ происходитъ „Буршь“.

свободы. Они пили, пѣли, катались на „фурманахъ“ (извозчикахъ), занимались фехтованіемъ, верховою ѣздою и т. п. До 2 дек. 1891 г. въ Юрьевскомъ университетѣ существовали особыя кафедры для учителей фехтованія, танцевъ, верховой ѣзды и плаванія, и эти учителя никогда не находили недостатка въ ученикахъ.

„Старшіе коммитоны“ вели уже не такую веселую жизнь, какъ фуксы. Имъ приходилось больше „штудировать науку“, а, главное, приходилось быть именно „старшими“, вести различныя, часто отвѣтственныя, обязанности общественнаго (корпорационнаго) характера. Все это заставляло ихъ быть гораздо болѣе солидными и серьезными по сравненію съ фуксами. Корпоративное устройство представляло собою довольно сложную машину, и управлять этою машиною, въ нерѣдкой, открытой или затаенной, враждѣ одной корпораціи къ другой, было не легко. Кромѣ того, съ одной стороны стояло начальство, отъ котораго часто приходилось скрываться или же играть предъ нимъ роль невинности, съ другой — была шумная и бурная толпа буршей; известно, что пропустивъ нѣсколько стакановъ пунша — любимый напитокъ на студенческихъ коммерсахъ былого времени — нѣмецъ становится всегда задорнѣе и заносчивѣе...¹⁾

Внутреннее устройство дерптскихъ корпорацій претерпѣвало различныя перемѣны. Но въ общемъ типъ такого устройства оставался, можно сказать, однимъ и тѣмъ же.

Устройство студенческаго общества въ Дерптѣ имѣло характеръ аристократической республики; республики — потому, что президенты только *primi inter pares* и пользовались не большими правами, чѣмъ тѣ, которыми они управляли; аристократической — такъ какъ мѣста управ-

¹⁾ Д. Зеленинъ. Студенчество стараго Дерпта.

ленія доступны только меньшей части студентовъ, т. наз. корпоративнымъ, т. е. шести или семи стамъ человекъ, между тѣмъ какъ въ Дерптѣ число студентовъ доходило до тысячи шести сотъ. Очевидная несправедливость этой іерархіи происходила отъ различія матеріальнаго положенія. Бѣднѣйшіе студенты не имѣли ни достаточно средствъ, ни времени, чтобы заниматься корпоративными дѣлами. Некорпоративные студенты, „дикіе“, не имѣли организованнаго представительства и жизнь имъ обходилась дешевле, чѣмъ корпорантамъ. Во главѣ каждой корпорации стоялъ конвентъ, члены котораго выбирались изъ среды старшихъ, „коммитоновъ“. Конвентъ завѣдывалъ всѣми дѣлами корпорации. Собирался онъ обыкновенно въ собственномъ, нерѣдко роскошно устроенномъ, помѣщеніи корпорации. Надъ кресломъ сеніора висѣло на стѣнѣ цвѣтное шелковое знамя корпорации, а надъ нимъ красовались двѣ, положенныя крестъ на крестъ, обнаженныя шпаги. Въ другихъ мѣстахъ виднѣлись флаги изъ корпорационныхъ цвѣтовъ; на стѣнахъ висѣли фотографіи и гравюры, изображающія различныя сцены изъ жизни корпорации и дерптскаго студенчества вообще. Въ другихъ комнатахъ конвентъ-квартиры помѣщалась бібліотека, корпорационная касса, иногда также и редъ небольшого музея древностей. Рояль или органъ, для аккомпанированія при пѣніи студенческихъ пѣсенъ, также были необходимою принадлежностью конвентъ-квартиры. Здѣсь происходили засѣданія; сюда собирались бурши и для упражненія въ фехтованіи, и для попоекъ, коммершей; здѣсь же иногда, за неимѣніемъ болѣе подходящаго мѣста, происходили и студенческія дуэли (Mensuren). Въ конвентъ-квартирахъ бурши присутствовали въ своихъ „Farben“, — въ корпорационныхъ знакахъ отличія. Здѣсь не снимались даже и шапочки (Farben--de-

chel). Шапочки дерптскихъ буршей отличаются замѣчательно низкою; тульей; верхъ ихъ всегда цвѣтной, причемъ у различныхъ корпорацій разные цвѣта. На коммерсахъ во время торжественнаго обряда „фатеръландесъ“, верхъ этой шапочки пронзался всякій разъ шпагой; чѣмъ больше было на шапочкѣ такихъ слѣдовъ, тѣмъ почетнѣе становился буршъ: эти отверстія служили нагляднымъ показателемъ того, сколько выпито буршемъ пива и пунша... Другое отличіе корпорантовъ — лента черезъ плечо, — также было изъ „отечественныхъ“ цвѣтовъ; концы ея соединялись серебряною пряжкой, на которой вырѣзывались различныя эмблемы, гербы, инициалы или девизъ корпораціи. Тѣ-же гербы и девизъ изображались и на шелковомъ корпорационномъ знамени. ¹⁾

Въ квартирѣ конвента происходили и засѣдаія „студенческаго суда чести“ (Burschengericht). Въ каждой корпораціи выбирались изъ наиболѣе старыхъ буршей три судьи, которые и составляли судъ. Судопроизводство было устное. Судъ происходилъ въ большомъ залѣ, куда разрѣшался входъ всѣмъ студентамъ. Наказаніе состояло или въ выговорѣ, или въ „рукунгѣ“, о которомъ мы говорили выше. Рѣшенія студенческаго суда одобрялись собраніемъ представителей корпорацій (Chargirten-Convent), которое образуется изъ трехъ делегатовъ каждой корпораціи, а именно изъ старшины (Senior) корпораціи и двухъ товарищей его (Chorgirte). Собраніе представителей имѣло для студенческаго суда значеніе кассационнаго присутствія, утверждавшаго или уничтожавшаго его рѣшенія. Кромѣ того, оно являлось высшей законодательной и исполнительной властью для всего, что касалось автономной студенческой жизни.

¹⁾ Д. Зеленинъ Студенчество стараго Дерпта.

Собрание представителей корпорацій, какъ и собранія отдѣльныхъ корпорацій, занимались исключительно студенческими дѣлами, т. е. сношеніями между студентами ¹⁾.

Особенно строго смотрѣли за исполненіемъ правилъ, касавшихся поединковъ и разбирательства ссоръ. Если двое поссорились и вызвали другъ друга на поединокъ, то они должны были по истеченіи сутокъ обратиться къ третейскому суду чести. Судъ состоялъ изъ трехъ членовъ, изъ которыхъ двое избирались противниками, а третій, предсѣдатель, двумя выбранными судьями. Передъ началомъ суда дѣлалась попытка помирить противниковъ. Если примиреніе не состоялось, предсѣдатель напоминалъ противникамъ, что они дали честное слово исполнять рѣшенія судей чести. Потомъ ихъ спрашивали, согласны ли съ ихъ убѣжденіемъ дать удовлетвореніе посредствомъ поединка. Дѣлалось это въ виду того, что въ Юрьевѣ одинаково признавали два взгляда на дуэль: одинъ за дуэль, другой противъ нея. Существовали дуэлисты и антидуэлисты; корпораціи, гдѣ преобладающій элементъ составляли противники дуэли, и корпораціи съ противоположнымъ направленіемъ. Каждому поступавшему въ университетъ предоставлялась полнѣйшая свобода выбора партій. Если одинъ изъ противниковъ или оба — антидуэлисты, то суду приходилось только рѣшить вопросъ, кто и въ какихъ выраженіяхъ долженъ былъ извиниться; если же они оба дуэлисты, то третейскій судъ предлагалъ оскорбленному на выборъ — потребовать или извиненія, или поединка. Вызвавшій на дуэль въ качествѣ истца долженъ былъ рассказать своимъ судьямъ, какимъ образомъ произошла ссора и на какомъ основаніи онъ сдѣлалъ выборъ. Затѣмъ давали показанія противникъ

¹⁾ О студенч. жизни въ Дерптѣ. Сиб. 1891 г.

и свидѣтели. Въ заключеніе третейскій судъ рѣшалъ, кто передъ кѣмъ долженъ извиниться или кто долженъ дать удовлетвореніе оружіемъ. При поединкѣ непременно присутствовалъ такъ наз. „безпристрастный“, который рѣшалъ всѣ недоразумѣнія между секундантами. Во время дуэлей принимались мѣры предосторожности, и дрались большею частію на эспадронахъ, рѣже—на настоящихъ шпагахъ. Касательно дуэлей на пистолетахъ среди дерптскихъ буршей долго и не разъ велись горячіе споры, но такого рода дуэли все-таки происходили рѣдко. „Команъ“ устанавливалъ извѣстную длину шпаги, разстояніе между противниками, продолжительность поединка и т. п. Что касается ширины шпаги, то она могла быть различная. Изъ семи номеровъ клинковъ выбирали подходящий по ширинѣ и вѣсу номеръ. Противники дрались, пока не наносили другъ другу семь ударовъ или же пока одному изъ нихъ уже нельзя было продолжать вслѣдствіе такой раны, какъ на примѣръ, поврежденіе мускула и т. п. Поединокъ кончался тѣмъ, что секундантъ обидѣвшаго произносилъ: „эксъ“, а секундантъ того, который вызвалъ на дуэль, отвѣчалъ: „мой товарищъ удовлетворенъ“. Каждая корпорація имѣла свой хирургическій приборъ, которымъ завѣдывалъ одинъ изъ старшихъ студентовъ медиковъ. Не мало дерптскихъ буршей пало жертвами дуэли,—чѣмъ, впрочемъ, гордились.

Самый торжественный актъ въ студенческой жизни—это „коммершъ.“ „Имъ,—писалъ одинъ студентъ,—выражается принципъ солидарности всѣхъ студентовъ, „коммитоновъ“, соратниковъ на полѣ науки, и идея студенческой добродѣтели“¹⁾). Коммерши устраивались часто: ими оканчивались и конвенты, и торжественные

1) „О студенч. жизни въ Дерптѣ“, стр. 25.

суды и счастливыя мензуры; ими начинался академическій годъ, — когда старые бурши вспрыскивали молодыхъ фуксовъ, — ими и оканчивался учебный годъ, когда старые бурши, покончивъ съ многолѣтнимъ „штудированіемъ университетской науки“, навсегда покидали старый *Дорпатъ* и когда въ честь cadaго изъ такихъ „новыхъ филистеровъ“ устраивался коммершъ, заканчивавшійся „фестцугомъ“.

Коммершъ открывали обыкновенно нѣсколько торжественныхъ рѣчей, произносимыхъ сеніорами. Въ этихъ рѣчахъ говорилось о товариществѣ, о чести и славѣ *almae matris* и данной корпораціи, о славныхъ минувшихъ годахъ и былыхъ „бравыхъ“ буршахъ и т. п. Выслушавъ рѣчи, бурши, въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ и шарфахъ, усаживались съ важностію вокругъ стола, приготавливаясь къ предстоящему священнодѣйствію. Начинались торжественные тосты; при этомъ пили изъ одного бокала, отпивая половину. Первый тостъ всегда былъ за *alma mater* и за ея процвѣтаніе. Общее „hoch“ прерывало краснорѣчіе сеніора, и зала коммерша оглашалась звуками міровой студенческой пѣсни „*Gaudeamus*“... Дальше шли тосты и тосты, за науку и профессоровъ, за корпораціи и студенчество, и т. д., безъ конца, при восклицаніяхъ: *prosit fiducit! initium! fidelitatis...* Шумъ прерывался торжественной церемоніей — „*Landesvater*“¹⁾.

Бурши пѣли такъ назыв. „Ландесфатеръ“. Эта пѣсня начинается словами: „Всѣ молчите и обратите вниманіе на то, что теперь происходитъ.“ Нѣсколько старыхъ буршей, т. н. ландесфатеры, выступали съ обнаженными шпагами въ рукахъ, на средину залы. Рядомъ съ ними становились еще два старыхъ коммелитоновъ, — одинъ

¹⁾ Д. Зеленинъ. Студенчество стараго Дерпта.

съ наполненнымъ виномъ, серебряннымъ бокаломъ въ рукахъ, — другой — съ обнаженною шпагою. Бурши торжественно, отбивая тактъ украшенными цвѣтами корпораціи шпагами, пѣли. Затѣмъ происходило самое пронзаніе цвѣтныхъ шапочекъ. Слѣдую извѣстному порядку, ландесфатеры обращались къ каждому студенту съ такими словами: „Возьми, товарищъ, сей кубокъ, полный добраго вина и, взявъ въ лѣвую руку шпагу, пронзи ею свою шляпу и выпей за процвѣтаніе нашей корпораціи“. Тотъ, къ кому обращены были эти слова, прикладывалъ два пальца правой руки къ клинку шпаги и отвѣчалъ: „Пронзаю шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть бравымъ буршемъ“.

Когда, наконецъ, всѣ трехцвѣтныя шапочки нанизаны были на клинкахъ шпагъ, ландесфатеры подходили къ тѣмъ, которые послѣдними пронзили свои шапки и одѣвали ихъ имъ на головы. Ландесфатеръ и его секундантъ скрещивали шпаги надъ головою студента и при этомъ пѣли на веселый мотивъ слѣдующія слова: „Возьми шапку назадъ, мы покрываемъ ею твою голову и держимъ надъ тобою шпаги; пока мы знакомы, мы считаемся братьями; негодяй тотъ, кто бранитъ тебя; да здравствуетъ нашъ братъ NN!“ Такимъ образомъ, мало по малу всѣ шапочки возвращаются ихъ владельцамъ¹⁾.

Далѣе опять начинались тосты и пѣсни, и такъ вплоть до бѣлаго утра, пока солнце не разгоняло буршей по домамъ.

На коммерсахъ нерѣдко можно было видѣть и профессоровъ, равно какъ и другихъ почетныхъ филистеровъ. Одинъ дерптскій буршъ вспоминаетъ, что ему пришлось

¹⁾ Нѣкоторыя подробности этого обряда въ разныхъ корпораціяхъ исполнялись нѣсколько различно.

быть на коммершѣ, гдѣ мѣсто предсѣдателя, съ эспадрономъ въ рукахъ, занималъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ, тогда еще дерптскій профессоръ ¹⁾).

Иногда на коммершѣ соединялись всѣ корпорации. Такимъ общимъ коммершемъ предновоалось всегда наступленіемъ весны, въ ночь на первое мая. Празднество происходило въ старомъ паркѣ на Домбергѣ, вблизи живописныхъ „Dom-guine“, и продолжалось всю ночь при свѣтѣ костровъ...

Немало курьезно любопытнаго и въ т. н. „фестцугъ“ (festzug). Это было торжественная праздничная процессія корпорантовъ. Чаще всего фестцугомъ чествовали новыхъ филистеровъ.

Вотъ болѣе подробное описаніе особенно торжественнаго фестцуга, имѣвшаго мѣсто 8 сентября 1883 года, на 75-лѣтнемъ юбилеѣ Куроніи. Исходнымъ пунктомъ процессіи была конвентъ-квартира; направлялась процессія, какъ и всегда, прежде всего къ зданію университета. „Шествіе открывалъ ольдерманъ корпорации, съ шелковымъ знаменемъ въ рукахъ; по бокамъ его шли два фестмаршала, такъ-же, какъ и самъ ольдерманъ, въ цвѣтныхъ шарфахъ и съ обнаженными шпагами. За ольдерманомъ шла толпа фуксовъ. Это былъ какъ бы авангардъ. Затѣмъ слѣдовало второе знамя, которое несъ одинъ изъ старшихъ корпорантовъ; по сторонамъ его шли также два почетныхъ коммитона въ цвѣтныхъ лентахъ и съ обнаженными шпагами. Въ центрѣ шествія было опять знамя, это былъ подарокъ курляндскихъ барышень и дамъ, его несъ сеніоръ корпорации; два шаржиртера (члены конвента уполномоченныхъ), со шпагами наголо, были его почетными спутниками. За ними слѣдовали филистеры, въ своихъ полинялыхъ шапочкахъ. Хвостъ ше-

1) См. „Русск. Стар.“ 1881 г. № II.

ствія составляли младшіе члены корпораціи; они также несли распущенное корпораціонное знамя. Медленно, торжественно двигалась процессія по улицамъ Дерпта, по направленію къ *alma mater*. Тамъ, въ зданіи университета, у открытыхъ оконъ, уже сидѣли профессора, — и на приблизившихся куронцевъ посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ. Раздалось могучее, ликующее „*Noch*“; въ воздухъ замелькали шапочки привѣтствующихъ корпорантовъ, и каждый изъ нихъ старался украсить свою грудь завоеваннымъ букетомъ цвѣтовъ.

„Весело было далѣе. На верхахъ фуражекъ красуются у всѣхъ прелестныя розы; серебряныя рукоятки шпагъ украшены букетами. Чу! на площади слышались какіе-то торжественныя звуки. Все громче и громче раздается привѣтствующая куронцевъ, звучная пѣсня:

„*Stosst an, Dorpat soll leben!*“

„Съ развѣвающимися знаменами ожидали насъ тамъ другія корпораціи, въ то время какъ всѣ улицы города, окна и балконы домовъ были полны горожанами. Сердца всѣхъ были переполнены радостію... И когда голова вновь прибывшей процессіи проникла сквозь стройные ряды куронцевъ, когда окончились привѣтствія и поклоны и салютующія знамена опустились и вновь поднялись, — тогда раздались со всѣхъ сторонъ, все громче и громче, эти могучіе звуки:

Stosst an, grün-blau-weiss lebe!

Stosst an, Frauen-leib'lebe!

Stosst an, freies Wort, kühne That lebe!

Hurrach hoch!

„Вотъ и все шествіе передъ зданіемъ *almae matris*. Грянуло могучее, безконечное „ура“. Пронеслось. Воцарилось молчаніе. Тогда, среди торжественной тишины, прозвучалъ голосъ сеніора:

„Vivat, crescat, floreat Alma Mater Dorpatensis in aeternum!“

„Vivat Academia, vivant professores!“ раздалось со всѣхъ сторонъ, изъ ряда въ рядъ, все громче и громче...

„Процессія направилась дальше. Когда она проходила по новымъ улицамъ, на нее сыпались съ балконовъ цвѣты и букеты: ихъ бросали прелестныя ручки дерптскихъ женщинъ.

„Prosit Curonia!“ внезапно среди прерваннаго ликования раздался гдѣ-то вверху оглушительный звукъ... Въ слуховомъ окнѣ высокаго карцера виднѣлась рука, привѣтствуя, машущая фуражкой на встрѣчу процессіи. Это привѣтствовалъ празднующихъ куронцевъ хорошо знакомый имъ карцеръ. Въ толпѣ слышались сначала одиночные голоса, ихъ подхватывали скоро другіе, и на встрѣчу веселому жилищу (zu seiner lustigen Wohnung) грянули веселые звуки:

Auch Du von Deinem Liebedach, Ade!

Schausst mir umsonst, o Carcer, nach

Für schlechte Herberg' Tag und Nacht

Sei Dir ein Pereaat! gebracht!

Дальше шествіе направилось къ дому филистера Ливена, гдѣ на балконѣ ожидали буршей курляндскія женщины. Всѣ онѣ также украсили себя корпораціонными цвѣтами. Какъ только процессія приблизилась, на нее посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, букетовъ и вѣнковъ. Началось ликование и одушевление, какого невозможно описать. Все громче и громче раздавались ликующіе напѣвы: „Stosst an, Frauenlieb' lebe!“ и „Vivant omnes virgines!“ между тѣмъ какъ старики и молодежь съ гордостью прикалывали себѣ на грудь душистые букеты“...

Дальше подобная же церемонія происходила предъ квартирою ректора университета, затѣмъ — попечителя,

причемъ въ обоихъ случаяхъ произносились съ обѣихъ сторонъ рѣчи и тосты, и кричали „hoch!“¹⁾

Въ 1897 г. корпорація *Ливонія* праздновала 75-лѣтнюю годовщину своего существованія. Начавшееся относительно скромно, хотя и торжественно, празднованіе юбилея приняло потомъ крупныя размѣры.

Изъ семейнаго, домашняго праздника студенческаго товарищества празднованіе превратилось въ общественное торжество цѣлаго края. Весь городъ принялъ праздничный видъ, и многіе дома разукрасились гирляндами изъ зелени, на которыхъ прикрѣплены были розетки изъ цвѣтовъ корпораціи. На улицахъ было весьма большое оживленіе. Изъ Риги прибыло нѣсколько экстренныхъ поѣздовъ съ филистерами корпораціи и ихъ семействами. Паровозы поѣздовъ были убраны цвѣтами. Поѣзда встрѣчали на вокзалѣ корпоранты, молодые „ливонцы“, съ музыкою и пѣніемъ.

Торжество открыла фрау ландратъ фонъ-Анрепъ, обратившись съ серьезной, глубоко прочувствованной рѣчью къ собравшимся и, передавая имъ собранную „женщинами Лифляндіи“ стипендію въ знакъ того, что и лифляндскія женщины хотятъ, съ своей стороны, содѣйствовать, чтобы изъ юношей образовались „дѣльные мужи“. Затѣмъ выступили три, украшенныя шарфами цвѣтовъ „Ливоніи“, молодыя дамы и поднесли корпораціи цѣнное шелковое знамя, причемъ одна изъ нихъ продекламировала звучное нѣмецкое стихотвореніе: „Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного“. Потомъ три другія молодыя дамы передали корпораціи отъ лифляндскихъ женщинъ и дѣвицъ

1) Описанный фестиугъ представляетъ собою лишь одинъ моментъ изъ того трехдневнаго торжества, которымъ *Куронія* праздновала свой 75-лѣтній юбилей (7, 8 и 9 сент. 1883 г.) и который подробно описанъ въ изданномъ конвентомъ этой корпораціи юбилейномъ изданіи (*Zug Fripnerung etc.* Mitau, 1884). См. Д. Зеленинъ. „Студенчество стараго Дерпта“.

стѣнной дорогой коверъ, причемъ дѣвица Гюргенсъ прочла чудное стихотвореніе Экгарта, полное огня и намековъ, которые такъ любятъ прибалтійскіе нѣмцы. Въ этихъ стихахъ лифляндскія дамы и дѣвицы восклицали:

Heil dem Bund

Alle Stund!

Wie sich auch die Schrecken thürmen,

Trotze Wettern er und Stürmen!

Торжество состояло изъ разнообразнѣйшихъ фестиваловъ, обѣдовъ, банкетовъ, театральныхъ представлений и всяческихъ ассамблей. Въ юрьевскомъ театральномъ залѣ „Бюргермуссе“ былъ данъ „фуксами“ спектакль, во время котораго на „галеркѣ“ сидѣли студенческія служанки; фуксы весело разыграли оперетку „Фонъ-Одисей“. Пять дней по городу катались корпоранты со своими значками и гости, бросая другъ другу цвѣты. На 75-лѣтнемъ юбилеѣ основанія корпорациі „Ливонія“ участвовали многіе изъ тѣхъ старыхъ корпорантовъ, которые присутствовали и на 25-лѣтнемъ юбилеѣ. На улицахъ, въ окнахъ и надъ дверями домовъ развѣвались лифляндскіе цвѣта и флаги. Цвѣтныя корпорационныя шапочки открыто, появлялись всюду, Гербы и знаки корпорациі выставлялись въ окнахъ. По вечерамъ дома горожанъ иллюминировались красно-зелено-бѣлыми фонариками. По случаю-же юбилея „Ливоніи“ поступили въ продажу художественно исполненныя почтовые карточки, съ обозначеніемъ на нихъ „1822—1897 гг.“, украшенныя кромѣ того эмблемами корпорациі, видами Юрьевского университета и зданій юбилейныхъ празднествъ.

Нравы корпорацій, соотвѣтственно духу времени мало-по-малу смягчаются, хотя до сихъ поръ сохраняютъ въ себѣ неприкосновенными много давно отжившихъ свой вѣкъ чуть не средневѣковыхъ особенностей. Еще въ недавнее время юрьевскіе корпоранты проявляли элементъ молодечества и ухарства, отъ котораго приходилось страдать мирнымъ обывателямъ. Въ 1890 г. 12 августа, вечеромъ, въ Маіоренгофѣ, по Іоменской улицѣ проходилъ съ женою подъ руку изъ сада Горна домой одинъ русскій обыватель; впереди, въ десяти шагахъ, шли его племянницы. Когда они дошли до угла Песочной улицы, ихъ раздѣлили выскочившіе откуда-то два нѣмецкіе студента и стали преслѣдовать. Въ это время навстрѣчу шли двѣ дамы съ приподнятыми немного платьями. Одинъ изъ студентовъ кинулся на дамъ, схватилъ одну изъ нихъ и закричалъ по нѣмецки: „отчего вы не приподняли платья выше?..“ и заключилъ замѣчаніемъ, неудобнымъ въ печати. Дама вырвалась изъ его объятій и пошла далѣе, не сказавъ ни слова. Послѣ этого пассажа, баши-бузукъ догналъ племянницу русскаго обывателя, вскочилъ одной ногой на тумбу и перескочилъ черезъ дѣвушку, причемъ шляпа ея осталась у него между ногами, а сама она упала въ грязь. Дядя пострадавшей, конечно, былъ ужасно возмущенъ этимъ безобразіемъ и сталъ громко звать городского. Послѣ громкихъ возгласовъ, тотъ явился. Прибѣжалъ и околоточный и съ помощью городского повелъ студентовъ въ участокъ.

Въ томъ же году въ Юрьевѣ буршъ въ одномъ обществѣ допился до того, что почти лишился разсудка; онъ налилъ въ бокалы Богъ знаетъ чего, а дамы во время кадрили, предполагая, что въ бокалахъ шампанское, начали пробовать содержимое въ нихъ. Таковую выходку не сдѣлалъ бы и самый отъявленный негодяй и

этому господину воспретили бывать въ собраніи даже въ качествѣ гостя.

Въ томъ же году въ Юрьевѣ балъ въ пользу русскихъ студентовъ ознаменовался крупнымъ скандаломъ. На балъ явились студенты-нѣмцы и просили позволенія принять участіе въ танцахъ. Имъ это разрѣшили. Вначалѣ они вели себя хорошо, но вскорѣ стали вслухъ дѣлать оскорбительныя замѣчанія по адресу присутствовавшихъ дамъ ¹⁾. Одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ подойти къ женѣ мирового судьи и сдѣлать ей оскорбительное предложеніе. Тогда распорядители приказали ихъ удалить. Разсерженные этимъ, нѣмцы скоро снова вернулись, вооруженные, и обозвали присутствовавшихъ дамъ самыми непристойными словами. На этотъ разъ русскіе студенты-ветеринары выгнали ихъ вонъ и ворвались даже въ помещеніе ихъ корпораціи.

Корпоранты въ количествѣ 40 человекъ, рѣшили намазать мыломъ рельсы желѣзной дороги, чтобы посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Это происходило недалеко отъ моста на р. Эмбахѣ. Корпоранты ночью явились на линію для исполненія задуманнаго предпріятія и быстро вымазали мыломъ рельсы на протяженіи почти $\frac{1}{2}$ версты. Между тѣмъ, около полуночи долженъ былъ слѣдовать скорый поѣздъ. Какъ только этотъ быстро несущійся поѣздъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ рельсы были намазаны мыломъ, тотчасъ же уничтожилось треніе колесъ о рельсы, и хотя колеса паровоза начали еще быстрой вращаться, тѣмъ не менѣе ходъ поѣзда тотчасъ же уменьшился, и, наконецъ, весь поѣздъ пошелъ назадъ, такъ какъ въ

¹⁾ Корпорантамъ, вѣроятно, показалось, что присутствующее общество не заслуживаетъ болѣе приличнаго отношенія, чѣмъ клубъ эстонскихъ кухарокъ и извозчиковъ „Вайнемюйне“, гдѣ нѣмецкіе студенты часто для потѣхи устраивали самые возмутительные скандалы.

этомъ мѣстѣ находится еще и небольшой подъемъ. Можно себѣ представить удивленіе и переполохъ пассажировъ, въ темную ночь, когда они замѣтили, что поѣздъ вдругъ остановился и пошелъ назадъ съ быстро возростающею скоростью. Поѣздное начальство не могло дать отчета, почему произошла такая оказія. Какъ только поѣздъ прошелъ намазанные мыломъ рельсы, тотчасъ же былъ остановленъ, и началось разслѣдованіе—въ чемъ дѣло. Шалуны, продѣлавшіе эту штуку, издали наблюдали, чѣмъ она кончится, и когда поѣздъ пошелъ назадъ, выдали себя шумными выраженіями одобренія удавшейся шалости. Разумѣется, ихъ замѣтили.

Одинъ студентъ, извѣстный дебоширъ и бреттеръ, отличался крайнею ненавистью къ евреямъ. Побить хлыстомъ еврея, безъ всякаго повода, доставляло ему истинное удовольствіе; когда мировой судья желалъ узнать мотивъ его поступка, онъ отвѣчалъ: „А зачѣмъ онъ мучилъ Іисуса Христа, моего Спасителя?“

5-го февраля 1897 г. въ находящуюся близъ г. Юрьева корчму „Квистенталь“ пріѣхали на городскомъ извозчикѣ четверо молодыхъ людей: студентъ Юрьевского университета Станиславъ Старжинскій, Александръ фонъ Зенгбушъ, Романъ фонъ Бокъ и баронъ Зассъ. Всѣ названные лица были навеселѣ, но никто изъ нихъ не былъ сильно пьянъ. Въ корчмѣ „Квистенталь“ возникъ, между прочимъ, разговоръ о стрѣльбѣ въ цѣль. Зенгбушъ представилъ себѣ на голову опрокинутый стаканъ и предложилъ Старжинскому стрѣлять въ стаканъ. Старжинскій взялъ револьверъ и, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ Зенгбуша, сталъ цѣлиться въ поставленный на голову стаканъ. Раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла мимо, не задѣвъ ни стакана, ни головы. Тогда Старжинскій выстрѣлилъ вторично: Зенгбушъ тотчасъ же послѣ вы-

стрѣла свалился со стула, обливаясь кровью. Раненаго Зенгбуша доставили въ г. Юрьевъ, гдѣ ему была оказана медицинская помощь. Несмотря на всѣ старанія врачей, Зенгбушъ черезъ 18 дней умеръ. Оказалось, что пуля раздробила черепныя кости и повредила мозговую оболочку и мозгъ, что вызвало воспаленіе мозга и смерть. Послѣ пораненія Зенгбушъ еще нѣкоторое время былъ при полномъ сознаніи и, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, подтвердилъ всѣ изложенныя обстоятельства дѣла. То же самое подтвердили бывшіе при означенномъ происшествіи свидѣтели, а также самъ виновникъ смерти Зенгбуша, Старжинскій.

На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, дворянинъ Станиславъ Старжинскій, 22 лѣтъ, былъ преданъ суду по 117 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., и 1466 ст. улож. о нак. Дѣло слушалось 2 октября во временномъ отдѣленіи рижскаго окружнаго суда въ г. Юрьевѣ. На судѣ подсудимый Старжинскій также призналъ себя виновнымъ и просилъ о смягченіи наказанія. Товарищъ прокурора Н. Ф. Лучинскій въ краткой, но обстоятельной рѣчи выставялъ на видъ всю тяжесть совершеннаго преступленія и просилъ о наказаніи подсудимаго Старжинскаго по всей строгости закона. Подсудимаго защищалъ присяжный повѣренный Миквицъ. Окружный судъ призналъ подсудимаго виновнымъ по предъявленному къ нему обвиненію и приговорилъ его къ аресту на военной гауптвахтѣ на три недѣли и, кромѣ того, къ преданію церковному покаянію по распоряженію его духовнаго начальства.

О г. С. рассказываютъ слѣд.: онъ верхомъ на лошади поѣхалъ въ гости къ своему товарищу. Опасаясь, вѣроятно, что ночной холодъ можетъ повредить его буцефалу, храбрый студентъ, не долго думая, повелъ и коня

въ теплую квартиру товарища во второй этажъ, гдѣ обоихъ ожидали обильная выпивка и ужинъ. Студенты, вполне довольные своей выдумкой, спокойно провели ночь, но финалъ утромъ былъ совершенно иной. Лошадь, послушно послѣдовавшая вечеромъ за хозяиномъ наверхъ, запротестовала противъ спуска внизъ. Кончилось тѣмъ, что лошадь студентамъ пришлось вынести на улицу.

Это напоминаетъ еще другой случай. Компанія корпорантовъ отправилась верхами на 25 лошадяхъ въ уѣздный городъ Валкъ, находящійся въ 80 в. отъ Юрьева. На каждую лошадь сѣло по два корпоранта спиною другъ къ другу, причемъ каждая лошадь была привязана къ хвосту другой. И студенты ѣхали гуськомъ 80 в.! Можно представить удивленіе встрѣчавшихъ эту кавалькаду!..

Въ прежнее время окончившаго курсъ и покидавшаго Дерптъ друзья торжественно провожали за городъ. Корпорация собиралась въ квартирѣ совѣщаній, гдѣ произносились прощальныя рѣчи. Затѣмъ торжественное шествіе со знаменами и шпагами направлялось чрезъ главныя улицы къ университету. Виновника торжества вели подъ руки, въ самомъ центрѣ процессіи. Процессія останавливалась и филистеръ (т. е. окончившій) провозглашалъ тостъ за процвѣтаніе университета: „Vivat, crescat, floreat alma mater Dorpatensis in aeternum!“.

Во время шествія пѣлись слѣд. прощальныя пѣсни:

Пора мнѣ, братцы, ужъ домой,
Ade!

Прости товарищъ дорогой,
Ade!

На родину иду свою

И обрѣту себѣ семью.

Ade, ade, ade!

Прощайте улицы вы всѣ!

Ade!

Ужъ не ходить по вамъ тутъ мнѣ,

Ade!

Гулялъ я съ вами тутъ толпой,

Васъ тѣшилъ пѣсенкой лихой.

Ade, ade, ade!

Ахъ, грустно покинуть васъ мнѣ!

Дома, гдѣ пировалъ, друзья,

Ade!

Зачѣмъ вы маните меня:

Ade!

Охъ, бросьте вы меня манить!

Не время мнѣ тутъ пѣть и пить,

Ade, ade, ade!

Охъ, грустно покинуть васъ мнѣ!

Стойте въ рядъ, collegia,

Ade!

Прощаюсь съ вами надолго я,

Ade!

Меня ужъ вамъ не заманить

И ничему не научить,

Ade, ade, ade!

Охъ, грустно покинуть васъ мнѣ!

Проклятый карцеръ за гербомъ,

Ade!

Съ твоимъ прощаюсь чердачкомъ,

Ade!

И на тебя кидаю взглядъ

И посылаю pereat!

Ade, ade, ade!

Ахъ, грустно оставить васъ мнѣ!

Ты фехтовальный, славный залъ,
Ade!

Дай Богъ, чтобъ ты всё процвѣталъ!
Ade!

Чтобы за правду постоять,
Учился я тутъ фехтовать,
Ade, ade, ade!

Ахъ, грустно покинуть васъ мнѣ!

И ты, голубка, выгляни!
Ade!

Скажи послѣднее прости!
Ade!

И твой глазокъ и локонъ твой,
Всегда останутся со мной.
Ade, ade, ade!

Охъ, скучно покинуть васъ мнѣ!

Вотъ городскія ворота!
Ade!

Моя послѣдняя черта,
Ade!

Съ тобой прощаюсь, городокъ,
Да будетъ путь мой мнѣ легокъ!
Ade, ade, ade!

Охъ, грустно покинуть васъ мнѣ!

И вы, друзья, кругомъ меня,
Ade!

Боюсь, чтобъ не заплакалъ я!
Ade!

Друзья, берите лошадей
И проводите поскорѣй!

Ade, ade, ade!

Охъ, скучно покинуть васъ мнѣ!

Не далеко тутъ есть корчма,
Ade!

Поставлю вамъ еще вина!
Ade!

Васъ обойму въ послѣдній разъ!
Богъ съ вами, други, въ добрый часъ,
Ade, ade, ade,

Ахъ, грустно покинуть васъ мнѣ! ¹⁾.

„Комитатъ“ — такъ назывался этотъ послѣдній актъ студенческой жизни, имѣлъ веселый и въ тоже время нѣсколько грустный характеръ: въ послѣдній разъ студентъ пировалъ въ веселомъ кругу своихъ товарищей. Приближался роковой часъ, когда онъ долженъ проститься со своей свободною и беззаботною жизнью и сдѣлаться серьезнымъ человѣкомъ, который по словамъ одной пѣсни: „долженъ поддерживать порядокъ въ мѣрѣ“.

Пѣсни студенческой
Звуки веселые
Пусть разгоняють всѣ
Думы тяжелыя!
Жизни студенческой
Кратки мгновенія,
Молодость наша
Мелькнетъ какъ видѣнїе...
Изъ студенческой пѣсни.
Кто за бокаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада.
Богъ пѣсенъ, Богъ винограда
Отрады новыя даетъ.

Н. Языковъ.

Нѣмецкіе студенты имѣють огромную литературу, посвященную студенческимъ пѣснямъ. Многія мелодїи студенческихъ пѣсенъ сдѣлались достоянїемъ народа и на оборотъ: народныя мелодїи послужили канвой для

1) „Арфа подлѣ кружки.“

студенческихъ пѣсенъ. Это подтверждаютъ изданія сборниковъ студенческихъ пѣсенъ, такъ называемыхъ *Коммершбюхеръ*, имя же ихъ легионъ. Сборники студенческихъ пѣсенъ съ нотами за границей, особенно въ Германіи, составляютъ весьма обычное явленіе. У насъ же такіе сборники стали появляться лѣтъ 20 тому назадъ. Такъ, въ 1881 г. Гр. А. Б. издалъ въ Петербургѣ сборникъ — „Студенческія пѣсни 1825 — 1855 г.“. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ Харьковѣ вышла книга: „Пѣсни, бывшія наиболѣе въ ходу между студентами Харьковскаго университета въ 1840-хъ годахъ, русскія и латинскія, послѣднія съ русскими переводами въ стихахъ, съ нотами для пѣнія и съ аккомпаниментами на роялѣ. Собралъ и издалъ студентъ того времени Вл. Александровъ“. Въ 1890 г. В. А. Борткевичъ издалъ въ г. Ригѣ „сборникъ любимѣйшихъ студенческихъ пѣсенъ переводныхъ и оригинальныхъ“, подъ названіемъ „Арфа подлѣ кружки“. Въ этотъ сборникъ вошли пѣсни, которыя пѣлись студентами въ Дерптѣ въ прежнее время. Изъ сборника г. Борткевича мы беремъ болѣе оригинальныя пѣсни.

Будемъ веселы, друзья,
Развѣ юность дремлетъ?!
Послѣ младости веселой,
Послѣ старости тяжелой,
Насъ земля пріемлетъ.

Гдѣ всѣ тѣ, что прежде насъ
Въ этомъ мірѣ жили?
Кто въ подземный міръ сошелъ,
Кто въ міръ горній отошелъ,
Гдѣ мы прежде были.

Жизнь вѣдь наша коротка,
Промелькнетъ невидно.

Смерть лихая къ намъ придетъ,
 Въ мать сыру землю сведетъ
 Всѣхъ насъ безобидно.

Слава членамъ нашего
 Политехникума.

Слава всѣмъ профессорамъ

И, студенты, слава вамъ,

Всѣмъ на многи лѣта.

Слава нашимъ дѣвицамъ,

Милымъ и прелестнымъ.

Слава женамъ всѣмъ земнымъ,

Нѣжнымъ и привѣтнымъ,

Добрымъ и любезнымъ.

Слава и странѣ родной

И кто ею правитъ.

Слава нашимъ гражданамъ,

Слава кто, любовью къ намъ,

Здѣсь себя прославить.

Пропадите горе, скорбь,

Скука и печали.

Погибайте дьяволъ, бѣсъ

И всѣ кто глумиться здѣсь

Вздумаетъ надъ нами.

Эту пѣсню перевелъ проф. Н. В. Бугаевъ. Существуетъ еще другой переводъ извѣстный подъ названіемъ „московскаго“:

Радуемся, ибо въ насъ

Молодость и сила.

Послѣ юности веселой,

Послѣ старости тяжелой,

Насъ возьметъ могила.

Гдѣ — всѣ тѣ, что въ старину,
Жили, веселились?!

Кто поднялся въ вышину,

Кто спустился въ глубину,

Всѣ переселились.

Жизнь людская коротка.

Вѣкъ нашъ быстро-течень.

На поминѣ смерть легка,

Тяжела ея рука —

Каждый ужъ намѣченъ.

Пьемъ за университетъ,

Пьемъ за васъ, профессоръ,

Члену каждому привѣтъ,

Каждой части вѣчный цвѣтъ,

Многія всѣмъ лѣта.

Дѣвушекъ за здравье пьемъ,

Добрыхъ и красивыхъ,

Пьемъ и за здоровье женъ,

Свѣтлыхъ сердцемъ и челомъ

И трудолюбивыхъ.

Дѣло общее Руси

И кто дѣломъ править,

Земство просвѣтителей,

Щедрыхъ покровителей

Наша пѣснь всѣхъ славить.

Проподай уныніе,

Проподай коварство,

Проподай духъ зла и тьмы

И кому не милы мы!

Здѣсь студентовъ царство!

Ура тому, кто угадалъ

Наше назначенье!

Будьте русскими! сказалъ
И родное слово далъ
Искать просвѣщенья.

Хвала тебѣ, всѣхъ русскихъ мать,
Грозная Орлица!
Мира ты не будешь знать,
Міромъ будешь обладать
Бранная царица!

Vivat университетъ,
Общій нашъ учитель,
Совершенный чистый свѣтъ,
Прошлыхъ нашъ вѣковъ завѣтъ,
Будущихъ хранитель!

Ура вамъ всѣмъ голубушки,
Красныя дѣвицы!
Хвала и вамъ, молодушки,
Добрыя вы матушки,
Умницы не львицы!

Проклятъ будь космополитъ,
Недоносокъ жалкій,
Кто все русское бранить,
О заморскомъ лишь, твердитъ;
Тотъ невѣжа жалкій!

Разъ сидѣлъ я у окна
Словно весь разбитый!
И глядѣлъ въ стаканъ вина,
Мною не допитый.
Будто лѣвою ногой
Поднялся съ постели.
Вдругъ слышу, я подо мной,
Голоса запѣли:

Gaudeamus igitur,
 Juvenes dum sumus,
 Post jucundam juventutem,
 Post molestam senectutem,
 Nos habebit humus!

Въ шапкахъ, пестрою толпой,
 Черезъ плечи ленты,
 Вереницей, предо мной,
 Тянутся студенты.

Кончилъ университетъ,
 Какъ и я, въ дни оны!

Вслѣдъ за ними толпа идетъ,
 Все — комилитоны.

Vivat academia,

Vivant professores,

Vivat membrum quodlibet,

Vivant membra quaelibet,

Semper sint in flore!

Отворяютъ тутъ и тамъ

Форточку, окошко, —

Лица дѣвушекъ и дамъ

Видны понемножку.

Не бѣда, что пригорятъ

Кофе, сливки, булка!

Всѣ на зрѣлище спѣшатъ

Изъ-за закоулка.

Vivant omnes virgines,

Faciles, formosae,

Vivant et mulieres,

Tenerae, amabiles,

Atque laboriosae!

Въ душегрѣйкѣ и чепцѣ,

Въ кофточкѣ иль шали,

На балконъ и крыльцъ,
 Много ихъ стояли!
 Вереницей, вдалькѣ,
 Та орава скрылась!
 И градинкой по щекѣ,
 Вдругъ слеза скатилась
 И застряла въ бородѣ!
 Я рукой схватился
 И сребристый, вдругъ, въ рукѣ
 Волось очутился.
 Vita nostra brevis est,
 Brevi finietur,
 Venit mors velociter,
 Rapit nos atrociter,
 Nemini parcetur!
 Горделивые года,
 Юности безпечной,
 Миновали, навсегда,
 Въ жизни скоротечной!
 Alma mater всѣмъ намъ мать,
 Мнѣ-жъ она внушила,
 Никогда не унывать,
 Чтобы-бы тамъ ни было.
 Pereat tristitia,
 Pereant osores,
 Pereat diabolus,
 Quivis antiburschius,
 Atque irrisores!

Съ высотъ Олимпа снизошла къ намъ радость
 И насъ объяла чуднымъ сномъ.
 И да воспрянетъ золотая младость
 Восторга радостнымъ огнемъ!

Торжественно лейся, пѣсня пѣсней,
 Кубки осушайте, друзья, поскорѣй, поскорѣй!
 Погружено въ пучинѣ дней грядущихъ,
 Несмѣтное утѣхъ число.
 Пока намъ жить среди существъ живущихъ
 Богами нашими дано—
 Кубки осушайте, друзья, поскорѣй,
 Торжественно лейся, ты пѣсня пѣсней!

Ты вышей, другъ, здоровье твоей милой,
 За твой безсмѣнный идеаль!
 И чтобъ твой кликъ, со всей своею силой,
 Въ ея груди затрепеталъ!—
 Торжественно лейся, ты пѣсня пѣсней,
 Кубки осушайте, друзья, поскорѣй!

И пока жизнь продлить угодно Богу,
 Слѣдомъ за радостями поидемъ!
 А тамъ, потомству уступивъ дорогу,
 Ко праотцамъ мы перейдемъ—
 Торжественно лейся, ты пѣсня пѣсней,
 Кубки осушайте, друзья, поскорѣй!

Безвременно когда сойдетъ въ могилу
 Сподвижникъ нашей среды,
 Мы признаемъ Господню власть и силу
 И не боимся череды.
 Бодритесь-же, други, сплотитесь тѣснѣй,
 Торжественно лейся, ты пѣсня пѣсней!

Не вѣчно все тоже бываетъ
 Подъ нашей коварной луной,
 Растеть, цвѣтеть, увядаетъ
 Живущее чередой.

До насъ наши дѣти живали
 Дѣля и труды и печаль,
 Помянемъ же други усопшихъ,
 Ушедшихъ въ безвѣстную даль.

И послѣ насъ дѣти и внуки
 Гурьбою тутъ будутъ пѣвать,
 Отцовъ же и дѣдовъ усопшихъ

За чарой вина поминать.

Мы дружно тутъ время проводимъ
 Въ пріязни, въ совѣтѣ, въ любви
 И всѣмъ намъ другъ съ другомъ привольно,
 Какъ членамъ единой семьи.

И можетъ быть волею рока
 Намъ счастья здѣсь не дано,
 До дальнихъ предѣловъ востока
 Разсѣяться намъ суждено.

Но если судьба и сведетъ насъ
 Неисповѣдимымъ путемъ,
 То, прошлое вновь вспоминая,
 Мы дружно опять запоемъ.

Въ хрустальномъ бокалѣ

Искрится вино.

Разстаться съ друзьями

Намъ, знать, суждено!

Прощайте вы, горы,

Прости ты, отчій кровъ,

Впередъ меня манить

Къ чужбинѣ любовь.

Прощайте вы, горы,

Прости ты, отчій кровъ,

Впередъ меня манить къ чужбинѣ любовь.

Ой ты родина, лучезарная,
Будь на вѣки ты красна, славна!

И солнце на небѣ
Ни мигъ не стоитъ,
Съ востока на западъ
Оно все спѣшитъ.

И волны катятся
Въ безбрежную даль
И бури бушуютъ
На страхъ и печаль.

Ой ты родина, лучезарная,
Будь на вѣки ты красна, славна!

Въ догонку за тучей
И птица летитъ;
Въ родныя долины
Укрыться спѣшитъ.

Не мы-ли такъ точно
Познать свѣтъ хотимъ?
И въ вихрѣ полета
Кружимся мы съ нимъ.

Ой ты родина, лучезарная,
Будь на вѣки ты красна, славна!

Въ чужбинѣ встрѣчаютъ
Родныя птицы насъ;
Онѣ прилетаютъ
За нами велѣдъ подчасъ.

И благоухаютъ
Цвѣты на встрѣчу намъ,
Привѣты разносятъ
Онѣ то тутъ—то тамъ.

Ой ты родина, лучезарная,
Будь на вѣки ты красна, славна!

Мы птичекъ тутъ холимъ,
 Нашедшихъ пріють;
 Цвѣты — же сажаемъ
 На счастье мы тутъ.
 Сюда, вслѣдъ за другомъ,
 Любовь забрела
 И новое счастье
 Въ дали той нашла.
 Ой ты родина, лучезарная,
 Будь на вѣки ты красна, славна!

Если скучень мой чердакъ
 И изъ рукъ все рвется,
 Попаду я самъ въ просакъ,
 Или такъ взгрустнется,
 Въ погребъ я бѣгу тогда
 И стаканами вина
 Горе заливаю.

Жутко въ погребѣ пустомъ
 И одинъ я въ горѣ,
 Черти тамъ и сямъ, кругомъ,
 Снуютъ на просторѣ.
 Тутъ-то всѣ мои грѣхи,
 Малы-ль, велики они,
 Мнѣ на умъ приходятъ.

Съ перваго-жъ глотка вина
 Съ сердца отлегаеть.
 Дай, допью же я до дна,
 Кто мнѣ помѣшаетъ!
 Я ко всѣмъ чертямъ пойду,
 Вправо, влѣво закричу:
 Эй, голубчикъ, выпьемъ!

Вотъ теперь мнѣ хорошо,

Весь я оживаю,

И отъ сердца отлегло

И я замѣчаю:

Безобразный духовъ хоръ

Завываетъ мнѣ въ упоръ:

— Событыльникъ выпьемъ!

Отказаться стыдъ и срамъ!

Пью, не разбирая

Я кубки то тутъ, то тамъ,

Счёту въ нихъ не зная.

Надо въ ладъ съ ними жить,

Можно вѣчно съ ними пить

Славное вино!

Вотъ на бочкѣ самъ, верхомъ,

Бахусъ возсѣдаетъ

И духовъ, своимъ жезломъ,

Онъ къ себѣ сзываетъ

И кричитъ имъ: Господа!

Дайте мнѣ его сюда,

Научу какъ пить!

Нѣтъ, ужъ ты атанде, братъ,

Такъ ему въ отвѣтъ я,

Пить вино я тоже хватъ

И пью много лѣтъ я

И мыслете, хоть пишу,

Но все пить еще могу,

Чѣмъ-же угостишь ты!

И вскарабкавшись къ нему,

Сѣлъ и ослабѣлъ я,

Ему что-то лепечу

И вдругъ осовѣлъ я

И натужась, не путемъ,
 Лечу съ бочки кубаремъ
 И пить не хочу ужъ!

Ночами кто свой вѣкъ считаетъ,
 Прошедшими за кутежемъ,
 Кто, коли злата на хватаетъ,
 Послѣдній ставитъ грошъ ребромъ,
 Тому всегда мы будемъ рады,
 Такой всегда намъ свать и братъ,
 Такого Вакхъ, богъ винограда,
 Принять на свое лоно радъ.

Когда же съ нею, въ вихрѣ пляски,
 Подъ звуки флейтъ кружишься ты,
 Полуопущенные глазки
 Бодрятъ давнишнія мечты —
 Ты съ губокъ поцѣлуй срываешь
 У ней, минуту улуча,
 Прижавъ къ груди, ты замираешь,
 Ликуешь, пляшешь безъ конца.

И чтобъ ты за вино ни даль-бы,
 Все-жъ будетъ мало проку въ немъ,
 Коль скоро Богъ не вдохновлялъ-бы
 Тебя божественнымъ огнемъ,
 И въ насъ Его огонь священный,
 Какъ свѣточъ пламенный горитъ,
 И духъ нашъ, въ пѣснѣ обновленный,
 На встрѣчу Господу паритъ.

И вы, парящія созвучья,
 Друзей слова изъ дружихъ усть,
 Привѣтствую васъ снова тутъ я,
 Вамъ въ пѣснѣ вторя наизусть.

И звуки пѣсни льются плавно,
 Гармоніи ихъ полонъ тонъ
 И вторитъ въ тактъ имъ чудно, славно,
 Бокаловъ полныхъ стукъ и звонъ.

Какъ вы, друзья, того держались,
 Тому пребудьте впредь вѣрны.
 Пусть всѣ кругомъ перемѣшались,
 Мы тѣ-же всѣ, какъ въ оны дни!
 И если духъ нашъ ослабѣетъ,
 Мы обновимъ его виномъ;
 За пѣсней онъ помолодѣетъ
 Какъ въ оны дни, въ раю быломъ.

Какъ знать такой народецъ намъ,
 Что вѣчно прѣтъ впередъ,
 И если даже пусть карманъ,
 Превесело живетъ!
 То нашъ бурсакъ себѣ идетъ
 И жизни радость пьетъ.

Какъ только солнышко взойдетъ,
 Гудитъ отъ рюмокъ звонъ.
 А кто еще вонъ тамъ идетъ,
 Небось, опять вѣдь онъ!
 То нашъ бурсакъ себѣ идетъ
 И жизни радость пьетъ.

Кому во вѣки не забыть
 Цѣль жизни за виномъ,
 Хотя и съ музами шалить
 Готовъ во всѣ дни онъ!
 То нашъ бурсакъ себѣ идетъ
 И жизни радость пьетъ!

Кто ей по гробъ не измѣнить,
 Возлюбленной своей,
 Таить ея на сердцѣ видъ,
 И помнить цвѣтъ очей!
 То нашъ бурсакъ себѣ идетъ!

Кто за бокаломъ помнить честь,
 Рапиру обнажить
 За все, что дорого въ васъ есть,
 За все онъ постоятъ!
 То нашъ бурсакъ себѣ идетъ!

Братья, сядемте кругомъ,
 Да по прежнему кутнемъ,
 Выпьемъ, вспомнимъ старину
 И родимую страну.

Каждый вспомни, какъ игралъ онъ,
 Какъ о будущемъ мечталъ—онъ.
 Первыхъ лѣтъ блаженный часъ,
 Возвратись еще, хоть разъ!

Въ честь великихъ всѣхъ мужей,
 Славныхъ доблестью своей,
 Всѣхъ народовъ и временъ,
 Первый кубокъ посвященъ!

За красавицъ молодыхъ,
 Милыхъ, сердцу дорогихъ,
 Чистыхъ сердцемъ и душой,
 Будетъ кубокъ нашъ второй!

Чтобы храбрыхъ намъ почтить,
 Надо третій осушить.
 Падшіе за край родной,
 Славенъ вамъ конецъ святой!

Кубокъ братьямъ прежнихъ лѣтъ,
 Всѣмъ, которыхъ съ нами нѣтъ,
 Всѣмъ, кто любитъ вспоминать насъ,
 Осушимъ въ четвертый разъ!

Тризну также совершимъ,
 По усопшимъ мы своимъ;
 Въ непробудномъ сладкомъ снѣ,
 Да почиютъ въ тишинѣ!

На томъ свѣтѣ, говорятъ,
 Милыхъ можно узнавать.
 Какъ пріятно будетъ намъ,
 Всѣмъ опять собраться тамъ,

Нужно намъ еще, друзья,
 Чашу выпить за себя,
 И потомъ еще одну,
 За родимую страну! ¹⁾.

Налей и пей и вновь налей
 И будешь ты добрѣй.

Налейте вновь стаканы вы
 И сядьте, други, въ рядъ
 И чувства дружбы и любви
 Насъ снова осѣнятъ.

Тамъ любимъ мы пѣть и пить,
 Гдѣ можно правду говорить,
 И гряньте вы, со мной, заразъ:

Wivat universitas!

Налей и пей и вновь налей
 И будешь веселѣй.

1) Эта пѣсня переведена Н. Д. Ивановымъ. Н. Ивановъ—учитель
 русскаго языка—былъ и поэтъ и талантливый переводчикъ. Его переводъ,
 напр., извѣстной пѣсни Ф. Мюлера: „Вотъ изъ трактира иду я себѣ“,
 очень популяренъ.

Налейте вы молодушкамъ
 Заздравнаго вина.
 Будь дѣвица — лебедушка,
 Иль милая жена,
 Тамъ любимъ мы и пѣть и пить и т. д.

Въ халатѣ разъ кузнецъ сидѣлъ,
 Изъ трубки онъ своей пыхтѣлъ.
 Cidicidacidum,
 Cidicidacidum.
 Вдругъ кто-то въ двери постучалъ:
 „Кто претъ ко мнѣ!?“ кузнецъ вскричалъ.
 Cidicidacidum.

„Принесъ письмо мнѣ почтальонъ:
 Отъ сына, денегъ проситъ онъ“.
 Cidicidacidum.

„Его дѣла не хороши:
 Спустилъ послѣдніе гроши.“
 Cidicidacidum.

„Придется съѣздить въ попыхахъ
 И разнести все въ пухъ и прахъ“.
 Cidicidacidum.

Вотъ наконецъ пріѣхалъ онъ
 И что-же: рюмокъ стукъ и звонъ!
 Cidicidacidum.

Сынъ: „Ахъ, папенька, безцѣнный мой,
 Ахъ, какъ пріѣздъ не впору твой!
 Какъ здравье мамы дорогой?
 Привезъ-ли денегъ ты съ собой?“ —

Отецъ: „О деньгахъ ты не вспоминай,
 Иль на меня ужъ не пеняй!“

Сынъ: „Недѣлю всю я тутъ зубрилъ

И лишь сегодня подкутилъ.

Пришлось друзей мнѣ двухъ мирить,

Такъ, какъ же тутъ не подкутить!“

Отецъ: „Сейчасъ со мною въ путь сберись

И къ наковальнѣ становись!“

Cidicidacidum!

Сынъ: Нѣтъ, кузнецомъ ужъ мнѣ не быть!

Пойду въ солдаты я служить.

Наука мнѣ на умъ нейдетъ,

Такъ можетъ въ войскѣ повезеть“!

Отецъ: „О, ради Бога, не дури!

Вотъ тебѣ деньги: на, бери!

Займись наукой ты опять

И не заставь мать горевать!“

Сынъ: „Коль денегъ дашь, зачѣмъ дурить,

Начнемъ мы снова жить и пить!“ —

Отецъ: „Ну, Богъ съ тобой, кути, живи,

Не будетъ изъ тебя пути!“

Cibicidacidum!

Нельзя-же вѣчно заниматься, фифаллера,

Охота и побаловаться, фифаллера!

Вѣдь надо-жъ и веселымъ быть,

А потому прошу налить,

Фи фаллера, фаллера, фа-фи-фаллера.

Давайте, братцы, дружно пить мы,

Весельемъ всѣхъ руководить мы!

За куревомъ и за виномъ,

Мы время славно проведемъ.

И corpus juris и пандекты,

И богословныя всѣ секты,

И медицина, — всѣ долой,

И дайте мнѣ покой!

И вы туда же спермандрилы,

Несите ваши всѣ пилюли,

Инфузы и декокты всѣ,

Вы надоѣли страшно мнѣ.

Пью за здоровье твоей дѣвы,

Да здравствуйте, студенты, всѣ вы,

И нашей родинѣ ура!

Да будетъ вѣкъ она славна!

Товарищи, друзья! Давно бокаль хрустальный,

Мы не пили до дна струистаго вина;

Давно уже умолкъ нашъ громкій хоръ вакхальный,

Давно, друзья, давно не пили мы до дна!

Бурсацкія уста покрылись книжной пылью,

Пѣнить и чокатьея забыла ужъ рука,

Вина! Скорѣй вина! Составимте флотилію

И поплывемъ къ вину съ компасомъ бурсака.

А бурсака компасъ извѣстенъ въ винномъ морѣ!

Въ немъ острова утѣхъ и къ нимъ—то онъ плыветъ,

Онъ править къ радости, съ виномъ забудетъ горе

И выпивъ весело, онъ веселъ, снова пьетъ.

Куда бѣдняжкѣ дѣться мнѣ,

Все, что имѣлъ, пропало;

Нѣтъ ни гроша въ моей казнѣ,

Какъ будто не бывало!

А строгій мнѣ велитъ законъ:

Изъ Дерпта убираться вонъ.

О jегum, jегum, jегum,

Quae est mutatio regum!

Пѣхи, пѣхи, попалъ въ пѣхи,

За всѣ я старыя грѣхи!

Бѣльемъ я тоже не богатъ,
 Всего одна рубашка
 И эта новость мнѣ не кладъ
 И на душѣ такъ тяжело.
 Хожу я въ старомъ сюртукѣ,
 Съ дырой огромной на рукавѣ.
 Пѣхи, пѣхи, попалъ въ пѣхи,
 За всѣ я старые грѣхи!

Не покажу домой я глазъ,
 Меня тамъ всѣ забыли,
 Какъ сталъ я докторомъ проказъ,
 Такимъ, что исключили,
 Игралъ, кутилъ и танцевалъ
 И все здоровье потерялъ!
 O jерum, jерum, jерum,
 Quae est mutatio verum!

Я Божьихъ бѣгая церквей,
 По кабакамъ таскался
 И много тамъ провелъ ночей
 Пока не проматался.
 Не знаю, что такое грѣхъ,
 Я вѣру подымалъ на смѣхъ,
 O jерum, jерum, jерum и т. д.

Какъ сталъ чердакъ опрятенъ мой, —
 Нѣтъ даже и бумажки!
 Одинъ снарядъ тамъ, боевой,
 Съ трехъ-цвѣтною фуражкой.
 Я съ ними на врага пойду
 И, можетъ, счастье тамъ найду.

Вотъ изъ трактира иду я себѣ,
Улица странною кажется мнѣ,
Правая, лѣвая, гдѣ сторона?
Улица, улица, ты вѣдь пьяна!

И фонари разыигралися въ рядъ,
Прямо на мѣстѣ стоять не хотятъ,
Скачутъ и пляшутъ туда и сюда.
Шибко-же пьяны вы всѣ, господа!
Мѣсяцъ, какія ты штуки творишь,

Глазъ свой прищурилъ — лукаво глядишь.
Лишній стаканчикъ хватилъ, братъ, вина!
Стыдно, охъ стыдно, такъ пить, старина!

Чтобы я трезвый межъ вами ходилъ,
Въ вашемъ сужбурѣ себя загубилъ?
Кто не разумень, пожалуй не трусь —
Я же въ харчевню назадъ ворочусь.

На свѣтѣ папѣ славно жить!

Вина онъ можетъ вдосталь пить

И деньги есть въ его казнѣ,

Эхъ, кабы папой быть и мнѣ!

Но нѣтъ! — Онъ жалкій человекъ,

Одинъ спать долженъ цѣлый вѣкъ,

Не смѣетъ дѣвушекъ ласкать —

Такъ, нѣтъ, мнѣ папой не бывать!

Въ гаремѣ нѣжится султанъ,

Ему завидный жребій данъ,

Красавицъ можетъ онъ любить —

Хотѣлъ-бы я султаномъ быть!

Но онъ — несчастный человекъ,

Ему вино пить цѣлый вѣкъ,

Не позволяетъ алькоранъ!

Такъ нѣтъ, не буду я султанъ!

Но я раздѣла не терплю,
 Вино и дѣвѣ равно люблю
 И такъ хотѣлъ-бы вѣчно жить:
 То папой, то султаномъ быть.

Твой поцѣлуй, душа моя,
 Султаномъ дѣлаетъ меня!

Когда-жъ съ друзьями я напьюсь—
 То я и папой становлюсь!

Друзья, застоль, наполните стаканы,
 Да здравствуетъ вино, да здравствуетъ вино!
 И будемъ пить и всѣ напьемся пьяны.
 Вотъ счастье, вотъ оно,
 Вотъ счастье, вотъ оно!

Мы мало ищемъ, просимъ отъ природы
 И больше всѣхъ найдемъ,
 Пируемъ здѣсь наши молодые годы
 И пивомъ и виномъ.

Отечеству даемъ мы честь и славу
 И руки и мечи!
 Нальемъ, друзья, за Русскую Державу,
 Бокалы мы свои!

За бурсу нашу, твердою ногою,
 Стоитъ нашъ гордый рядъ.
 Гдѣ врагъ ея?—Ватагой разгульною,
 Пойдемъ его смирять!

Для дѣвѣ даемъ мы сердце удалое
 И пьемъ за здравье ихъ!
 Да здравствуетъ веселье разгульное,
 Студентовъ молодыхъ!

И за себя, друзья, нальемъ бокалы,
 Да здравствуетъ вино!
 И будемъ пить—и всѣ напьемся пьяны,
 Вотъ счастье—вотъ вино!

Поэтъ А. Карамзинъ написалъ слѣд. пѣсню:

Братья, рюмки наливайте,
 Лейся черезъ край, вино!
 Все до капли выпивайте,
 Осушайте въ рюмкахъ дно!
 Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ,
 Всякій горе испыталъ,
 Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ,
 Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
 Говоритъ святой мудрецъ,
 Старость въ немъ находитъ младость,
 Бѣдность горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ и вздыхаетъ,
 Вѣчно смотритъ сентябремъ,
 Тотъ въ наукахъ толкъ не знаетъ,
 И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
 Что смущало въ жизни насъ,
 Пѣть и радоваться будемъ
 Въ сей пріятный, сладкій часъ.

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
 Засвѣтаетъ въ насъ покой,
 Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
 Посеребренно лунной.

Жизнь бурша — пирь разгульный,
 Веселый Вакхъ — богъ нашъ,
 Комершъ мы любимъ буйный
 И дружный говоръ чашъ.

Безъ громкихъ пѣснь, безъ вина,
 Была бы жизнь наша скучна,
 Осушимъ, други, чаши
 За всѣ потѣхи наши.

Дружна семья лихая,
 Младыхъ питомцевъ музъ,
 Мать бурса намъ родная,
 Отваженъ нашъ союзъ.

Бурсакъ за бурсака стоитъ,
 Союзъ онъ грудью защититъ;
 Цвѣти союзъ свободы
 Крѣпись изъ рода въ роды.

Студентскихъ правъ ограда
 Здѣсь, вѣче такъ вольно,
 Какъ вѣче Новограда
 И бурно какъ оно.

Оно права наши хранить,
 Дѣла бурсацкія рядить,
 Да здравствуетъ же вѣче
 И славится далече.

Свободенъ духъ бурсацкій,
 Движитель славныхъ дѣлъ,
 Ватаги нашей братской,
 Свобода есть удѣлъ.

И за нее нашъ рядъ стоитъ,
 Неколебимый, какъ гранитъ.
 Да здравствуетъ свобода
 Бурсацкаго народа!

Лихо жизнь бурсакъ проводитъ,
 При превратностяхъ судьбы,
 Съ пива къ пѣснямъ переходитъ
 И не вѣдаетъ нужды.

Пѣснь его вездѣ слышна:

Ubi bene patria!

Гейди гейда, гейди гейда!

Тамъ, гдѣ съ губокъ дѣвы томной,

Поцѣлуй срываемъ мы,

Грезятся намъ въ груди полной,

Пламенной любви мечты.

Наша пѣснь вездѣ слышна:

Ubi bene — patria!

За нее въ огонь и въ воду.

Нашъ бурсакъ всегда пойдетъ!

И потерпитъ гдѣ невзгону,

Съ радостью ее несетъ —

Пѣснь его вездѣ слышна:

Ubi bene — patria!

Вотъ онъ скоро Дерптъ оставитъ,

Семьяниномъ будетъ жить;

Но ничто его не заставитъ

Друга, вѣрнаго, забыть.

Пѣснь его вездѣ слышна:

Ubi bene — patria!

Шли три молодца черезъ рѣку домой,

Къ знакомой старушкѣ зашли на постой.

Хозяюшка, насъ напои, накорми

И милую дочку, занять насъ, зови.

Я всѣхъ угощу васъ, чѣмъ только могу,

Моя же дочурка лежитъ тамъ въ гробу.

И молодцы сами въ коморку вошли
 И въ гробъ красавицу мертвой нашли.
 Вотъ первый съ лица покрывало отнялъ
 И съ грустью въ голосъ тихо сказалъ:
 Жила-бы досель, душа дѣвица,
 Тогда-бъ я тебя полюбилъ безъ конца.
 Другой покрываломъ лице ей закрылъ,
 А самъ отвернувшись зарыдалъ.
 О, горе мнѣ! Тебя ужъ нѣтъ,
 Тебя я любилъ такъ много лѣтъ!
 А третій опять покрывало поднялъ
 И прямо въ уста ее поцѣловалъ.
 Тебя я любилъ—и вѣчно готовъ
 Любить я, отнынѣ во вѣки вѣковъ!

Сократъ вамъ извѣстенъ, конечно!
 Плѣшивый философъ то былъ,
 Съ Ксантипой въ разладѣ былъ вѣчно,
 Съ Лаисой балясы точилъ.
 Зато его женка встрѣчала
 Въ сердцахъ кочергою стократъ!
 Ксантипъ у насъ много бывало,
 Но жилъ одинъ только Сократъ.

И долженъ я по Пифагору
 Реинкарнацію чтить
 И бывшихъ душъ цѣлыя своры
 Звѣрья и поить и кормить.
 Живутъ эти души стадами
 И мы ихъ не знаемъ цѣны
 И вотъ мы богаты ослами,
 А мудрыми очень бѣдны.

Платонъ-же, изъ Грековъ умнѣйшій,
 Философъ чистѣйшей воды,
 Вѣщаль объ эфирной, важнѣйшей,
 Безстрастной, безплотской любви,
 Куда-жъ платонизмъ тотъ дѣвался,
 Застрялъ небось въ книжной пыли?!
 Теперь если кто повѣнчался,
 Такъ врядъ-ли отъ нѣжной любви.

Вѣдь участь вамъ Трои извѣстна:

Ее сжегъ до тла Менелай

За то, что Елена безчестно

Сбѣжала съ Парисомъ въ свой рай.

И нынѣ отъ брачной постели

Съ Парисами Лельки бѣгутъ,

Но ихъ нужья поумнѣли

И городовъ ужъ не жгутъ.

Тезей Ариадну на горѣ

Оставилъ въ слезахъ;

Она тотчасъ бросилась въ море

И стыдъ схоронила въ волнахъ.

Но нынѣ дѣвицы—не такъ ужъ

Покончить съ собою хотятъ:

Не вышли за этого замужъ,

Ловить ужъ другаго спѣшатъ.

Боялись всѣ страхъ Македонца,

А Діогенъ ему вдругъ:

Не заслоняй ты мнѣ солнца,

Прими лучше вѣво, мой другъ!

Не этого теперь просятъ

Философы, ставъ предъ Царя,

Когда фиміями подносятъ

Подобострастьемъ горя.

Лежало ужъ многіе годы

Въ Колхидѣ златое руно
 И частые были походы,
 Но не давалось оно.
 Язону однако далось
 Походомъ руно то вернуть!
 Какъ часто являются съ носомъ,
 Пустившись съ надеждою въ путь.

Вкушайте жизни сладость:
 Живемъ мы только разъ!
 Ловите, други, радость:
 Ея коротокъ часъ!
 Ловите, други, радость:
 Ея коротокъ часъ!

И образъ дѣвы милой
 Стоитъ передо мной.
 Люблю ее всей силой,
 Люблю я всей душой.

Когда сулить мнѣ счастье:
 Имѣть ее женой,
 То вспоминайте, братья,
 Товарища порой.

Поэтъ В. Соллогубъ написалъ слѣд. серенаду:

Отчего-же сонъ не можетъ
 Глазъ для отдыха сомкнуть?
 Что привольно такъ тревожить
 Чувства, жаждущую грудь?
 Не оно-ли, на мгновенье,
 Шлетъ намъ, въ сумракѣ ночей,
 Безъимянное томленье
 И бесѣду безъ рѣчей?!

Перу гр. В. Соллогуба принадлежит еще другая популярная серенада: „Закинувъ плащъ, съ гитарой подъ рукою“ ... При пѣніи этой серенады старому юрьевскому студенту невольно вспоминается какая-нибудь Ревельская ул... чудная весенняя ночь и „она“ ... „богиня красоты, звѣзда любви, богиня молодая“ ...

Завтра надо намъ разстаться,

Распрощаться до поры.

Грусть, тоска меня съѣдаетъ,

Что съ тобой разлучены.

И съ гребня холмовъ сосѣднихъ,

Обернуся я назадъ,

Посмотрѣть на всѣ сторонки,

Уловить послѣдній взглядъ.

Но когда зима минуетъ

И весна царить начнетъ,

То я птицей перелетной,

Выпорхну на бѣлый свѣтъ.

Полечу я въ ту сторонку,

Гдѣ любезная живетъ.

Не тужи-жь моя красотка,

Я вернуся черезъ годъ.

Вся земля зазеленѣетъ,

Разукрасится ковромъ,

Я съ привѣтомъ и букетомъ,

Возвращуся въ отчій домъ.

Ты помнишь-ли? такъ спрашивалъ филистеръ,

Гулявшаго по Дому бурсака.

Ты помнишь-ли, какъ на мензурѣ гиберъ,

Разъ отвели твой голосъ и рука!

Подъ черепичной кровлею одною,
 Не разъ, бурсакъ, живали мы потомъ.
 Я не забылъ, спасенный разъ тобою,
 Но ты, бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?

Ты помнишь-ли о дняхъ тѣхъ скоротечныхъ,
 Какъ нашъ бурсакъ въ коллегіи ходилъ?

Ты помнишь-ли о тѣхъ часахъ беспечныхъ,
 Какъ имя каждый на столахъ чертилъ?

Ни лѣнь, ни трудъ, ни скука, ни погода,

Ничто, бывало, не загонить въ домъ:

Стоимъ толпой, блаженная свобода!

Скажи, бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?!

Ты помнишь-ли о гвотахъ несчастныхъ,
 Вступавшихъ съ нами въ рукопашный бой?

Ты помнишь-ли и педелей, ужасныхъ,

Напрасную поговю за собой?

Ты помнишь-ли, какъ съ одного шпиць-бала,

Кнотесу вель, не бывши съ ней знакомъ,

Въ четыре дня она любовь узнала...

Скажи, бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?

Ты помнишь-ли о тѣхъ полянахъ снѣжныхъ,

Гдѣ нашъ бурсакъ съ ватагой пріѣзжалъ,

Кутилъ въ корчмахъ, на комитатахъ нѣжныхъ,

И пѣсни тамъ завѣтныя пѣвалъ?

Тогда не разъ прозябшее мы тѣло,

Отогрѣвали крикомъ и виномъ,

И сердце буйное тогда еще кипѣло —

Скажи, бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?

Ты помнишь-ли о той порѣ несчастной,

Какъ насъ съ тобой хотѣли штрафовать,

Бродили мы по Дерпту съ рожей постной,

Утративъ пуфъ, пришлось голодать.

Не позабудь ты нашихъ приключеній

И не бывай съ пустымъ ты кошелькомъ,
Судьбу свою избавь отъ повтореній.

Скажи, бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?

Ты помнишь-ли? Но здѣсь я умолкаю,
Кончается рядъ нашихъ славныхъ дней,
Пойдемъ-ка, другъ — тебя я приглашаю,
И нашихъ всѣхъ, къ себѣ на кнейперей!
Когда-жъ аракъ уложить на постелю
И обойметъ меня мертвецкимъ сномъ,
Покроешь ты меня тогда шинелью,
Сказавъ: бурсакъ, ты помнишь-ли о томъ?

Когда лозы назрѣваютъ
И забродятъ силы въ насъ —
То студенты покидаютъ
Alm'у universitas.
Дорогая родина,
Будь на вѣки ты славна!

Отъ Эстляндіи песчаной,
До прибрежныхъ скалъ Двины,
Между озеромъ и моремъ,
Твои земли сочтены.
Вотъ, гдѣ родина моя,
Вотъ, она, Лифляндія!

Тамъ гдѣ бурно протекаетъ,
Между скалами Аа,
Предковъ подвиги вѣщаетъ
На ней каждая скала.
Вотъ, гдѣ родина моя,
Вотъ она, Лифляндія!

Въ твоёмъ сердцѣ, дорогая,
Стоитъ замокъ между скалъ,
Старину напоминая,

Онъ намъ храбрость завѣщаль.
 Венденъ, перль Лифляндіи,
 Помнимъ мы дѣла твои!
 Свою вольность защищая,
 Храбрецы тутъ заперлись,
 Смертью храбрыхъ умирая,
 Всѣ на воздухъ взорвались
 Къ вамъ любовію горя,
 Помнитъ васъ Лифляндія. —

Много еще пѣсенъ поютъ и пѣли юрьевскіе студенты. Нѣмецкія пѣсни воспѣваютъ свободную студенческую жизнь, достоинства вина и особенно пива. Русскіе студенты поютъ о свободѣ науки, воспѣваютъ женщину, которая служитъ для нихъ идеаломъ прекраснаго и которая, по словамъ студенческой пѣсни, „живитъ духъ юношей“ ...

Въ настоящее время каждая юрьевская корпорація имѣетъ свое помѣщеніе (украшенное гербами, щитами, знаменами и прочими знаками корпораціи), въ которое корпоранты и собираются.

Каждая корпорація имѣетъ свой гербъ, свое знамя, свои цвѣта. Гербъ обыкновенно изображаетъ щитъ, окрашенный въ цвѣта корпораціи и носящій особый условный знакъ, — шифръ ея.

Каждая корпорація присоединяетъ къ этому знаку начальныя буквы своего имени и такимъ образомъ составляетъ ея отличительный знакъ; эти символы изображаются также на знамени студентовъ.

Каждая корпорація имѣетъ свой уставъ — комманъ. Этому уставу обязаны подчиняться всѣ члены корпораціи.

Первый параграфъ устава объясняетъ цѣль корпораціи; она, въ общемъ, такова: облегченіе занятій

науками, воспитаніе характера, чувствъ дружбы и чести и *веселое времяпровожденіе на общихъ началахъ.*

Познакомившись ближе съ корпоративной жизнью, можно легко увидѣть, что на самомъ дѣлѣ преслѣдуется въ корпораціи только послѣдняя цѣль—пріятное времяпровожденіе и даже въ ущербъ двумъ первымъ, кажу-щимся столь симпатичными.

Корпорационныя помѣщенія— „кнейпы и конвент-квартиры“ суть не что иное, какъ питейныя заведенія, гдѣ корпоранты пользуются широкимъ кредитомъ и гдѣ они обязаны бывать по возможности чаще. Извѣстно также, что именно корпоранты прославились по части устройства разныхъ оргій, дракъ и дуэлей.

Въ противоположность *Обществу русскихъ студентовъ,* въ корпораціяхъ только пьютъ и поютъ.

Въ корпораціяхъ имѣются библіотеки, но что это за жалкія библіотеки! Преимущественно состоятъ онѣ изъ беллетристическихъ произведеній для легкаго чтенія да юмористическихъ журналовъ, охотно читаемыхъ корпорантами.

Самое нелѣпое, самое отвратительное явленіе корпорационной жизни — „фуксовство“. Молодые члены въ продолженіи перваго года своего пребыванія въ корпораціи именуются „фуксами“. Роль фуксовъ по отношенію къ старшимъ членамъ корпораціи очень унижительно. По уставу корпораціи, они должны исполнять всевозможныя порученія и нерѣдко обидныя и оскорбительныя приказанія старшихъ. Такъ, напр., корпорантъ, желая закурить, въ правѣ требовать, чтобы фуксъ подалъ ему спичку; часто даже можно видѣть слѣдующую картину: сидитъ какой-нибудь опухшій отъ пива старый буршъ; недалеко отъ него находится горящая свѣча; стоитъ только протянуть

руку, чтобы зажечь папиросу, нѣтъ, онъ на весь залъ кричитъ:

— Фуксъ, огня!

И фуксы со всѣхъ сторонъ бросаются со спичками. — Спички и штопоръ для откупориванія бутылокъ они обязаны имѣть при себѣ.

Фуксы исполняютъ всевозможныя работы по корпораціи: они разносятъ кушанья гостямъ, если такіе бываютъ въ корпораціи, убираютъ залъ, фехтовальныя принадлежности, бѣгаютъ съ порученіями изъ одной корпораціи въ другую. Они наливаютъ изъ боченка пиво и подаютъ его корпорантамъ и гостямъ.

За ослушаніе или за плохо исполненное порученіе фуксъ подвергается возмутительному наказанію, заключающемуся обыкновенно въ томъ, что его заставляютъ насильно пить пиво (однимъ духомъ бутылку) или же (болѣе сильныя мѣры наказанія) ему намѣшиваютъ въ стаканъ подонки пива, воду, водку, мыло, бросаютъ сюда же окурки папиросъ и заставляютъ все это выпить однимъ духомъ. Г. Харузину студенты передавали что будто въ этотъ же стаканъ плюютъ¹⁾. Это наказаніе отбывается „провинившимся“ буршемъ при пѣніи особой, приноровленной къ случаю, пѣсни, не имѣющей и слѣда смысла. Отказаться отъ наказанія фуксъ не имѣетъ права.

Задурное поведеніе фуксъ подвергается различнымъ взысканіямъ, напр. дежурству въ корпораціи внѣ очереди, выговору и, наконецъ, самому важному, — „руковкѣ“. Съ „рукованнымъ“ никто изъ студентовъ не имѣетъ права вступать въ какія либо сношенія, даже разговаривать.

1) А. Харузинъ. По поводу брошюры: *О студенческой жизни въ Дерптѣ*. Стр. 12.

Когда-то русскаго студента на карикатурахъ изображали непременно лахматымъ юношею, въ плащѣ, съ дубинкой въ рукахъ, очкахъ и книжкою подъ мышкой. Въ нѣмецкихъ карикатурахъ установившійся типъ студента — распухшій отъ пьянства „цвѣтоносецъ“, въ съѣхавшей на затылокъ шапочкѣ, съ кружкою пива или рапирою въ рукахъ, съ папиросою или сигарою въ зубахъ и съ тупымъ лицомъ, испещреннымъ шрамами и заплатами на ранахъ, полученныхъ на дуэли; нѣсколько шрамовъ на лицѣ, кровавый слѣдъ отъ уха до носа и до слѣдующаго уха для цвѣтнаго Studiosus'a являются такимъ-же необходимымъ и почетнымъ атрибутомъ, какъ яркая татуировка для дикаря. Карикатура въ данномъ случаѣ не лжетъ: пиво и дуэли дѣйствительно составляютъ главную долю жизни корпоранта, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока обстоятельства не потребуютъ отъ него скорѣйшаго окончанія университета. Въ прежнее время срока для окончанія курса при академической свободѣ Дерптскаго университета не существовало и, по этому, если родительское состояніе обезпечивало корпоранту возможность числиться студентомъ сколько угодно времени, то юноша легко превращался сначала въ „altes Haus“, потомъ въ „Vernostes Haupt“ („старый домъ“, „мхомъ поросшая голова“ — названія для обозначенія стараго студента), въ строгаго блюстителя и правилъ жизни корпораціи во всей ихъ чистотѣ, т. е. грубости и дикости. Еще до недавняго времени въ Юрьевѣ было много „вѣчныхъ студентовъ“ и были даже такіе, которые праздновали 25-лѣтній юбилей своего пребыванія въ университетѣ.¹⁾

¹⁾ Время прохожденія курса въ прежнее время не было ограничено, можно было окончить ун-тъ въ два съ половиною года, но ни одинъ нѣмцкій студентъ не позволялъ себѣ воспользоваться этою возможностью, и большая часть оставалась въ ун-тѣ гораздо дольше 4-хъ лѣтъ.

рите, съ какой величавой, Богъ знаетъ, откуда навѣянной гордостью ѣздить на „цвейшпейнерѣ“ по улицамъ этотъ коммитонъ, съ какимъ по-истинѣ олимпійскимъ величіемъ онъ смотритъ мимо всѣхъ этихъ пигмеевъ—людишекъ, занятыхъ дѣлами, мало общаго имѣющими съ выполненіемъ его старозавѣтнаго устава, съ какими длиннѣйшими церемоніями, ни чуть не уступающими китайской напыщенности, онъ раскланивается съ своимъ-же товарищемъ студентомъ! Неосторожный, слишкомъ пристальный взглядъ или невинная усмѣшка по адресу великолѣпнаго представителя новѣйшаго академическаго рыцарства ведутъ къ вызову на дуэль. Современная студенческая дуэль окончательно выродилась въ нѣчто смѣшное. Достаточно малѣйшаго повода, ничтожнѣйшаго пустяка, чтобы наскучившій праздностью буршъ придрался и пригласилъ васъ къ барьеру. Студенческая дуэль обставлена нынѣ такими условіями, которыя превратили ее въ простую забаву привилегированныхъ классовъ. Почти никогда не кончаясь—стараніями самихъ-же дуэлянтовъ—смертельныхъ исходомъ, дуэль для студента является въ то-же время чѣмъ-то, вродѣ необходимаго аттестата на признаніе за нимъ корпораціею требуемой степени геройства и мужества. Университетскимъ начальствомъ и полиціей дуэль, конечно, строго преслѣдуется, но эти обстоятельства нисколько не мѣшаютъ существованію ея въ средѣ юрьевскихъ корпорантовъ и въ настоящее время. Студентъ, не отвѣчающій на вздорные вызовы праздныхъ буршей, является безчестнымъ созданиемъ во мнѣніи цвѣтнаго рыцаря. Надобно, впрочемъ, прибавить, что старо-студенческое понятіе о чести, вообще, и въ другихъ сферахъ жизни, потерпѣло значительныя видоизмѣненія. Порою оно принимаетъ самыя неосмысленныя формы, еще чаще переходитъ въ некрасивыя формы яв-

наго недостатка примитивныхъ нравственныхъ чувствъ... Защитники старыхъ студенческихъ организацій часто указываютъ на то, что будто-бы самая строгая корпоративность этихъ организацій ведетъ къ развитію и укрѣпленію товарищескихъ чувствъ и идей солидарности—элементовъ, необходимыхъ для всякой общественной жизни. Современные юрьевскіе корпоранты in concreto являютъ собой, какъ нельзя болѣе, яркую иллюстрацію невѣрности ходячаго мнѣнія. Нѣтъ и не можетъ быть мѣста идеямъ солидарности,—разумѣется, не грошевой, не за бутылкой въ „пивномъ состязаніи,“—тамъ, гдѣ цѣлью жизни является идеальное выполненіе всѣхъ параграфовъ и иной, тому подобный вредный или жалкій вздоръ. Въ настоящее время, между юрьевскими корпорантами сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что товарищи по гимназіи,—нерѣдко закадычные друзья на гимназической скамьѣ, не только не подаютъ руки другу другу, но и лишаютъ другъ друга „чести“—исключительно потому, что они принадлежатъ къ разнымъ корпораціямъ, зачастую ничѣмъ не отличающимся между собою. Въ свою очередь, и корпораціи студентовъ находятся въ постоянной и ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ ¹⁾).

1) Въ юбилейныхъ празднествахъ корпораціи „Ливонія“ приняло участие также общество эстскихъ студентовъ, которое поднесло юбиляру привѣтственный адресъ на нѣмецкомъ языкѣ, изложенный, по словамъ „Олевика“, въ нѣмецкомъ духѣ, причемъ на адресѣ имѣлось изображеніе эстской женщины, символизирующей эстскій народъ. Газета „Олевикъ“ сочла своимъ долгомъ указать на неумѣстность и безтактность поступка общества эстонскихъ студентовъ. Впослѣдствіи въ томъ же „Олевикѣ“ появилось письмо за подписью: „Отъ имени многихъ студентовъ эстской національности“, въ которомъ рѣшительно протестуется противъ образа дѣйствій общ. эстонскихъ студентовъ. „Пускай себѣ, говорится, между прочимъ, въ письмѣ,—члены этого общества играютъ въ своихъ 4 стѣнахъ въ корпорационные цвѣта, воспрещенные публично, пускай выражаютъ пожеланіе счастья тѣмъ, отъ кого они себѣ ожидаютъ счастья, но пускай при этой игрѣ оставляютъ въ сторонѣ эстскую женщину—эмб-

Въ корпораціи каждый мѣсяць, а иногда и чаще, бываютъ „коммерши“, т. е. пирушки. Во время этихъ пирушекъ поютъ пѣсни, присвоенныя „коммершамъ“, пьютъ и говорятъ рѣчи.

Пѣсни для коммершей печатаются. Вотъ отрывокъ одной изъ нихъ:

„Друзья, за столъ, наполните бокалы,
И будемъ пить, и всѣ напьемся пьяны!
Да здравствуетъ вино!
Вотъ счастье, вотъ оно!“

Какъ немного нужно корпорантамъ для счастья!

Послѣдняя изъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на коммершѣ, сопровождается довольно любопытной процедурой. Двое шаржиртовъ становятся по концамъ стола съ рапирами, а остальные корпоранты идутъ мимо нихъ и нанизываютъ свои фуражки на эти рапиры, при чемъ клянутся въ вѣрности корпораціи, затѣмъ возвращаются назадъ, и шаржиртъ надѣваетъ на ихъ головы фуражки, припѣвая слѣдующее:

„Мечомъ тебя я осѣняю,
И декель твой на голову я одѣваю!“

Поэтому рѣдко можно видѣть корпоранта съ совершенно цѣльной фуражкой на головѣ, большею же

лему народности, которая нисколько не сочувствуетъ имъ. „Ливонія“ живетъ сама для себя и никоимъ образомъ не заслужила благодарности эстонскаго народа“. Предсѣдатель общества эстскихъ студентовъ въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо заявляетъ въ той же эстской газетѣ, что привѣтствіе общества не имѣло де никакой политической подкладки, что авторъ письма тенденціозно, молъ, понялъ какъ содержаніе, такъ и форму адреса, что, наконецъ, общество эстонскихъ студентовъ поздравляло „Ливонію“ лишь отъ своего имени.

частью декеля корпорантовъ представляютъ изъ себя нѣчто похожее на рѣшето. Въ эти-то дырки и уходитъ нерѣдко здравый смыслъ...

Званіе активнаго студента въ корпораціи стоитъ массу денегъ. Фехтовальный курсъ, утренняя выпивка, генеральный кутежъ, празднованіе годовщины основанія корпорацій, кассовые взносы и т. п. — все это поглощаетъ много денегъ. Это-бы еще туда-сюда, но главное горе въ томъ, что эта процедура поглощаетъ все время. При той массѣ обязательствъ, съ которыми связано званіе активнаго бурша, совершенно понятно, что не остается времени для лекцій. Лишь въ положеніи неактивнаго, т. е. послѣ того, какъ буршъ пожертвовалъ для корпораціи нѣсколькими семестрами, онъ можетъ подумать о занятіяхъ. Чтобы какъ нибудь сдать экзаменъ, надо усиленно зубрить, нагнать потерянное съ упрямствомъ вола. Иной разъ и радъ бы заняться, но одна мысль, что въ такой-то часъ передъ обѣдомъ въ уютной „кнейпѣ“ сидитъ за пѣнящимися кружками компанія цвѣтныхъ собратьевъ, на многихъ дѣйствуетъ магически — и смотришь — тотъ или иной колеблющійся вмѣсто университета побрель къ ресторану.

Утренняя выпивка иногда длится до вечерней. Выпитое на тощакъ производитъ извѣстное отяжелѣніе въ головѣ; въ такомъ состояніи не до лекцій. Остается или отправиться къ себѣ *an die Bude* и переспать часокъ-другой, или-же съ компаніей отправиться въ пивное путешествіе — *Bierreise*, т. е. изъ одного ресторана въ другой.

Юрьевскія корпораціи — общества чисто нѣмецкія, принимающія въ свою среду лишь такихъ латышей, эстовъ, поляковъ, русскихъ, которые онѣмечились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или охотно идутъ на-

встрѣчу германизаци. Это доказывается какъ исторіей ихъ возникновенія, такъ и безусловнымъ господствомъ нѣмецкаго языка и духа въ ихъ управленіи. Исконная ихъ солидарность съ корпораціями загранично-нѣмецкими живо сохраняется до настоящаго времени: доказательствомъ могутъ служить, напр., телеграммы, полученныя юрьевскою студ. корпораціею *Livonia* по случаю празднованія въ 1897 г. 75-ти лѣтняго юбилея и напечатанныя отчасти въ посвященномъ этому юбилею изданіи. Пренебреженіе же ко всему русскому въ юрьевскихъ корпораціяхъ проявляется и въ томъ, что русскій языкъ вовсе не допускается въ эти студенческія общества, такъ что корпоранты донинѣ выдѣляются изъ среды прочихъ студентовъ недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка. Полная отчужденность корпорацій отъ событій государственной и національной жизни Россіи выражается, между прочимъ, и въ томъ, что онѣ празднуютъ годовщину Юрьевскаго университета не 12 декабря, какъ это положено по его уставу, а 21 апрѣля ¹⁾, какъ день имматрикуляціи перваго студента „Дерптскаго“ университета, хотя эта дата противорѣчитъ оффиціальнымъ даннымъ записи студентовъ или такъ назыв. *Album Academicum*. ²⁾

10 марта 1895 г. издано было Высочайшее повелѣніе объ установленіи форменной одежды для студентовъ

1) Въ 1902 г. 21 апрѣля корпоранты праздновали столѣтіе открытія Юрьевскаго ун-та. Прибалтійскіе нѣмцы сами отлично знаютъ, какъ ихъ „земско-дворянскій ун-тъ“ мало походилъ на высшее учебное заведеніе — съ профессорами изъ управляющихъ имѣніями, случайныхъ эмигрантовъ и даже отставныхъ барабанщиковъ. Обо всемъ этомъ какъ разъ къ юбилею напечатаны въ нѣмецкомъ-же прибалтійскомъ журналѣ воспоминанія нѣмецкаго-же профессора, который и сообщаетъ, что тогдашніе нѣмцы, 1802 г., благословляли и привѣтствовали переходъ университета въ руки правительства. А вотъ нынѣшніе нѣмцы, видно, думаютъ иначе.

2) Имматрикуляція первыхъ студентовъ состоялась 5 апрѣля.

Юрьевского университета, мотивированное главнымъ образомъ желаніемъ правительства „введеніемъ для студентами форменной одежды, общаго съ другими университетами образца, уничтожить внѣшніе знаки принадлежности студентовъ къ корпораціямъ.“¹⁾ Корпоранты не сразу подчинились этому закону, а нѣкоторое время продолжали носить цвѣтныя фуражки въ особаго рода чехлахъ, а равно ленты, лишь нѣсколько закрытыя сюртуками или верхнимъ платьемъ. Изрѣдка это встрѣчается между ними и теперь. Этого рода то пассивное, то активное противодѣйствіе закону о студенческой формѣ было, между прочимъ, предметомъ судебного разбирательства въ юрьевскихъ мировыхъ судахъ осенью 1897 г. и весною 1898 г. по случаю юбилея корпораціи Livonia.

Въ 1898 г. 26 февраля разбиралось въ венденъ-валкскомъ съѣздѣ дѣло о почетномъ мировомъ судѣ Эдгарѣ фонѣ Р. по обвиненію его въ ношеніи корпораціонныхъ цвѣтовъ и оскорбленіи городского, которому, на предложеніе переѣннить цвѣтную корпораціонную шапочку или покрыть ее чехломъ, фонъ Р. сказалъ по-нѣмецки: „Убирайся къ черту!“ Въ свое время этотъ почетный мировой судья былъ приговоренъ юрьевскимъ участковымъ мировымъ судьей къ пяти днямъ ареста. Дѣло это восходило до сената, которымъ оно было передано для новаго разсмотрѣнія венденъ-валкскому съѣзду мировыхъ судей. Товарищъ прокурора въ своей рѣчи указывалъ, что обвиненіе по 29 ст. уст. о нак. въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста въ виду того, что воспрещеніе носить корпораціонные цвѣта можетъ относиться лишь къ студентамъ и что распоряженія министерства народнаго просвѣщенія обязательны только для лицъ, подвѣдомст-

¹⁾ Студ. корп. при Юрьев. унив.“

венныхъ сему министерству. Что же касается обвиненія по 31 статьѣ, то оно вполнѣ доказано, ибо хотя требованіе городского и было незаконно, однако подсудимый не имѣлъ права корить поведеніе городского: это право принадлежитъ его начальству. Представитель обвиненія высказался за замѣну ареста денежнымъ штрафомъ. Съѣздъ вынесъ слѣдующій приговоръ: почетнаго мирового судью фонъ Р. по обвиненію въ нарушеніи ст. 29 уст. о нак. считать оправданнымъ, а за нарушеніе 31 статьи того же устава присудить къ штрафу въ 10 рублей.

Между тѣмъ филистеры считаются членами университетскихъ корпорацій и, какъ таковые, не могутъ не подчиняться изданнымъ для послѣднихъ компетентными властями распоряженіямъ, въ данномъ случаѣ основаннымъ на Высочайшемъ повелѣніи.

„Подобнаго рода свободное отношеніе къ административнымъ распоряженіямъ и даже къ законодательнымъ актамъ выражается и во многихъ другихъ дѣйствіяхъ корпорацій. Но особенно важнымъ представляется при этомъ постепенно развивавшееся въ ихъ средѣ убѣжденіе, что онѣ представляютъ какъ бы патриціатъ и управляютъ этой въ неясныхъ формахъ выражается уже въ составленномъ корпорантами Krons-Comment'ъ 27 апрѣля 1855 года. Такъ, въ § 2 этого коммента на корпораціи возложено „поддержаніе между студентами (можетъ быть личнымъ примѣромъ?) хорошаго тона“ и „регулированіе (тоже?) университетскаго общежитія“. По § 7 „конвенту выборныхъ (Chargierten-Convent) всѣхъ корпорацій предоставлено „постановлять обще-дѣйствительныя (allgemein gültigen) рѣшенія и приводитъ ихъ къ общему признанію между студентами (вообще или въ составѣ корпорацій?)“.

По § 10 на существующій при корпораціяхъ „Судъ чести“ возложена задача „мирно улаживать столкновенія (между корпорантами или вообще?) и предотвращать дуэли.“¹⁾

По § 13 (видоизмѣненному попечителемъ графомъ Кейзерлингомъ, по ходатайству корпорацій, 20 октября 1864 г.) допущено существованіе „Суда буршей (корпорантовъ или студентовъ вообще?), съ цѣлію привлечь къ ответственности (тоже?) и подвергать наказаніямъ за проступки противъ существующихъ обще-дѣйствительныхъ (для кого?) основъ корпорацій“.

На основаніи этихъ—повидимому, тенденціозныхъ—неясностей Krons - Comment'a развилось въ послѣдствіи между корпорантами убѣжденіе, что ихъ „конвенту выборныхъ“ и ихъ „суду буршей“ подсудны не только корпоранты, но и дикіе (Wilder), вообще все студенчество, на которое вслѣдствіе того возложена была обязанность непременно являться при поступленіи въ университетъ въ одну изъ корпорацій, по усмотрѣнію послѣднихъ, приписываться въ кліенты таковой и выслушивать тамъ „Comment“ (повидимому не краткій Krons-Comment, а обширный Burschen-Comment, начальству неизвѣстный и никѣмъ не утвержденный). Взглядъ этотъ настолько въ послѣдствіи утвердился, что его раздѣляло и университетское начальство, какъ видно изъ сношенія его съ „Конвентомъ выборныхъ“ при открытіи не только новыхъ корпорацій, но и студенческихъ обществъ другого типа (Ferein'овъ), которыя вынуждаемы были подписывать обязательство о подчиненіи рѣшеніямъ „Конвента“. Такое обязательство установлено было, наприм., попечителемъ фонъ Брадке, при разрѣшеніи 24 марта 1862 г. „общества русскихъ студентовъ“. Вскорѣ, впрочемъ, оно было

¹⁾ Іь.

закрѣто (26-го ноября 1862 г.) за несогласіе съ „Конвентомъ“ по вопросу о „судѣ чести“. Были случаи, что „Конвентъ выборныхъ“ обращался къ университетскому начальству съ ходатайствами объ исключеніи навсегда того или другого студента (напр., въ 1864 г. Алексѣя Германа), что обыкновенно и было исполняемо въ той или другой формѣ. И въ новѣйшее время были случаи столкновенія корпорантовъ съ „дикими“ за нежеланіе послѣднихъ подчиняться приговорамъ „Конвента выборныхъ“ или „суда буршей“, которые, очевидно, и теперь считаютъ себя какъ бы управляющимъ органомъ *Vir-schenstaat'a* (это названіе встрѣчается въ официальныхъ сообщеніяхъ проректору, напр., отъ 17 ноября 1884 г. по случаю открытія корпораціи *Tarbatonia*). Если же такія столкновенія между корпорантами и вильдерами стали теперь рѣже, то объясняется это значительнымъ уменьшеніемъ числа пѣрвыхъ въ послѣдніе годы. Въ самомъ дѣлѣ, въ 50-хъ годахъ они составляли почти 50% всего студенчества (250—300 изъ 500—600 студентовъ), въ 80-хъ годахъ — 30% (напр., во II семестрѣ 1890 г. до 500 изъ 1812 слушателей), а теперь едва 12—13% (напр., во III семестрѣ 1899 г. 229 изъ 1742 слушателей) общаго числа слушателей.

Слѣдуетъ отмѣтить, что указанною отчужденностью отъ всего русскаго объясняется и безучастіе корпорацій къ студенческимъ волненіямъ нашихъ университетовъ, развившееся, между прочимъ, и во время смуть 1899—1901 гг. Нѣкоторые склонны объяснить подобнаго рода безучастіе легальнымъ образомъ мыслей и дѣйствій корпорантовъ, ихъ уваженіемъ къ распоряженіямъ законныхъ властей, духомъ дисциплины и порядка, которымъ де они проникнуты. Но если вспомнить прежнія событія, напр., демонстративные проводы корпорантами профессора Шир-

рена въ 1869 г., уволеннаго правительствомъ изъ университета за мятежническія рѣчи на лекціяхъ и въ репортаціяхъ, которое не подтверждается и исторіей ихъ возникновения, какъ обществъ только терпимыхъ до 1855 г.

Мѣстное нѣмецкое общество мирволило и донынѣ мирволить корпорантамъ, этимъ буйнымъ, бражничающимъ и дуэлирующимъ студентамъ изъ - за нѣмецкой ихъ закваски, а также изъ-за аристократическихъ и плутократическихъ связей этой патриціанской молодежи. Корпорации являлись для мѣстныхъ нѣмецкихъ бароновъ, пасторовъ и бюргеровъ порукою въ томъ, что ихъ дѣти воспитываются въ замкнутой нѣмецкой и протестантской средѣ, слѣдовательно, подготовляются для дѣятельности на пользу не столько Россіи, сколько мѣстнаго прибалтійскаго фатерланда ¹⁾ и вообще для служенія началамъ германизма и протестантизма какъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ и внѣ ихъ, въ русскомъ государствѣ. Въ прежнее время, до введенія въ этихъ губерніяхъ правительственныхъ судовъ и коронной администраціи, принадлежность къ корпорациямъ являлась для молодыхъ людей одною изъ серьезныхъ гарантій полученія впоследствии хорошей должности по выборамъ балтійскаго

¹⁾ Это ясно слѣдуетъ между прочимъ изъ сравненія § 2 Правиль для корпораций 27 апрѣля 1855 г. съ напечатаннымъ въ сочиненіи Ed. Fehre: *Gesch. der Fraternitas Rigensis* (S. P. B. 1898 стр. 25) соответственнымъ параграфомъ Comment'a корпорации *Fraternitas Rigensis* отъ 1832 г. Тамъ мы читаемъ: „Корпорации имѣютъ цѣлью подготовку къ будущей плодотворной дѣятельности въ отечествѣ“ (неизвѣстно какомъ?); здѣсь же сказано:

„Zweck und Ziel der Verbrüderung ist Vorbereitung zur künftigen Thätigkeit im Vaterlande; Riga, Livland“.

Если принять въ соображеніе, что Правила 1855 г. составлены на основаніи прежнихъ коммандовъ, то ясно, что подъ „отечествомъ“ въ нихъ разумѣются Рига, Лифляндія, Курляндія, Эстляндія, но никакъ не Россія. „Ст. корп. при Юр. ун-тѣ“.

дворянства, которое служитъ и земствомъ въ этихъ губерніяхъ. При господствѣ въ мѣстной протестанской церкви свѣтскаго патроната знакомство съ дѣтьми бароновъ и съ вліятельными филистерами той или другой корпораціи являлось и для студентовъ-богослововъ немало-важнымъ шансомъ полученія впоследствии хорошаго прихода въ одномъ изъ баронскихъ имѣній. И дѣти бюргеровъ считали не только почетнымъ, но и выгоднымъ для дальнѣйшей дѣятельности сблизаться въ корпораціяхъ съ сословіемъ, столь вліятельнымъ въ этомъ краѣ. Вотъ почему въ прежнее время родители юрьевскихъ буршей не жалѣли средствъ для доставленія имъ возможности поступать въ корпораціи и уплачивать немалые расходы (до 10—18% изъ получаемого отъ родныхъ содержанія) на фехтбоденъ, кнейпы, коммерсы и другія потребности корпоративной жизни¹⁾.

Въ общемъ, однако, не смотря на сочувственное отношеніе мѣстнаго общества и вліятельную поддержку филистеровъ, юрьевскія корпораціи падаютъ. Да иначе и быть не можетъ:

Das Alte stürzt, es ändert sich die zeit,
Und neues Leben blüth aus den Ruinen²⁾.

Къ жизни юрьевскихъ корпорацій эти слова Шиллера примѣнимы не менѣе, чѣмъ къ другимъ жизненнымъ явленіямъ, смѣняющимъ другъ друга въ своемъ развитіи.

Въ прежнее время гостепріимныя двери Дерптскаго ун-та были радушно и широко открыты для всѣхъ національностей. Здѣсь встрѣчались самые разношерстные

¹⁾ „Студенч. корпораціи при Юрьевскомъ унив.“

²⁾ Старое рушится, мѣняется время и на развалинахъ расцвѣтаетъ новая жизнь.

элементы, представители всѣхъ мѣстностей Россіи, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая.“ Большинство изъ нихъ имѣли за собой болѣе или менѣе интересную біографію и вообще видали виды; были люди за 30 или 50 лѣтъ ¹⁾. Всякій приходившій сюда, какъ въ древнюю Запорожскую Сѣчь, заявлялъ, какую науку онъ намѣренъ „штудировать“ и затѣмъ записывался членомъ какой нибудь корпораціи или оставался „вильдеромъ.“

За 100 лѣтъ Юрьевскій ун-тъ выпустилъ около 20 тыс. врачей, юристовъ, пасторовъ и т. п. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ по окончаніи курса приняли монашество или стали простыми ремесленниками ²⁾.

Въ Юрьевскомъ университетѣ слушали лекціи: безсмертный Н. И. Пироговъ — впоследствии попечитель Кіевскаго учебнаго округа; П. Г. Рѣдкинъ — впоследствии членъ государственнаго совѣта; поэтъ Языковъ; лексикографъ Даль; историкъ М. С. Куторга (1833—35 гг.); славяновѣдъ В. И. Григоровичъ; астрономъ Овсянниковъ; бывшій проф. военно-медицинской академіи В. А. Манасеинъ (впоследствии ред. *Врача*); Иноземцевъ; талантливый современный писатель П. Д. Боборыкинъ въ 1855—1860 г. прослушалъ въ Дерптскомъ ун-тѣ полный курсъ медицинскаго факультета, но экзамена на степень доктора не сдалъ, такъ какъ литературный успѣхъ вскружилъ голову 24-хъ лѣтняго юноши и онъ совсѣмъ бросилъ медицину и университетъ; политико-экономъ Н. В. Водовозовъ; юристъ Кал-

¹⁾ Одинъ изъ такихъ старыхъ студентовъ г. Подвысоцкій былъ предводителемъ дворянства, потомъ предсѣдателемъ черниговской межевой палаты. Бросивъ службу, онъ 50-ти лѣтъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, поступилъ въ Дерптскій ун-тъ на медицинскій факультетъ и впоследствии получилъ мѣсто профессора въ Казанскомъ ун-тѣ.

²⁾ Въ числѣ окончившихъ Юрьев. ун-тъ есть также нѣсколько кабатчиковъ, одинъ мормонскій проповѣдникъ въ Америкѣ, одинъ рабовладелецъ и т. д. Семья не безъ урода.

мыковъ (1828—34 гг.); публицистъ Утинъ; И. О. Шиховскій; Сокольскій; Коноплевъ; Шуманскій; Ивановскій (1832—35 гг.); Котельниковъ; Муравьевъ; Шкляревскій — чудный парень и поэтъ, умеръ въ Дерптѣ отъ чахотки; Чивилевъ — бывшій наставникомъ у покойнаго наследника Николая Александровича, сгорѣлъ въ царскосельскомъ дворцѣ; три брата Карамзиныхъ; гр. В. Соллогубъ; Матвѣевъ, и много еще другихъ.

Н. И. Пироговъ род. въ 1810 г., 14-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій ун-тъ, 17-ти лѣтъ онъ уже былъ лекаремъ, 22-хъ лѣтъ защитилъ докторскую диссертацию и уѣхалъ за-границу. Черезъ 2 года возвратился и занялъ въ Дерптѣ кафедру своего учителя Мойера.

Н. И. Пироговъ составляетъ чуть-ли не первую славу Юрьевскаго университета и его „Дневникъ“ о жизни въ Дерптѣ въ концѣ 20-хъ и затѣмъ въ 30-хъ годахъ представляетъ самую блестящую характеристику здѣшняго преподаванія, основаннаго на опытахъ и живомъ наблюдении природы¹⁾.

Съ 1826 по 1829 г. состоялъ студентомъ медицинскаго факультета Юрьев. унив. В. И. Даль. Ему пришлось слушать здѣсь курсъ наукъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ и Иноземцевымъ. 29 марта 1829 г. студентъ Даль былъ зачисленъ во вторую дѣйствующую армію; ему не удалось кончить курса. Даль въ Дерптѣ пользовался репутаціей прекраснаго рассказчика и большого проказника. Ему, напр., приписываютъ перенесеніе въ ночное время рѣзного крыльца къ дому, у котораго было очень ветхое крыльцо.

Съ Юрьевскимъ университетомъ связаны бурные дни жизни Н. М. Языкова.

¹⁾ „Уч. Зап. Имп. Юр. унив.“ 1893 г. № 1.

По совѣту родственника Жуковскаго А. Ѳ. Воейкова, Языковъ, несмотря на свои чисторусскія наклонности, ѣдетъ въ Дерптъ и съ начала 1822 учебнаго года посѣщаетъ лекціи Дерптскаго университета.

„Его очень широкая натура, по словамъ біографа, нашла себѣ слишкомъ большой просторъ въ этомъ необширномъ городкѣ, въ которомъ студентство играло важнѣйшую роль и не стѣснялось въ проявленіяхъ своего молодого буйства и разгула никакими условіями, приличіями и требованіями общественной жизни“. Обстановка дерптской жизни загубила поэта.

Съ переѣзда Языкова въ Дерптъ начали появляться въ печати стихотворенія, сразу обратившія на себя вниманіе читателей.

Лѣтомъ 1823 года, Жуковскій, посѣтивъ Дерптъ, обласкалъ Языкова и ободрилъ его; въ слѣдующемъ году Пушкинъ обратился къ нему съ посланіемъ¹⁾, которое заканчивается приглашеніемъ Языкова погостить въ псковскомъ помѣстьѣ поэта, селѣ Михайловскомъ. Въ Дерптѣ талантъ Языкова созрѣлъ и опредѣлился окончательно: „Онъ былъ поэтъ, — пишетъ о себѣ Н. М., — безпечными глазами глядѣлъ на міръ и былъ ему чужой; онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями; онъ красоту боготворилъ душой; онъ воспѣвалъ счастливыми стихами харитъ, вино, и дружбу, и покой“. „Поэтъ радости и хмеля“, онъ пѣлъ „ланиты и уста, и станъ, и все, что красота въ его богинѣ сладострастья“. Наконецъ, поэтъ природы, онъ пѣлъ холмы, лѣса, поляны, скаты злчныхъ береговъ и старинные курганы — память смѣлыхъ праотцовъ,

¹⁾ Это посланіе начинается такъ:
„Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они — жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.

Родня другъ другу по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!“

сохраненные вѣками“, — вотъ чѣмъ жила муза Языкова. Стихи его читались публикою съ увлеченіемъ, популярность его росла не по днямъ, а по часамъ, молодежь положительно зачитывалась ими. Въ 1826 году Языкову довелось, наконецъ, познакомиться съ Пушкинымъ, у котораго онъ провелъ въ Михайловскомъ все это лѣто. Воспоминанія объ этомъ лѣтѣ на всю жизнь остались лучшимъ сокровищемъ въ душѣ пламеннаго поэта.

Блестящи были успѣхи Языкова въ обществѣ, какъ поэта, — но далеко не таковы были успѣхи его въ любви.

Въ Дерптѣ на литературную дѣятельность Языкова вліяла его любовь, или вѣрнѣе — двѣ его страсти: къ Воейковой и къ Дыриной. Нечего и говорить о томъ, что обѣ эти одновременно существовавшія и уживавшіяся одна съ другой страсти не были даже подобіемъ истинной любви, какъ признавалъ это и Языковъ, и какъ можно убѣдиться уже по самой неестественности такого одновременнаго увлеченія двумя личностями вмѣстѣ. Ничего серьезнаго въ чувствѣ Языкова не было, но по своей живости и воспримчивости онъ былъ пораженъ, подобно большинству тогдашнихъ жителей Дерпта, красотой Воейковой и ея нравственными качествами. Онъ незамѣтно сдѣлался, какъ и многіе, горячимъ ея поклонникомъ и, наконецъ, „трубадуромъ“. Онъ увѣряетъ, что Воейкова его вдохновляетъ, онъ пишетъ ей стихи въ альбомъ, интересуется ея пріѣздами въ Дерптъ и отъѣздами въ Петербургъ. Дырина же становилась предметомъ его пѣснопѣній во время отсутствія Воейковой изъ Дерпта; она всегда оставалась, такъ сказать, въ резервѣ, о чемъ Николай Михайловичъ „ничто же сумняся“ и благодушно повѣствуетъ братьямъ. Но все это такъ оригинально, что мы предпочитаемъ привести собственныя слова Языкова:

„Что касается меня по части сердечныхъ чувствованій, — пишетъ онъ, — я говорю, что самъ въ себѣ замѣтилъ: въ то время, когда здѣсь нѣтъ Воейковой, я охотно посѣщаю Дырину; пишу даже стихи и вообще чувствую что-то ни на что не похожее; но Воейкова пріѣзжаетъ сюда всякій разъ для меня торжественно, и при ней все прежнее исчезаетъ во мнѣ, какъ снѣгъ передъ лицомъ солнца, и я дѣлаюсь частнымъ ея, т.-е. Дыриной, зрителемъ и посѣтителемъ“. Это странное обстоятельство поэтъ объясняетъ излишней раздражительностью своихъ чувствованій и шутливо сравниваетъ себя съ мыслителемъ, „который довольствуется и тѣмъ, что имѣетъ, но не пропускаетъ случая пользоваться лучшимъ, когда можетъ выбирать“. Однажды, выписывая въ письмѣ стихи, посвященные Воейковой: „Она меня очаровала“, — Языковъ, прибавляетъ въ поясненіе къ нимъ: „видишь ли, что и я умѣю во-время притворяться! Это — общее свойство поэтовъ“.

По поводу другого стихотворенія: „Забуду-ль васъ когда-нибудь“, онъ комментируетъ его: „Сдѣлай милость, не толкуй въ любовную сторону этихъ стиховъ: здѣсь одна комплементика — слѣдствіе недостатка времени, духа и обстоятельствъ для произведенія чего-нибудь достойнѣйшаго моей музы, игрушка ума или кимваль бряцающій“. Но всего откровеннѣе выразился объ этомъ поэтъ въ слѣдующемъ, пропущенномъ въ печати, четверостишии въ посланіи къ Вульфу, 1826 г. („Мой другъ, учи меня рубиться“); въ этомъ стихотвореніи, передъ стихомъ: „Теперь служу иному чувству“, было пропущено:

„Я пѣлъ виновныя мечты,
Я посвящалъ рукой безбожной
Дары поэзіи подложной
Очамъ подложной красоты“.

Тѣмъ не менѣе, хотя и подогрѣтое въ значительной степени воображеніемъ, преклоненіе Языкова передъ Воейковой было довольно сильное, что подтверждается многими стихотвореніями, посвященными этой якобы плѣнительницѣ сердца поэта. Этому божеству расточались щедрыя жертвы; цѣлые вечера проводилъ нашъ поэтъ въ тайномъ восхищеніи ея красотой. Кромѣ поэтической дани, онъ доказывалъ свое увлеченіе еще другими способами, напр. путешествіемъ пѣшкомъ къ ней въ деревню изъ Дерпта, что подало поводъ къ сочиненію въ кружкѣ пріятелей насмѣшливой легенды о ежедневномъ, будто бы, тридцати-шести-верстномъ странствованіи поэта для лицезрѣнія своей богини. Но Воейкова оставалась равнодушной и невнимательной къ явному ухаживанію поэта; она желала только получать отъ него стихи въ альбомъ и потомъ передавать ихъ въ „Инвалидъ“ или „Новости Литературы“, въ тоже время показывая видъ, что рѣшительно не подозрѣваетъ восторговъ своего пламеннаго обожателя. Раздосадованный Языковъ излечился отъ своего увлеченія, но долго не могъ примириться съ разыгранной имъ незавидной ролью неудачнаго вздыхателя.

Отрезвленіе произошло около половины 1825 г., когда тактика сирены вполне уяснилась Языкову; объ этомъ онъ сообщалъ въ такой формѣ: „Теперь я вижу и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлью только вытащить у меня стиховъ! Она успѣла, к.....! — впрочемъ, надѣюсь, въ послѣдній разъ; мнѣ жаль только времени нѣсколькихъ вечеровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала отъ меня альбомъ съ новыми стихами и затѣмъ снова ко мнѣ его присылала! Воейкова теперь, вѣрно, уже въ Петербургѣ. Она уѣзжала отсюда въ сопровожденіи, до первой станціи, многихъ кавалеровъ, дамъ и пр.. Говорятъ,

зрѣлище. было умиленное! Я просидѣлъ дома... Надѣюсь ее еще видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ; впрочемъ, едва-ли она будетъ на меня сильно дѣйствовать. Мнѣ на нее даже досадно: она могла изъ меня все сдѣлать, могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная“!

Такимъ образомъ Языкову не повезло въ любви, не повезло ему и въ университетѣ, какъ студенту.

Для университета онъ работалъ неусидчиво, а такъ... порывами, по временамъ: „не могъ,—выражаясь его собственными словами—впитаться въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя“, даже не умѣлъ совладать съ методическими приготовленіями къ экзамену.

„Въ моемъ положеніи, внѣшнемъ и внутреннемъ,—откровенно признавался онъ Вульфу въ одномъ изъ писемъ 1827 г.,—все идетъ прежнимъ порядкомъ, или, вѣрнѣе, безпорядкомъ; приготовленія къ экзаменамъ не начались, такъ какъ мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя, безъ всякой системы,—какъ въ голову придетъ—безъ цѣли близкой“. Годъ за годъ, а приготовленія къ экзамену не подвигались впередъ, кончилось тѣмъ, что онъ такъ-таки, и не приготовился къ нему въ теченіе цѣлыхъ 6 лѣтъ и въ концѣ 1829 г. оставилъ Дерптъ „бездипломнымъ“ студентомъ¹⁾.

Въ Дерптѣ былъ популяренъ слѣд. экспромтъ („М. П. Б.“) Н. Языкова:

Разгульна, свѣтла и любовна,

Душа веселится моя.

Да здравствуетъ Марья Петровна

И ножка и ручка ея!

¹⁾ В. Шенрокъ. „Н. М. Языковъ“. „Вѣст. Евр.“ 97 г. № 11 и 12; М. Столяровъ. „Н. М. Языковъ въ Дерптѣ“. „Сборн. Уч. Лит. общ. при Имп. Юр. унив. т. II. Юр. 1899 г.

Какъ розы денницы живыя,
 Какъ вешняя пѣснь соловья,
 Ланиты ея молодая
 И сладостный голосъ ея!
 Какъ звѣзды задумчивой ночи,
 Какъ первые снѣги полей,
 Ея восхитительны очи
 И дѣвственный бархатъ грудей!
 Блаженъ, кто роскошно мечтая,
 Зоветъ ее дѣвой своей;
 Блаженнѣй избранниковъ рая
 Студентъ, полюбившійся ей.

Въ Дерптѣ былъ обычай между студентами приискивать себѣ, во время университетскаго курса, невѣсту, между дочерьми бюргеровъ, чиновниковъ, профессоровъ. Женихъ и невѣста дожидались спокойно нѣсколько лѣтъ. Женихи (Fressbäutigam) — студенты жили до окончанія курса въ ун-тѣ на счетъ родителей невѣсты или на ея средства — и они обязывались честнымъ словомъ жениться потомъ на своей невѣстѣ. Но часто случались и нарушенія обѣщанія. Русскихъ немногихъ соблазнялъ этотъ нѣмецкій обычай. Такъ студ. Филмофитскій (впослѣдствіи проф. физиологіи въ Моск. ун-тѣ) вздумалъ жениться, предъ поѣздкой за-границу, на Марьѣ Петровнѣ. Ее-то и воспѣлъ Языковъ. Пѣсня „Да здравствуетъ Марья Петровна“ слышится и теперь и на улицѣ, и въ собранияхъ русскихъ студентовъ, какъ торжественный гимнъ, воспѣваемый въ честь русской красавицы.¹⁾

¹⁾ Въ Юрьевѣ русскія красавицы до послѣдняго времени играли видную роль въ жизни студентовъ и даже нашихъ великихъ писателей: Пушкина, Жуковскаго и др. Мы уже выше писали, что въ Юрьевѣ жила М. А. Мойеръ (ур. Протасова). Жуковскій, какъ извѣстно, любилъ ее страстно. Но любовь эта окончилась печально: Ж-ій сдѣлалъ М. А. предположеніе и получилъ отказъ отъ ея матери, мотивированный родственными

Другая популярная пѣсня Н. Языкова:

Кто за бокаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада,
Богъ пѣсенъ, Богъ винограда,
Отрады новыя даетъ.

Слова святыя: Пей и пой,
Необходимы для пирушки.

отношеніями. Черезъ годъ, въ 1813 г., Ж—ій опять пытался добиться руки М. А-ы, но, несмотря на взаимность, снова получилъ отъ нея матери рѣшительный отказъ. Въ 1817 г. М. А. вышла замужъ за дерптскаго проф. Мойера, а въ 1823 г. скончалась. Эта женщина сдѣлалась для поэта символомъ всего высокаго и идеальнаго. Въ Юрьевѣ жила красавица А. П. Кернъ, къ которой Пушкинъ питалъ глубокую страсть. „Никогда не забуду я первую минуту, когда васъ увидаль,“—сказалъ А. П-ѣ Императоръ Александръ I. Таково же было и впечатлѣніе Пушкина при первой встрѣчѣ съ А. П. Кернъ въ Петербургѣ, въ 1819 г., въ домѣ ея тетки Олениной. Въ 1825 г., А. П. Кернъ гостила въ Тригорскомъ, у своей родственницы П. А. Осиповой, къ которой Пушкинъ часто ѣздилъ изъ Михайловскаго. И въ томъ же 1825 г. въ іюль Пушкинъ написалъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное А. П. Кернъ:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томлени грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:

И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Друзья! гдѣ арфа подлѣ кружки,
Тамъ бога два, тамъ пиръ двойной!

„Комитату“ (проводамъ) Н. Языковъ посвятилъ
слѣд. пѣсню:

Послѣдній разъ приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди васъ.
Сей говоръ чашъ, свободной дружбы гласъ,
Сей крикъ и шумъ, разгуль души бурсацкой,
Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ!

Завтра день забрезжится мнѣ новый,
Свѣжо вздохнетъ младая грудь моя,
Восторга полнѣ—увидю снова я
Родимыя долины и дубравы,
Гдѣ-жъ вы, мои разгульные друзья?

Могучій Богъ ведетъ меня далече
Отъ васъ, моихъ согражданъ—бурсаковъ!
Найду-ли гдѣ поэзію трудовъ,
Пиръ друзей и пламенное вѣче,
Живую жизнь и мысли безъ оковъ?

О будь-же вамъ, звѣздою путеводной,
Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ!
Да радостно, средь удалыхъ бесѣдъ,
Она хранить вамъ духъ своенародный
И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ!

А мнѣ, друзья, отрадою священной,
Останется счастливая мечта
Про васъ и всѣхъ, про милыя мѣста,
Гдѣ я гулялъ молодой и вдохновенный
И съ вами пѣлъ: Все мигъ и суета.

Результатомъ долгаго пребыванія въ Дерптѣ было
то, что даровитый поэтъ въ послѣдствіи никакъ не могъ
совладать съ собою, не могъ даже на короткое время

отрѣшиться отъ увлеченій и шумнаго разгула студенчества. Онъ писалъ:

Въ достопамятные годы
 Милой юности моей
 Вы меня, пѣвца свободы
 И студенческихъ кутежей,
 Восхитительно ласкали.
 Поэтически — живая
 Отцвѣла весна моя,
 И дана мнѣ жизнь моя,
 Жизнь тяжелая...

Въ другомъ мѣстѣ Н. Языковъ говоритъ:

Я не забуду никогда
 Мои студенческіе годы,
 Раздолье Вакха и свободы,
 И благодатнаго труда!..

Русскимъ студентамъ жилось въ Дерптѣ очень плохо. Незнаніе мѣстнаго языка, отсутствіе разумныхъ развлеченій и тоска по родинѣ имѣли послѣдствіемъ то, что студенты начинали пить. Они пили, спивались и уѣзжали изъ Дерпта безъ диплома и съ разстроеннымъ здоровьемъ.

Тяжелое положеніе русскихъ студентовъ въ Дерптѣ ухудшалось тѣмъ, что нѣмцы относились къ нимъ крайне недружелюбно¹⁾, доказательствомъ чего можетъ служить

¹⁾ Особенно недружелюбно относились къ студентамъ ветеринарнаго института. Съ послѣдними нѣмцы не желали входить въ какое-либо соприкосновеніе, причисляя ихъ къ „кнотамъ“, т. е. лицамъ не университетскаго образованія, и награждая презрительнымъ прозвищемъ die Pescdisten (скотники). Благодаря болѣе низкому образовательному цензу для поступленія въ ветеринарный институтъ (6 классовъ гимназій или реальнаго училища), среди ветеринаровъ было дѣйствительно не мало темныхъ элементовъ, которые понижали общій умственный и культурный уровень. Это были неудачники, недоучки, забулдыги, безъ уваженія къ наукѣ, безъ умственныхъ интересовъ, иногда съ самыми примитивными

полемика въ печати по поводу празднованія 75-лѣтняго юбилея студенческой корпораціи *Ливонія*. Сообщая въ свое время о шумномъ празднованіи этого юбилея, мы спрашивали въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*: интересно знать, учреждены-ли ливонцами въ память юбилея какія-нибудь стипендіи въ Юрьевскомъ университетѣ? На этотъ вопросъ отвѣтилъ въ тѣхъ-же *Бирж. Вѣдом.* курьезнымъ письмомъ „бывшій воспитанникъ Дерптскаго университета“. Этотъ „воспитанникъ“ писалъ:

„Я, какъ бывшій воспитанникъ Дерптскаго университета, смѣю увѣрить, что если подъ „стипендіями въ Юрьевскомъ университетѣ“ подразумѣвать стипендіи, поступающія въ распоряженіе университета какъ административной и юридической единицы, то наврядъ-ли ливонцами были учреждены такія стипендіи, что обусловливается нынѣшними порядками, а именно тѣмъ, что нынче въ Юрьевскій университетъ систематически принимаются такія люди, которымъ въ другой русской университетъ—кромѣ, можетъ быть, Варшавскаго, входъ запрещенъ: во-первыхъ вообще студенты, по какимъ-либо причинамъ исключенные изъ другого университета, считающіеся вреднымъ элементомъ для этихъ университетовъ, для Юрьевскаго-же полезными; затѣмъ евреи, принимающіеся въ другіе университеты не болѣе 5 процентовъ, а въ Юрьевскій сколько угодно, благодаря чему

инстинктами; другіе были почти дѣти, безъ солидныхъ нравственныхъ устоевъ, одинаково легко подчиняющіеся добрымъ, какъ и злымъ порывомъ. Но не всѣ были такіе: многіе попадали въ ветеринарный институтъ случайно: реалисты, которымъ не посчастливилось попасть въ высшія техническія заведенія, гимназисты, которымъ не удалось получить аттестатъ зрѣлости по причинамъ, лежащимъ внѣ способности къ прохожденію наукъ, и т. п. Между ними были люди, которые по высотѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ завоевывали себѣ уваженіе и авторитетъ среди всего русскаго студенчества въ Дерптѣ. „Воспоминанія дерптскаго студента“ *Е. Делена*, „М. Б.“ 1902 г. № 3.

юрьевскіе еврей-студенты изъ русскихъ губерній настолько зазнались, что произошелъ однажды слѣдующій трагико-комичный инцидентъ: нѣсколько евреевъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности мировымъ судьей за какую-то погрѣшность, громогласно заявили претензію, что ихъ, принятыхъ въ Юрьевскій университетъ какъ обрусителей, трогать нелья!!! Наконецъ, принимаются *least not least* и семинаристы.

Согласитесь, что все это нежеланные гости, и учрежденіе со стороны коренного студенческаго общества такихъ стипендій, которыми, благодаря тому, что распоряжается ими университетъ, пользовались-бы въ широкомъ размѣрѣ названные элементы, дѣйствующіе разрушительнымъ образомъ на общій традиціонный студенческій строй и порядокъ упомянутаго университета, было-бы уже слишкомъ добродушнымъ поступкомъ. Кто-же пойдетъ противъ себя?

Съ другой-же стороны, я настолько знакомъ съ традиціями коренныхъ студенческихъ элементовъ, что могу увѣрить, что, во всякомъ случаѣ, были учреждены „какія-нибудь“ стипендіи, либо филистерами, либо активными членами-студентами корпораціи „Livonia“, но недоступныя для всякаго и остающіяся для распоряженія въ частныхъ рукахъ, въ пользу такихъ студентовъ, которые причисляютъ себя къ коренному студенческому обществу. Университетъ-же, какъ административная и юридическая единица, распоряжаться не будетъ такими стипендіями. „Биржев. Вѣд.“ про нихъ, можетъ быть, и не узнаютъ.“

По поводу письма „бывшаго дерптчанина“ „студентъ не-дерптскаго университета“ писалъ въ „Риж. Вѣст.“ слѣд.

„Давно старики наши сказали:

„Сытый голоднаго не разумѣтъ.“

Правду они сказали. Блестящею иллюстраціею этому служитъ письмо „бывшаго студента Дерптскаго университета“ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Онъ говоритъ, что ливонцы, быть можетъ, и учредили стипендіи, но учредили ихъ тамъ, гдѣ управленіе раздаетъ стипендіи только *своимъ*. Въ этомъ сказалась характерная особенность мѣстныхъ учреждений стараго режима, мѣстныхъ общественныхъ взглядовъ и убѣжденій: если что-нибудь дѣлать, такъ дѣлать только для „своего“. Въ этомъ принципъ и сила корпорацій, и ихъ опасная сторона для общественнаго строя. Кумовство и пристраиваніе къ теплымъ мѣстамъ только своихъ — послѣдствіе этого принципа. При немъ займетъ мѣсто не способнѣйшій, а болѣе близкій, *свой*. Такое начало, проведенное въ жизнь во всей его послѣдовательности, имѣетъ угрожающій характеръ. Какъ результатъ его — самовосхваленіе, расточеніе похвалъ по адресу *своихъ* и замалчиваніе о достоинствахъ другихъ, уничиженіе и порицаніе чужаковъ. Отсюда же превыспренніе панегирики по адресу „Дерптскаго“ университета и злобное забрасываніе грязью „Юрьевскаго“. Авторъ письма даетъ яркій примѣръ такого безцеремоннаго обращенія съ своей *alma mater*. Ему не нравится „порядокъ упомянутаго университета“, не нравится и контингентъ слушателей. Онъ полагаетъ, что въ университетѣ обучаются лишь студенты, исключенные изъ другихъ университетовъ, евреи и семинаристы, совершенно забывая, что по меньшей мѣрѣ 60% студентовъ не относится къ названнымъ выше категориямъ, забывая, что и понынѣ пребываютъ въ университетѣ, здравствуютъ и благоденствуютъ его коммитоны, корпоранты. Хотя авторъ письма и ставитъ послѣднихъ какъ-то особнякомъ отъ университета, но, надо полагать, онъ ошибается, такъ какъ и корпоранты ни-

чуть не болѣе, какъ студенты Юрьевскаго университета. Принятіе въ послѣдній названныхъ категорій лицъ ставится университету въ особый укоръ и порицаніе. Авторъ упускаетъ изъ виду, что первыя двѣ категоріи принимались и въ „Дерптскій“ университетъ, а послѣдняя во всѣ остальные русскіе университеты. Изъ среды окончившихъ университетскій курсъ бывшихъ семинаристовъ вышли столь видные и крупные общественные дѣятели и люди науки, что г. бывшему студенту „Дерптскаго“ университета слѣдовало бы хоть минуточку призадуматься, прежде чѣмъ написать свое неосторожное слово. Приемъ евреевъ сверхъ процентной нормы производится и въ Юрьевскій университетъ, какъ и въ другіе университеты, лишь съ спеціального разрѣшенія г. министра. То же слѣдуетъ сказать и объ исключенныхъ изъ другихъ университетовъ студентахъ: съ разрѣшенія г. министра они принимаются и въ другіе университеты. Слѣд. Юрьевскій университетъ не представляетъ исключенія изъ общаго порядка. Мотивъ приема названныхъ выше лицъ вовсе не тотъ, который приводитъ авторъ письма, что „вредные элементы“ признаются „полезными“ для Юрьевскаго университета (нѣсколько сильное выраженіе для лицъ, хвастающихся своей лояльностію), а болѣе возвышенный, гуманный: дать людямъ ищущимъ знанія, возможность пріобрѣсти таковое, мотивъ для сытыхъ людей мало понятный, конечно. Авторъ письма, въ своей злобѣ, не постыдился бросить странную и ни на чемъ не обоснованную фразу, что „названные элементы (семинаристы, евреи и исключенные) дѣйствуютъ разрушительнымъ образомъ на общій традиціонный студенческій строй“. Если онъ здѣсь разумѣлъ нормальный студенческій строй, то онъ жестоко ошибся: студенты Юрьевскаго университета работаютъ такъ же усердно, какъ и студенты другихъ

университетовъ, научныя ихъ занятія засвидѣтельствованы успѣшностью на экзаменахъ. Если же онъ подъ „традиціоннымъ“ разумѣетъ студенческой строй съ ношеніемъ разноцвѣтныхъ шапочекъ, пьянствомъ и безобразіемъ буршикозничества, то нужно радоваться, если „новые“ элементы лишаютъ почвы такой студенческой строй. Университету нужны студенты, не скачущіе, сломя голову, на извощикѣ, не распивающіе пиво на крышахъ и порогахъ своихъ квартиръ, не дерущіеся на дуэляхъ и т. п., а занимающіеся наукою въ тиши своихъ скромныхъ квартиръ, работающіе въ лабораторіяхъ, предпочитающіе аудиторію веселой попойкѣ, юбилейному торжеству въ теченіе цѣлой недѣли, словомъ, тѣ студенты, которые знаютъ, что „время—дѣлу, а потѣхѣ—часъ“. И если, при распредѣленіи стипендій, предпочтеніе будетъ отдано послѣдней категоріи, то первая должна пенять на себя за то, что она забыла, что въ университетъ поступаютъ не для пріятнаго времяпрепровожденія, а для занятія наукою.

При чтеніи письма г. „бывшаго студента“, невольно приходитъ на мысль, какъ мало онъ вынесъ изъ университета любви къ ближнему, уваженія къ другому человеку, сознанія, что предъ Богомъ и предъ закономъ всѣ люди равны, что университетъ существуетъ не для избранной горсточки людей. Читаешь его письмо и думаешь, что лицо съ дѣйствительнымъ университетскимъ образованіемъ неспособно говорить подобныя рѣчи.

Съ реформой Юрьевскаго ун-та Юрьевъ пересталъ служить тихою пристанью для людей, претерпѣвшихъ бури житейскаго моря,—доступъ имъ сталъ такъ-же труденъ, какъ и во всѣ остальные университеты. Зато съ каждымъ семестромъ наплывали лица, не одолѣвшія на-

уки въ другихъ мѣстахъ, пожелавшія во что бы то ни стало получить университетскій дипломъ. Эти господа имѣютъ мало связи съ наукой. Въ аудиторіяхъ и на улицахъ они, въ форменномъ сюртукѣ военнаго покроя, держатъ себя съ такимъ побѣдоноснымъ и вызывающимъ видомъ, какъ испанскіе конквистадоры среди ацтековъ или инковъ. Но, впрочемъ, такихъ студентовъ мало. Большинство русскихъ студентовъ не заслуживаетъ недружелюбнаго отношенія.

Недружелюбное отношеніе корпорантовъ къ русскимъ студентамъ можно объяснить различіемъ между первыми и послѣдними. Какую рѣзкую противоположность представляетъ этотъ краснощекій, сытый, плотный буршъ, въ чистенькомъ пиджакѣ и бѣломъ накрахмаленномъ воротничкѣ, и блѣдный русскій студентъ, уже обладающій большимъ отвислымъ животомъ, — слѣды катарровъ и сидячей нездоровой жизни, — съ плохо причесанной шевелюрой, нерѣдко въ синей рубашкѣ. Первому мерещится впереди обезпеченное положеніе, теплое мѣсто, а второй погруженъ въ мечты и думы о всеобщемъ счастьи; первый живетъ на готовыя средства, а второй перебивается изо дня въ день, со страхомъ помышляя о послѣднихъ срокахъ взноса платы въ университетъ; первый обладаетъ полнымъ здоровьемъ, крѣпостью и силою своихъ мышцъ, постоянною бодростью и веселостью духа, второй-же

Русскій юноша, окончивъ курсъ средняго учебнаго заведенія, стремится въ высшее учебное заведеніе съ необыкновенной радостью; его не страшитъ ни голодъ, ни холодъ, ни отсутствіе средствъ. Тамъ все будетъ! И вотъ, снабженный, только родительскимъ благословеніемъ, онъ съ священнымъ трепетомъ вступаетъ въ пер-

вый разъ въ святое святыхъ, въ великій храмъ науки, въ высшее учебное заведеніе, гдѣ онъ надѣется научиться мыслить. Онъ увѣренъ, что въ великомъ храмѣ науки широкій просторъ для мысли свободной и жаждущей подняться до самаго неба, и ему нипочемъ теперь предстоящія матеріальныя и житейскія невзгоды, да, кромѣ того, онъ надѣется, что ему дадутъ стипендію, что онъ найдетъ хорошій урокъ, что его освободятъ отъ платы, или внесутъ за него плату; юноша надѣется, что онъ будетъ имѣть обѣдъ, благодаря которому онъ избѣгнетъ катарра желудка и мозгового и нервнаго худосочія, и что ему удастся найти вмѣстѣ съ товарищемъ маленькую, хотя-бы и плохо выбѣленную конурку, гдѣ въ пыли, дыму и копоти ему можно будетъ всетаки отдохнуть отъ дневной суеты, обмѣняться съ товарищемъ впечатлѣніями и почистить лекціи при тускломъ свѣтѣ вѣчно коптящей, сходно купленной лампы. Въ чемъ онъ будетъ бѣгать на лекціи: у него нѣтъ ни мундира, ни пальто? Вотъ нелѣпость: онъ рассчитываетъ найти дешеваго портного, который изъ отцовской шубы сошьетъ ему форменное пальто, а кстати и перевернетъ пріобрѣтенный имъ отъ товарища засаленный мундиръ. А что касается сапогъ, онъ, безъ сомнѣнія, пробѣгаетъ въ нихъ зиму и на лекціи, и на свои прославленные уроки, а тамъ весна, и онъ надѣется, что, перейдя на слѣдующій курсъ и возвратившись домой, въ родной семьѣ сошьетъ себѣ новые, очень хорошіе сапоги. Да, онъ надѣется, что годъ какъ-нибудь пройдетъ, и что онъ, измученный душой и тѣломъ, отдохнетъ лѣтомъ среди близкихъ ему людей и запасется новыми силами для будущаго длиннаго и, можетъ быть, не менѣе тяжелаго года. И вслѣдствіе тяжелой матеріальной обстановки и черезчуръ большой затраты времени на добываніе насущнаго куска хлѣба, учится такимъ образомъ

студентъ кое какъ, опуская часто свои научныя занятія и разстраивая до крайности свое здоровье.

Короче сказать, нашъ студентъ представляетъ изъ себя древняго израильянина, странствовавшаго нѣкогда по Авраїійской пустынѣ, и отличается отъ него только тѣмъ, что безбоязненно идетъ въ обѣтованную землю; даже невозможныя условія, при которыхъ онъ учится, находитъ вполнѣ естественными: развѣ онъ не зналъ, что онъ идетъ въ университетъ съ одною лишь надеждою, развѣ онъ никогда не слышалъ, что студентъ и нищета синонимы, что жаждать высшаго образованія въ переводѣ значитъ мириться со всевозможными житейскими неудобствами, и что общество, если онъ будетъ надѣленъ дипломомъ, нуждаясь въ немъ, лишь послѣ дастъ ему и жалованье, и теплый уголь. И заранѣе рѣшивъ, что учиться значитъ голодать, русскій студентъ смѣло смотритъ въ глаза будущему и нетерпѣливо тысячами стучится въ двери университетовъ. Счастіе студента, что наше общество съ каждымъ годомъ становится отзывчивѣе и начинаетъ все лучше и болѣе понимать, что обречь студентство, нашу учащуюся молодежь, голодовкамъ и соединеннымъ съ нею болѣзнямъ равносильно тому, чтобы задерживать духовный и умственный ростъ страны: нѣкоторыя надежды студента поэтому осуществляютъ, такъ какъ болѣе энергичные и чуткіе къ нуждамъ молодежи представители нашего общества спѣшатъ оказать студенту возможную помощь: возникаютъ общества вспомошествованія, дешевыя столовыя, общезжитія, предпринимаются сборы пожертвованій, устройство концертовъ, вечеровъ, спектаклей, и тому подобныя паліативы, конечно, не вполнѣ залѣчивающіе раны, но тѣмъ не менѣе нѣсколько успокаивающіе ихъ. И живетъ такимъ образомъ студентъ, перебиваясь изо-дня въ день, во всѣхъ нашихъ университетскихъ городахъ.

Юрьевскіе студенты, въ силу исключительныхъ мѣстныхъ условій, живутъ иначе, чѣмъ въ другихъ университетскихъ городахъ, и необеспеченность юрьевской учащейся молодежи превосходитъ необеспеченность молодежи въ другихъ университетахъ.

Собранные въ Юрьевъ со всей Россіи, отъ дальняго востока до крайняго запада ея, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,“ — большинство изъ здѣшнихъ студентовъ чувствуетъ себя въ качествѣ „прищей, пристебай“. Отсутствіе связей съ юрьевскимъ обществомъ, дороговизна жизни все увеличивающаяся, а отсюда увеличивающійся процентъ необеспеченныхъ студентовъ; да, наконецъ, и самая ученая атмосфера едва ли подходитъ подъ представленіе академической жизни, — всѣ эти причины создали тотъ ноющій, недовольный духъ, который такъ замѣтенъ среди юрьевскихъ студентовъ, специфическій, ту „предсердечную тоску“, если можно такъ выразиться, которою такъ заражено юрьевское студенчество¹⁾.

Г. Юрьевъ, очень развитый въ культурномъ отношеніи, однако, даетъ мало формъ для интеллигентнаго труда, между тѣмъ предложеніе послѣдняго весьма значительно. Представьте себѣ начало учебнаго года. Съѣзжаются студенты. 50% изъ нихъ нуждаются въ заработкахъ. Начинается разыскиваніе заработковъ, которое подчасъ поглощаетъ все вниманіе, всѣ помыслы студента. Для одного заработокъ имѣетъ подсобное значеніе, для другого — значеніе единственнаго источника существованія, — поэтому на помощь призывается все — газета, знакомый, товарищ... Если вы познакомитесь съ кѣмъ-либо изъ студентовъ, то второй фразой вашего разго-

¹⁾ „П. К.“ 1901 г., № 24.

вора будетъ вопросъ о заработкѣ и о томъ, не знаете-ли вы гдѣ урочка? Вы, положимъ, слышали объ урокѣ и сообщаете о немъ.

Студентъ бѣжитъ по адресу, полный радужныхъ надеждъ, что, наконецъ-то...

Но рядомъ съ нимъ идетъ другой студентъ, который узналъ о томъ же урокѣ отъ своего знакомаго, за нимъ третій, четвертый и т. д. Начинается осада дома, гдѣ объявился урокъ, ищущими занятій, естественнымъ послѣдствіемъ чего и является вознагражденіе 10—12 р. въ мѣсяць. Предложеніе труда превышаетъ спросъ на него — вотъ главный мотивъ, обусловливающий ничтожную плату за трудъ студента, а та безпорядочность, съ какой предлагается этотъ трудъ студентами, еще болѣе способствуетъ пониженію платы.

Изъ 40—50% студентовъ, нуждающихся въ заработкахъ, только 2—3% находятъ заработокъ въ видѣ урока, переписки, пѣнія въ церкви и т. п.

Урокъ отнимаетъ у студента въ среднемъ 2 часа времени въ день. Между тѣмъ лекціи въ университетѣ въ большинствѣ случаевъ, благодаря недостаточному числу аудиторій, растянуты съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера. Студенты вынуждены два и даже три раза въ день приходить въ университетъ черезъ промежутки въ часъ, много — въ два часа. Еще въ худшемъ положеніи находятся медики и ветеринары. Для тѣхъ и другихъ практическія занятія имѣютъ громадную важность. Безъ практичечкихъ занятій обойтись нельзя. Иногда практическія занятія отнимаютъ до 5 час. въ день. Кромѣ того, медицинская наука требуетъ много времени на чтеніе объемистыхъ учебниковъ.

Необходимость совмѣстить свои учебныя работы съ занятіями для пріобрѣтенія средствъ къ жизни является

благодарной почвой для разнаго рода конфликтовъ и непріятностей.

Было время, когда въ Юрьевѣ жизнь стоила дешево. Можно было прожить рублей за 15 въ мѣсяць, конечно живя экономно. Но отъ этого времени теперь остались только пріятныя воспоминанія. Въ послѣднее время жизнь въ Юрьевѣ дорожаетъ. Теперь нужно имѣть 20—25 р., чтобы прожить такъ, какъ прежде жилось за 15 р. Теперь въ среднемъ юрьевскій студентъ тратитъ въ мѣсяць около 22 р. Обѣдъ его стоитъ 6 руб., затѣмъ еще на пищу онъ долженъ издержать около 4 р. 50 к., въ предположеніи, что въ мѣсяць выйдеть 5—7 фунтовъ сахара—1 р., $\frac{1}{4}$ ф. чаю — 50 к., на 1 р. хлѣба и на 2 рубля еще прикусокъ (или завтраковъ). Квартира съ прислугой, ¹⁾ отопленіемъ и освѣщеніемъ — 10 рублей, прачка и баня — 1 р. 50 к.

Такимъ образомъ на 22 руб. можно только существовать. Но вѣдь необходимо завести обязательную форму, хотя бы въ видѣ сюртука и пальто, нужно имѣть обувь и т. д., нужно завести хотя самые необходимые учебники. Нужно заплатить за лекціи... Приходится искать заработковъ или обращаться за ссудой къ частнымъ лицамъ или прибѣгать къ помощи общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ.

12 декабря 1895 г. открыло свои дѣйствія „Общество для пособія нуждающимся студентамъ Юрьевскаго университета“. Въ самомъ началѣ своего существованія обществу этому чуть было не пришлось прекратить свою благую дѣятельность за недостаткомъ средствъ. Только благодаря щедрому пожертвованію Ю. И. Базановой

¹⁾ За 25 рубл. въ семестръ въ Юрьевѣ можно имѣть приличную комнату, которая, по сравненію съ голыми, неудобными конурами русскихъ студенческихъ комнатъ, поражаетъ комфортомъ.

удалось поддержать общество, которое съ этого момента и развивало съ каждымъ годомъ все шире свои дѣйствія на пользу университетской молодежи.

„Общество для пособія нуждающимся студентамъ“ влачитъ незавидное существованіе и поддерживается исключительно профессорами и нѣкоторыми иногородними жертвователями. А коренные жители остаются сторонними зрителями студенческой нужды.

Сами студенты, движимые желаніемъ помочь стѣсненнымъ товарищамъ, даютъ концерты, устраиваютъ вечера, спектакли, доходъ съ которыхъ идетъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

Въ холодномъ Томскѣ на обѣдѣ по случаю закладки университета была предложена подписка на устройство дома для бесплатныхъ квартиръ студентовъ Томскаго университета, и большею частью люди малосостоятельные — учителя, чиновники, купечество средней руки, врачи — тотчасъ же отозвались на это предложеніе, и подписной листъ былъ покрытъ въ нѣсколько минутъ подписями, давшими 2,100 руб., солдатъ-же — музыкантовъ, игравшихъ на обѣдѣ, охватилъ такой энтузіазмъ, такое великодушіе, что они вырвали листокъ изъ нотъ и покрыли его своими подписями, и такимъ образомъ и лепта тружениковъ легла въ основаніе общежитія. Въ культурномъ-же Юрьевѣ годичный приходъ „общества для пособія нуждающимся студентамъ“ равняется 2¹/₂ тыс. руб., тогда какъ приходы различныхъ велосипедныхъ обществъ, яхтъ-клубовъ и т. п. достигаютъ десятковъ тысячъ рублей; въ Юрьевѣ, гдѣ почти въ каждомъ семействѣ есть рояль или піанино, съ трудомъ можно найти желающаго участвовать въ концертѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, а сборъ съ концерта съ танцами едва-едва достигаетъ максимальной цифры въ

300 руб.; въ культурномъ Юрьевѣ невзрачный костюмъ бѣднаго студента возбуждаетъ не сожалѣніе, а насмѣшки¹⁾).

Въ Юрьевѣ часто слышатся голоса: зачѣмъ люди безъ средствъ идутъ въ высшее учебное заведеніе? Нѣмецкая газета „*Rig. Rund.*“ высказывается противъ благотворительной помощи недостаточнымъ юрьевскимъ студентамъ, находя, что чѣмъ больше помогать, тѣмъ больше будетъ охотниковъ „учиться въ университетѣ на чужой счетъ“.

Говоря о прежней отзывчивости юрьевцевъ къ нуждамъ студенчества, прибалтійскія газеты отмѣчаютъ удивительную готовность обывателей въ прежнее время открывать студентамъ кредитъ (при предъявленіи лишь визитной карточки), и объясняютъ ее тѣмъ, что въ то время, т. е. до преобразованія университета, обыватель и студентъ были люди „свои“, причемъ обыватель прекрасно сознавалъ, что то, что онъ даетъ займы, онъ съ лихвою вернетъ на „потребленіи“ студентами жизненныхъ припасовъ. Въ былые годы, когда „студентъ“ и „корпорантъ“ были синонимическими понятіями, когда люди, получающіе высшее образованіе, устраивали ночью

1) Въ прежнее время балы дерптскихъ корпорацій служили важнымъ общественнымъ событіемъ въ городѣ: городскіе и университетскіе нотабли, все мѣстное дворянство считали лестнымъ приглашеніе на подобный праздникъ и являлись — дамы въ бальныхъ платьяхъ, мужчины во фракахъ; обширныя корпоративныя квартиры, въ обычное время довольно неприятныя по своей холостяцкой обстановкѣ, декорировались цвѣтами, освѣщались люстрами, наполнялись мебелью. Такихъ баловъ бывало два-три въ году, но зато на нихъ не жалѣли ни трудовъ, ни издержекъ. Въ сравненіи съ этимъ, какою жалкою является вечеринка русскихъ студентовъ! Грязноватое наемное цомѣщеніе, пестрыя или темныя платья танцующихъ дамъ, мѣшковатые сюртуки, а то и просто пиджаки кавалеровъ, незавитыя, ненапомаженныя шевелюры, не всегда гладко выбритыя бороды, толстыя подошвы на сапогахъ и, конечно, полное отсутствіе перчатокъ, — все это не дѣйствуетъ особенно импонирующимъ образомъ на нѣмцевъ. „*Восп. дерпт. студ.*“ *Е. Дегена.*

„Sänsemarsch“, катались по улицамъ съ корзинами пива и проживали по тысячамъ въ мѣсяцъ, юрьевцы любили студентовъ, ссужали имъ деньги подъ солидные проценты и справедливо считали ихъ своими кормильцами, а теперь русскіе студенты проживаютъ въ мѣсяцъ 20—35 р. Ну, какъ дать послѣднимъ займы, если съ нихъ вернуть съ лихвою невозможно!.. И послѣ этого не удивительно, что юрьевскій студентъ теперь не можетъ достать 20 коп. и, чтобы не умереть съ голода, продаетъ татарину или еврею послѣднія галоши.

Обученіе въ Юрьевскомъ университетѣ сопряжено съ значительными расходами. Кромѣ обычныхъ во всѣхъ университетахъ платы въ пользу университета (50 р.) и гонорара въ пользу преподавателей (отъ 40 до 60 р. въ годъ), въ Юрьевѣ взимается еще при самомъ поступленіи въ университетъ плата за матрикуль въ размѣрѣ 6 рублей. Если плата въ пользу университета и профессоръ не внесена къ сроку, то выданный матрикуль теряетъ силу, и студентъ долженъ вторично вносить 6 рублей. Имматрикуляція студентовъ Высочайше утверждена еще въ 1838 г. 4 іюня, и при нѣмецкихъ порядкахъ она имѣла пожалуй бытовое значеніе, а теперь она составляетъ излишній, непосильный расходъ для студентовъ.

Далѣе, за клиники, за анатомическій театръ, словомъ за все, что находишь внѣ аудиторіи, надо платить.

Если Юрьевскій университетъ не богатъ вообще *in toto*, если онъ снискалъ уже себѣ репутацію „забытаго ун—та“, то медицинскій факультетъ находится въ особенно печальномъ состояніи.

Казалось бы, что скорѣе всего на медицинскомъ факультетѣ мы должны ожидать полноты всѣхъ образовательныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ: воспитанникамъ

его, вышедшимъ въ жизнь, поручается самое высшее благо челоѡка—его здоровье? Естественно поэтому требовать, чтобы эта ученая молодежь выходила на общественную дѣятельность во всеоружіи медицинскихъ знаній, дабы могла дѣйствительно приносить здоровье ближнему, а не носила бы только пустое имя „врача“. Эта полнота образовательныхъ средствъ является насущною потребностью для медицинскаго факультета особенно потому, что русскій студентъ-медикъ, въ силу своихъ особыхъ матеріальныхъ условій, въ большинствѣ занимаетъ мѣсто самостоятельнаго врача сразу съ университетской скамьи, сразу попадаетъ въ такую сферу дѣятельности, гдѣ онъ рискуетъ на первыхъ же порахъ столкнуться лицомъ къ лицу съ запутанными и сложными болѣзненными формами. Благо ему, если онъ еще попадетъ въ сотрудничество къ товарищамъ, гдѣ возможно раздѣленіе труда по спеціальностямъ,—а если онъ да окунется сразу въ практику земскаго врача, то много, много тяжелыхъ минутъ придется перенести молодому работнику...

Иное дѣло—юрьевскій нѣмецкій студентъ. Будучи болѣе матеріально состоятельнымъ, чѣмъ русскій студентъ-медикъ, онъ по окончаніи университетскаго курса имѣетъ возможность отправиться за границу или года на два—на три устроиться въ богато обставленной больницѣ въ качествѣ практиканта и тутъ восполнить пробѣлы университетскаго образованія.

Юрьевскій медицинскій факультетъ по числу слушателей занялъ уже третье мѣсто среди одноименныхъ факультетовъ другихъ русскихъ университетовъ. А между тѣмъ, такой многолюдный факультетъ не имѣетъ двухъ довольно важныхъ клиникъ: клиники дѣтскихъ болѣзней и венерическихъ болѣзней! Венерики лежатъ хотя и въ

отдѣльныхъ палатахъ, но въ одной и той же клиникѣ, гдѣ лежатъ больные внутренними болѣзнями, т. е. въ медицинской клиникѣ. Впрочемъ процентъ такихъ больныхъ въ Юрьевѣ не большой, не потому чтобы ихъ было мало въ прибалтійскомъ краѣ, а прямо въ силу отсутствія спеціальной клиники.

Относительно же дѣтскихъ болѣзней нужно сказать, что хотя онѣ и читаются однимъ приватъ-доцентомъ, но болѣзней дѣтскаго организма студенты не видятъ. Хорошій учебникъ по дѣтскимъ болѣзнямъ почти вполнѣ окажетъ ту услугу медику, какую оказываетъ читающій приватъ-доцентъ. Но чтобы прослушать этотъ курсъ, надо всетаки заплатить за него отдѣльно, помимо общаго профессорскаго гонорара, такъ какъ дѣтскія болѣзни—предметъ не обязательный. Но пойдете дальше.

Юрьевскій медицинскій факультетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь существуетъ, не можетъ удовлетворить своихъ слушателей какъ со стороны преподавательскаго персонала, такъ и со стороны качества учебно-вспомогательныхъ заведеній.

Одному профессору приходится читать по нѣскольку предметовъ и на 2—3 курсахъ. Преподаватели, помимо невозможности самимъ заняться разработкой научныхъ вопросовъ, часто бываютъ не въ состояніи прочесть полный курсъ предмета, не въ состояніи широко заняться и практическими работами съ студентами. Къ чести большинства изъ нихъ, правда, нужно сказать, что оно дѣлаетъ все возможное для болѣе полнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ предметомъ. Нельзя не отмѣтить еще, что юрьевскіе преподаватели имѣютъ мало помощниковъ-ассистентовъ. Трудъ послѣднихъ вознаграждается въ матеріальномъ отношеніи самымъ скуднымъ образомъ: почти обычное жалованье ихъ 25—30 рублей въ мѣсяць.

Что же касается учебно-вспомогательныхъ заведеній, то они представляются въ такомъ видѣ: помѣщенія лабораторіи—маленькія, тѣсныя; количество лабораторныхъ атрибутовъ крайне недостаточно; клиники обставлены бѣдно и т. д. Отовсюду слышишь одинъ отвѣтъ: „у института, у клиники средствъ нѣтъ“.

И вотъ нѣкоторые преподаватели, желая ознакомить слушателей съ извѣстнымъ приборомъ, аппаратомъ, но не имѣя оригинала, съ извиненіемъ демонстрируютъ модель или показываютъ рисунокъ его,—ну и на томъ спасибо! Бѣда только въ томъ, что отсутствіе нѣкоторыхъ приборовъ лишаетъ студентовъ возможности видѣть нѣкоторые опыты.

Бѣдность институтовъ, клиникъ тяжело ложится на карманъ студента-медика. Къ платѣ за право обученія въ университетѣ и къ профессорскому гонорару (что выражается ежегодной суммой въ 90 руб.), юрьевскій студентъ-медикъ, начиная съ перваго курса, долженъ прибавлять еще деньги за слѣдующіе предметы: на 1-мъ курсѣ особливо платитъ за трупы; на 2-мъ—за трупы и на фармацевтическій институтъ; на 4-мъ и 5-мъ курсахъ за клиники. Этихъ дополнительныхъ взысканій не избѣгаетъ и тотъ, кто освобождается отъ платы въ пользу профессоровъ и университета; такъ, на 4-омъ курсѣ медицинскаго факультета за клиники приходится платить 15 рублей въ семестръ, на 5-омъ курсѣ въ семестръ плата достигаетъ 72 руб.

Въ общемъ, цифра, вносимая юрьевскимъ медикомъ въ университетъ, всегда превышаетъ 100 р., а на 4-мъ и 5-мъ курсахъ доходитъ до 130-ти руб.,—цифра для бѣднаго русскаго студента не маленькая...

Насколько бѣдны юрьевскія клиники, прекрасно рисуетъ фактъ, что онѣ не имѣютъ возможности содержать бесплатно больного студента, хотя бы то былъ и

студентъ-медикъ. При такомъ положеніи дѣла юрьевскій студентъ часто подумаетъ, да и отдумаетъ лечь въ клинику, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ему пришлось бы проживать двойныя деньги: и на клинику, и на квартиру.

Наконецъ, нужно указать еще на то, что самостоятельная работа въ лабораторіяхъ, въ цѣляхъ болѣе подробнаго изученія извѣстнаго вопроса или цѣлаго предмета, въ большинствѣ случаевъ должна вестись за счетъ занимающагося, что опять-таки не поощряетъ такого рода трудъ медика. ¹⁾

Вслѣдствіе того, что студентовъ-медиковъ очень много, а больныхъ въ 40-тысячномъ городѣ не много, практикантамъ приходится не мало времени ожидать больного; что хорошо для города, худо для студентовъ. Иной получаетъ званіе врача, но, самъ сознаетъ, что почти ничего не видѣлъ ²⁾.

Кромѣ этихъ нуждъ чисто матеріальнаго характера, у студентовъ Юрьевскаго университета есть немало неудовлетворенныхъ нуждъ иного порядка, которыя играютъ также не послѣднюю роль въ проявленіи желанія покинуть Аѳины на Эмбахѣ. Прежде всего молодые люди, получившіе первоначальное образованіе внутри коренной Россіи, не имѣли, конечно, возможности въ огромномъ большинствѣ случаевъ изучить своевременно и практически разговорный нѣмецкій языкъ. А между тѣмъ въ университетѣ есть еще не мало профессоровъ, читающихъ по-нѣмецки, какового языка большинство студентовъ не понимаетъ. Взаимное непониманіе профессоровъ и студентовъ ведетъ къ тому, что отъ чтенія лекцій на нѣмецкомъ языкѣ ни для кого, кромѣ развѣ самого про-

¹⁾ „Пет. Вѣд.“

²⁾ „Р. В.“

фессора, получающаго за то жалованье и гонораръ, пользы нѣтъ. Поступая въ университетъ, студентъ, конечно, разсчитывалъ найти здѣсь руководителей, которыхъ онъ пойметъ. А тутъ онъ видитъ, что его отъ профессора отдѣляетъ китайская стѣна непонятнаго языка.

Въ отношеніи средствъ самообразованія юрьевскіе студенты поставлены также въ неблагопріятныя условія. Въ Юрьевѣ есть библіотеки: при университетѣ, ветеринарномъ институтѣ, при многихъ студенческихъ обществахъ и корпораціяхъ и, кромѣ того, есть еще русская публичная библіотека и при ней платная читальня.

Въ университетской библіотекѣ числится болѣе 200,000 томовъ и около 150,000 диссертацій. Но библіотека очень бѣдна книгами на русскомъ языкѣ. Студенты могутъ получать только книги своей спеціальности. Каталога книгъ въ библіотекѣ нѣтъ. Въ настоящее время для пользоваанія студентовъ предоставленъ одинъ рукописный систематическій каталогъ на небольшихъ карточкахъ, плотно связанныхъ. Неразборчивость почерковъ, неудобство перебирания карточекъ, дробная и не выдерживающая критики систематизація книгъ—представляютъ серьезныя затрудненія при отысканіи нужныхъ книгъ. Большой контингентъ студентовъ, которые не берутся за нѣмецкій языкъ, людей бѣдныхъ, занятыхъ перепиской и дешевыми уроками, вызвалъ существованіе слѣд. факта: они пріѣзжаютъ въ университетъ раньше другихъ, забираютъ всѣ, какія попадутся, книги, держатъ ихъ по мѣсяцамъ и передаютъ другъ другу; такимъ образомъ въ библіотекѣ русскихъ книгъ почти нельзя дастать.

Библіотека при ветеринарномъ институтѣ заключаетъ въ себѣ около 20,000 томовъ; сочиненій для самообразованія нѣтъ.

Русская публичная библіотека имѣетъ около 4,000

названій и около 10 тыс. томовъ. Эта бібліотека, какъ и бібліотеки при студенческихъ обществахъ и корпораціяхъ, бѣдна книгами.

Юрьевскому студенту часто бываетъ трудно достать русскихъ писателей и критиковъ.

Своимъ внѣшнимъ видомъ г. Юрьевъ производитъ впечатлѣніе культурнаго города. Телефонъ, газовое освѣщеніе, учебныя заведенія, десять книжныхъ магазиновъ, типографіи, газеты...

Стоитъ однако поглубже присмотрѣться къ жизни юрьевцевъ, и всѣ эти „плоды просвѣщенія“ покажутся прекрасными водяными лиліями, плавающими надъ тиной стоячаго пруда. Студенты живутъ одною жизнью, а горожане — другою тѣсно замкнутой и недосыгаемой для русскаго студента.

Чуждый для большинства студентовъ языкъ мѣстнаго населенія обусловливаетъ то, что студенты живутъ до извѣстной степени анахоретами, отшельниками отъ міра сего, или же перевариваются въ собственномъ своемъ соку, вращаясь только въ своей студенческой средѣ и не имѣя возможности попасть въ среду внѣшняго, не-студенческаго міра. Конечно, студенты идутъ въ университетъ не для пріятнаго времяпровожденія, но нельзя же отрицать у нихъ вполне естественнаго желанія найдтись въ общеніи съ семейнымъ міромъ. Оторванные отъ своихъ родныхъ семей, они тѣмъ болѣе желали бы провести нѣсколько минутъ въ обстановкѣ, хотя отчасти напоминающей имъ домашнюю. Но со стороны языка и тутъ встрѣчается серьезное препятствіе. Нѣтъ въ Юрьевѣ и доступныхъ для русскаго студента разумныхъ развлеченій: нѣтъ, напр., русскаго, постояннаго театра, нѣтъ и замѣняющихъ его учрежденій. Такимъ образомъ, для русскаго студента Юрьевъ вполне оправдываетъ свое наз-

ваніе „города скуки“, Нѣтъ сомнѣнія, что юрьевскій студентъ занимается усердно и много, быть-можетъ благодаря даже скукѣ, царствующей здѣсь. Но также охотно покидаетъ онъ Юрьевъ, этотъ „городъ музъ и школъ“ для того, чтобы имѣть возможность хоть не такъ много скучать.

Изолированность отъ семьи и общества, необходимость проводить цѣлые дни въ университетѣ или въ ожиданіи времени лекцій, отсутствіе развлеченій выработали въ студентахъ какую-то апатію, желаніе поскорѣе окончить дневныя занятія и отдаться Морфею. Слѣдствіемъ этой аномаліи является большое количество женатыхъ студентовъ: кто только можетъ—женится у себя дома, вспоминая о томъ, какова жизнь въ Юрьевѣ. Соображеніе о томъ, какіе плоды дастъ такой скоропалительный бракъ, гдѣ брачующіеся едва достигли 18 и 21 года, наводитъ на печальныя размышленія. Чтобы избѣжать этой „глупости“, многіе студенты обращаются къ другой крайности и становятся жуирами по призванію.

60—70 лѣтъ тому назадъ, по словамъ знаменитаго Пирогова, большая часть изъ юрьевскихъ русскихъ студентовъ не оканчивали университетскаго курса; пребываніе русскимъ въ Дерптѣ не шло въ прокъ. Многіе здѣсь спивались съ кругу и уѣзжали черезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ. Немногіе выходили въ люди, но и то не надолго.

Въ Дерптѣ русская поговорка могла быть примѣнена наоборотъ. „Въ Россіи“ говорятъ, „что русскому здорово, то нѣмцу—смерть“, а въ Дерптѣ надо было, наоборотъ, сознаться: „что нѣмцу здорово, то русскому—смерть“. Нѣмецкіе студенты кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ

будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде кутили, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру, а русскіе начинали пить, бросали книги и спивались.

Живя далеко отъ родины, живя среди людей, чуждыхъ по религіи, крови и національности, русскіе студенты облегчали свою тоску пьянствомъ.

Шестьдесятъ лѣтъ назадъ въ Юрьевѣ насчитывалось русскихъ студентовъ человекъ 20—30, теперь же это число увеличилось почти до 1000 человекъ. Но и теперь русскіе студенты въ Юрьевѣ живутъ точно въ пустынь. Проф. Царевскій въ своей рѣчи предъ открытіемъ студенческой столовой въ 1899 году сказалъ студентамъ: „Вы пріѣхали сюда для удовлетворенія жажды знанія, находясь на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ и знакомыхъ, часто безъ нравственной и матеріальной поддержки, живете здѣсь, какъ въ пустынь“...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Юрьева.

Въ 25 в. отъ Юрьева, около станціи Эльва, балтійской-псково-рижской линіи — живутъ дачники.

Дачное мѣсто Эльва возникло здѣсь лѣтъ 14—15 тому назадъ, а въ настоящее время здѣсь имѣется уже до четырехсотъ дачъ и домовъ. Здѣсь имѣется гостиница для пріѣзжихъ, нѣсколько пансіоновъ, колониальная, мануфактурная и др. торговля заведенія. Большинство дачниковъ юрьевцы, но есть много пріѣзжихъ изъ Петербурга и др. мѣстъ. Живописное мѣсто, изобилующее нѣсколькими небольшими озерами, оврагами, поросшими смѣшанною породою деревьевъ, и рѣчка, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣются небольшіе водопады, а также превосходный воздухъ отъ хвойныхъ деревьевъ дали этому дачному мѣсту быстро разрастись и принять

прекрасный видъ. Вода въ здѣшнихъ озерахъ удивительно прозрачна, и дно озера можно видѣть на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ. Въ озерахъ дачники купаются. Многие изъ дачниковъ остаются жить здѣсь и зимою, особенно юрьевцы. Въ лѣтнее время въ воскресные и праздничные дни сюда пріѣзжаетъ много гуляющихъ юрьевцевъ, такъ что мѣста въ проходящихъ поѣздахъ иногда недостаетъ. Дачная жизнь здѣсь обходится не дорого. Такъ, напр.: мясо воловье фунтъ продается по 10—11 коп., масло коровье по 18—22 к. ф., яйца десятокъ 12—15 коп., молоко 5 коп. штофъ. Въ пансіонахъ прожить въ мѣсяцъ обходится 15 — 25 рублей. Небольшую дачу можно арендовать за 40—100 рублей на все лѣто.

Здѣсь не даютъ концертовъ знаменитости, да и негдѣ, по правдѣ говоря; здѣсь не играетъ оркестръ, нѣтъ благоустроеннаго парка для гулянья; но для скромнаго въ требованіяхъ лѣтняго обитателя Эльвы все это замѣняется аккуратнымъ посѣщеніемъ дебаркадера желѣзнодорожной станціи при приходѣ пассажирскихъ поѣздовъ. Эльвинскій дачникъ вполне доволенъ этимъ единственнымъ развлеченіемъ. Достаточно приглядѣться къ довольнымъ лицамъ принарядившихся дачницъ, гуляющихъ по дебаркадеру вокзала передъ пассажирскими поѣздами (температура $+35^{\circ}$ по R, и палящіе лучи солнца остаются незамѣченными), достаточно впитать въ себя восхитительный букетъ благозвучнаго разговора, которымъ въ эти минуты услаждаютъ свои сердца дачники, достаточно возрѣть на добродушныя фізіономіи бюргеровъ, чтобы понять, какое наслажденіе приносятъ дачницамъ и дачникамъ эти ежедневныя собранія подъ палящими лучами солнца. Благодаря особымъ условіямъ дачной жизни—безъ кургауза, музыки, парка, не говоря уже

о серьезныхъ эстетическихъ удовольствіяхъ, дачная жизнь въ Эльвѣ сложилась совершенно по особому типу, и пишущій эти строки недоумѣваетъ, какимъ именемъ назвать типъ своеобразной дачной жизни на ст. Эльва: — патріархальнымъ? — но почтенные патріархи гораздо меньше заботились о своихъ туалетахъ, нежели эльвинскія дачницы. Однако, сценки здѣсь происходятъ въ совершенно допотопномъ духѣ. Напримѣръ, на берегу рѣки у мостковъ раздѣвается мужчина; уже почти раздѣтый, онъ чрезвычайно смущенъ видомъ приближающейся къ нему величественной дамы. Дачникъ въ смущеніи отворачивается, но надъ его ухомъ раздается мелодичный голосъ: „Ахъ, будьте такъ добры, мы будемъ купаться, уходите, пожалуйста“.

— Но помилуйте. я самъ ждалъ очереди; къ тому же я уже раздѣтъ, — подождите!

— Ахъ, будьте такъ добры, насъ такъ много.

Мужчина отказывается. Разгнѣванная дама удаляется, громко увѣряя пришедшихъ съ ней собесѣдницъ, что болѣе любезный кавалеръ тотчасъ поспѣшилъ бы одѣться, лишь бы уступить мѣсто восхитительнымъ дамамъ.

Такова Эльва! Для развлеченія дачниковъ въ Эльвѣ высится „Hôtel Elva“, гордость и отрада его содержателя-эстонца, въ отелѣ — ресторанъ съ обтянутыми клеенкой столами, съ пивомъ Стрицкаго и Кунцендорфа, съ засохшими (отъ жары) закусками на буфетѣ, съ грубоватой прислугой и цѣнами первокласснаго ресторана. Здѣсь слухъ посѣтителей услаждаетъ плохенькій граммофонъ, подъ шипѣніе и трескъ котораго пьется пиво. Дальше этого развлеченія дачниковъ на Эльвѣ не идутъ. Но вѣдь и этого достаточно!¹⁾

1) „Р. В.“

Недалеко отъ Юрьева находится Святое озеро съ красивой мѣстностью, извѣстной подъ названіемъ „Дерптской Швейцаріи“. Съ самого начала прошлаго столѣтія Святое оз. было излюбленнымъ мѣстомъ студенческихъ „коммершей“. Со времени проведенія вблизи этого озера — „Дерптской Швейцаріи“ желѣзнодорожнаго пути значеніе Святого озера, какъ конечнаго пункта увеселительныхъ весеннихъ и осеннихъ прогулокъ учащейся молодежи, возросло еще болѣе. Студенческіе коммерши оставили на Святомъ оз. своеобразные памятники. Прежде всего, всѣ скамейки и столы, и даже кора деревьевъ въ паркѣ и на островахъ, испещрены вырѣзанными ножомъ инициалами, хронологическими датами и разнаго рода эмблемами, среди которыхъ преобладаетъ пылающее сердце, пронзенное стрѣлой Амура. Но наиболее интереснымъ и достойнымъ вниманія памятникомъ студенческихъ поѣздокъ въ „Дерптской Швейцаріи“ является *Fremdenbuch* — имѣющаяся въ мызной корчмѣ книга, куда посѣтители записываютъ свои имена.

Помимо именъ случайныхъ туристовъ, страницы этой интересной книги испещрены надписями въ стихахъ и въ прозѣ, карикатурами, большею частью, переписанныхъ артистическимъ почеркомъ, встрѣчаются и оды въ честь вина, любви и красоты, и элегіи по поводу разлуки со Святымъ оз., и юмористическія повѣствованія о юношескихъ походахъ въ „Дерптской Швейцаріи“¹⁾.

¹⁾ „Въ Эстонской Швейцаріи“. М. Н. С. „Ист. Вѣстн.“ 900 № 8.

Воспоминанія юрьевскаго студента.

(Изъ недавняго прошлаго).

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради славнаго труда,
Ради вольности веселой,
Собралися мы сюда!..

Студенческая пѣсня.

Святое мѣсто...
Помню, какъ сквозь сонъ,
Твои коедры, залы, коридоры,
Сыновъ твоихъ заносчивыхъ споры.

Лермонтовъ.

20-го октября 189** года я приѣхалъ въ Юрьевъ и остановился въ гостиницѣ „Dorpat.“

Слѣдующіе два дня были праздники и я воспользовался ими для ознакомленія съ Юрьевомъ.

Юрьевъ, чистый и аккуратный, съ хорошимъ яснымъ освѣщеніемъ, произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. На улицахъ попадались прохожіе, прилично одѣтые. Рабочіе, толпой возвращавшіеся съ фабрики, были въ пиджакахъ и жилетахъ. Женщины — въ темныхъ платьяхъ, въ башмакахъ шли скромно. Улицы были мирныя, безъ суеты и особаго движенія. Вездѣ чувствовалась привычка и любовь къ порядку, къ сдержанности, и даже въ мальчишкахъ-подросткахъ замѣтна была солидность, напускная важность...

24 октября я представилъ свои документы секретарю по студенческимъ дѣламъ и, внесши 6 руб. за матрикуль, сдѣлался студентомъ юридическаго факультета Юрьевскаго ун-та.

И для меня началась студенческая жизнь, совершенно новая жизнь.

Обыкновенно съ юностью мы связываемъ представление о чистыхъ, безкорыстныхъ порывахъ въ область идеала. Пусть эти порывы на взглядъ умудренныхъ жизненнымъ опытомъ скептиковъ будутъ незрѣлы, фантастичны, но наличность ихъ свидѣтельствуется, что въ душѣ юноши есть закваска, которая оставляетъ благотворный слѣдъ на всю дальнѣйшую жизнь. По мѣткому выраженію Никитенки, если мы съ юности не „просолимся“ въ достаточной степени „идеями“, то къ зрѣлому возрасту изъ насъ навѣрно выйдутъ прохвосты. Что-же сказать о юности, которая не „солится“ „идеями“, а пропитывается, „мочится“ пивомъ и виномъ? Увы, когда я учился въ Юрьевскомъ ун-тѣ, большинство юрьевскихъ студентовъ было чуждо „идей“, — они только пили и пили; особенно этимъ отличались корпоранты.

Многіе студенты кутили, сорили деньгами направо и налево. Въ квартирахъ ихъ можно было найти въ большомъ количествѣ галстуки всѣхъ цвѣтовъ и образцовъ, массу парфюмеріи, щипцовъ для завивки волосъ, рисунковъ „откровеннаго содержанія“, массу такого же содержанія книгъ, писемъ и стихотвореній — и ничего, рѣшительно ничего, чтобы указывало на принадлежность этихъ студентовъ къ учащемуся юношеству.

Студенты — и ничего студенческаго!

Они всегда фланировали по главной юрьевской — Рыцарской ул. Они затянуты были въ „рюмочку“, „а la гусарь“, грудь у нихъ была на выкатъ, на рукахъ

бѣлыя перчатки, одной рукой придерживали шпагу, другой — по военному „козыряли“ знакомымъ.

Гуляли эти молодые представители науки, галантные шелопаи, довольно много и довольно часто, насчетъ науки у нихъ были самыя смутныя понятія, но зато они прекрасно понимали толкъ въ собакахъ, отлично освѣдомлены были о „родословной“ извѣстныхъ дамъ, знали и въ какомъ ресторанѣ подавали лучшія кушанья и вина. Они по цѣлымъ днямъ у билліардовъ, съ растегнутыми и выпачканными мѣломъ мундирами, „рѣзались“ въ пирамиду или „дулись“ въ карамболи; срѣзанный „желтый“ или „дуплетъ“ въ середину — являлись предметами горячаго спора. Часто въ одинъ вечеръ они пропивали годичное содержаніе нѣсколькихъ студентовъ.

Частыя ссоры, даже драки, сальные разговоры и соблазнительные рассказы характеризовали этихъ студентовъ — будущую интеллигенцію. . .

Юрьевскіе студенты — прожигатели жизни, студенты — пустозвоны, увлекали еще бѣдняковъ-студентовъ, для которыхъ, быть можетъ, университетъ былъ лелѣянною мечтою, ради котораго родители отказывали себѣ въ лишнемъ кускѣ, а вырванные у себя крохи отсылали сыну.

Тутъ-же, въ Юрьевѣ, у иного, вмѣсто взноса за лекціи, покупки руководствъ и книгъ, денежки переходили въ буфетную выручку.

Студенты кутили, главнымъ образомъ, въ ресторанѣ „Америка“, въ пивной Буша и въ гостиницѣ Кудрявцева. Кто изъ студентовъ не зналъ Кудрявцева? Нѣкоторые ректора университета не знали, но — Кудрявцева всѣ знали. Многіе большую часть дня проводили у Кудрявцева.

Многіе студенты въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ теряли все: прежде всего время, здоровье, способности, и отчасти даже врожденное чувство вѣжливости.

Они сходились съ такими изъ коллегъ, у которыхъ въ головѣ былъ не трудъ, а прожиганіе жизни. Повѣсы и фанфароны, они вліяли на молодыхъ студентовъ. Масса новыхъ, бьющихъ по нервамъ впечатлѣній, кутежи, возбуждающіе до чрезвычайности нервы и опьяняющіе разсудокъ, — все это охватывало молодыхъ студентовъ и уносило ихъ въ бездну, какъ рѣчной водоворотъ увлекаетъ на дно вѣтки и листья, попавшіе въ теченіе. Юноши начинали веселиться такъ какъ часто не обладали стойкимъ характеромъ, то не могли удерживаться въ извѣстныхъ границахъ, а напротивъ, такая жизнь приходилась имъ чрезвычайно по вкусу и становилась „второй натурой“. Такіе студенты бросали лекціи, влѣзали въ долги и пьянствовали. Непомѣрнымъ употребленіемъ спиртуозныхъ напитковъ они убивали въ себѣ всѣ лучшія стороны характера. У нихъ не было другихъ желаній, кромѣ кутежа во что бы то ни стало и на какія бы то ни было средства. Серьезныя мысли для нихъ составляли мученіе, общество мыслящихъ людей имъ было противно, они искали только веселой компаніи для пьянства или картъ. Бывали свѣтлые моменты, когда они думали побороть себя, но это продолжалось недолго, затѣмъ они снова возвращались къ прежнему образу жизни . . .

Были въ Юрьевѣ студенты и иного направленія.

Вотъ, напр., студентъ-медикъ Л.

Онъ слылъ еще въ дѣтствѣ и въ гимназіи за хорошаго товарища и при всемъ томъ гадилъ ближнему, иногда безъ всякой причины. Въ его лицѣ было что-то открытое, прямое, удалое. Онъ скоро знакомился, и не

успѣшь бывало оглянуться, какъ уже говорилъ вамъ „ты.“ Онъ любилъ много говорить. О чемъ бы разговоръ ни былъ, Л., подобно гоголевскому Чичикову, всегда умѣлъ поддержать его: шла-ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили-ли о собакахъ — и здѣсь онъ сообщалъ свои замѣчанія. Но тогда какъ Чичиковъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя, говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ, Л. своимъ громкимъ голосомъ старался перекричать всѣхъ. Обыкновенно, онъ говорилъ сидя, развалиясь на стулѣ.

Дома Л. не могъ сидѣть, чуткій носъ его слышалъ, гдѣ можно выпить или закусить, онъ уже въ одно мгновеніе ока былъ тамъ, спорилъ и усаживался за зеленый столъ.

Л. сильно эксплуатировалъ товарищей: обѣдалъ у нихъ, пилъ чай, курилъ ихъ табакъ, носилъ ихъ бѣлье, и когда ему нужны были деньги, то онъ игралъ съ ними въ карты, и, благодаря шуллерскимъ приемамъ, обыгривалъ ихъ. Студенты, имѣвшіе пристрастіе къ выпивкѣ, любили Л-а за его веселый характеръ. Онъ говорилъ много и съ нимъ было весело и въ пьяной компаніи онъ былъ незамѣнимымъ товарищемъ.

Л. участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и на студенческихъ сходкахъ больше всѣхъ говорилъ, но его слова оставались словами. Онъ былъ эгоистъ, не призававши на дѣлѣ общаго блага, хотя онъ постоянно, гдѣ только можно, говорилъ объ „общемъ благѣ,“ которое всегда и вездѣ сводилъ къ насыщенію собственной утробы.

На 4-мъ курсѣ Л. назначенъ былъ помощникомъ ассистента клиники. Онъ часто являлся въ клинику, но только за тѣмъ, чтобы лучше здѣсь поѣсть и попить.

Онъ сразу уничтожалъ нѣсколько лучшихъ порцій, предназначенныхъ для больныхъ, а послѣдніе принуждены бывали довольствоваться жалкими остатками. Л. хвалился, что онъ — правая рука директора клиники и что послѣдній безъ него не можетъ поставить ни одного діагноза.

Л. на своей квартирѣ устраивалъ свиданія съ служанками. На квартирѣ Л-а происходило то, что составляетъ содержаніе романа, но что не можетъ быть описано ни въ какомъ романѣ. Романъ безъ любовныхъ объясненій, безъ трепетныхъ рукопожатій, подавленныхъ вздоховъ, конечно безъ луны, ибо дѣйствіе развивалось среди бѣлаго дня, подъ прикрытіемъ сумрачнаго неба. Здѣсь были не у мѣста ни фетовскіе стихи, ни тургеневская поэзія въ прозѣ, а прямо былъ нуженъ полицейскій протоколъ и прибытіе судебного слѣдователя въ вицмундирѣ. Здѣсь были не любовный восторгъ, не радости обладанія любимымъ человѣкомъ, а крики, слезы и даже ругательства, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ: подлецъ!.. Женщина уходила съ этого свиданія убитая, рыдающая, готовая на самоубійство, оскорбленная и если только она способна была въ эти минуты думать, то съ ужасомъ понимавшая, что герой ея романа тоже рожденъ женщиной, а не поршивой уличной собакой...

А Л-ъ послѣ этого романа ожидалъ послѣдующаго, ковыряя въ зубахъ и размышляя о томъ, куда-бы сегодня пойти, кого-бы обыграть въ карты... Происшедшее не оставляло въ немъ ни удовольствія, ни раскаянія, ни горечи. Точно ничего и не было, а проглотилъ онъ устрицу и сытъ.

Л. окончилъ курсъ въ ун-тѣ и онъ всѣмъ говорилъ, что онъ окончилъ съ отличіемъ и что его

хотѣли оставить при университетѣ, но онъ самъ не пожелалъ.

Въ то время, когда одни студенты кутили, сорили деньгами направо и налево, играли въ карты, угощали дѣвицъ, другіе — товарищи ихъ — бѣдняки, не разгибая спины, работали въ университетскихъ лабораторіяхъ и клиникахъ, бѣгали по урокамъ. Многіе студенты голодали, боролись за существованіе и въ то же время занимались наукой, интересовались вѣчными вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ человѣчество призвано думать. Эти студенты состояли членами студенческихъ обществъ.

При мнѣ заслуживали вниманія слѣд. студенч. общества: *Общество русскихъ студентовъ университета, Concordia, Collegium* и *Societas**). Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю первое общество, членомъ котораго я сдѣлался въ 1895 г.

Въ мое пребываніе въ Юрьевѣ членами Общества состояли слѣд. студенты: Я. Л. Гинзбургъ (съ 1888 г.), А. Г. Легеръ, П. І. Гомзяковъ, Е. С. Моложавый, С. Ѳ. Баторевичъ, Вартаньянецъ, М. Н. Берманъ, И. М. Фишеровичъ, Гольденбергъ, К. Р. Вейсъ, Ст. Монтвилло, Н. И. Пановъ, Г. И. Поска, В. В. Конге, М. П. Соколовъ,

*) 12 дек. 1902 г. исполнилось сто лѣтъ со времени открытія Юрьев. ун-та. Русская печать отнеслась къ юбилею оч. сочувственно. Нѣкоторые изъ „толстыхъ“ журналовъ: „Русская Мысль“ („Столѣтіе Дерптско-Юрьевс. ун-та.“ *Кречетова*, 903 г. 3), „Русскій Вѣстн.“ („По поводу столѣтняго юбилея Юрьев. ун-та.“ *К. А. М.* 903 февр.) и др. посвятили Юрьев. ун-ту большія статьи. Проф. Юрьев. ун-та Е. В. Пѣтуховъ составилъ обширный историческій очеркъ „Имп. Юрьев., бывш. Дерптскій, ун-тъ, за сто лѣтъ его существованія“ (1802—1902). Кромѣ того, былъ изданъ „Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Юрьев. ун-та.“ Во всѣхъ указанныхъ юбилейныхъ произведеніяхъ почти ничего не сказано о симпатичныхъ юрьев. студенческихъ организаціяхъ.

М. Зегеръ, Н. Н. Славскій, Н. А. Макриновъ, И. В. Лихачевъ, К. А. Поповъ, Е. А. Розовъ, С. Г. Алексѣевъ, С. Е. Константиновъ, А. А. Ступинъ, Н. Н. Гораинъ, С. И. Москалевичъ, А. А. Александровъ, И. Широкого-ровъ, Сенюткинъ, Н. В. Успенскій, К. И. Покровскій-Водоватовскій, В. А. Москвинъ, Б. И. Александровскій, Захаровъ, В. А. Поповъ, В. А. Добровольскій, В. Десницкій, и мн. др.

Общество русскихъ студентовъ для насъ, студентовъ, лишенныхъ семьи, общества, было желаннымъ отдыхомъ и разумнымъ, бодрящимъ развлеченіемъ, котораго ждали мы, какъ праздника, отъ субботы до субботы. Оно было для насъ нравственнымъ контролемъ надъ нашими собственными поступками, школой критики, школой упражненій въ живой рѣчи и въ благородномъ остроуміи и нивеллировкойъ разнородныхъ, иногда дурно воспитанныхъ характеровъ. Мы незамѣтно проникались жаждой полезной общественной дѣятельности, честнаго служенія, современемъ, лучшимъ интересамъ родной земли. За стаканомъ чая или — въ рѣдкихъ случаяхъ — за стаканомъ пива въ *Обществѣ* дебатировались вопросы студенческой и общественной жизни, спорили о марксизмѣ и народничествѣ, молодыя сердца горѣли общимъ желаніемъ послужить темному, обиженному судьбой мужику.

Въ *Обществѣ* читались рефераты по разнымъ вопросамъ науки и жизни.

Въ помѣщеніи обще-студенческой столовой происходили безконечные споры *марксистовъ* и *народниковъ*. Многіе студенты до крайности увлекались марксизмомъ или народничествомъ, и, кромѣ *Маркса*, *Туганъ-Барановскаго*, *Н.-она*, *П. Струве*, *Бельтова* и т. п., ничѣмъ другимъ не интересовались. У нихъ настольными книгами были: „Критическія замѣчанія къ вопросу объ экономи-

ческомъ развитіи Россіи“ П. Струве, „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ Бельтова, „Капиталь“ Маркса, и т. п.

Въ томъ же помѣщеніи студ. столовой спорадически по мѣрѣ необходимости функционировало такъ называемое „общестуденческое собраніе.“ Оно судило студентовъ за проступки противъ чести и порядочности и рѣшало разныя студенческія дѣла и вопросы, волновавшіе студенческіе умы. Предсѣдатели на этихъ собраніяхъ бывали настоящими мучениками. Имъ приходилось употреблять много усилій, чтобы хоть сколько-нибудь умиротворить недисциплинированныхъ ораторовъ.

18 октября 1895 г. происходилъ судъ надъ студентомъ-ветеринаромъ К., который оскорбилъ чѣмъ-то свою хозяйку. Лучшіе ораторы: Гортановъ, Маліонтовичъ, Розенкамфъ, Кальсонмахеръ и Гинзбургъ говорили, что поступокъ К. позоритъ честь студенчества и настаивали на исключеніи К. изъ института. Студ. Ф. Фальковскій (нынѣ беллетристъ и драматургъ) доказывалъ, что самый судъ уже есть наказаніе и, поэтому, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо другомъ наказаніи. Гортановъ возражалъ Ф-кому, что собраніе или судъ — не наказаніе: бывали случаи, что судъ дѣлалъ человека идоломъ толпы. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ преній, студенты порѣшили: сдѣлать К. выговоръ.

Студенты-кутилы, въ подражаніе корпораціямъ основали общество — „Бѣлые слоны,“ девизомъ котораго поставили: пить и веселиться. Новое общество ознаменовало себя массою скандальныхъ исторій. Что продѣлывали „бѣлые слоны“ — невозможно описать. Наконецъ, продѣлки ихъ достигли такихъ размѣровъ, что студенты рѣшили судить наиболѣе прославившагося скандалами студента-ветеринара С. Судъ былъ назначенъ

на 22 октября 1896 г., но „обвиняемый“ не явился. Студенты вновь собрались 28 октября. На этот разъ явились всѣ „бѣлые слоны“ и всѣ вообще юрьевскіе студенты-пьяницы. Маленькая зала кухмистерской была набита народомъ буквально до потолка. Многіе, не имѣя мѣста не только сидѣть, но и стоять, громоздились на столахъ и скамейкахъ. Настроеніе собранія было весьма возбужденное.

„Бѣлые слоны“ вели себя крайне неприлично. Послѣ выбора предсѣдателя они замѣтили, что большинство настроено противъ нихъ, и, поэтому, поспѣшили демонстративно, съ крикомъ и пѣснями, оставить собраніе. Въ залѣ стало просторнѣе и нравственная атмосфера очистилась. Одинъ изъ лучшихъ студентовъ-ораторовъ произнесъ блестящую рѣчь, начавъ ее словами:

„И будетъ день —

И погибнетъ священная Троя...“

Другіе ораторы также блестяще говорили и „громили“ „бѣлыхъ слоновъ.“ Студенты постановили: просить начальство объ увольненіи всѣхъ „бѣлыхъ слоновъ.“ Мы разошлись по квартирамъ въ необыкновенно счастливомъ настроеніи.

Положеніе русскихъ студентовъ въ Юрьевѣ было незавидное. Русскимъ студентамъ не доставало прежде всего семьи, семейной обстановки. Большинство пріѣзжали издалека, оторванные отъ семьи, и сейчасъ-же попадали въ положеніе бобылей. Въ молодомъ организмѣ потребности ярки, нетерпѣливы. Не находя себѣ здоровой пищи, студенты кидались на скверный, нездоровый суррогатъ, они не выносили голода.

Кромѣ того, юрьевскіе студенты были лишены благотворнаго смягчающаго вліянія искусства. Самое живое, рельефное, яркое, наиболѣе непосредственно дѣйстви-

ющее на душу искусство — театр — былъ для студен- товъ недоступенъ. Въ Юрьевѣ не было театра посто- яннаго. Во время прїѣзда гастролеровъ по своимъ средствамъ студенты могли оплачивать очень дешевыя мѣста, а эти мѣста всегда брались съ боя.

Въ теченіе года въ Юрьевѣ устраивалось нѣсколько студенческихъ вечеровъ. Эти вечера давали почти един- ственную возможность заброшенному въ Юрьевѣ русскому студенту познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, про- вести нѣсколько часовъ „въ людяхъ,“ позабыть хоть на короткое время свои будничныя занятія и заботы и от- влечься отъ тяжелаго одиночества скромной студенческой квартирки. Программа этихъ вечеровъ составлялась по обыкновенному шаблону: хоръ, соло для пѣнія, скрипка, декламація; опять хоръ и т. д. и въ заключеніе — танцы. Въ этихъ вечерахъ (въ мое время) видное уча- стіе принимали: г-жа Филиппова, А. П. Махотина, г-жа Кондакова, проф. Срезневскій, А. Г. Легеръ, І. І. Зми- градскій, г. Горбенко, и мн. др.

Весною студенты любили кататься на лодкахъ по Эмбаху.

Наступалъ чудный весенній вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ на берегу рѣки, мягкихъ и колоритныхъ, ко- торые навѣваютъ спокойствіе и счастье. Ни малѣйшее дуновеніе не шевелило вѣтвей, ни малѣйшая рябь не пробѣгала по свѣтлой поверхности рѣки.

Мы плывемъ на лодкѣ по Эмбаху.

Благоуханной прохладой дышитъ майская ночь; въ природѣ тихо; лишь отрывисто и звонко отдается друж- ное плесканье весель; лодка покачивается, скрипитъ и медленно плыветъ впередъ, оставляя за собой дробящійся слѣдъ. Мы споримъ или поемъ.

Подъѣзжаемъ къ Квистенталю. Поэтическій уголокъ тонетъ въ пурпурныхъ лучахъ заходящаго солнца, догорающаго между темными вѣтвями деревьевъ.

Вотъ свѣжій, сильный баритонъ-студентъ запѣлъ. . . Онъ запѣлъ, конечно, о любви, о счастьѣ. . . О чемъ-же еще можно пѣть въ такой дивный вечеръ?!

Какіе безконечные планы будущаго, сколько золотыхъ грезъ, сколько клятвъ и обѣщаній, сколько счастливыхъ часовъ проведено здѣсь! . . .

Блѣдныя звѣзды высыпали на безоблачномъ небѣ. Золотой серпъ мѣсяца выплывалъ изъ-за деревьевъ. Чѣмъ-то торжественнымъ вѣяло отъ наступавшей ночи, чѣмъ-то говорившимъ о спокойствіи неземномъ, о блаженствѣ болѣе высокомъ, чѣмъ то, какое доступно жизни человека. . .

Мы возвращались обратно въ Юрьевъ. И опять споры, шутки или могучее, далекое, разносящееся по рѣкѣ: „Внизъ по матушкѣ Волгѣ. . .“ И точно въ отвѣтъ оттуда, гдѣ точкой мелькаетъ плывущая навстрѣчу лодка, слышится намъ бодрый и веселый мотивъ студенческаго гимна:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus . . .

Я изрѣдка посѣщалъ садъ ремесленнаго общества (Handwerker-Verein). Въ этотъ садъ можно попасть только по рекомендаціи членовъ общества. Въ обществѣ зимою устраиваются разнообразныя вечера, читаются публичныя популярныя лекціи и т. п. Лѣтомъ въ саду бывають ежедневно гулянья, а въ театрѣ сада играетъ оперная труппа. Къ услугамъ гуляющихъ предоставлены кегельбанъ, масса разнообразныхъ качель, гигантскихъ шаговъ и т. п. Въ саду торжественно встрѣчаютъ 1-ое мая. Какъ только пробьетъ 12 ч. ночи, вся присутству-

ющая публика начинается пѣть: „Der Mai ist gekommen...“ Эта пѣсня повторяется нѣсколько разъ, затѣмъ поются др. нѣмецкія пѣсни.

Зимою студенты катались на конькахъ въ университетскомъ ботаническомъ саду.

Кстати о ботанич. садѣ. Этотъ садъ представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ ботаническихъ садовъ не только русскихъ, но даже и иностранныхъ университетовъ. Созданный знаменитымъ ботаникомъ-систематикомъ проф. Ледебуромъ, руководимый почти въ теченіе цѣлаго столѣтія такими извѣстными европейскими учеными, каковы были проф. Ледебуръ, Бунге, Виллькоммъ и Руссовъ, воспитавшій въ стѣнахъ своихъ академиковъ Шмидта и Максимовича, ботаниковъ Винклера и Клинге, ботаническій садъ Юрьев. ун-та, благодаря замѣчательнымъ климатическимъ условіямъ, хранитъ и культивируетъ богатѣйшую коллекцію различныхъ травъ и заключаетъ въ себѣ цѣннѣйшую коллекцію растений тропическихъ, жаркихъ и умѣренныхъ странъ*).

Я окончилъ курсъ въ университетѣ.

Предъ отъѣздомъ, ночью, я пошелъ на Домбергъ. Тихо, спокойно спалъ старый паркъ, весь залитый прозрачно-бѣлымъ свѣтомъ восходящей луны. Все спало подъ обаяніемъ чудной, величаво-спокойной ночи, и фантастическими тѣнями казались густые кусты, окружающіе старинное зданіе бібліотеки. Далеко тонули въ синевѣ темнаго неба макушки старыхъ липъ и ихъ гибкія вѣтви слегка вздрагивали въ полузабытьѣ. . .

*) См. ст. проф. Кузнецова въ „Уч. Зап. Юр. ун-та“ 97 г. № 2 и „Der Botanische Garten der Kaiserlichen Universität Dorpat,“ von Dr. M. Willkomm, 1875.

И мнѣ вспомнилось прошлое... Вспомнились поэзія, любовь, пѣсни... Май... Чудная ночь... Насъ четыре студента, изъ которыхъ одинъ любить, какъ могутъ любить въ 18 лѣтъ... Мы поемъ:

Мы здѣсь поемъ въ тиши весенней ночи,
И, пробудясь отъ шума голосовъ,
Сомкнешь ты вновь мечтательныя очи
И не поймешь ты пѣсни бурсаковъ.
Но, можетъ быть, услышавъ серенаду,
Невольно ты хоть что-нибудь поймешь
И, можетъ быть, почнымъ пѣвцамъ въ награду
Ихъ имена въ просонкахъ назовешь.

И звуки нашего пѣнія неслись по Юрьеву далеко-далеко...

Я думалъ: неужели моя юность улетѣла? Неужели прошедшее исчезло безъ слѣда, какъ звѣзда, упавшая въ мракъ ночной? Въ моей душѣ поднималась тоска, щемившая болью. И когда я услыхалъ бой ратушныхъ часовъ, — они прозвучали похороннымъ звономъ моей молодости...

Я прошелся по Рыцарской, Ново-Рыночной, Петербургской и Ревельской ул. Съ этими улицами у меня было связано много воспоминаній...

На другой день я покинулъ Юрьевъ навсегда...

Оглавленіе.

	Стр.
Городъ студентовъ	3
Воспоминанія юрьевскаго студента	351

Поправки:

Стран. Строка. Напечатано:		Слѣдуетъ читать:	
10	7 сверху		Послѣ 7 строки слѣд. читать „К Мартенсъ. Воспоминанія одного изъ первыхъ студентовъ Дерп-го ун-та. „Р. Стар.“ 902 г. № 1“.
16	8 снизу	1474 г.	1472. г.
33	6 „	Гербъ	„Гербъ
„	13 „	корона	корона“. (Примѣч.: „Словарь Плюшара“).
34	8 „	и первоначально состоялъ...	и состоитъ подъ наблюдениемъ думы Юрьевского город. обществен. управления и обѣихъ городскихъ гильдій.
127	20 „	скромнымъ	скромнымъ.
172	15 „	1896 г.	1897 г.
208	5 сверху	студендовъ	студентовъ
215	11 „	козаковъ	казаковъ.
237	13 снизу	товорищахъ	товарищахъ.
241			Послѣ 7-й строки слѣдуетъ читать: „Г. И. Поска — авторъ реферата: „Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ волостныхъ судахъ Приб. губ.“ („Ж. М. Ю.“ 902 г. № 4) и мн. др. статей
265	7 снизу	asternush	aeternum
268	9 сверху	послѣдній	послѣдній
288	5 „	фопари	фонари
289	9 „	застоль	за столъ
301	7 снизу	черту	чорту
314	11 „	zeit	Zeit
315	2 „	Америнѣ	Америкѣ
333	5 сверху	Авравійской	Аравійской
348	15 „	Здѣсь	Здѣсь
„	4 снизу	нслажденіе	наслажденіе.
349	10 „	выситься	высится

2002-1/2

Новыя книги.

Изданія П. Александрова.

Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ, ихъ жизнь и произведенія. Ц. 25 к. безъ пер. и 35 к. съ пер.

Продается во всѣхъ кн. магазинахъ Н. П. Карбасникова, М. В. Попова (Спб. Невскій, 66), Шемаева (г. Орель), Кашкина (г. Орель) и въ др. гл. кн. магазинахъ.

Орель. Матеріалы для описанія Орлов. губ. Ц. 1 р. безъ пер., 1 р. 20 к. съ пер.

Продается въ г. Орлѣ — въ книжн. магазинахъ В. Д. Кашкина, Шемаева и во всѣхъ извѣстныхъ столичныхъ книжн. магазинахъ.

Цѣна 1 р. 25 к. безъ перее.

ГПБ Русский фонд.

38.42.7.29